

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Институт стран Азии и Африки (ИСАА)

На правах рукописи

Каимова Анна Сергеевна

**История формирования и эволюции «тайваньской идентичности» в послевоенный
период (1945-2008)**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории Китая
Института стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова

А.Н. Карнеев

Москва – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ И ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ИЗУЧЕНИИ ТЕМЫ «ТАЙВАНЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ».....	15
1.1 Источники.....	15
1.2 Исследования.....	24
1.2.1 Теоретические работы по проблемам идентичности, этничности, нации и национализма.....	24
1.2.2 Российская историография.....	30
1.2.3 Западные (англоязычные) исследования.....	36
1.2.4 Работы исследователей из КНР.....	43
1.2.5 Тайваньская историография.....	47
ГЛАВА 2. ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «ТАЙВАНЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ».....	59
2.1 Понятия «нации» и «национальной идентичности» в общих трудах по национализму.....	59
2.2 Терминологические особенности понятия «тайваньской идентичности»: тайваньская «национальная» или «государственная» идентичность?.....	69
2.3 Дискуссия о времени формирования «тайваньской идентичности».....	77
2.4 Межэтнические отношения на острове и формирование «тайваньской идентичности».....	85
Выводы к Главе 2.....	97
ГЛАВА 3. ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ ИДЕИ «ТАЙВАНЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ».....	99
3.1 Политика насаждения «китайской идентичности» после 1949 г. как один из факторов укрепления «тайваньского самосознания».....	99
3.2 «Тайваньская идентичность» и Движение за независимость Тайваня.....	108
3.3 «Тайваньская культурная идентичность»: культура Тайваня в противопоставлении культуре Китая.....	115
3.4 История Тайваня как одна из составляющих «тайваньской идентичности». «Инцидент 28 февраля 1947 г.» и «правосудие переходного периода».....	125
3.5 Концепции «общности единой судьбы» тайваньцев в трудах общественных деятелей острова.....	131

Выводы к Главе 3	140
ГЛАВА 4. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «ТАЙВАНЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ» НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	142
4.1 «Тайваньская идентичность» как продукт политической программы ДПП.....	142
4.2 Социологические опросы как главный источник определения современной идентичности населения Тайваня.....	151
4.3 «Тайваньская идентичность» и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива.....	156
Выводы к Главе 4	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	169
БИБЛИОГРАФИЯ.....	176
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	206
Приложение 1	206
Приложение 2	207
Приложение 3	208

ВВЕДЕНИЕ

Драматические события конца 1980 – начала 1990-х гг. и распад социалистического лагеря в конце прошлого столетия явились для многих знаком «конца истории». Казалось, что с окончанием биполярной эпохи, когда межгосударственное противостояние было в значительной степени связано с идеологическими факторами, источник для глобальных войн иссяк. Однако этого не произошло. В современном мире мы вновь видим многообразие конфликтов и разного рода противостояний, пришедших на смену «холодной войне», среди которых наиболее ожесточенными являются этно-конфессиональные.

Сегодня проблема поиска собственной идентичности становится одной из важнейших. Единство мнения жителей того или иного государства при ответе на вопрос «Кто мы?» имеет крайне важное значение для таких полиэтнических держав, как Россия, ЮАР, Индия и др. Конфликты на национальной почве вспыхивают на обширных территориях постсоветского пространства, одним из ярких примеров чему служат события на Украине. В то же время в целом ряде стран (Турция, Испания, Великобритания и др.) отдельные этнические группы претендуют на создание самостоятельных субъектов международных отношений.

При этом само понятие «идентичности» (или, как в нашем случае, «национальной идентичности») является крайне неоднозначным. Большинство специалистов сходятся во мнении, что данное явление не является некоей данностью и подвержено изменениям. Тем не менее ученые много лет спорят, что важнее в процессе формирования идентичности: объективные тенденции, связанные с развитием экономики, общества и культуры, или действия политических субъектов. Некоторые и вовсе отказывают в праве на существование самой категории «идентичности», признавая лишь наличие изменчивых в зависимости от ситуации «идентификаций».

В изучении проблем национальной идентичности существующий исследовательский дискурс во многом сформирован на практике европейских стран и именно в Европе в наибольшей степени воплощен принцип «одна нация – одно государство». Однако историки уже давно обратили внимание на то, насколько существенным этот вопрос является и для стран Азии.

Тайвань представляет собой один из наиболее интересных материалов для изучения вопросов идентичности, поскольку здесь проблемы этничности и национального самосознания являются ключевым фактором политической борьбы, по своей важности превосходящим все остальные. Кроме того, так называемая проблема «тайваньской идентичности» (или «тайваньского самосознания») имеет прямое отношение к вопросу о международно-правовом статусе этой территории. А это, в свою очередь, способно оказать непосредственное влияние на рост потенциала конфликтности одного из ключевых геополитических узлов Азиатско-

Тихоокеанского региона – «тайваньского вопроса», то есть отношений между двумя берегами Тайваньского пролива.

За последние 25 лет отношения между двумя сторонами Тайваньского пролива прошли путь от напряженной конфронтации к активизации контактов как на официальном, так и на низовом уровне и сегодня находятся, пожалуй, в наилучшем состоянии за всю свою историю. На исторической встрече лидеров материкового Китая и Тайваня, состоявшейся 8 ноября 2015 г. в Сингапуре впервые за последние 65 лет, Председатель КНР Си Цзиньпин, не говоря прямо о будущем объединении, но постоянно подчеркивая родственные связи между «соотечественниками» по обе стороны Тайваньского пролива, призвал их «извлечь урок из развития отношений между двумя берегами Тайваньского пролива» и «взяв на себя ответственность перед нацией», «сделать правильный выбор, который пройдет проверку историей»¹. В ответ на это президент Китайской Республики (КР) Ма Инцзю заявил о необходимости для обеих сторон решать «чувствительные» для каждой из них вопросы, «смотря в глаза реальности» и руководствуясь принципами «мудрости, терпения и искренности». По мнению Ма, отношения между двумя берегами Тайваньского пролива должны строиться на основе «мира» и «сотрудничества»².

Главе тайваньской администрации вне зависимости от его/ее партийной принадлежности в любом вопросе, и тем более в том, что касается отношений с материковым Китаем, наряду с другими факторами необходимо учитывать общественное мнение населения Тайваня, одной из важных составляющих которого и является вопрос о «тайваньской идентичности». Чаще всего это понятие подразумевает идентификацию жителями острова себя в качестве «тайваньцев», а не «китайцев» и ограничение ими территории своего проживания рамками самого Тайваня и ряда мелких островов, находящихся под юрисдикцией Тайбэя. Наличие у значительной части населения острова подобного особого «тайваньского самосознания» воспринимается как одно из препятствий к будущему объединению Тайваня и материкового Китая и поэтому категорически отрицается правительством КНР.

Мнения о развитии «уверенного» и «тайваньского» Тайваня все чаще появляются в международной прессе³. Отмечается, что на протяжении последних двадцати с лишним лет «одной из наиболее значительных трансформаций на Тайване является рост новой национальной идентичности, группирующейся вокруг самого Тайваня и основанной на политическом опыте жите-

¹ Си Ма хуэй: Си Цзиньпин цзянхуа цюаньвэнь (Встреча Си и Ма: полный текст речи Си Цзиньпина) [Электронный ресурс]// BBC (на китайском языке). – 2015. – 07 ноября. – Лондон: BBC, 2015. – Режим доступа: http://www.bbc.com/zhongwen/trad/china/2015/11/151107_xi_ma_meeting_speech, свободный. - Загл. с экрана.

² Си Ма хуэй: Ма Инцзю цзянхуа цюаньвэнь (Встреча Си и Ма: полный текст речи Ма Инцзю) [Электронный ресурс]// BBC (на китайском языке). – 2015. – 07 ноября. – Лондон: BBC, 2015. – Режим доступа: http://www.bbc.com/zhongwen/trad/china/2015/11/151107_ma_ying-jeou_statement, свободный. - Загл. с экрана.

³ Harris, Bryan. Taiwan's Identity is its Greatest Resource [Electronic resource]// Taipei Times. – 2012. - April 08. – Taipei: The Taipei Times, 2012. – Режим доступа: <http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2012/04/08/2003529784/1>, свободный. - Загл. с экрана.

лей острова. Тайваньцы все больше идентифицируют Тайвань как свое государство, в то же время рассматривая черты китайской культуры в качестве своих корней»⁴. Постоянно подчеркивается, что «осознание тайваньской идентичности становится все более очевидным, несмотря на улучшение отношений между двумя сторонами Тайваньского пролива. Большинство жителей острова идентифицируют себя исключительно как тайваньцев, а не как и тайваньцев, и китайцев. Число же тех, кто определяет себя только в качестве китайцев, измеряется единичными цифрами»⁵.

При наличии объективных тенденций «тайванизации» общества КР, особенно начиная с последнего десятилетия прошлого века, нельзя утверждать, что идеи «тайваньской идентичности» разделяются абсолютно всеми жителями острова. В данной связи Тайвань привлекает к себе внимание как уникальный пример «расколотой» идентичности. С одной стороны, этот «раскол» представляет собой существенную почву для политической борьбы на острове, без которой невозможно демократическое развитие любого общества. С другой – преодоление противоречий по вопросу о самоидентификации тайваньского социума могло бы внести большую ясность в позицию граждан КР в том, что касается отношений между островом и КНР.

Формирование идеи «тайваньской идентичности» в современном понимании этого слова, то есть как противопоставление «китайской идентичности», началось после окончания Второй мировой войны в результате передачи острова под суверенитет КР. В последнее десятилетие прошлого века, в годы правления первого президента из числа коренных жителей Тайваня (то есть родившегося на самом острове, а не прибывшего из материкового Китая после 1945 г.) Ли Дэньхуэя, эта идея получила воплощение на государственном уровне. Именно в это время был взят целенаправленный курс на «тайванизацию» (дословно «локализацию», *бэньтухуа* 本土化), а после 2000 г., в связи с победой на президентских выборах кандидата от Демократической Прогрессивной партии (ДПП, *Миньцзиньдан*, 民進黨) Чэнь Шуйбяня, и «декитаизацию» (*цзюйчжунгохуа* 去中國化) общественно-политической жизни острова, главным потребителем которого был созревший к этому времени средний класс КР.

В данной связи представляется важным попытаться проанализировать противоречивый процесс становления «тайваньской идентичности»: был ли он плавным, или в нем фиксируются поступательно-обратные тенденции. Ответ на этот вопрос позволит строить те или иные гипотезы относительно возможного развития «тайваньской идентичности» в обозримом будущем. Как и любое другое историческое явление, формирование «тайваньского самосознания», скорее

⁴ Hsiao, Hsin-Huang Michael. Taiwan Identity and China: 1987-2007 [Electronic resource]// openDemocracy. – 2008. - March 19. – Режим доступа: http://www.opendemocracy.net/article/democracy_power/china_taiwan_identity, свободный. - Загл. с экрана.

⁵ Ching, Frank. Growing Taiwanese identity puts fear in Beijing [Electronic resource]//NewStraitsTimes. – 2012. - June 07. – Режим доступа: <http://www.highbeam.com/doc/1P1-205924661.html>. - Загл. с экрана.

всего, обуславливалось целым комплексом различных факторов, степень важности которых в этом процессе подлежит дальнейшему анализу.

Актуальность темы настоящего исследования определяется важностью проблемы наций, национальных конфликтов и национальной идентичности в современном мире. Ее острота особенно очевидна в контексте глобализации. В современном мире, несмотря на утверждения ультраглобалистов, национальные границы и государственный суверенитет не утрачивают своей роли. Но при этом прогресс в технологиях обуславливает все более интенсивные международные потоки людей, информации и капитала, которые делают вопрос о национальной идентичности еще более сложным и запутанным.

Тайвань является одним из уникальных примеров данного процесса. С одной стороны, остров представляет собой территорию, с которой мало кого в мире можно сравнить с точки зрения открытости процессам глобализации. В то же время по мере его нарастающей экономической интеграции с КНР, начавшейся с 1990-х гг., мы наблюдаем всплеск идей об уникальной «тайваньской идентичности», которая утверждает наличие не только системно-политических, но и культурных и этнических различий между двумя берегами Тайваньского пролива. Параллельно с этим происходило также становление и консолидация тайваньской демократии, что в целом укладывается в рамки описываемой некоторыми политологами теории «третьей волны». В данной связи изучение эволюции представлений о «тайваньской идентичности», а также их репрезентации в политической борьбе на острове демонстрирует особенности функционирования демократии в условиях отдельно взятого азиатского социума.

В то же время в свете по сей день насущной «тайваньской проблемы» вызывает большой интерес степень влияния, которое Тайвань и его политические ценности как неотъемлемая часть идеи «тайваньской идентичности» способны оказать на общественное мнение материкового Китая. Кроме того, остров может послужить наглядным примером для Гонконга, где проблема идентичности в настоящее время также является одной из наиболее обсуждаемых.

Объектом диссертации является историческая эволюция «тайваньской идентичности», то есть комплекс представлений тайваньцев о себе, о своей истории, культуре, политических традициях, менталитете и т.д., взятый в его динамическом развитии.

Предметом исследования служит конкретное содержание понятия «тайваньской идентичности», объективные и субъективные исторические факторы формирования соответствующих представлений, направления их трансформации, а также связанные с этим проблемы, актуальные для тайваньского общества в рассматриваемый исторический период.

Цель работы заключается в том, чтобы путем анализа идеи «тайваньской идентичности» в том виде, в котором она существует в современном тайваньском обществе, реконструировать ее основные исторические истоки и события, влияющие на ее эволюцию.

Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**:

- выявить конкретное содержание понятия «тайваньской идентичности»;
- установить основные исторические факторы, способствующие становлению и эволюции представлений о «тайваньской идентичности», а также объясняющие центральное место соответствующих идей в современной политике Тайваня;
- рассмотреть основные особенности и проблемы тайваньского общества, связанные с процессом формирования и эволюции представлений о «тайваньской идентичности»;
- попытаться оценить эффективность усилий определенных политических сил Тайваня, направленных, с одной стороны, на конструирование «тайваньской идентичности», а с другой – на то, чтобы воспрепятствовать ее развитию.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1945 по 2008 гг., хотя, как и в любом историческом исследовании, обращение к более ранним или, наоборот, более поздним событиям является неизбежным. Подобный выбор хронологических рамок объясняется тем, что системный анализ темы настоящей диссертации возможен лишь при охвате всего, довольно длительного, временного отрезка, начиная с периода пребывания Тайваня под суверенитетом Китайской Республики вплоть до момента возвращения к власти на острове партии Гоминьдан (Национальная партия Китая, ГМД, 國民黨) и завершения правления ДПП, которое считается пиком развития идеи «тайваньской идентичности» и ее репрезентации на официальном уровне. Данный период можно разделить на три: 1) с 1945 г., когда Тайвань после окончания Второй мировой войны перестал быть колонией Японии и перешел под власть Китая в качестве одной из его провинций, до 1970-х гг. – времени начала либерализации общественной жизни острова, вызванной рядом важнейших событий с точки зрения изменения международного положения Тайбэя; 2) с 1970-х гг. по 1988 г. – период постепенной демократизации общественно-политической обстановки на Тайване и расширения полемики относительно путей развития острова и самоидентификации его жителей, прежде всего в среде активизировавшихся тайваньских националистов; 3) с 1988 по 2008 гг. – становление на Тайване многопартийной системы. Первый из указанных периодов можно назвать временем формирования исторических предпосылок возникновения и развития представлений о «тайваньской идентичности». В эти годы данная идея существовала преимущественно за пределами острова, охваченного политикой «китаизации», проводимой Национальным правительством ГМД, главной целью которой было последующее «контрнаступление на материк». Второй и третий периоды являются временем развития и эволюции идеи «тайвань-

ской идентичности» и выхода на политическую арену отдельных функционеров и партий, использующих ее в качестве одной из своих программных установок.

Источниковую базу для написания настоящей работы составил целый ряд разноплановых публикаций, в числе которых официальные документы, сочинения сторонников идеи «тайваньской идентичности» и независимости Тайваня, мемуарная литература, материалы СМИ и др. **Историография** проблемы «тайваньской идентичности» в мировой литературе также в целом довольно обширна. По очевидной причине особенно много исследований опубликовано на Тайване. Достаточно широко эта тема представлена в США, все больше внимания отдельным ее аспектам уделяется в странах Европы. Нельзя не учитывать также работ исследователей из КНР, хотя они в основном отражают официальную позицию пекинских властей. Учитывая новизну данной темы для отечественного китаеведения, а также тот факт, что историография (особенно тайваньская) сама по себе является полем для столкновения различных позиций, данный – довольно большой по объему – раздел, включая описание источников, изложен в рамках Главы 1 настоящего исследования.

Методология и методы исследования определяются спецификой выбранной темы и заключаются в использовании исторического метода, преследующего выявление закономерностей и логики развития тех или иных исторических событий и явлений. Учитывая тесную связь объекта исследования с особенностями политической идеологии режимов по обе стороны Тайваньского пролива, отбор, классификация и анализ имеющихся источников требовали особой тщательности и соблюдения принципа научной объективности. Кроме того, междисциплинарный характер проблемы этнокультурной идентичности обусловил применение методологических наработок таких сфер научного знания, как этнология, социология, политология, культурология и психология.

Формулируя собственное видение проблемы «тайваньской идентичности», в том числе в том, что касается основных факторов, влияющих на формирование соответствующих представлений, мы опираемся на положения конструктивистского подхода к вопросу о сущности этносов и наций и особенностях их формирования, а также роли идентичности представителей той или иной группы в данном процессе. Основными представителями данного направления являются такие западные исследователи, как Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, и др., взгляды которых в отечественной науке находят отклик в работах Тишкова В.А. и др. Важную роль в нашем осмыслении проблем национальной и этнической идентичности сыграли также публикации ряда теоретиков, разделяющих позиции конструктивизма лишь частично, к числу которых относятся Э. Кедури, Э. Смит, К. Калхун, Ю. Хабермас, С. Хантингтон, И. Валлерстайн.

Научная новизна исследования определяется тем, что в диссертации впервые в отечественной историографии с опорой на широкий круг источников и литературы, большая часть

которых ранее была недоступна в России, ставится проблема формирования и эволюции идеи «тайваньской идентичности». До сих пор в отечественной литературе проблемы самоопределения тайваньцев в основном изучались с точки зрения позиций правительства материкового Китая, а также в свете внутривластного противостояния на острове между Гоминьданом и ДПП. В данной работе впервые предпринимается системное исследование такого важного фактора, как этнокультурная идентичность тайваньцев. Тем самым в отечественной тайванистике определено новое проблемное поле.

Теоретическая значимость работы заключается в получении результатов всестороннего анализа проблемы «тайваньской идентичности» и истоков ее формирования, без понимания которых невозможно получение целостного представления об историческом развитии Тайваня в послевоенный период, современной политической ситуации на острове и особенностях отношений между Тайванем и материковым Китаем. Результаты данного исследования могут способствовать формированию более объективных прогностических оценок будущего развития ситуации в Тайваньском проливе.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования результатов настоящего диссертационного исследования работниками государственных структур, частных компаний и общественных организаций, деятельность которых подразумевает контакты как непосредственно с представителями различных коммерческих и общественных структур острова, так и с представителями КНР в сфере дипломатического, экономического, культурного, научного сотрудничества и т.д. Кроме того, положения данной работы могут использоваться исследователями, изучающими этнические конфликты современного мира, особенности существования полиэтнических, а также непризнанных государств, специалистами по всемирной истории и по проблемам развития Азиатско-Тихоокеанского региона. Основные тезисы представленного исследования смогут найти применение в научно-образовательной области при составлении курсов и глав учебной литературы по истории Китая, социально-политическому развитию Тайваня и эволюции отношений между двумя берегами Тайваньского пролива.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Проблема «тайваньской идентичности», безусловно, неразрывно связана с вопросом отношений между двумя берегами Тайваньского пролива. Однако это не означает тождественности между ними. Проблему «тайваньской идентичности» следует понимать как вопрос о национальной, а не государственной идентичности жителей острова. Последнее понятие по смыслу несколько уже первого, которое помимо отнесения индивидом или социальной группы себя к какому-либо государству, может включать и этническую, и культурную идентификацию. Таким образом, под «тайваньской идентичностью» следует понимать представления тайваньцев о себе как о «воображаемом сообществе» (в терминологии Б. Андерсона), ограниченном преде-

лами острова Тайвань и прилегающих к нему более мелких островов, находящихся под юрисдикцией Тайбэя. Кроме того, это сообщество представляет себя как носителя особой, отличной от других – и прежде всего от материкового Китая – культуры.

2. Исторические факторы, повлиявшие на развитие представлений о «тайваньской идентичности», можно разделить на способствовавшие формированию⁶ и эволюции⁷ этой идеи. Подавляющее большинство этих факторов проявили себя после 1945 г. Период японского колониального господства, который часто провозглашается временем становления «тайваньского самосознания», сыграл важную роль с точки зрения появления объективных культурных и ментальных отличий между жителями острова и противоположного берега Тайваньского пролива. Однако значение этого периода для складывания субъективных представлений тайваньцев о себе как об особой общности, отдельной от материкового Китая, несколько преувеличено.

3. Среди факторов, повлиявших на эволюцию идеи «тайваньской идентичности», немало важное значение имеет гоминьдановская политика по насаждению на Тайване «китайской идентичности» после 1945 г. – и особенно после 1949 г. По нашему убеждению, ее нельзя рассматривать лишь как некий контрпродуктивный курс авторитарного правительства. В целом эта политика продемонстрировала свою эффективность как в сфере использования государственного нормативного китайского языка, так и с точки зрения распространения в тайваньском обществе представлений о себе как о носителе традиционной китайской культуры, в отличие от населения материкового Китая, где эта культура разрушается «коммунистическими бандитами». Однако подобные представления сами по себе способствовали консолидации «воображаемого сообщества» жителей острова, отличного от противоположного берега Пролива.

4. Негибкая, бескомпромиссная политика Чэнь Шуйбяня на посту главы администрации Тайваня (2000–2008) по «тайванизации» и «декитаизации» общественно-политической жизни острова наряду с неудачами в других сферах способствовала потере ДПП значительной части своего электората. Однако сокрушительное поражение партии, являющейся главным пропагандистом идеи «тайваньской идентичности» в настоящее время, на президентских и парламентских выборах 2008 г. не означало краха самой этой идеи. Это демонстрируется в частности усилением роли различных аспектов проблемы «тайваньской идентичности» в политической риторике ДПП, находившейся в оппозиции до января 2016 г. (когда председатель ДПП Цай Инвэнь была избрана в качестве нового президента КР, а сама партия, что не менее важно, получила более 50% мест в Законодательном юане (парламенте) КР), в ее борьбе с партией Гоминьдан.

⁶ Сюда можно отнести недовольство населения острова неэффективной и коррупционной политикой гоминьдановского правительства в первые годы после возвращения Тайваня Китайской Республике, «инцидент 28 февраля 1947 г.», а также межэтническое напряжение, вызванное указанными факторами.

⁷ Среди них дипломатический кризис Тайваня в 1970-х гг., «гаосюнский инцидент» 1979 г. и складывание движения «беспартийных» и др.

5. Распространенное среди части тайваньской общественности мнение, согласно которому проблема «тайваньской идентичности» представляет собой лишь предмет пустой политической риторики, не отражающий реальных чаяний населения Тайваня, не соответствует действительности. Тот факт, что проблема национальной идентичности является краеугольным камнем политического противостояния партий на острове, как раз свидетельствует о том, что она обладает значительным потенциалом с точки зрения воздействия на массовое сознание.

6. Одним из наиболее актуальных вопросов сегодняшнего дня является прогнозирование трансформации идентичности тайваньцев в связи с возросшей зависимостью экономики острова от КНР. Действительно, довольно большое количество жителей Тайваня выступают за активизацию торгово-экономических контактов между двумя берегами Тайваньского пролива, будучи довольно дружелюбно настроенными по отношению к гражданам КНР. Однако это вовсе не означает размывания идеи «тайваньской идентичности»: материковый Китай для большинства тайваньцев является местом приложения сил и вложения капитала, средством преодоления экономического кризиса на острове, а не объектом идентификации.

Апробация исследования. Результаты настоящего исследования были использованы при чтении лекций, проведении семинаров и других занятий по истории Китая и Тайваня в Институте стран Азии и Африки и на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Отдельные положения исследования нашли применение в разделе по истории Тайваня для нового учебника по истории стран Азии и Африки в XX в., подготовленного в ИСАА. Основные положения данной диссертационной работы прошли обсуждение на кафедре истории Китая ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, а также были предметом дискуссий в беседах с научными сотрудниками Института истории Тайваня Центрального исследовательского института Китайской Республики (Академии Синика, главного научного учреждения Тайваня). Тезисы данного исследования были представлены на Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2009» (апрель 2009 г.), а также были изложены в докладах автора на ежегодной китаеведческой конференции ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова в секции «Этническое самосознание китайцев и диаспоры Китая» (июнь 2009 г.) и на международной англоязычной конференции «Вторая мастерская молодых ученых» в Европейском центре исследований современного Тайваня при Университете Эберхарда и Карла (*Eberhard Karls Universität Tübingen*) в Тюбингене, Германия (июнь 2013 г.).

Материалы диссертационной работы были опубликованы в научных периодических изданиях и сборниках в виде 7 статей, 4 из которых – в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК. Одна из статей опубликована на английском языке на сайте Европейского центра исследований современного Тайваня при Университете Эберхарда и Карла в Тюбингене, Германия.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка источников и литературы, а также трех приложений.

Во **Введении** диссертации обосновывается выбор темы работы, ее актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются цель, задачи, объект и предмет исследования, освещаются его теоретико-методологические основы и обозначаются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Характеристика источников и основных тенденций в изучении темы “тайваньской идентичности”»** представляет собой историографический обзор источников и литературы по теме диссертации и смежным аспектам, имеющихся в России, на Западе, на Тайване и в КНР.

Во второй главе **«Предпосылки формирования представлений о “тайваньской идентичности”»** приводится анализ основных теоретических работ по проблемам нации и национальной идентичности, составивших методологическую основу данного исследования; рассматриваются терминологические особенности понятия «тайваньской идентичности»; в опоре на имеющиеся у научной общественности мнения формулируется авторская точка зрения по вопросу о времени возникновения идеи «тайваньской идентичности» в ее современном понимании; а также конкретизируются и анализируются факторы, способствовавшие формированию представлений о «тайваньской идентичности».

Третья глава **«Исторические факторы эволюции идеи “тайваньского самосознания”»** посвящена анализу развития представлений о «тайваньской идентичности» после 1949 г. Один из разделов отведен гоминьдановской политике по насаждению на острове «китайского самосознания» как одному из факторов, способствовавших консолидации идеи «тайваньской идентичности». Далее следует обзор истории Движения за независимость Тайваня, среди участников которого эта идея формулировалась первоначально, а также существующих представлений о тайваньской истории и культуре, в том числе концепций так называемой «общности единой судьбы» тайваньцев в трудах общественно-политических деятелей острова.

В четвертой главе **«Особенности развития представлений о “тайваньской идентичности” на современном этапе»** предпринимается попытка дать оценку политике президента Чэнь Шуйбяня, направленной на укрепление «тайваньского самосознания» жителей острова; проанализировать социологические опросы населения как главный метод определения его идентичности; а также рассмотреть проблему «тайваньской идентичности» в свете активизации отношений между двумя берегами Тайваньского пролива.

В **Заключении** формулируются основные выводы диссертационного исследования и предлагается авторский прогноз развития представлений о «тайваньской идентичности» на обозримую перспективу.

Приложение 1 и **Приложение 2** представляют собой графики изменений соответственно «тайваньской»/«китайской идентичности» (1992-06.2015) и позиций населения Тайваня относительно независимости острова или его объединения с материковым Китаем (1994-06.2015). В **Приложении 3** приводится сводная таблица результатов телефонных опросов общественного мнения, проводимых в рамках исследовательского проекта по специальной теме Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня Китайской Республики в 2006 и 2008 гг.

Библиографический список включает 106 наименований источников (из них 93 на иностранных языках) и 249 наименований исследовательских работ по теме диссертации (из них 160 на иностранных языках).

ГЛАВА 1. ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ И ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ИЗУЧЕНИИ ТЕМЫ «ТАЙВАНЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ»

Тайвань как историко-политический субъект в целом довольно хорошо исследован в мировой историографии. Это объясняется его уникальным геополитическим положением, а также богатством как материальными, так и интеллектуальными ресурсами. Кроме того, сам остров обладает довольно высокой публикационной активностью. При этом в силу исторически сложившейся ограниченности отношений между Россией и Тайванем, многие источники и литература недоступны в нашей стране. Это связано также с тем, что, несмотря на наличие в России десятков исследовательских институтов и кафедр, занимающихся Китаем и другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона, центры, которые бы занимались исключительно Тайванем, отсутствуют, в отличие от других стран мира. Именно это побудило нас уделить больше внимания, чем это принято традиционно в диссертационных работах, анализу источников и литературы по исследуемой нами проблеме «тайваньской идентичности».

1.1 Источники

В круг источников, используемых при написании данной диссертационной работы, вошел целый ряд разноплановых публикаций, которые можно разделить на несколько групп.

Первую группу источников составляют различные официальные документы, изданные по обе стороны Тайваньского пролива, которые включают законодательные акты, речи и интервью государственных и партийных лидеров, предвыборные платформы, партийные программы и уставы, а также различные декларации и воззвания, принадлежащие представителям организаций Движения за независимость Тайваня и др.

Другим важным видом источников, анализ которых необходим при исследовании истории и эволюции «тайваньской идентичности» как понятия и явления, можно назвать тексты активистов Движения за независимость Тайваня, которые являются главными проповедниками концепции «тайваньской идентичности». В связи с репрессивной политикой Гоминьдана, характеризовавшейся жестким подавлением идей о независимости Тайваня, в конце 1940 – начале 1980-х гг. Движение существовало в основном за пределами острова, с чем связано наличие данной литературы как на китайском, так и на других языках, прежде всего на японском и английском. После либерализации общественно-политической жизни КР в 1980-х гг. и особенно после снятия серьезных цензурных ограничений в ходе отмены «военного положения» в 1987 г. работы

участников Движения, наряду с трудами «беспартийных»⁸, получили широкое хождение и на самом Тайване. Несмотря на то, что многие из этих публикаций, написанные профессиональными историками, политологами и т.д. и имеющие характер исследовательской литературы, в то же время несут на себе отчетливый отпечаток личных политических воззрений авторов, их ценность для нашей диссертационной работы не уменьшается. Чрезмерную горячность данных трудов можно оправдать особенностями эпохи их появления. В связи с политикой гоминьдановского правительства по насаждению «китайской идентичности» и недопущению любых проявлений «тайваньского самосознания» для многих авторов изучение тем, связанных исключительно с Тайванем, до определенного момента было «запретным плодом», чем и объясняется сильнейший эмоциональный заряд подобных работ после снятия табу на их написание. К числу таких сочинений можно отнести многочисленные статьи, опубликованные на официальном сайте Союза независимости Тайваня и создания государства, а также вошедшие в такие сборники, как *«Самоопределение и идентичность - сборник, посвященный движениям тайваньцев за границей в 1950-1990 гг.»* под редакцией Чжан Яньсяня, Цзэн Цюмэй и Чэнь Чжаохая (2005), *«Теория и история движения за независимость Тайваня»* под редакцией Чжуан Ваньшоу (2002), *«Теория тайваньского государства: историко-культурное сознание и формирование национального сознания»* Чжэн Циньжэня (2009) и др.

Первый из указанных сборников представляет собой уникальный источник по истории и идеологии Движения за независимость Тайваня как за пределами, так и внутри самого острова, который включает не только статьи и воспоминания многих участников Движения, подготовленные непосредственно для публикации данного тома, но и статьи, выходившие на ранних этапах существования Движения, а также официальные документы, имеющие отношение к его деятельности⁹. Ценность второго из упомянутых сборников заключается в том, что в него вошли работы наиболее известных как на Тайване, так и за его пределами сторонников независимости острова и пропагандистов уникальности «тайваньского самосознания», которые также имеют вес и в научных кругах, таких, как бывший председатель Союза независимости Тайваня и создания государства¹⁰ Хуан Чжаотан (1932-2011), многолетний активист этой же организации, профессор Нью-Йоркской школы права Чэнь Лунчжи, профессор Университета Дунхуа (Хуалянь,

⁸ Движение «беспартийных» (данвай юньдун 黨外運動) – общее наименование для тех участников выборов в органы местного самоуправления КР, которые в период «военного положения» выступали в качестве независимых кандидатов, не являясь членами правящего Гоминьдана. Впоследствии эти люди сформировали основной состав оппозиционного движения против режима власти, требуя его демократизации, соблюдения в КР основных прав и свобод человека и т.д., которое в 1986 г. получило официальное оформление в виде вновь образованной ДПП.

⁹ Цзыцзюэ юй жэньтун – 1950-1990 нянь хайвай тайваньжэнь юньдун чжуаньцзи (Самоопределение и идентичность - сборник, посвященный движениям тайваньцев за границей в 1950-1990 гг.)/ под ред. Чжан Яньсяня [и др.]. – Тайбэй: Фонд источников по истории Тайваня им. У Саньяня, 2005. – 638 с.

¹⁰ Подробнее о данной организации см. раздел 3.2 Главы 3 настоящего исследования.

Тайвань) Ши Чжэнфэн и др.¹¹ Наконец, последний из названных трудов представляет собой собрание опубликованных за последние 20 с лишним лет статей видного тайваньского историка, в прошлом председателя Ассоциации профессоров Тайваня¹², Чжэн Циньжэнь¹³.

Многие из статей, опубликованных в указанных выше сборниках, а также не вошедшие в них другие сочинения тайваньских националистов, можно найти на сайтах сторонников Движения за независимость Тайваня, в том числе на странице Союза независимости Тайваня и создания государства, а также на порталах *iFormosa* и *Тайваньго* (Государство Тайвань, 台灣國)¹⁴.

Для сторонников тайваньской независимости на ранних этапах развития соответствующих представлений, как это будет подробнее описано в разделе 3.2 Главы 3 настоящей диссертационной работы, в целом характерно отрицание легитимности власти гоминьдановского правительства на острове и утверждение о необходимости создания здесь независимого государства под названием «Тайваньская республика», поскольку тайваньцы представляют собой сложившуюся нацию, отличную от китайцев. Однако в работах пропагандистов освобождения Тайваня из-под «гнета» КР можно встретить и менее традиционные точки зрения. Одной из таких книг является «*Конечный статус Тайваня*» в трех томах (2008-2009) тайваньского преподавателя и общественного деятеля Линь Чжишэна в соавторстве с Ричардом Хартцеллом (Хэ Жуйюань) – американским журналистом, преподавателем английского языка, исследователем международного статуса Тайваня и тайваньско-американских отношений, постоянно проживающим на острове¹⁵. В работе Линя и Хартцелла приводится целый ряд документов и исторических фактов, призванных доказать, что суверенитет над Тайванем на самом деле принадлежит не КР, а США. Китайское правительство принимало капитуляцию Японии на острове в 1945 г. лишь как представитель главного «завоевателя» и «ведущей оккупационной державы» на Тайване в лице США. По убеждению авторов, над Тайванем должен развеяться американский флаг, а коренные жители острова как «неграждане американской нации» (*US national non-citizens*) должны обладать

¹¹ Тайвань дули дэ лилунь юй лиши (Теория и история движения за независимость Тайваня)/ под ред. Чжуан Ваньшоу. - Тайбэй: Цяньвэй, 2002. – 272 с.

¹² Ассоциация профессоров Тайваня (TAUP, Taiwan Association of University Professors, Тайвань цзяошюу сехуэй 台灣教授協會) основана в 1990 г. с целью «объединения членов академического сообщества, прилагающих усилия к созданию независимого Тайваньского государства, для способствования политической демократии, академической свободе, социальной справедливости, экономическому равноправию, культурному развитию, защите окружающей среды и миру во всем мире». См. Сайт Ассоциации профессоров Тайваня (TAUP, Taiwan Association of University Professors) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://taup.net/>, свободный. – Загл. с экрана.

¹³ Чжэн Циньжэнь. Тайвань гоцзя лунь: лиши вэньхуа иши юй гоминь иши дэ синчэн (Теория тайваньского государства: историко-культурное сознание и формирование национального сознания). – Тайбэй: Цяньвэй, 2009. – 416 с.

¹⁴ Сайт Союза независимости Тайваня и создания государства (Тайвань дули цзяньго лянмэн) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.wufi.org.tw/>, свободный. – Загл. с экрана ; Сайт *iFormosa* [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.taiwannation.org.tw/index.html>, свободный. – Загл. с экрана ; Сайт *Тайваньго* (Государство Тайвань, 台灣國) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.taiwannation.com.tw>, свободный. – Загл. с экрана.

¹⁵ Линь Чжишэн, Хэ Жуйюань. Тайвань цзуй чжун дивэй: 1 (Окончательный статус Тайваня: том 1). – Тайбэй: издано Линь Чжишэном, 2008. – 494 с.

паспортами США. По мнению Линя и Хартцелла только так Тайвань может сохранить свой суверенитет в отрыве от КР и уберечься от притязаний КНР. Теорию авторов *«Конечного статуса Тайваня»* нельзя назвать распространенной в широких кругах тайваньской общественности, но она перекликается с позицией некоторых общественных организаций, например, «Клуба 51», ведущих довольно активную деятельность в виде регулярных обращений к правительству, Конгрессу и гражданам США с требованием признать Тайвань в качестве 51-го штата.

Что касается работ лидеров движения «беспартийных» и ДПП, то здесь нельзя не упомянуть сочинения вице-президента КР в 2000-2008 гг. Люй Сюлянь¹⁶ (*«Тайвань: прошлое и будущее»*, 2003 [1978]) и бывшего председателя ДПП Сюй Синьяна¹⁷ (*«Поднимающаяся нация»*, 1995). Первая из указанных книг, впервые опубликованная на Тайване в 1978 г., является результатом работы автора по сбору источников по истории Тайваня в библиотеке Гарвард-Янцзинского института во время обучения в Гарвардском университете. Данный труд, по словам самой Люй, был написан в эпоху кардинальных перемен в истории Тайваня, связанных с утратой КР места в Совбезе ООН в 1971 г. и грядущим в 1979 г. разрывом дипломатических отношений с США. Книга, главной целью которой было представить читателям Тайвань как самостоятельный субъект истории, а не только как один из регионов Китая, по убеждению ее автора, способствовала «пробуждению тайваньского самосознания в нескольких десятках тысяч людей»¹⁸. Что касается второго сочинения, то его можно описать как попытку создания теории тайваньской нации, представляющей собой общество иммигрантов, в разное время прибывших на остров, и, соответственно, основанной не на кровно-этнических принципах, а на договоре о взаимном сосуществовании на общей территории¹⁹.

Особого внимания в данной связи заслуживают также работы Ли Дэнхуэя (род. 1923), в частности, его автобиографический труд *«Позиция Тайваня»* (1999, перевод на русский язык вышел в Москве в 2000 г.), в котором он изложил не только основные этапы своей жизни, но и политические взгляды относительно будущего развития Тайваня и его отношений с материко-

¹⁶ Люй Сюлянь (род. 1944) – один из лидеров движения «беспартийных», впоследствии член ДПП, в 1979 г. занимала пост Заместителя главы редакции оппозиционного журнала «Мэйлидао» (кит. «Прекрасный остров» 美麗島, английское название журнала – «Formosa»), в декабре 1979 г. после одноименного инцидента (подробнее см. на стр. 85 раздела 2.3 Главы 2) была арестована и приговорена к 12 годам лишения свободы за участие в «насильственном мятеже против действующего режима» (была отпущена через пять с небольшим лет отбывания наказания). Единственная в истории КР женщина - вице-президент.

¹⁷ Сюй Синьян (род. 1941) – один из наиболее известных лидеров движения «беспартийных» и основателей журнала «Мэйлидао». Во время одноименного инцидента находился в США и был зачислен в «черный список» тайваньцев, которым было отказано во въезде на остров. В 1989 г. вернулся на Тайвань, но по обвинению в организации антиправительственного мятежа был приговорен к 10 годам тюремного заключения. В 1990 г. был амнистирован, в 1992-93 и 1996-98 гг. занимал пост председателя ДПП. В 2000 г. в результате фракционной борьбы внутри Миньцзиньдана покинул партию и в том же году в качестве самостоятельного кандидата участвовал в президентских выборах. В 2008 г. вновь вступил в ряды ДПП.

¹⁸ Люй Сюлянь. Тайвань: гоцуй юй вэйлай (Тайвань: прошлое и будущее). – Тайбэй: Чжибэньцзя вэньхуа, 2003. – С. 18.

¹⁹ Сюй Синьян. Синьсин миньцзу (Поднимающаяся нация). – Тайбэй: Юаньлю, 1995. – 429 с.

вым Китаем, а также с главными стратегическими союзниками КР, прежде всего с США и Японией²⁰. Заняв пост президента КР в 1988 г., а в 1996 г. будучи избранным на эту должность в ходе первых в истории Тайваня прямых всеобщих выборов в качестве кандидата от Гоминьдана и определяя ход эволюции этой партии на протяжении последнего десятилетия прошлого века, Ли Дэнхуэй хотя и не имеет отношения к «беспартийным», но все же считается главным архитектором курса на демократизацию и «тайванизацию» общественно-политической жизни острова в 1990-х гг. Ему принадлежит авторство теории «нового тайваньца», которая явилась первой попыткой моделирования и формулирования сверху национальной идентичности населения КР в отрыве от «китайского самосознания»²¹.

Наконец, еще одним сочинением подобного рода, которое нельзя оставить без внимания, является автобиография президента КР в 2000-2008 гг. Чэнь Шуйбяня, - «Сын Тайваня» (2000, издание данной книги в переводе на русский язык появилось в 2001 г.), в которой отбывающий ныне наказание по обвинению в коррупции бывший лидер Тайваня и ДПП описал свою жизнь человека, родившегося в бедной семье и преуспевшего за счет собственного трудолюбия и усердия, как пример для молодых поколений тайваньцев²². Кроме того, так же, как и Ли Дэнхуэй, Чэнь Шуйбянь помимо автобиографических сведений включил в свою работу и собственное видение различных сторон жизни тайваньского общества: его истории, современных и будущих отношений с противоположным берегом Тайваньского пролива и др. Несомненно труд Чэнь Шуйбяня, который наряду с его предшественником на посту президента КР является одним из наиболее активных сторонников распространения «тайваньской идентичности», представляет собой важный источник для изучения данной проблемы. Однако следует отметить, что, если указанная книга Ли Дэнхуэя была написана на закате его президентской карьеры, то работа Чэнь Шуйбяня представляет собой своего рода предвыборную программу кандидата на пост главы КР. Данное различие, на наш взгляд, предполагает и разные подходы при анализе названных трудов.

Близкими по характеру к описанной выше группе источников являются также чрезвычайно многочисленные мемуары сторонников тайваньской независимости и критиков режима ГМД, многие из которых предлагают свое (в большинстве случаев совпадающее в принципиальных вопросах) видение послевоенной истории Тайваня. Среди наиболее примечательных из подобных сочинений можно назвать «Вкус свободы» Пэн Минминя²³, которое впервые было опубли-

²⁰ Ли Дэнхуэй. Позиция Тайваня. - М.: Изд-во МГУ, Институт стран Азии и Африки 2000. - 272 с.

²¹ Подробнее о теории «нового тайваньца» см. раздел 3.5 Главы 3 данного диссертационного исследования.

²² Чэнь Шуйбянь. Сын Тайваня. - М.: ИД «Муравей», 2001. - 270 с.

²³ Пэн Минминь (род. 1923) - один из наиболее известных пропагандистов независимости Тайваня. В 1964 г., будучи профессором политологии Тайваньского национального университета, в соавторстве со своими студентами Се Цунминем и Вэй Тинчао написал «Декларацию движения за спасение тайваньского народа» (*Тайвань жэньминь цзыцзю юньдун сюаньянь* 台灣人民自救運動宣言), в которой звучали заявления о неосуществимости гоминьдановского лозунга «контрнаступления на материк» (*фаньгун далу* 反攻大陸), идея «одного Китая и одного Тайваня», призывы к пересмотру Конституции КР и уважению прав человека и т.д. За написание данного документа был при-

ликовано в США в 1972 г., совместные с супругой (Лу Цяньхуэй) воспоминания Сюй Шикай, Председателя Союза независимости Тайваня и создания государства в 1987-91 гг., а также главы Тайбэйского представительства по вопросам экономики и культуры в Японии в 2004-08 гг. под названием «Тайвань – это государство тайваньцев» (2008)²⁴, мемуары тайваньского филолога, преподавателя английского языка Кэ Цихуа, почти 20 лет своей жизни проведшего в тюрьме в качестве политического заключенного, с характерным заголовком «Остров-тюрьма Тайвань: воспоминания Кэ Цихуа» (2008)²⁵, которые впервые были опубликованы в 1992 г. на японском языке, и т.д.

Важную категорию источников по проблеме национальной и этнической идентичности жителей Тайваня и связанных с ней аспектов представляют результаты социологических опросов, которые проводятся на регулярной (ежегодной или ежемесячной) основе целым рядом официальных и неправительственных организаций, в числе которых Комитет по делам материкового Китая Исполнительного Юаня КР²⁶, Центр исследований выборов Государственного университета Чжэнчжи (Тайбэй, Тайвань)²⁷, Фонд обменов между двумя берегами Тайваньского пролива²⁸, межуниверситетский проект «Исследования выборов и демократизации Тайваня» под эгидой Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня КР²⁹ и др. Результаты исследований некоторых из указанных учреждений, в частности Комитета по делам материкового Китая и Центра исследований выборов, находятся в открытом доступе, данные же других организаций и проектов предоставляются по запросу.

Кроме того, заслуживают внимания и опросы общественного мнения, проводящиеся на разовой основе частными компаниями или в рамках отдельных исследовательских проектов, примерами которых могут служить в первом случае «Опрос общественного мнения на предмет взаимного создания представительств по обе стороны Тайваньского пролива (включая вопрос о

говорен к 8 годам тюремного заключения, однако при помощи зарубежных организаций по борьбе за права человека сумел бежать за границу и обосновался в США, где в 1972 г. занимал должность председателя Союза за независимость Тайваня и образование государства. В 1992 г. вернулся на Тайвань, где участвовал в президентских выборах 1996 г. в качестве кандидата от ДПП. *Peng Ming-min. A Taste of Freedom. Memoirs of a Formosan Independence Leader.* - Upland: Taiwan Publishing Co., 2005. – 270 p.

²⁴ Сюй Шикай, Лу Цяньхуэй. Тайвань ши тайваньжэнь дэ гоцзя (Тайвань – это государство тайваньцев). – Тайбэй: Юйшаньшэ, 2008. – 206 с.

²⁵ Кэ Цихуа. Тайвань цзяньюй дао: Кэ Цихуа дэ хуэйли (Остров-тюрьма Тайвань: воспоминания Кэ Цихуа). – Гаосюн: Ди и чубаньшэ, 2008. – 230 с.

²⁶ Миньи дяоча (Опросы общественного мнения) [Электронный ресурс]// Сайт Комитета по делам материкового Китая Исполнительного Юаня КР. – Режим доступа: <http://www.mac.gov.tw/np.asp?ctNode=6331&mp=1>, свободный. – Загл. с экрана.

²⁷ Сайт Центра исследований выборов Государственного университета Чжэнчжи, Тайбэй [Электронный ресурс]. - <http://esc.nccu.edu.tw>, свободный. – Загл. с экрана. Два графика, представленных на этом сайте и имеющих наибольшую ценность для настоящего исследования, присутствуют в качестве Приложений 1 и 2 к данной диссертационной работе.

²⁸ Сайт Фонда обменов между двумя берегами Тайваньского пролива (Цайтуань фажэнь хайся цзяолю цзицзиньхуэй, Straits Exchange Foundation) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.sef.org.tw/mp.asp?mp=300>, свободный. – Загл. с экрана.

²⁹ Сайт проекта Исследования выборов и демократизации Тайваня (Taiwan's Election and Democratization Study, TEDS) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.tedsnet.org/main.php>, свободный. – Загл. с экрана.

независимости или объединении и о национальной идентичности)» и «Опрос общественного мнения на предмет встречи Ма Инцзю и Си Цзиньпина и национальной идентичности», проведенные соответственно 3-5 июня и 24-28 октября 2013 г. в Центре исследований общественного мнения тайваньской телевещательной компании TVBS³⁰, а во втором – телефонные опросы общественного мнения, проводившиеся в рамках исследовательского проекта «Происхождение и политические последствия «тайваньской идентичности» Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня КР в 2006-09 гг.³¹. На основании результатов этих опросов, крайне интересных и, с нашей точки зрения, иногда противоречивых, можно сделать ряд важных предположений, которые содержатся в разных частях данной диссертационной работы, в связи с чем мы сочли нелишним включение результатов указанных телефонных опросов, переведенных на русский язык, в виде Приложения 3 к настоящему исследованию. При этом следует особо подчеркнуть, что некоторые показатели в опросах, проводимых различными организациями, могут отличаться (пусть и не кардинальным образом) в зависимости от связи этих учреждений с теми или иными политическими силами острова, и поэтому требуют их непрямого сопоставления друг с другом.

Еще одним интересным видом социологического исследования являются беседы в фокус-группах, которые, в частности, в случае указанного выше проекта Государственного комитета по науке, послужили важным дополнением к результатам телефонных опросов общественного мнения и наряду с последними активно использовались автором при написании данной работы. Однако, что примечательно, содержание этих бесед практически не комментируется авторами самого проекта в его аналитической части³².

Помимо указанных выше групп источников, мы также активно использовали целый ряд статей из газет и журналов, включая ведущие тайваньские и материковые издания, на русском,

³⁰ Лянъань хушэ баньшичу миньдяо (хань тунду, гоцзу жэньтун) (Опрос общественного мнения на предмет взаимного создания представительств по обе стороны Тайваньского пролива (включая вопрос о независимости или объединении и о национальной идентичности) [Электронный ресурс]// TVBS Миньши дяоча чжунсинь (Центр исследований общественного мнения компании TVBS). – Режим доступа: http://home.tvbs.com.tw/static/FILE_DB/PCN/201311/20131106112618651.pdf, свободный. - Загл. с экрана ; Ма Си хуэй юй гоцзу жэньтун миньдяо (Опрос общественного мнения на предмет встречи Ма Инцзю и Си Цзиньпина и национальной идентичности) [Электронный ресурс]// TVBS Миньши дяоча чжунсинь (Центр исследований общественного мнения компании TVBS). – Режим доступа: http://home.tvbs.com.tw/static/FILE_DB/PCN/201311/20131106112520608.pdf, свободный. - Загл. с экрана. Центр специализируется на исследованиях общественного мнения на самую разную тематику, в том числе на составлении рейтингов популярности тайваньских политиков, отношения населения к тем или иным действиям, политическим мерам властей острова и т.д.

³¹ Телефонные опросы общественного мнения// Чэнь Лухуэй, Гэн Шу, Чжэн Суфэнь, Ю Цинсинь, Чэнь Чжэнвэй, Чжан Явэнь. Тайвань жэньтун дэ циюань юй чжэньчжи сяого чжи яньцзю: Синчжэньюань гоцзя кэсюэ вэйюаньхуэй чжуаньти яньцзю цзихуа чэнго баогао (Происхождение и политические последствия тайваньской идентичности): доклад о результатах исследовательского проекта по специальной теме Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня). – Тайбэй: Государственный комитет по науке Исполнительного Юаня, 2010. - С. 87-188. [Электронный ресурс]// Сюэшу дяоча яньцзю цзыляоку (База научных исследований и опросов Академии Синика). – Режим доступа: <https://srda.sinica.edu.tw/group/sciitem/3/1134>, свободный. - Загл. с экрана.

³² Записи бесед в фокус-группах// Чэнь Лухуэй, Гэн Шу, Чжэн Суфэнь, Ю Цинсинь, Чэнь Чжэнвэй, Чжан Явэнь. Указ. соч. С. 189-389.

китайском и английском языках, освещающих наиболее актуальные события и явления, происходящие как на острове, так и в КНР, а также в том, что касается развития отношений между двумя берегами Тайваньского пролива. Учитывая крайнюю политизированность темы нашего исследования, при работе с материалами СМИ, так же как и в случае опросов общественного мнения, необходимо иметь в виду политическую и пропартийную направленность того или иного издания (особенно в том, что касается СМИ Тайваня). В частности, газета *Цзыю шибао* (*The Liberty Times*) и журнал *Синь синьвэнь* (*The Journalist*) традиционно считаются отражающими точку зрения «зеленого» лагеря³³, в то время как газеты *Ляньхэбао* (*The United Daily News*) и *Чжунго шибао* (*The China Times*) тяготеют к прогоминьдановской позиции. В настоящее время недовольство жителей Тайваня также вызывают попытки влияния КНР на общественное мнение острова путем скупки акций ведущих тайваньских изданий³⁴.

Наша работа по сбору подобного рода источников в некоторой степени была облегчена наличием статей из средств массовой информации, опубликованных в виде сборников. К подобного рода работам относится сборник «*Национальная идентичность и независимость Тайваня*» (1995) под редакцией упомянутого выше Ши Чжэнфэна, в котором собраны материалы в виде статей и аналитических заметок из тайваньских газет и журналов, излагающих тот или иной взгляд на проблему отношений между Тайванем и КНР, авторами которых являются не только журналисты, но и многие известные исследователи³⁵. Другим таким сборником является книга «*Произойдет ли отделение Тайваня? Подъем тайваньского национализма*» (2001) скандально известного гонконгского журналиста Чэн Сяна, который в 2005-2008 гг. находился в китайской тюрьме по обвинению в шпионаже в пользу КР. Данная работа представляет собой собрание статей автора, написанных им в 1998-2000 гг. в качестве специального корреспондента англо-

³³ Помимо ДПП, в «зеленый» лагерь входит также Союз Солидарности Тайваня (ССТ, *Тайвань туаньцзе лянмэн* 台灣團結聯盟), основанный 24 июля 2001 г. как политическая партия, выступающая за независимость острова, одним из духовных лидеров которой является Ли Дэнхуэй. «Зеленому» лагерю противостоит «синий» лагерь, состоящий из ГМД и партии *Циньминьдан* (Партия сближения с народом, People First Party, 親民黨), образованной в 2000 г. членами правоцентристской фракции Гоминьдана во главе с Сун Чуюем, недовольными отходом ГМД от политической линии объединения с материковым Китаем под флагом КР. В ходе выборов 2016 г. активно проявили себя и новые политические силы, образованные после студенческого «Движения подсолнухов» (подробнее об этом см. примечание 516), наиболее видной из которых является партия *Шидай лилян* (Сила эпохи, New Power Party, 時代力量), получившая 5 мест в Законодательном юане.

³⁴ См., например, Сюэчжэ: Чжунго хэйшоу дая Ганмэй шэньсян Тайвань (Ученые: черная рука Китая, подавляющая гонконгские СМИ, дотянулась до Тайваня)// [Электронный ресурс]// Цзыю шибао (*The Liberty Times*). – 2014. – 24 февраля. – Тайбэй: The Liberty Times, 2014. – Режим доступа: <http://www.libertytimes.com.tw/2014/new/feb/24/today-fo1.htm>, свободный. – Загл. с экрана. В данной связи стоит упомянуть и о гонконгской газете *Пинго жибао* (*Apple Daily*), входящей в медиа-холдинг «Ичуаньмэй», тайваньское отделение которой пользуется широкой популярностью на острове. Резонанс вокруг данного издания, которое имеет продемократическую направленность и традиционно выступает с критикой пекинского и гонконгского правительств, усилился в конце 2014 г. в связи с краткосрочным арестом и последующей отставкой основателя газеты Ли Чжиина (Джимми Лая) с постов главы редакции *Пинго жибао*, а также председателя и исполнительного директора холдинга «Ичуаньмэй» из-за его участия в движении Оссуру Central (осень-зима 2014 г.) за проведение прямых выборов главы гонконгской администрации.

³⁵ Миньцзу жэньтун юй Тайвань дули (Национальная идентичность и независимость Тайваня)/ под ред. Ши Чжэнфэна. – Тайбэй: Цяньвэй, 1995. – 528 с.

язычной газеты *The Straits Times* (Сингапур) на Тайване. В целом для Чэна характерна позиция поддержки будущего объединения Тайваня и материкового Китая и критическая оценка стремления определенных политических сил острова к независимости³⁶.

Довольно большое количество статей, затрагивающих различные аспекты проблемы идентичности тайваньцев, содержится в *Тайваньской панораме* - русскоязычном журнале (с китайским переводом в печатной версии), издающемся правительственным Информационным бюро КР с мая 1994 г., отражающем различные аспекты истории и современного развития тайваньского общества и имеющем важное значение для создания (или даже пропаганды) положительного имиджа Тайваня в русскоговорящей среде. До 2000 г. журнал выходил под названием *Свободный Китай*, с марта 2000 по декабрь 2002 гг. – *Тайбэйская панорама*. Правительственное Информационное бюро издает подобные журналы также на английском, французском, немецком и испанском языках (*Taiwan Review*, *Taiwan Aujourd'hui*, *Taiwan Heute* и *Taiwan Hoy* соответственно)³⁷. Похожую функцию выполняет и Международное радио Тайваня (в прошлом Международное радио Тайбэя, Голос Свободного Китая), материалы русскоязычной редакции которого также содержат довольно много актуальной информации, имеющей отношение к теме настоящего исследования³⁸.

Проблема «тайваньской идентичности» находит свое отражение и в сфере культуры, прежде всего в литературе, кино, изобразительном искусстве и т.д. Однако внушительный количественный объем подобного рода источников заставил нас отказаться от включения их анализа

³⁶ Ching, Cheong. Will Taiwan Break Away? The Rise of Taiwanese Nationalism. – Singapore: World Scientific, 2001. – 291 p.

³⁷ См., например, Гао, Пэн. Меняющаяся история [Электронный ресурс]// Тайваньская панорама. – 2003. - январь-февраль. - №1. - Тайбэй: Министерство иностранных дел, Китайская Республика (Тайвань), 2005. – Режим доступа: <http://taipanorama.nat.gov.tw/ct.asp?xItem=38850&CtNode=248&mp=18>, свободный. - Загл. с экрана ; Ее же. Место для всех [Электронный ресурс]// Тайваньская панорама. – 2005. - январь-февраль. - №1. – Тайбэй: Министерство иностранных дел, Китайская Республика (Тайвань), 2005. – Режим доступа: <http://taipanorama.nat.gov.tw/ct.asp?xItem=37455&CtNode=248&mp=18>, свободный. - Загл. с экрана ; Ее же. Обретение письма [Электронный ресурс]// Тайваньская панорама. – 2005. - январь-февраль. - №1. – Тайбэй: Министерство иностранных дел, Китайская Республика (Тайвань), 2005. – Режим доступа: <http://taipanorama.nat.gov.tw/ct.asp?xItem=37457&CtNode=248&mp=18>, свободный. - Загл. с экрана ; Хуан, Джим. Колониальные раны [Электронный ресурс]// Тайваньская панорама. – 2003. - январь-февраль. - №1. - Тайбэй: Министерство иностранных дел, Китайская Республика (Тайвань), 2003. – Режим доступа: <http://taipanorama.nat.gov.tw/ct.asp?xItem=38853&CtNode=248&mp=18>, свободный. - Загл. с экрана ; Его же. Назад к корням [Электронный ресурс]// Тайваньская панорама. – 2002. - январь-февраль. - №1. - Тайбэй: Министерство иностранных дел, Китайская Республика (Тайвань), 2002. – Режим доступа: <http://taipanorama.nat.gov.tw/ct.asp?xItem=39264&CtNode=248&mp=18>, свободный. - Загл. с экрана ; Чжун, Оскар. Ни «батат», ни «таро» [Электронный ресурс]// Свободный Китай. – 1999. - март-апрель. - №2. - Тайбэй: Министерство иностранных дел, Китайская Республика (Тайвань), 1999. – Режим доступа: <http://taipanorama.nat.gov.tw/ct.asp?xItem=38299&CtNode=248&mp=18>, свободный. - Загл. с экрана ; Чэнь Шу-мэй. Не будьте LKK – говорите по-тайваньски! [Электронный ресурс]// Свободный Китай. – 1999. - март-апрель. - №2. - Тайбэй: Министерство иностранных дел, Китайская Республика (Тайвань), 1999. – Режим доступа: <http://taipanorama.nat.gov.tw/ct.asp?xItem=38309&CtNode=248&mp=18>, свободный. - Загл. с экрана.

³⁸ Международное радио Тайваня (на русском языке) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://russian.rti.org.tw/>, свободный. – Загл. с экрана.

в настоящую диссертационную работу, который мог бы составить основу для проведения отдельного исследования³⁹.

Наконец, неоценимую помощь при написании данной работы оказало пребывание автора настоящей работы на Тайване в течение одного года (2006-2007), в ходе которого нам удалось поработать с недоступными в России публикациями и материалами в таких учреждениях, как Национальная библиотека Тайваня, Архив национальной истории (國史館, Academia Historica), Библиотека Университета Чжэнчжи и др., посетить ряд музеев, в числе которых Государственный музей истории Тайваня (Тайнань), Мемориальный музей «инцидента 28 февраля» (Тайбэй), Парк культуры и прав человека на Зеленом острове (о. Люйдао). Автору также довелось стать свидетелем многих событий тайваньской политической жизни, имеющих непосредственное отношение к теме данного исследования (например, многодневных митингов жителей острова, требующих отставки Президента Чэнь Шуйбяня, в сентябре 2006 г., которые получили название движения «краснорубашечников» (*хуншаньцзюнь* 紅衫軍), общественных дискуссий по поводу переименования Мемориального комплекса Чан Кайши в Тайбэе в Музей тайваньской демократии весной 2007 г. и др.). Консультации с тайваньскими специалистами из Института истории Тайваня Академии Синика, Университета Чжэнчжи, Тамканского университета, а также взаимодействие с рядовыми гражданами КР, прежде всего с тайваньскими студентами и преподавателями, также позволили автору лучше понять настроения широкой тайваньской общественности в сфере ее национальной идентичности.

1.2 Исследования

1.2.1 Теоретические работы по проблемам идентичности, этничности, нации и национализма

Проблема идентичности как философской категории и социально-психологического и политического явления на протяжении последних 50 лет привлекает к себе внимание многих ученых во всем мире. Впервые это понятие стало разрабатываться видным американским психологом и психоаналитиком Эриком Эриксоном, которому принадлежит авторство термина «кризис идентичности»⁴⁰. Впоследствии оно было воспринято представителями социологической науки. Наиболее влиятельные работы в данной области представлены трудами основоположников теории социальной идентичности Анри Тэшфела и Джона Тернера, на основе которых впо-

³⁹ Подобные исследования проводятся как на Тайване, так и на Западе. Подробнее об этом см. на стр. 57-58 раздела 1.2.5 настоящей главы.

⁴⁰ Эриксон, Эрик. Идентичность: юность и кризис. - М.: Прогресс, 1996. - 344 с.

следствии складывались различные научные школы и направления толкования данного явления⁴¹.

В настоящее время понятие «идентичность» является междисциплинарным термином⁴², который чаще всего можно встретить в трудах по социологии, психологии, политологии и истории, где оно имеет несколько значений. В повседневной речи наиболее распространено понимание «идентичности» как «одинаковости» или «тождественности». Второе значение этого термина, которое в основном используется как раз в научной литературе и имеет непосредственное отношение к теме данного исследования, можно охарактеризовать как «отождествление», «идентификацию» или, конкретнее, чувство принадлежности, испытываемое индивидом по отношению к определенной группе людей⁴³. В этом смысле понятие «идентичность» имеет непосредственную близость к таким словам, как «самоопределение» или «самосознание». Следует отметить, что до относительно недавнего времени в академических работах можно было чаще встретить именно последние. Термин «идентичность» же прочно вошел в словарный оборот около двадцати-тридцати лет назад⁴⁴.

В современной литературе слово «идентичность» присутствует в целом ряде сочетаний, которые активно используются как исследователями, так и политиками. Идентичность индивида или социальной группы может быть политической, гендерной, религиозной, гражданской, национальной, этнической, культурной и т.д. Данная тема достаточно глубоко исследована отечественными учеными. К примеру, в 2011-2012 гг. в ИМЭМО РАН вышел сборник «Политическая

⁴¹ *Tajfel, H. and Turner, J. C.* The social identity: theory of inter-group behavior// *Psychology of Intergroup Relations*/ ed. by S. Worchel and L. W. Austin. - Chicago: Nelson-Hall Publishers, 1986. – P. 7-24.

⁴² Так, например, профессор Лондонской Школы Экономики (ЛШЭ), видный исследователь национализма Энтони Д. Смит в качестве цели написания своей книги «Национальная идентичность» называет «предоставление исторической социологии национальной идентичности». См. *Smith, Anthony D.* National Identity. – London: Penguin, 1991. – P.vii.

⁴³ В психологии и социологии принято выделять личностную (индивидуальную) и коллективную идентичность. В то же время большинство исследователей признают, что идентичность как явление первоначально имеет социальный характер, поскольку как личностная, так и коллективная идентичность индивида формируется прежде всего в его взаимодействии с обществом. В социологии это отразилось в понятии «референтной группы»: «идентичность индивида складывается в результате его самоотнесения с коллективом, являющимся для данного индивида значимым». См. *Малахов В.С.* Неудобства с идентичностью// *Идентичность: Хрестоматия*/ сост. Л.Б. Шнейдер. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2008. – С. 30. Упоминаемый в предыдущем примечании Э.Д. Смит определяет идентичность как «чувство общности, основанное на истории и культуре», имея в виду прежде всего идентичность этническую и национальную. См. *Smith, Anthony D.* The Ethnic Origins of Nations. - Oxford: Blackwell Publishing, 1986. - P. 14.

⁴⁴ Это можно проследить, в частности, по одной из наиболее авторитетных западных работ по истории наций и национализма – книге английского исследователя, профессора Корнелльского Университета (Итака, штат Нью-Йорк, США) Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма», в которой понятие «идентичность» появляется лишь в Главе 10 «Перепись, карта, музей», написанной для второго издания книги в 1991 г. (первое издание вышло в 1983 г.). См. *Андерсон, Бенедикт.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. - М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. – 286 с. Некоторые авторы даже призывают отказаться от использования этого термина в силу его приобретенной в последние десятилетия многозначности и, следственно, «обесмысливания». См. *Брубэйкер Р., Купер Ф.* За пределами «идентичности» [Электронный ресурс]// *Ab Imperio.* - 2002. - №3. – Казань: Ab Imperio, 2002. - С. 61-94. - Режим доступа: <http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?idlang=2&state=shown&idnumb=18>. - Загл. с экрана.

идентичность и политика идентичности»⁴⁵, куда вошли статьи видных российских специалистов по проблеме идентичности в политологии и социологии: научных сотрудников ИМЭМО РАН Семененко И.С., Лапкина В.В., Пантина В.И. и др. Обращаясь к вопросу коллективной идентичности, исследователи признают, что ее формирование не является стихийным процессом, а направляется различными силами в лице государств, политических элит, корпораций, СМИ и т.д. В то же время отмечается и зависимость коллективной идентичности от таких «стихийных» факторов, как социально-экономические и культурные сдвиги в современном мире⁴⁶. Проблеме понимания концепта «идентичности» посвящены и некоторые работы декана Европейского Гуманитарного Университета (Вильнюс, Литва) Миненкова Г.Я.⁴⁷

Изучая проблему «тайваньской идентичности», необходимо в первую очередь осмысление концептов «национальной» и «этнической идентичности», которые являются характеристиками таких социальных образований, как нация и этнос.

Как отмечают многие исследователи, одной из базовых характеристик индивида сегодня является его национальность, то есть национальная идентичность занимает одно из первых мест в процессе самоидентификации человека. Понятие «национальной идентичности», прочно укрепившееся в терминологическом обороте мировой науки, является довольно многомерным. Чаще всего оно воспринимается как вид политической идентичности, то есть «идентичность национально-государственного сообщества и коллективное самосознание его граждан как членов такого сообщества». При этом признается, что в национальной идентичности «в той или иной степени соотносятся государственная, гражданская, этническая и социокультурная составляющие»⁴⁸.

Проблемы этничности и наций волновали многих западных теоретиков, начиная с середины XIX в., когда в Европе развернулись движения за создание единых итальянского и немецкого государств. При этом считается, что в то время в Европе сложились два основных понимания нации: этническое, представленное немецкими идеологами (И.Г. Фихте, И.Г. Гердер и др.) и гражданское, отраженное в практике Французской республики, образованной в результате Великой Французской революции 1789 г. Положения первого легли в основу примордиалистской концепции нации, которая рассматривает нацию в качестве биологической или антропологической категории, передающейся по наследству. В современной западной науке этот подход в некоторой степени представлен работами Э. Смита, профессора политологии Висконсинского уни-

⁴⁵ Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Том 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий/ отв. ред. И.С. Семененко. - М.: РОССПЭН, 2011. – 202 с. ; Том 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке/ отв. ред. И.С. Семененко. - М.: РОССПЭН, 2012. – 470 с.

⁴⁶ Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 1. С. 32.

⁴⁷ Миненков Г.Я. Концепт идентичности: перспективы определения (часть I) [Электронный ресурс]// Интеллектуальное сообщество Беларуси. – Режим доступа: <http://belintellectuals.eu/publications/174/>, свободный. – Загл. с экрана.

⁴⁸ Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. С. 80.

верситета в Мэдисоне (США) Д. Армстронга и др.⁴⁹ Что касается понимания нации в гражданском ключе, то вплоть до настоящего времени широко известна лекция французского историка Э. Ренана «Что такое нация», прочитанная им в Сорбонне в 1882 г., в которой нация определяется как «ежедневный плебисцит»⁵⁰.

Во второй половине прошлого века в связи с окончанием Второй мировой войны и образованием целого ряда новых государств вследствие распада колониальных империй интерес к проблемам этносов, наций и национализма вспыхнул с новой силой. Именно в это время начинает складываться принципиально новый подход к вопросу о сущности и особенностях формирования наций, получивший название «конструктивизма», который в качестве важнейшего признака нации выделяет национальное самосознание, а также определяет нацию как сравнительно новое явление в истории человечества, появившееся не ранее конца XVIII в. Одной из ранних работ подобного рода является «Национализм» (1960) профессора ЛШЭ Эли Кедури, в которой автор последовательно доказывает, что этническая и национальная идентичность не являются постоянными феноменами, а зачастую даже представляют собой продукт националистической идеологии того или иного общества⁵¹. Впоследствии конструктивистская концепция нации получила развитие в трудах целого ряда исследователей, наиболее известными из которых являются Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум и др.⁵²

Отечественная историография проблемы этносов и наций на протяжении долгого времени выступала с позиций критики конструктивистской концепции. Это связано с господством в советской (и отчасти в постсоветской российской) науке марксистского понимания нации, согласно которому определяющими факторами формирования любых «этносоциальных» общностей, в том числе наций и этносов, является «базис», т.е. социально-экономическое развитие общества. Главным ориентиром для нескольких поколений отечественных исследователей при изучении национальных вопросов служило определение нации, данное Сталиным И.В. в работе 1912-13 гг. «Марксизм и национальный вопрос»: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»⁵³. Классик советской этнологии Бромлей

⁴⁹ *Armstrong, John*. Nations before Nationalism. - Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1982. - 411 p. ; *Smith, Anthony D.* The Ethnic Origins of Nations; и др. Подробнее о примордиалистской теории нации см. в разделе 2.1 Главы 2 настоящего исследования. В отечественной литературе некоторые положения примордиализма характерны для «пассионарной» теории этногенеза Л.Н. Гумилева, которая, правда, не получила широкого признания.

⁵⁰ *Ренан, Эрнест*. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т.6. - Киев, 1902. - С.87-101 [Электронный ресурс]// Проект «ХРОНОС – Всемирная история в интернете». – Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php, свободный. – Загл. с экрана.

⁵¹ *Кедури, Эли*. Национализм. - СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2010. - С. 130.

⁵² Подробнее о тезисах главных теоретиков конструктивистского направления, положения которого, на наш взгляд, наиболее применимы для изучения предмета настоящего исследования, а также близкого, но в то же время соперничающего с ним инструменталистского подхода см. в разделе 2.1 Главы 2 данной диссертационной работы.

⁵³ См. *Сталин И.В.* Сочинения. Т.2. - М., 1946. - С. 296. Цит. по: Библиотека Михаила Грачева[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://grachev62.narod.ru/stalin/t2/t2_48.htm, свободный. – Загл. с экрана. Как известно,

Ю.В., несмотря на некоторые уточнения и дополнения, в частности, выделяя этническое самосознание как один из признаков этноса, отмечает его второстепенное значение по сравнению с такими «объективными» характеристиками, как «культура» (язык, религия, «характерные черты поведения» и т.д.), «общие черты психики», «единство территории»⁵⁴. Кроме того, в понимании этнических и национальных вопросов Бромлеем очевидно присутствие некоторых элементов примордиалистского характера. В частности, стремясь выстроить иерархию «этно-социальных организмов», к которым относятся племена, народы, нации и т.д., он рассматривает нацию именно как этническую категорию, которую нельзя отождествлять с государством, поскольку «в отличие от нации государственная политическая единица далеко не обязательно обладает этнической однородностью, будучи обычно в той или иной мере многонациональной»⁵⁵.

С конца 1980-х гг., и особенно после распада СССР, отечественные исследователи, в большинстве своем отбросив марксистскую концепцию понимания нации и этничности, обратились к западным подходам к данной проблематике в попытках применить их к изучению российской - полиэтнической - идентичности (а также национальной идентичности других стран постсоветского пространства). Сюда можно отнести работы главного научного сотрудника Института социологии РАН Дробижевой Л.М., директора Института этнологии и антропологии РАН акад. Тишкова В.А., в прошлом сотрудника Института этнологии и антропологии РАН Коротеевой В.В., историка, профессора РГГУ, ведущего научного сотрудника ИНИОН РАН Миллера А.И., профессора политологии НИУ ВШЭ Картунова С.В. (1956-2010) и других исследователей⁵⁶.

Сталин позаимствовал свое определение у немецкого теоретика марксизма Карла Каутского, который в духе исторического материализма выделял экономический фактор, а также общность территории и языка в качестве ведущих в процессе формирования наций. См. *Каутский, Карл*. Национальность нашего времени. - СПб.: Типография Альтшулера, 1905. - 46 с. Свое определение нации Сталин дополнил признаком «психического склада, проявляющегося в общности культуры», в свою очередь позаимствованным у австрийского марксиста Отто Бауэра, который, признавая экономическую основу образования нации, определял ее как «всю совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы» при ведущей роли культуры, «связывающей людей в нацию». См. *Бауэр, Отто*. Национальный вопрос и социал-демократия// *Нации и национализм*/Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.] - М.: Праксис, 2002. - С. 82, 88.

⁵⁴ *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. - М.: Наука, 1983. - С. 48-49, 54-57.

⁵⁵ Там же. С. 67.

⁵⁶ *Дробижева Л.М.* Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации// *Мир России*. - 2001. - Т. 10. №2. - С. 167-180; *Ее же*. Этничности в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. - М.: Новый хронограф, 2013. - 336 с.; *Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. - М.: Наука, 2003. - 542 с.; *Его же*. Российский народ: история и смысл национального самосознания. - М.: Наука, 2013. - 649 с.; *Его же*. Этнология и политика. Научная публицистика. - М.: Наука, 2001. - 240 с.; *Коротеева В.В.* Существуют ли общепризнанные истины о национализме?// *Pro et Contra*. - 1997. - Т. 2. №3. - С. 26-39; *Ее же*. Теории национализма в зарубежных социальных науках. - М.: РГГУ, 1999. - 140 с.; *Миллер А.И.* О дискурсивной природе национализма// *Pro et Contra*. - 1997. - Т. 2. №4. - С. 141-151; *Его же*. О русском национализме. - М.: Полит.ру, 2013. - 504 с.; *Картунов С.В.* Национальная идентичность: Постижение смысла. - М.: Аспект-Пресс, 2009. - 589 с.; *Социология межэтнической толерантности*/ отв. ред Л.М. Дробижева. - М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. - 222 с.; *Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества*/ под ред. Л.М. Дробижевой, Т.С. Гузенковой, Е.М. Галкиной. - М.: Институт этнологии и антропологии Российской Академии Наук, 1994. - 236 с.; и др.

В то же время некоторые исследователи выступили с собственными теориями нации и этничности, которые в основном базируются на существующих западных концепциях, но дополняют их, как было указано выше, с учетом применимости к российским реалиям. В данной связи следует отметить «релятивистскую» теорию нации в прошлом директора Центра социологического анализа конфликтов Российского независимого института социальных и национальных проблем Здравомыслова А.Г. (1928-2009), а также «интегральную» теорию нации профессора кафедры социологии МГИМО Мнацаканяна М.О..

Первая из указанных концепций на первое место в процессе формирования национального самосознания той или иной национально-этнической группы ставит сопоставление ее членами себя с окружающими ее такими же группами – «значимыми другими», которые в свою очередь имеют особую иерархию. При этом при сохранении «базового образа «иных наций», «фиксированного в стереотипах», «эмоциональная составляющая этого образа оказывается весьма изменчивой». Главная проблема для релятивистской теории заключается не в природе возникновения и сущности нации как таковой, а в том, «как создается образ нации в сознании данного сообщества и иных сообществ». Таким образом, релятивизм противостоит различным «объективистским» подходам к данному явлению⁵⁷.

Интегральная теория нации претендует на наиболее целостное представление об этом феномене, называя национальную общность «интегральной целостностью, единством субъективного и объективного, материального, культурного, идеологического и психологического, экономического и политического». Эта целостность и преемственность нации обеспечиваются целым рядом «агентов-проводников символического воздействия», к которым относятся язык, историческая память, традиции, архитектурные памятники, города, природные объекты (горы, реки) и т.д. Мнацаканян М.О. называет национальную связь «самой реальной, сущностной в жизни народа». В условиях нормального существования того или иного сообщества эта связь неосознаема, «латентна». Но «деформация системы», «внешняя угроза территории», языку, культуре или какому-либо иному элементу нации «сразу же отражаются на самочувствии целого, задевая интегральную национальную связь и выводя ее из латентного состояния в явное». В интегральной теории нации отрицается ее исключительная связь с государством, поскольку она является не просто «государство-образующим началом», а «носителем более глубокой, мощной жизненной силы, творческого начала, социально значимых факторов для общности и человека», которые сохраняются и передаются из поколения в поколение на протяжении многих веков⁵⁸.

⁵⁷ Здравомыслов А.Г. Релятивистская теория нации и рефлексивная политика// Интеграция и дезинтеграция в современном мире: Россия и Запад: материалы междунар. конф., 9-14 октября 1996 г./ МГИМО (У) МИД РФ; Академия соц. наук/ отв. ред. В.Н. Иванов, С.А. Кравченко. – М., 1997. – С. 115-122.

⁵⁸ Мнацаканян М.О. Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – С. 71-97.

В целом, несмотря на принятие современных западных теорий нации и национализма (прежде всего конструктивизма), для большинства отечественных исследователей характерно изучение этих проблем с этнической точки зрения. Они отрицают возможность существования «гражданского национализма» в чистом виде, что связано с особенностями волнующей их в первую очередь российской действительности.

1.2.2 Российская историография

Приступая к изучению проблемы «тайваньской идентичности», исследователь прежде всего замечает практически полное отсутствие серьезных работ по данной теме в отечественной историографии. Неизменная позиция руководства СССР, которая даже в годы советско-китайского конфликта не ставилась под сомнение, о том, что Тайвань является неотъемлемой частью Китая, а также практически полное отсутствие связей между островом и нашей страной на протяжении многих десятилетий не могли способствовать развитию тайваньских исследований в Советском Союзе.

По-настоящему большой интерес к изучению Тайваня среди российских китаеведов возник относительно недавно (с начала 1990-х гг.) и был связан в первую очередь с так называемым «тайваньским экономическим чудом» и сравнительно быстрым и мирным процессом демократизации общественно-политической жизни КР начиная с конца 1970-х гг. Эти события открывали довольно широкое поле для сравнительных исследований социально-экономического и политического развития на Тайване и в КНР как для западных, так и для отечественных ученых, а также для дискуссий относительно применимости тайваньского опыта на почве нашей страны⁵⁹. В данной связи можно отметить статьи и монографии таких российских авторов, как Барский К.М., Буров В.Г., Ганшин В.Г., Гудошников Л.М., Карпов М.В. и др.⁶⁰

Пожалуй, первой работой в российской/советской историографии, описывающей Тайвань с более или менее объективной позиции, а не в традициях представления острова и гоминьдановского режима там как главного пособника «американского империализма» и «непотопляемого

⁵⁹ Как отмечают исследователи и журналисты, растущий интерес к Тайваню обусловлен прежде всего «его уникальным международным положением и внутренним развитием», а «отношения между Тайванем и КНР являются одним из ключевых вопросов, влияющих на внешнюю политику США». См. *Crook Steven*. Taiwan Studies Goes Global [Electronic resource]// Taiwan Review. – 2007. – October. – Vol. 57, No. 10. – Taipei: Ministry of Foreign Affairs, Republic of China (Taiwan), 2007. – Режим доступа: <http://www.taiwantoday.tw/ct.asp?xItem=24694&ctNode=2198&mp=9>, свободный. – Загл. с экрана.

⁶⁰ *Барский К.М.* «Тайваньское политическое чудо»: особенности процесса политических реформ на острове// *Афро-Азиатские общества: история и современность*. – М.: МИМО, 1993. – С. 90-102 ; *Буров В.Г.* Модернизация тайваньского общества. – М.: ИФ РАН, 1998. – 234 с. ; *Ганшин В.Г.* Права человека на Тайване: сделано немало, но впереди еще долгий путь// *Современный Тайвань: справочно-аналитические материалы*. – М.: ИДВ РАН, 2002. – Вып. 4(13). – С. 60-87 ; *Гудошников Л.М.* Эволюция политического режима на Тайване// *Проблемы Дальнего Востока*. – 1993. – №5. – С. 77-87 ; *Гудошников Л.М., Кокарев К.А.* Политическая система Тайваня. – М.: Б.и., 1997. – 146 с. ; *Карпов М.В.* Проблема демократизации в КНР и опыт реформирования авторитарных режимов// *Восток=Oriens*. – 1997. – №5. – С. 71-85 ; *Многопартийность на Тайване/ сост. Л.М. Гудошников*. – М.: Вост. лит., 1999. – 156 с. ; и др.

авианосца США» в Азиатско-Тихоокеанском регионе, является небольшая брошюра в 60 с небольшим страниц «Тайвань» тогдашнего научного сотрудника Института востоковедения (ИВ) АН СССР Максимова А.А., вышедшая в 1988 г. в ежемесячной серии «У политической карты мира». Данная работа включает краткий очерк по географии и истории острова, более подробный в том, что касается развития Тайваня после 1945 г., а также описание современной автору политической ситуации в КР. Довольно значительная часть брошюры посвящена особенностям экономического развития Тайваня, что, возможно, объясняется тем, что автор по своей специальности является экономистом. Помимо указанной работы ему также принадлежит более обширная монография «Экономика Тайваня: итоги и перспективы развития» (М.: «Наука», Глав. ред. восточной лит-ры, 1991. - 207 с.), в которой помимо собственно описания экономического развития острова в послевоенный период также представлен очерк его более ранней истории, а также экономического освоения Тайваня японской колониальной администрацией.

Говоря о Тайване как объекте самостоятельного изучения в нашей стране, нельзя обойти вниманием книгу «Современный Тайвань» (Иркутск: Улисс, 1994. - 348 с.) под редакцией в прошлом ведущего научного сотрудника ИВ РАН Иванова П.М., которую можно считать первым и практически единственным изданием в нашей стране вплоть до настоящего времени, в котором предпринято комплексное научное описание всех сфер развития острова, включая его географию, историю, экономику, политику и т.д.

Наконец, что касается отечественных работ, посвященных Тайваню, следует также отметить монографию руководителя Центра экономических и социальных исследований Китая и заместителя директора Института Дальнего Востока (ИДВ) РАН Островского А.В. «Тайвань накануне XXI века», которая представляет собой довольно подробное описание всех сторон жизни острова как с точки зрения его внутреннего развития, так и отношений с другими странами и регионами. Довольно большое внимание в книге уделено «тайваньскому экономическому чуду» и становлению в КР многопартийной демократической системы, которые, по мнению автора, вполне заслуживают того, чтобы служить примером для политических и экономических преобразований в России конца 1990-х гг.⁶¹

Одной из наиболее ранних работ, посвященных отношениям между двумя берегами Тайваньского пролива, является изданная в середине 1980-х гг. статья российского дипломата, в прошлом научного сотрудника ИДВ РАН Гончарова С.Н. (в соавторстве с Барышниковым В.Н.) «К вопросу о воссоединении Тайваня и КНР». Именно в ней впервые прозвучали такие выраже-

⁶¹ Островский А.В. Тайвань накануне XXI века. - М.: «Восточная литература» РАН, 1999. - С. 5.

ния, как «самоопределение Тайваня», «коренной тайванец» Ли Дэнхуэй, «тайванизация», которые впоследствии во многом определяли направление внутреннего развития КР⁶².

Изучение «тайваньской проблемы», в том числе, что касается роли Тайваня в отношениях между Китаем и США, а также между Россией и Китаем, было предпринято главным научным сотрудником ИДВ РАН Галеновичем Ю.М. в его монографиях «Москва – Пекин, Москва – Тайбэй» (М.: Изд-во «Изографус», 2002. – 655 с.), «Китайские метаморфозы. Китай на пороге XXI века» (М.: Муравей, 2006. – 382 с.) и «Россия-Китай-Америка: От соперничества к гармонии интересов?» (М.: Русская панорама, 2006. – 573 с.). Помимо этого ему принадлежит и ряд работ, посвященных президентским выборам 2000 г. в КР, результаты которых вызвали пристальный интерес исследователей не только России, но и всего мира. Так, в частности, в первой из указанных выше монографий была опубликована статья «Тайвань – отрезанный ломоть Китая? Итоги президентских выборов 2000 года на Тайване и возможное развитие событий», которая под несколько видоизмененным названием вышла и в другом сборнике Галеновича Ю.М. – «Самоутверждение сыновей Тайваня» (М.: Муравей, 2002. – 196 с.), куда вошла также одноименная статья, посвященная эволюции политических взглядов Ли Дэнхуэя и Чэнь Шуйбяня. Помимо перечисленных выше данная книга также включила статьи, посвященные международному статусу КР, истории и будущим перспективам развития российско-тайваньских отношений.

История развития тайваньской демократии, особенно в периоды правления Ли Дэнхуэя и Чэнь Шуйбяня, получила отражение и в работах другого российского исследователя – ведущего научного сотрудника ИДВ РАН Ларина А.Г. Этой теме посвящены две монографии автора: «Два Президента, или Путь Тайваня к демократии» (М.: Academia, 2000. – 199 с.) и «Президент, или демократия с тайваньской спецификой» (М.: Муравей, 2004. – 134 с.). Кроме того, Ларину А.Г. принадлежит целый ряд статей, отражающих современное состояние тайваньского политического и социально-экономического развития и опубликованных в целом ряде журналов и сборников⁶³.

Говоря об изучении российско-тайваньских отношений, следует также отметить книгу профессора НИУ ВШЭ Лукина А.В. «Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI веках». В одной из глав этой монографии, посвященной образу Тайваня в России, в том числе довольно подробно анализируется отечественная историография тайваньских исследований, современное состояние российско-тайваньских связей и позиция России в «тайваньском вопросе» в том, что касается отношений между нашей страной и КНР⁶⁴. Кроме того, Лукин А.В.

⁶² Гончаров С.Н., Барышников В.Н. К вопросу о воссоединении Тайваня с КНР// Гончаров С.Н. О Китае средневековом и современном: Записки разных лет. – Новосибирск: Наука, 2006. – С. 199-211.

⁶³ См., например, Ларин А.Г. Тайваньская проблема на современном этапе// Современный Тайвань. Справочно-аналитические материалы. – Выпуск 10 (18). – М.: ИДВ РАН, 2008. – С. 4-28.

⁶⁴ Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI веках. – М.: Восток-Запад: АСТ, 2007. – С. 407-469.

также выступил в качестве редактора коллективной монографии «Россия и Китай: 400 лет взаимодействия», один из разделов в которой (автор – Иванов А.В., старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО(У) МИД России) посвящен истории российско-тайваньских отношений⁶⁵.

Среди авторов, большое количество работ которых посвящено проблемам истории, экономики и современного политического развития Тайваня, стоит также отметить старшего научного сотрудника ИДВ РАН Верченко А.Л.⁶⁶

Начиная с конца последнего десятилетия прошлого века в некоторых российских научно-исследовательских организациях, в частности в ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова и ИМЭМО РАН, был проведен ряд конференций, посвященных Тайваню, по итогам которых были опубликованы сборники, куда наряду со статьями большинства указанных выше авторов вошли и работы других российских китаеведов, включая Карнеева А.Н., Мамаеву Н.Л., Гельбраса В.Г., Корсуна В.А. и др.⁶⁷ Кроме того, в ИДВ РАН с 1992 г. также ежегодно выпускается сборник «Современный Тайвань. Справочно-аналитические материалы», который, как отмечается на сайте организации, представляет собой подборку материалов, освещающих «внутриполитическое положение и изменения в партийной системе Тайваня, его вооруженные силы, демографические проблемы Тайваня, развитие форм экологического контроля и новые подходы к охране окружающей среды острова»⁶⁸. Помимо статей на указанные выше темы, написанные преимущественно сотрудниками ИДВ РАН, сборник также включает переводы на русский язык материалов тайваньских (как китаеязычных, так и англоязычных) периодических изданий⁶⁹.

⁶⁵ Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений/ под ред. Лукина А.В. - М.: Издательство «Весь мир», 2013. - С. 513-569.

⁶⁶ Верченко А.Л. Выборы в местные органы власти и внутриполитическая борьба на Тайване в 2009 г.// КНР: институционализация опыта реформ: (материалы ежегодной конференции Центра современной истории и политики Китая ИДВ РАН, 3 марта 2010)// Информационные материалы. Сер. В «Общество и государство в Китае в период реформ». - Вып. 25. - М.: ИДВ РАН, 2010. - С. 328 – 338 ; *Ее же*. Историческая судьба Национального собрания Китайской Республики (1911–2005)// Общество и государство в Китае: Т. XLIII, ч. 1 / Редколл.: А.И. Кобзев [и др.] – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2013. С. 325-335 ; *Ее же*. Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве между берегами Тайваньского пролива: экономика и политика// Общество и государство в Китае: XLII научная конференция: Часть. 2 / Ин-т востоковедения РАН. - М.: Учреждение Российской академии наук Институт востоковедения (ИВ РАН), 2012. - С. 193-200 ; *Ее же*. Итоги развития экономики Тайваня в 2005 г.// Проблемы Дальнего Востока. – 2006. - №3. - С. 92-97 ; и др.

⁶⁷ Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. Материалы научной конференции 4 мая 2000 г./ под ред. А.Н. Карнеева, В.А. Козырева. - М.: Гуманитарий, 2000. – 303 с ; Проблемы модернизации Тайваня: материалы научной конференции, 8 декабря 2000 г./ сост. А.Г. Ларин. - М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 191 с. ; Тайвань на рубеже веков. Новые условия и новые вызовы/ под ред. А.Н. Карнеева. - М.: ИСАА при МГУ им. М.В.Ломоносова, 2001. – 344 с. ; Подъем Китая: значение для глобальной и региональной стабильности/ Под ред. А.Н. Карнеева. - М.: Рубежи XXI, 2007. – 353 с. ; Модернизация Тайваня и перспективы отношений с КНР. Сборник материалов научной конференции ИМЭМО. - М.: ИМЭМО РАН, 2003. – 89 с.

⁶⁸ Сайт ИДВ РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ifes-ras.ru/pdv/index.php?option=com_content&task=view&id=85&Itemid=49, свободный.

⁶⁹ Современный Тайвань. Справочно-аналитические материалы (до 2000 г. «Тайвань. Краткие справочные сведения»). - М.: ИДВ РАН, 1992-2010.

Что касается отечественных работ по Тайваню чисто исторического характера, то их буквально можно пересчитать по пальцам. Пожалуй, заслуживающими наибольшего внимания являются монография советской исследовательницы Тодер Ф.А. «Тайвань и его история (XIX в.)» (М.: Наука, 1978. - 338 с.), а также исследование истории Коммунистической партии Тайваня Тertiцкого К.М. и Белогуровой А.Э., которое включает также очерк развития Тайваня в период японского колониального господства и документы, освещающие деятельность КПТ и ее контакты с Коминтерном⁷⁰. Следует отметить и монографию Меликsetова А.В. «Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае (1927-1949)», где одна из глав посвящена социально-экономическим реформам ГМД на Тайване после 1949 г., что, пожалуй, можно назвать одним из первых опытов объективного анализа гоминьдановских преобразований на острове в советской историографии⁷¹. К этой категории работ можно также отнести диссертационную работу младшего научного сотрудника Отдела Китая ИВ РАН Перминовой В.А. «Тайвань – «образцовая» колония Японии (1895-1945 гг.): особенности социально-экономических преобразований»⁷².

Первой и, по-видимому, единственной до сих пор попыткой восполнить пробел в изучении столь важной темы, как национальная идентичность тайваньцев, в российском Китаеведении явилась кандидатская диссертация Ишутиной Ю.А. «Формирование и репрезентация национальной идентичности тайваньцев», впоследствии изданная в форме монографии⁷³. Несмотря на то, что данная работа защищалась по специальности «культурология», она предлагает довольно обширное по объему – размером в одну из двух глав диссертации – описание понятия «социальной идентичности» в социологии в целом и «национальной идентичности» в аналитической литературе по национализму. Кроме того, в первом разделе второй главы этой работы содержится скорее исторический, нежели культурологический очерк развития национальной идентичности жителей Тайваня начиная с XVI в. вплоть до настоящего времени (хотя, принимая во внимание господствующее в гуманитарной науке представление о нации и национализме как о явлениях, возникших лишь в конце XVIII в., вряд ли можно говорить о наличии подобных идей до этого времени у населения не только Тайваня, но и других регионов мира). Процесс становления национальной идентичности граждан КР анализируется автором на методологической основе теории «креольского национализма», «печатного капитализма» и других механизмов формирования нации, как их видит Б. Андерсон. На наш взгляд, наличие в тексте работы Ишутиной Ю.А. неко-

⁷⁰ Тertiцкий К.М., Белогурова А.Э. Тайваньское коммунистическое движение и Коминтерн (1924-1934). Исследование. Документы. - М.: Восток-Запад, 2005. - 622 с.

⁷¹ Меликsetов А.В. Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае (1927-1949). - М.: Наука, 1977. - С. 235-249.

⁷² Перминова В.А. Тайвань – «образцовая» колония Японии (1895-1945 гг.): особенности социально-экономических преобразований: дис. ... канд. исторических наук: 07.00.15. – Москва: Ин-т Африки РАН, 2016. – 210 с.

⁷³ Ишутина Ю.А. Формирование и репрезентация национальной идентичности тайваньцев: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Владивосток: ДВГТУ, 2006. – 201 с.; *Ее же*. Национальная идентичность на Тайване: формирование и символическая репрезентация. - LAP Lambert Academic Publishing, 2012. – 228 с.

торых неточностей в интерпретации тех или иных событий тайваньской истории, а также отсутствие анализа существующих на Тайване оценок этих событий, связанное, по всей вероятности, с недоступностью для автора в момент написания диссертации соответствующей литературы⁷⁴, позволяют нам сделать вывод о необходимости дальнейшей разработки данной темы для отечественной историографии.

Нельзя сказать, что проблема «тайваньской идентичности» никогда не затрагивалась в изданиях, доступных русскоязычному читателю. Российские авторы, касавшиеся этого вопроса, в целом признают наличие целого ряда отличий между социумами по обе стороны Тайваньского пролива, которые характеризуют особенности самосознания жителей острова. Определенные аспекты исследуемой в настоящей диссертационной работе темы рассматриваются в статьях некоторых научно-популярных изданий, таких как, например, «Азия и Африка сегодня»⁷⁵. К публикациям академического характера по истории и современной ситуации на Тайване, в том числе в том, что касается самоидентификации его жителей, можно отнести статьи старшего научного сотрудника Отдела Китая ИВ РАН Головачева В.Ц.⁷⁶

Кроме того, о проблеме национальной идентичности тайваньцев упоминается в одном из приложений монографии главного научного сотрудника ИДВ РАН А.А. Москалева (1930-2006) «Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму», которое представляет собой краткий очерк истории тайваньского национализма, а также изложение современной этнической ситуации на острове и ее истоков⁷⁷.

Вплоть до настоящего времени отношения двух берегов Тайваньского пролива остаются центральной проблемой не только в отечественной, но и в зарубежной тайванистике. При этом всестороннее исследование данного вопроса возможно лишь при условии более пристального изучения политики, экономики и общественного мнения не только КНР, но и самого острова. В данной связи мы надеемся, что настоящая диссертационная работа сможет восполнить некоторые пробелы в отечественной историографии Тайваня.

⁷⁴ На наш взгляд, в список использованных для исследования работ не включен целый ряд важных статей и монографий на тему национальной и этнической идентичности жителей острова, особенно на китайском и английском языках.

⁷⁵ Головачев В. Ц. Кризис глобальной идентичности и духовная деколонизация Тайваня//Азия и Африка сегодня. - Январь 2010. - №1. - С.38-39.

⁷⁶ Головачев В.Ц. Тайвань на заре 21 века – смена символов, ритуалов и предрассудков// Подъем Китая: значение для глобальной и региональной стабильности. С. 329-351; *Его же*. Этапы и вехи языковой политики Тайваня// Проблемы Дальнего Востока. – 2007. - № 5. - С. 164-173 ; *Его же*. Этническая история и политика Тайваня в трудах тайваньских учёных (эволюция историографических подходов в 1980–2010 гг.)// Общество и государство в Китае: XLII научная конференция: Часть. 2 / Ин-т востоковедения РАН. - М.: Учреждение Российской академии наук Институт востоковедения (ИВ РАН), 2012. - С. 292-299 ; *Его же*. Этническая история и политика Тайваня в западной историографии// Общество и государство в Китае: XLI научная конференция/ Ин-т востоковедения РАН. - М.: Вост. лит., 2011. - С. 276-287 ; и др.

⁷⁷ Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. - М.: Памятники исторической мысли, 2005. - С. 231-239.

1.2.3 Западные (англоязычные) исследования

По сравнению с российским китаеведением в западной историографии и политологии (американской и европейской), которая так же, как и отечественная наука, уделяет наиболее существенное внимание развитию Тайваня в послевоенный период, проблема «тайваньской идентичности» разработана значительно лучше⁷⁸. Подобная ситуация объясняется приверженностью многих западных ученых постструктуралистскому подходу при изучении тайваньского социума, а также наличием на Западе большего количества исследовательских программ по Тайваню, многие из которых финансируются совместно с тайваньскими научно-исследовательскими фондами и организациями. В последние годы в Европе и Америке регулярно проводятся конференции по различным направлениям изучения Тайваня. Наиболее крупные из них проходят под эгидой Европейской ассоциации тайваньских исследований (European Association of Taiwan Studies, EATS) и Североамериканской ассоциации исследования Тайваня (North American Taiwan Studies Association, NATSA)⁷⁹. В ряде крупных (и не очень) университетов мира были открыты центры и программы по изучению Тайваня, как то Центр тайваньских исследований в Школе стран Азии и Африки Лондонского университета, (Великобритания, Centre of Taiwan Studies, SOAS), Европейский центр исследований современного Тайваня в Тюбингенском университете, (Германия, ERCCT), Центр тайваньских исследований при Факультете языков и культуры Калифорнийского университета (Санта-Барбара, США), Отделение тайваньских исследований в Гриффитском университете (Австралия) и др., которые ведут активную деятельность в сфере изучения Тайваня в виде проведения различных конференций, публикации сборников, предоставления академических грантов и т.д.

Результатом данной работы становится довольно внушительное количество публикаций по самым разным вопросам, связанным с развитием Тайваня и отношениями между двумя берегами Тайваньского пролива. Статьи, имеющие непосредственное отношение к теме настоящего исследования, содержатся в таких сборниках, изданных в Европе за последние 10 с небольшим лет, как *«Тайваньская идентичность в XXI веке. Внутренние, региональные и глобальные перспективы»* (2011), *«Воспоминания о будущем: вопросы национальной идентичности и поиски нового Тайваня»* (2002), *«Грани становления. Идентичность и культура на Тайване»* (2007), а также в специальных выпусках журнала *«Актуальные проблемы Китая»* Гамбургского университета (Германия), посвященных Тайваню⁸⁰. Среди авторов этих статей стоит упомянуть про-

⁷⁸ Впрочем, большинство западных исследователей концентрируются на определенных, относительно узких аспектах данного вопроса, в связи с чем найти работу, охватывающую явление «тайваньской идентичности» в комплексе, также довольно сложно.

⁷⁹ Справедливости ради следует отметить, что большинство участников этих конференций составляют тайваньские ученые или западные исследователи тайваньского происхождения.

⁸⁰ *Taiwanese Identity in the 21st Century. Domestic, Regional and Global Perspectives/ ed. by G. Schubert and J. Damm. - London-New York: Routledge, 2011. - 304 p. ; Memories of the Future: National Identity Issues and the Search for a New*

фессора Тюбингенского университета Гюнтера Шуберта, который занимается проблемами национальной идентичности тайваньцев и ее влияния на отношения между Тайванем и КНР, профессора Института Восточной Азии Высшей нормальной школы Лиона (Франция) Стефана Коркюффа⁸¹, сотрудника ERCCT Стефана Фляйшауэра, сфера интересов которого в основном лежит в развитии Движения за независимость Тайваня и интерпретации его активистами тех или иных исторических событий, доцента Института тайваньских исследований Университета Чжанжун (Тайнань, Тайвань) Дженса Дамма, исследовательские проекты которого включают изучение тайваньской и китайской диаспор и гендерные проблемы, и др.

Отдельно следует отметить работы одного из виднейших, на наш взгляд, исследователей проблемы национализма в Китае и на Тайване – Кристофера Хьюза, профессора факультета международных отношений ЛШЭ. Наиболее показательным из его трудов по указанной тематике является монография, впервые выпущенная в 1997 г. и с тех пор выдержавшая несколько изданий, *«Тайвань и китайский национализм: национальная идентичность и статус в международном обществе»*. Данная книга представляет собой анализ развития националистического дискурса в КР, который претерпел значительную трансформацию после 1970-х гг. в связи с изменениями в международном статусе Тайваня. Кроме того, Хьюз также дает описание политики властей КНР в отношении Тайваня и роли острова в официальном китайском национализме⁸². Помимо этой работы исследователю принадлежит также авторство ряда других монографий и статей, посвященных различным аспектам политического развития двух берегов Тайваньского пролива, с полным списком которых можно ознакомиться на странице Хьюза на сайте ЛШЭ⁸³.

В целом для европейской историографии, отмеченной влиянием философии постмодернизма, несмотря на имеющийся интерес к вопросам экономики и политики Тайваня, также характерно существенное внимание к проблемам культуры, урбанистики, гендерных отношений и т.д. Это отличает европейскую историографию от американских тайваньских исследований, речь о которых пойдет ниже, где центральное место занимают вопросы обороноспособности Тайваня и др.

Taiwan/ ed. by S. Corcuff. - Armonk, New York, London, England: M.E. Sharpe, 2002. - 285 p. ; The Margins of Becoming. Identity and Culture in Taiwan/ ed. by M. Harrison and C. Storm. - Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 2007. - 290 p. ; Journal of Current Chinese Affairs (China Aktuell) [Electronic resource]. - 2010. – Vol. 39, No. 1; 2011. – Vol. 40, No. 1; 2012. - Vol. 41, No. 3; 40, 1, 2011; 41, 3, 2012. - Hamburg: Hamburg University Press, 2010-12. – Режим доступа: <http://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jcca/issue/archive>, свободный. – Загл. с экрана; и др.

⁸¹ С. Коркюфф в основном занимается проблемами идентичности выходцев с материка. Одной из его показательных работ в этой области является сокращенный вариант его кандидатской диссертации на данную тему, вышедший на китайском языке на Тайване: *Гао Гэфу (Стефан Коркюфф). Фэн хэ жи нуань. Тайвань вайшэнжэнь юй гоцзя жэньтун дэ чжуаньбянь* (Нежный ветер и теплое солнце. Вайшэнжэнь Тайваня и трансформация национальной идентичности). – Тайбэй: Юньчэнь вэньхуа, 2004. – 158 с.

⁸² Hughes, Christopher R. Taiwan and Chinese Nationalism: National Identity and Status in International Society. - London-New York: Routledge, 2013. - 208 p.

⁸³ Режим доступа: <http://www.lse.ac.uk/researchAndExpertise/Experts/c.r.hughes@lse.ac.uk>, свободный.

В силу особых отношений между США и правительством КР в годы холодной войны, а также в связи с тем, что здесь начиная с 1950-х гг. издавалось довольно много журналов Движения за независимость Тайваня, авторы статей в которых активно отстаивали позицию существования «тайваньской нации», Америка обладает относительно давней традицией изучения «тайваньской проблемы» и связанных с ней вопросов. Большинство американских синологов в условиях отсутствия связей с КНР, проходили обучение именно на Тайване. Здесь же обосновались американские миссионеры, вынужденные покинуть материковый Китай после 1949 г. и впоследствии составившие значительное ядро американской тайванистики. К тому же именно в США проживает наиболее многочисленная тайваньская диаспора. При этом следует отметить, что вплоть до нормализации отношений между США и КНР в 1970-х гг. фактор холодной войны и влияния гоминьдановского лобби в американских политических кругах накладывал существенный отпечаток на американскую историографию данного периода, для которой Тайвань под руководством ГМД представлял собой воплощение «свободного Китая» в противоположность материковой части страны с действующим там коммунистическим режимом. Тем более примечательно появление в 1963 г. работы специалиста по истории КПК Мориса Майснера «*Развитие тайваньского национализма*», опубликованной в одном из наиболее авторитетных синологических журналов – *The China Quarterly*, во вступлении к которой автор заявляет об «отчетливо тайваньском национальном самосознании», развившемся на острове после Второй мировой войны, которое «поставило вопрос о происхождении и обоснованности тайваньской претензии на статус самостоятельного государства». Майснер, основываясь лишь на доступных ему источниках в виде сочинений тайваньских националистов, проживающих за пределами Тайваня, по нашему мнению, ошибочно убежден, что «то, что подавляющее большинство тайваньцев выступают за создание независимого тайваньского государства без связей с материковым Китаем и предпочтительно без присутствия выходцев оттуда, является фактом, который нельзя игнорировать при рассмотрении современного состояния и будущего статуса Тайваня»⁸⁴.

Но все же начало публикации большинства доступных нам сегодня академических работ, посвященных социально-политическому развитию Тайваня, относится к периоду с 1980-х гг. В этих трудах проблема «тайваньской идентичности» уже звучит более отчетливо, а количество авторов, симпатизирующих идеям тайваньского национализма, существенно возрастает по сравнению с предшествующим периодом. Так, одна из наиболее ранних в американской историографии работ по социально-политическому и экономическому развитию Тайваня во второй половине XX в., – «*Государство и общество в тайваньском чуде*» (1986), в которой в том числе затрагиваются и проблемы национальной идентичности жителей КР, принадлежит доценту социо-

⁸⁴Meisner, Maurice. The Development of Formosan Nationalism// *The China Quarterly*. – 1963. – Jul.-Sep. - №15. P.91-106. Следует отметить, что Тайвань не был основной сферой интересов Майснера, который занимался в основном современными ему проблемами социалистических теорий и коммунистического Китая.

логии Калифорнийского университета (Беркли, США) Томасу Голду⁸⁵. Этой же теме посвящена и статья автора «Гражданское общество и поиски идентичности на Тайване» в сборнике «Культурные изменения на послевоенном Тайване» под редакцией профессора антропологии Вашингтонского университета Стивена Харрела и профессора истории Тайваньского государственного университета (Тайбэй, Тайвань) Хуан Цзюньцзе⁸⁶.

В 1994 г. вышла монография профессора Университета Тафтса (Массачусетс, США) Алана Уочмана «Тайвань: национальная идентичность и демократизация», которая явилась первым и достаточно авторитетным вплоть до настоящего времени исследованием проблемы «тайваньской идентичности» и ее связи с другими социально-политическими процессами на Тайване после 1970-х гг., прежде всего с демократизацией⁸⁷. Одновременно с этой книгой академической общественности был также представлен сборник «Другой Тайвань: 1945 по настоящее время» под редакцией профессора истории Колледжа Баруха (Нью-Йорк, США) Мюррэя Рубинштейна, часть из статей которого также посвящена соответствующим вопросам⁸⁸. В 1999 г. М. Рубинштейн выступил в качестве редактора еще одного сборника по истории Тайваня – «Тайвань: новая история», второе издание которого вышло в 2007 г. и куда вошел целый ряд статей американских исследователей, посвященных политическому, этническому, географическому, культурному и другим аспектам развития острова с XVII в. по настоящее время⁸⁹.

Среди общих работ, посвященных истории и современной ситуации на Тайване, но в то же время уделяющих пристальное внимание проблеме национальной идентичности КР, можно назвать целый ряд авторских монографий, таких как «Тайвань: политическая история» (2003) профессора Азиатско-Тихоокеанского центра исследований в сфере безопасности (Гонолулу, Гавайи, США) Дэнни Роя, «Запрещенная нация: история Тайваня» (впервые издана в 2005 г.) журналиста-международника из Канады Джонатана Мэнторпа, «Тайвань: национальное государство или провинция?» (первое издание вышло в 1990 г.) профессора международных отношений Колледжа Родса (Мемфис, Теннесси, США) Джона Коппера и т.д.⁹⁰

Что касается работ, посвященных непосредственно проблеме идентичности тайваньцев, то здесь можно назвать такие труды, как «Религия и формирование тайваньских идентичностей» (2003) под редакцией специалиста по религиям Китая, американского китаевода – научного сотрудника Института новой истории Центральной академии наук КР (Академии Синика) По-

⁸⁵ Gold, Thomas B. State and Society in the Taiwan Miracle. - Armonk, London, NY: M.E.Sharpe, 1986. - 162 p.

⁸⁶ Gold, Thomas B. Civil Society and Taiwan's Quest for Identity// Cultural Change in Postwar Taiwan/ ed. by S. Harrell and C.-C. Huang. - Boulder, Colorado: Westview Press, 1994. - P. 47-68.

⁸⁷ Wachman, Alan M. Taiwan: National Identity and Democratization. - London: M.E.Sharpe, 1994. - 294 p.

⁸⁸ The Other Taiwan: 1945 to the Present/ ed. by M.A. Rubinstein. - Armonk, NY; London: M.E. Sharpe, 1994. - 485 p.

⁸⁹ Taiwan: A New History/ ed. by M.A. Rubinstein. - Armonk, New York: M.E. Sharpe, Routledge, 1999, 2007. - 560 p.

⁹⁰ Copper, John F. Taiwan: Nation State or Province? (Sixth edition). - Colorado: Westview press, 2012. - 288 p. ; Manthorpe, Jonathan. Forbidden Nation: A History of Taiwan. - New York: Palgrave Macmillan, 2009. - 286 p. ; Roy, Denny. Taiwan: A Political History. - Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003. - 255 p.

ла Катца и упоминаемого выше М. Рубинштейна. Данный сборник представляет собой компиляцию статей виднейших западных и тайваньских ученых, изучающих проблему национальной идентичности Тайваня в тех или иных проявлениях, в том числе в том, что касается влияния, которое местные верования могут оказать на ее формирование⁹¹. Через два года после выпуска этого труда в Нью-Йорке был напечатан сборник *«Культурный, этнический и политический национализм на современном Тайване. Тайванизация»* (2005), редакторами которого выступили доцент Центра азиатских исследований Университета Аделаиды (Австралия) Джон Мэйкхэм и научный сотрудник Института социологии Академии Синика Сяо Ацинь. Этот сборник, подобно многим другим, включил в себя статьи как западных, так и тайваньских авторов, посвященные указанным в его названии ипостасям проблемы «тайваньской идентичности»⁹².

В 2004 г. тайваньская национальная идентичность, в основном ее проявление в таких сферах, как внутренняя политика КР и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива, также выступила в качестве главной темы одного из выпусков журнала *«Азиатское обозрение»* (*Asian Survey*) Калифорнийского университета, (Беркли, США), авторами опубликованных статей в котором стали как американские исследователи, включая доцента Школы международных отношений Южнокалифорнийского университета (Лос-Анджелес, США) Дэниэла Линча и профессора политологии Университета Дьюка (Северная Каролина, США) Эмерсона Нью, так и ученые из Европы и Тайваня⁹³. В сборнике затрагивались в том числе вопросы о соотношении между национальной идентичностью жителей Тайваня и их партийными симпатиями, которым посвящена также совместная монография доцента факультета психологии Наньянского технологического университета (Сингапур) Олуэн Бэдфорд и профессора психологии Тайваньского государственного университета Хуан Гуанго *«Тайваньская идентичность и демократия: социальная психология выборов 2004 года на Тайване»* (2006)⁹⁴.

Поскольку Тайвань является частью Азиатско-Тихоокеанского региона, то довольно интересно и актуально сравнение проблемы «тайваньской идентичности» с особенностями национальной самоидентификации в других странах этой территории, в частности в Китае и на Корейском полуострове. В данной связи можно обратиться к сборнику статей *«Идентичность и изменения в восточноазиатских конфликтах: на примерах Китая, Тайваня и двух Корей»* (2007) под редакцией профессоров политологии Университета штата Висконсин (США) Шейла Хоро-

⁹¹ Religion and the Formation of Taiwanese Identities/ ed. by P.R. Katz and M.A. Rubinstein. - New York: Palgrave Macmillan, 2003. - 300 p.

⁹² Cultural, Ethnic and Political Nationalism in Contemporary Taiwan/ ed. by J. Makeham and A-C. Hsiau. - New York: Palgrave Macmillan, 2005. - 294 p.

⁹³ Asian Survey. - 2004. - July/August. - Vol. XLIV, №4.

⁹⁴ Bedford, Olwen, Hwang Kwang-Kuo. Taiwanese Identity and Democracy: The Social Psychology of Taiwan's 2004 Elections. - New York: Palgrave Macmillan, 2006. - 240 p.

витца и Юк Хео, а также профессора Школы социальных и политических исследований Университета Кентербери (Крайстчёрч, Новая Зеландия) Александра Тана⁹⁵.

В последние несколько десятилетий в США появилась целая плеяда исследователей, занимающихся различными аспектами проблемы «тайваньской идентичности», будь то ее история или современное состояние, наиболее известными из которых являются Шелли Риггер, Джун Тойфэл Драйер и др. Драйер, профессор политологии Университета Майями (США), в своих работах по проблеме идентичности тайваньцев уделяет основное внимание ее историческому контексту, считая, что формирование «тайваньской идентичности», отличной от «китайской», началось более 100 лет назад, в период японского колониального господства на острове⁹⁶. Среди работ названных авторов хотелось бы особо выделить исследование доцента политологии в Колледже Дэвидсона (Северная Каролина, США) Шелли Риггер под названием «*Растущий рационализм на Тайване: поколения, политика и «тайваньский национализм»*» (2006), целью которого является доказать, что, несмотря на существующую взаимосвязь, наличие «тайваньской идентичности» на острове вовсе не обязательно ведет к эскалации националистического дискурса, и тем самым разграничить явления самоидентификации населения острова и его отношения к проблеме независимости или объединения с материковым Китаем⁹⁷.

Несмотря на растущий в целом интерес к истории и культуре аборигенного населения Тайваня, большинство исследований тех или иных аспектов проблемы «тайваньской идентичности» как в китайской, так и в западной историографии чаще всего касаются самоидентификации жителей острова, предки которых переселились сюда из материкового Китая, то есть этнических ханьцев, составляющих около 98% населения КР. Одно из исключений составляют работы старшего научного сотрудника Университета Миннесоты (США), социокультурного антрополога Мелиссы Браун, наиболее крупную из которых представляет собой книга «*Является ли Тайвань китайским? Влияние культуры, власти и миграции на меняющиеся идентичности*» (2004). В данной монографии Браун на примере «китаизации» (то есть приобретения ханьской этнической идентичности) некоторых народностей аборигенного населения Тайваня и субэтнической группы *туцзя* (土家) провинции Хубэй в материковом Китае, которая пережила обратный процесс превращения группы людей, первоначально относящейся к ханьцам, в особую этническую общность, стремится показать, что идентичность основывается не на общей культуре и

⁹⁵ Identity and Change in East Asian Conflicts: the Cases of China, Taiwan and the Koreas/ Ed. by S. Horowitz, U. Heo and A.C. Tan. - New York: Palgrave Macmillan, 2007. - 243 p.

⁹⁶ Dreyer, June Teufel. Taiwan's evolving Identity. Paper prepared for presentation at the Woodrow Wilson International Institute for Scholars, Washington D.C., July 17, 2003 [Electronic resource]// Formosa Foundation. – Режим доступа: [http://www.formosafoundation.org/pdf/Taiwan's%20Identity%20\(J_Dreyer\).pdf](http://www.formosafoundation.org/pdf/Taiwan's%20Identity%20(J_Dreyer).pdf), свободный. – Загл. с экрана.

⁹⁷ Rigger, Shelley. Taiwan's Rising Rationalism: Generations, Politics and "Taiwanese Nationalism". - Washington: East-West Center, 2006. – 74 p. [Electronic resource]// East-West Center. – Honolulu: East-West Center, 2006. Режим доступа: <http://www.eastwestcenter.org/publications/taiwans-rising-rationalism-generations-politics-and-taiwanese-nationalism>, свободный. – Загл. с экрана.

происхождении, а трансформируется в результате того или иного социального опыта, являясь одновременно продуктом политического манипулирования путем фальсификации истории и построения особой идеологии. В то же время, по убеждению Браун, «тайваньская идентичность», которая отчасти является порождением смеси ханьского и аборигенного факторов посредством смешанных браков и составляет сложный комплекс взаимоотношений между «ханьской этнической идентичностью», «китайской национальной идентичностью» и процессами «тайванизации» общественно-политической жизни острова 1990-х гг., представляет собой реально существующее явление, а не просто предмет политической риторики, что должно учитываться властями по обе стороны Тайваньского пролива. Ответ на провокационный вопрос, который звучит в названии книги, для ее автора предстает в качестве ключевого фактора в оценке законности притязаний тех или иных политических сил на суверенитет над Тайванем⁹⁸.

Также стоит отметить книги американского исследователя, который долгое время преподавал в Государственном Тайбэйском университете и в последние годы постоянно проживает на Тайване, Джерома Китинга: *«Тайвань: трудности демократии»* (2006), *«Тайвань: в поисках идентичности»* (2008), которые также посвящены проблеме самоидентификации граждан КР и ее международного статуса⁹⁹. Несмотря на то, что данные работы имеют довольно большую популярность среди населения Тайваня, однако их вряд ли можно отнести к классу строго научных исследований, поскольку в них четко прослеживается субъективная позиция автора, являющегося очевидным сторонником независимости Тайваня¹⁰⁰. В этом смысле Китинг может считаться последователем автора знаменитого труда *«Тайвань, который предали»* (1965) Джорджа Керра, бывшего студентом в Японии в 1935-37 гг., преподавателем английского языка на Тайване в 1937-40 гг., экспертом по Тайваню в вооруженных силах США в годы Второй мировой войны и вице-консулом США в Тайбэе после 1945 г. Явившись свидетелем первых лет правления Гоминьдана на Тайване, в том числе событий 28 февраля 1947 г., о которых более подробно речь пойдет в последующих главах данного исследования, Керр встал на жесткую антигоминьдановскую позицию, которая впоследствии даже стоила ему места преподавателя в престижном Стэнфордском университете¹⁰¹.

⁹⁸ Brown, Melissa. Is Taiwan Chinese? The impact of culture, power, and migration on changing identities. - Berkeley: University of California press, 2004. - 349 p.

⁹⁹ Keating, Jerome F. Taiwan: the Search for Identity. - Taipei: SMC Publishing, 2008. - 118 p. ; Idem. Taiwan: the Struggles of a Democracy. - Taipei: SMC Publishing, 2006. - 173 p.

¹⁰⁰ Взгляды Китинга на данный вопрос недвусмысленно отражены в его многочисленных статьях, которые можно найти на персональной странице автора в Интернете. См. Персональная страница Джерома Китинга [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.jeromekeating.com/>, свободный. - Загл. с экрана.

¹⁰¹ Kerr, George H. Formosa Betrayed. - Boston: Houghton Mifflin, 1965. - 514 p.

1.2.4 Работы исследователей из КНР

Приступая к разбору китаеязычной историографии по проблеме «тайваньской идентичности», необходимо сказать несколько слов о видении данного вопроса в научных кругах КНР.

Как известно, официальная позиция властей КНР по тайваньскому вопросу, выраженная в многочисленных речах ее лидеров и в законодательных актах, в частности в «Законе о противодействии расколу государства» (*Фань фэньле гоцзя фа* 反分裂国家法), принятом в марте 2005 г., заключается в отстаивании принципа «одного Китая»¹⁰² и в утверждениях, что «Тайвань является неотъемлемой частью Китая», «мирное объединение родины является священной обязанностью всего китайского народа, включая тайваньских соотечественников», и «лучше всего отвечает коренным интересам соотечественников по обе стороны Тайваньского пролива»¹⁰³. После предполагаемого объединения Тайваню предлагается существование в рамках теории «одна страна, две системы» (*и го лян чжи* 一国两制), выдвинутой в конце 1970-х гг. Дэн Сяопином в качестве варианта решения «тайваньской проблемы» и осуществленной на практике в отношении Гонконга и Макао после их возвращения под суверенитет КНР в 1997 и 1999 гг. соответственно¹⁰⁴.

Истоки научных исследований Тайваня в КНР восходят к началу 1980-х гг., когда в Сямэньском университете, пров. Фуцзянь, был учрежден Институт исследований Тайваня¹⁰⁵, с 1983 г. выпускающий ежеквартальный журнал «Антология тайваньских исследований» (*Тайвань яньцзю цзикань* 台湾研究集刊). В настоящее время данный институт является крупнейшим и наиболее авторитетным центром изучения Тайваня в КНР наряду с одноименным учреждением в Академии общественных наук Китая, основанным в 1984 г., состав которого насчитывает более 170 научных сотрудников и результаты исследований которого с 1988 г. отражаются преимущественно в периодическом издании «Ежеквартальный журнал тайваньских исследований» (*Тайвань яньцзю цзикань* 台湾研究季刊). По данным Центра информации и исследований материкового Китая при Комитете по делам материкового Китая Исполнительного Юаня КР, в настоящее время в КНР насчитывается 7 центров исследования Тайваня, относящихся к системе

¹⁰² «В мире существует только один Китай, материковый Китай и Тайвань принадлежат одному Китаю, суверенитет и территориальная целостность Китая являются неотъемлемыми». См. Фань фэньле гоцзя фа (Закон о противодействии расколу государства) [Электронный ресурс]// Агентство Синьхуа. – 2005.- 14 марта. – Пекин: XINHUANET.com, 2005. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/newscenter/2005-03/14/content_2694168.htm, свободный. - Загл. с экрана.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Как известно, конкретное содержание данной теории в отношении Тайваня было сформулировано в так называемых «9 пунктах Е» (*Е цзю тiao* 叶九条), которые были изложены тогдашним председателем ПК ВСНП КНР Е Цзяньином на пресс-конференции с журналистами агентства Синьхуа в сентябре 1981 г. См. Е Цзяньин о возвращении Тайваня в лоно родины и мирном объединении (текст интервью Председателя ПК ВСНП Е Цзяньина от 30 сентября 1981 г.) [Электронный ресурс]// Китайский информационный Интернет-центр. – Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/russian/32102.htm>, свободный. - Загл. с экрана.

¹⁰⁵ Первоначальное название *Тайвань яньцзюсо* (台湾研究所) в 2004 г. сменилось на *Тайвань яньцзююань* (台湾研究院).

Академии общественных наук Китая и 26 соответствующих подразделений в университетах по всей стране, которые в совокупности выпускают минимум 6 периодических изданий, посвященных различным аспектам развития острова. Помимо них в Китае также существует около 40 неправительственных организаций, занимающихся изучением Тайваня. Крупнейшей из них является Всекитайская ассоциация тайваньских исследований (*Цюаньго Тайвань яньцзю хуэй* 全国台湾研究会), основанная в 1988 г. и объединяющая более 30 подобных учреждений по всему Китаю (более 1600 человек). Главной целью Ассоциации является способствование развитию тайваньских исследований внутри Китая и научному обмену и сотрудничеству между двумя берегами Тайваньского пролива, а также с другими странами. В качестве одной из важных составляющих ее деятельности можно назвать сбор периодических изданий и книг, выходящих на Тайване. Кроме того, при Ассоциации действует Фонд публикаций тайваньских исследований (*Тайвань яньцзю чубань цзицзиньхуэй* 台湾研究出版基金会), который оказывает финансовую поддержку при издании научных трудов в сфере изучения Тайваня¹⁰⁶.

Описанная выше картина влечет за собой представление о тайваньских исследованиях в КНР как о вполне развитой сфере научного знания. С точки зрения количества статей в периодических изданиях и выпускаемых книг, описывающих самые разные сферы жизни Тайваня, это соответствует действительности. Однако, за некоторыми малочисленными исключениями¹⁰⁷, среди исследователей проблем Тайваня в международных академических кругах едва ли можно встретить имена ученых из материкового Китая, которые крайне редко появляются на каких-либо научных конференциях кроме тех, что проводятся в самом Китае. Ссылки на работы авторов из КНР также практически невозможно увидеть в большинстве наиболее авторитетных трудов по данной теме. Подобная ситуация, помимо действующей в КНР установки, согласно которой вопросы отношений между двумя берегами Тайваньского пролива следует обсуждать внутри «китайской нации», не вынося их на международную арену, вероятно, объясняется также очевидной политизированностью большинства материковых работ о Тайване, особенно касающихся проблемы «тайваньской идентичности». Главной общей целью этих сочинений является доказать

¹⁰⁶ Далю дуй Тайвань яньцзю дэ цзигоу, гайкуан (Обзор организаций и общего положения дел в тайваньских исследованиях в материковом Китае) [Электронный ресурс]// Далю цзысюнь цзи яньцзю чжунсинь (Центр информации и исследований материкового Китая при Комитете по делам материкового Китая Исполнительного Юаня Китайской Республики, Тайвань). – Режим доступа: <http://www.mac.gov.tw/ct.asp?xItem=48110&ctNode=5841&mp=4>, свободный. - Загл. с экрана.

¹⁰⁷ В данной связи можно выделить историка Чэнь Кунли, профессора Института тайваньских исследований Сямэньского университета (в 1987-94 гг. – его директора), заместителя председателя правления Института тайваньских исследований Академии общественных наук Китая, постоянного члена правления Всекитайской ассоциации тайваньских исследований, который является одним из основателей «тайваневедения» в КНР и первым китайским ученым, установившим контакты с академической общественностью Тайваня и других стран в конце 1980-х гг. Чэнь Кунли является автором многочисленных монографий и статей по истории, политике Тайваня и развитию отношений между двумя берегами Тайваньского пролива, таких, как «Исследование иммигрантского общества Тайваня в эпоху Цин» (1990), «Очерк истории Тайваня» (1996), «История Тайваня и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива» (1999) и др.

принадлежность Тайваня материковому Китаю, незаконность любых теорий о наличии на острове независимого государства, как то «два Китая» или «один Китай, один Тайвань», историческую несостоятельность претензий тайваньцев на наличие собственного самосознания, отличного от китайского, и т.д. Так, например, авторы одной из статей по истории тайваньской литературы считают, что ученые, отстаивающие ее «локальный» характер, слишком подвержены влиянию идеологии партии Миньцзиньдан, что во многих случаях лишает их умозаключения научности и логичности. По мнению авторов, говоря о таком явлении, как «тайваньская литература», которая является частью общекайтайской литературы, как и тайваньская культура в целом, необходимо учитывать и писателей 1950-х гг., прибывших вместе с Гоминьданом из материкового Китая¹⁰⁸.

Для исследований по истории Тайваня характерно подчеркивание наличия ранних контактов между двумя берегами Тайваньского пролива, изначальной вовлеченности острова в сферу интересов Китая. Преподаватель Университета военно-воздушной инженерии (Сиань, провинция Шэньси) Ван Пин утверждает, что «освоение и управление Тайванем со стороны центрального правительства Китая в эпохи Сун, Юань и Мин, способствовало тому, что развитие Тайваня неразрывно связано с развитием истории Китая»¹⁰⁹. Автор также убежден, что «повсеместное распространение на Тайване передовых технологий материкового Китая в период пребывания острова под властью трех поколений клана Чжэнов и Империи Цин всячески способствовало развитию тайваньской экономики»¹¹⁰. Ван дает крайне негативную оценку периоду колониального господства Японии, считая его временем становления «китайского национального самосознания» у населения Тайваня, которое и сегодня является основой национальной идентичности жителей острова¹¹¹.

Среди статей материковых исследователей можно найти и те, выводы и общее изложение проблемы «тайваньской идентичности» в которых несколько отличаются от подавляющего большинства их коллег в КНР и в целом совпадают с умозаключениями тайваньских ученых. Так, например, авторы статьи «*Идентичность и тайваньский вопрос*» Инь Цунь и Люй Фан, активно ссылаясь на работы ведущих тайваньских исследователей и на приводимые в них результаты статистических опросов, справедливо отмечают роль периодов правления на острове

¹⁰⁸ Чжан Юй, Чжан Цайся. Тайвань вэньсюэ ши дэ чжуаньшу юй вэньхуа жэньтун яньцзю (Исследование работ по истории тайваньской литературы и культурной идентичности)// Тайвань яньцзю цзикань (Антология тайваньских исследований, Сямэнь). – 2008. – №3 (101). – С. 78-87.

¹⁰⁹ На самом деле, согласно многим современным исследованиям, действия китайских властей на острове до его вхождения в состав Империи Цин в 1683 г. ограничивались созданием здесь военных гарнизонов на временной основе для борьбы с так называемыми «пиратами» (в основном японского происхождения), совершавшими набеги на китайские прибрежные торговые города.

¹¹⁰ Ван Пин. Тайвань миньчжун гоцзя жэньтун «юань» юй «лю» дэ лиши вэньхуа тоуши (Культурно-исторический экскурс в «истоки» и «современное состояние» государственной идентичности населения Тайваня)// Цзюньши лиши яньцзю (Исследования истории военного дела, Сиань). – 2008. – №1. – С. 136. Подробнее про клан Чжэнов см. примечание 214.

¹¹¹ Там же. С. 138, 136.

Чан Кайши, Цзян Цзинго, Ли Дэнхуэя в процессе формирования особого «тайваньского самосознания» и становления проблемы «национальной идентичности» на острове, а также приводят данные о процентном соотношении людей, определяющих себя как «тайваньцев», «китайцев» или и тех, и других. В целом не отрицая актуальности проблемы «тайваньской идентичности», Инь и Лю во вступлении и заключении подчеркивают ее особую важность для осуществления задачи мирного объединения Китая. Как отмечается, «[проблема] идентичности относится не только к тому, необходимо ли осуществление объединения двух берегов Тайваньского пролива, но и к тому, как осуществить это объединение». Авторы уверены, что главная цель политики правительства КНР в отношении Тайваня должна заключаться в том, чтобы мирным путем – путем распространения рыночной экономики и демократического правопорядка – привлечь на свою сторону симпатии населения противоположного берега Тайваньского пролива, тем самым лишив идеологию Движения за независимость Тайваня возможности к существованию и развитию¹¹².

В КНР также издаются работы некоторых тайваньских авторов, которые поддерживают принцип «одного Китая», например, Ли Ао – тайваньского писателя, эссеиста, историка и политика (участвовал в президентских выборах 2000 г.), родившегося в Харбине в 1935 г. и выступающего с критикой всех политических сил как Тайваня, так и КНР с позиций китайского национализма.

Следует отметить, что в академической общественности КНР существуют частные, альтернативные официальной, точки зрения на вопрос о государственном суверенитете КНР над некоторыми территориями, включая Тайвань. Так, известный китайский экономист и яростный критик официального китайского национализма Мао Юйши в некоторых из своих многочисленных статей и интервью, признавая принадлежность жителей по обе стороны Тайваньского пролива к «единой культуре и этнической общности» (*тунвэнь тунчжун* 同文同種), выступает категорически против насильственного присоединения острова к КНР. Мао Юйши убежден, что при решении спорных территориальных вопросов правительство КНР должно в первую очередь учитывать экономические интересы китайского народа и его безопасность¹¹³. Однако подобные заявления для китайского общества на его современном этапе развития звучат некоторой фрондой и не находят сочувственных откликов в широкой китайской общественности.

¹¹² Инь Цуньи, Люй Фан. Жэньтун юй Тайвань вэньти (Идентичность и «тайваньская проблема»)// Гунгун гуаньли пинлунь (Обозрение государственного управления, Пекин). – 2006. – Том 4, №1. – С. 75-89.

¹¹³ Мао Юйши: Дяоюйдао мэю GDP юй Жибэнь чунту бу хэсуань (Мао Юйши: Архипелаг Дяоюйдао не дает ВВП, вступать в конфликт с Японией нерентабельно) [Электронный ресурс]// Фэнхуан шипинь (Телевидение «Феникс»). – 2013. – 17 февраля. – Гонконг: Phoenix New Media Limited, 2011. – Режим доступа: <http://v.ifeng.com/news/opinion/201302/9100e1f5-eeda-49c2-b38b-51ca551edc44.shtml>, свободный. – Загл. с экрана; Мао Юйши: тунъи Тайвань дэ сяоминь чжи цзянь (Мао Юйши: взгляд простого народа на вопрос о присоединении Тайваня) [Электронный ресурс]// Айсыян. – 2003. – 20 декабря. – Режим доступа: <http://www.aisixiang.com/data/2599.html>, свободный. – Загл. с экрана.

Тем не менее, изучая работы по Тайваню исследователей из КНР, необходимо учитывать, что их взгляды подвержены изменениям вслед за переменами в официальной позиции китайского правительства. Тенденция к принятию властями КНР более гибкого подхода к решению «тайваньской проблемы» путем активизации контактов на высшем уровне (не только между партийными функционерами, но и официальными лицами обеих сторон), налаживания отношений с ДПП и других мер не может не отражаться на историографии КНР. Кроме того, в настоящее время на фоне интенсификации контактов между академическими кругами двух берегов Тайваньского пролива, многие материковые ученые проводят довольно длительное время в различных исследовательских учреждениях острова, что также не может не отражаться на их личных взглядах на проблему самосознания тайваньцев. Очень вероятно, что среди этих авторов есть поставщики аналитической информации для руководства КНР, которая скорее всего носит более объективный характер, чем публикации, открытые для широких слоев населения. Однако в большинстве случаев эти отчеты, оформленные под грифом «секретно», не доступны исследователям.

1.2.5 Тайваньская историография

Изучение проблем идентичности населения острова в тайваньской историографии, как и полномасштабное исследование истории, географии, литературы и других дисциплин, посвященных Тайваню как самостоятельному субъекту научного знания, началось, подобно другим процессам в тайваньском обществе, по мере демократизации его общественно-политической жизни в 1980-х гг.

За исключением упомянутых выше работ тайваньских националистов, которые в 1940-70-х гг. издавались исключительно за пределами Тайваня, на самом острове вопрос о «тайваньском самосознании» в его противопоставлении «китайской идентичности» был впервые поднят в так называемой «дискуссии о провинциальной литературе» (*сянту вэньсюэ луньчжань* 鄉土文學論戰), начало которой было положено статьей известного тайваньского писателя и исследователя истории литературы Е Шитао «*К вопросу об истории тайваньской провинциальной литературы*», опубликованной в 14 номере журнала *Сячао* (夏潮)¹¹⁴ в мае 1977 г. В этой статье впервые была изложена мысль о том, что в основе тайваньской литературы¹¹⁵ лежит «тайваньское

¹¹⁴ Журнал «левого» толка, основанный в феврале 1976 г. и прекративший свое существование по приказу правительства КР в феврале 1979 г.

¹¹⁵ Имеется в виду литература писателей из числа «коренных тайваньцев», героями произведений которых были жители острова из числа простых людей, которые пережили все перипетии истории Тайваня, особенно период японского колониального господства и первые годы управления островом гоминьдановской администрацией. На Тайване существовал и другой вид литературы, представленный писателями, прибывшими на остров после 1949 г., сочинения которых отражали опыт борьбы Китая против японской агрессии в 1937-45 гг., а также горечь утраты собственной родины.

самосознание», возникшее в процессе модернизации острова в период японского колониального господства. Взгляды Е Шитао, поддержанные другими тайваньскими писателями (Чэнь Шаотин, Чэнь Фанмин, Пэн Жуйцзинь и др.), работы которых стали во все возрастающем количестве появляться в 1980-х гг., были подвергнуты критике сторонниками объединения Китая во главе с писателем «левых» взглядов Чэнь Инчжэнем, статья которого под названием «*Белые пятна “провинциальной литературы”*» вышла в июньском номере 1977 г. журнала *Тайваньская литература* (*Тайвань вэньи* 台灣文藝). В своей статье Чэнь Инчжэнь назвал суждения Е Шитао и его сторонников «сепаратистскими», а «историю тайваньской провинциальной литературы» охарактеризовал как «историю китайской литературы на Тайване»¹¹⁶. Особенностью данной дискуссии стало не просто высказывание совершенно новых, не возможных в более ранние периоды взглядов на тайваньскую литературу, но и то, что различные точки зрения, представленные в ходе полемики, принадлежали в основном оппозиционным по отношению к действующей власти лагерям (будь то сторонники «тайваньского самосознания» или их оппоненты, отстаивающие «левые» идеи), члены которых в целом не были подвергнуты ни жестким репрессиям со стороны спецслужб, ни яростной критике со стороны правительства, что свидетельствует о постепенном формировании на Тайване площадки для относительно свободных научных дискуссий.

В 1983 г. неожиданная эмиграция в Пекин известного тайваньского автора и исполнителя в стиле «университетской народной песни» (*сяююань миньгэ* 校園民歌) Хоу Дэцзяня, прославившегося песней «Потомки дракона» (*Лун дэ чуаньжэнь* 龍的傳人)¹¹⁷, стала поводом для очередного научно-публицистического диспута, вошедшего в историографию под названием «Дискуссия о тайваньском самосознании» (*Тайвань иши луньчжань* 台灣意識論戰). Начало дискуссии положили сторонники «китайского самосознания» на острове (наиболее активным из которых был цитируемый выше Чэнь Инчжэнь), которые в 1983 г. в еженедельных журналах *Прогресс* (*Цяньцзинь* 前進) и *Укоренение* (*Шэнгэнь* 生根) опубликовали целый ряд статей, в которых говорилось о кризисе «китайской идентичности» на острове и о необходимости его преодоления. В опровержение их суждений стали появляться и статьи авторов, поддерживавших идею «тайваньского самосознания», в частности упоминавшегося ранее Чэнь Фанмина, который

¹¹⁶ И Мин. Цзинянь Тайвань сянтэ вэньсюэ луньчжань 30 чжоунянь (К тридцатой годовщине дискуссии о тайваньской провинциальной литературе) [Электронный ресурс]// Сайт «Чжунго вэньсюэ» (Китайская литература). – Пекин: Институт литературы Академии общественных наук Китая, 2007. – Режим доступа: <http://www.literature.org.cn/article.aspx?id=15965>, свободный. – Загл. с экрана.

¹¹⁷ Смысл этой песни заключается в признании принадлежности тайваньцев к китайской нации, а материкового Китая – в качестве собственной родины, посещение которой является объектом мечтаний жителей острова. На Тайване эта песня в начале 1980-х гг. (не без усилий правящего ГМД) была знакома каждому.

во время описываемых событий находился в США¹¹⁸. Впоследствии роль площадок для данной дискуссии стали играть и другие периодические издания: *Азиаты* (Ячжоужэнь 亞洲人), *Форум Сячао* (Сячао луньтань 夏潮論壇), *Вдоль и поперек* (Цзунхэн 縱橫), *Эпоха Тайваня* (Тайвань няньдай 台灣年代) и др. Многие из статей участников данной полемики из обоих лагерей позднее были опубликованы в сборнике «*Избранные произведения относительно дискуссии о тайваньском самосознании*» под редакцией Чэнь Фанмина под псевдонимом Ши Миньхуэй в 1985 г. в США и в 1988 г. на Тайване¹¹⁹.

В 1986 и 1987 гг. под эгидой одного из журналов прогоминьдановского медиахолдинга *Ляньхэбао - Китайский форум* (Чжунго луньтань 中國論壇) – были проведены две научные конференции по проблемам «китайского» и «тайваньского самосознания» жителей КР: «[Китайский комплекс] и [тайваньский комплекс] в глазах нового поколения» и «[Китайский комплекс] и [тайваньский комплекс]». Доклады участников последней, в число которых вошли видные тайваньские историки, социологи и политологи, были опубликованы в 289 номере журнала *Китайский форум*. В частности именно здесь вышла статья научных сотрудников Института социологии Академии Синика Чжан Маогуй и Сяо Синьхуана, в которой впервые был применен метод проведения и анализа опросов общественного мнения для определения самоидентификации населения Тайваня (на примере студентов)¹²⁰. Сюда же были включены статьи таких тайваньских авторов, как Чэнь Цинань, Ван Сяобо, Инь Чжанъи и др., которые, излагая свою точку зрения на ту или иную проблему, для ее подкрепления использовали самые разные исторические источники. Впрочем, выбор этих источников зачастую определялся не только научной, но и политической позицией исследователей.

Появление описанного выше выпуска журнала *Китайский форум* произошло через несколько месяцев после отмены «военного положения» на острове, которое ознаменовало снятие табу на обсуждение и изучение запретных ранее тем, включая проблемы истории Тайваня, «тайваньского самосознания»/ «тайваньской идентичности», отношений между различными группами населения КР и др. Ученые, которые раньше занимались исследованиями в указанных областях

¹¹⁸ Ян Цзюцзюнь. Цзюйлун, Цзюйлун, ни ся лэ янь! (Огромный дракон, огромный дракон, ты ослеп!)// Цяньцзинь (Прогресс). – 1984. – Июнь. – №11 ; Линь Шиминь. Лун мэй йоу чуань ифу (Дракон не был одет)// Там же. – №12 ; Чэнь Инчжэнь. Сянчжэ гэн куаньгуан дэ лиши шиэ (Стремясь к более обширному историческому кругозору)// Там же ; Цай Иминь. Шилунь Чэнь Инчжэнь дэ «Чжунго цзе» (К вопросу о «китайском комплексе» Чэнь Инчжэня)// Там же. – №13 ; Чэнь Юань. «Чжунго цзе» юй «Тайвань цзе» («Китайский» и «тайваньский комплекс»)// Там же ; Лян Цзинфэн. Водэ Чжунго ши Тайвань (Мой Китай – это Тайвань)// Там же ; Чэнь Инчжэнь. Вэйлэ миньцзу дэ туаньцзе юй хэпин (Ради национального единения и мира)// Там же. – Июль. – №14; Чэнь Шухун. Тайвань иши – данвай миньчжу юньдун дэ цзиши (Тайваньское самосознание – основа демократического движения внепартийных)// Шэнгэнь (Укоренение). – 1984. – Июль. – №12 ; и др.

¹¹⁹ Тайвань иши луньчжань сюаньцзи (Избранные произведения относительно дискуссии о тайваньском самосознании)/ под ред. Ши Миньхуэя (Чэнь Фанмина). – Тайбэй: Цяньвэй, 1988. – 250 с.

¹²⁰ Чжан Маогуй, Сяо Синьхуан. Дасюэшэн дэ «чжунго цзе» юй «тайвань цзе» - цзыво жэньдин юй тунхунь гуаньнянь дэ фэньси («Китайский» и «тайваньский комплекс» студентов вузов – анализ самоопределения и отношения к смешанному браку)// Чжунго луньтань (Китайский форум, Тайбэй). – 1987. – 10 октября. – Вып. 25, №1. – С. 34-53.

лишь эпизодически, получили возможность вести свою работу в многочисленных заново созданных организациях. Так, например, в 1988 г. в Академии Синика была основана Лаборатория полевых исследований истории Тайваня, которая в 2004 г. была преобразована в Институт истории Тайваня. В 1995 г. началась подготовительная работа к учреждению Института социологии, которая завершилась в 2000 г. Именно в стенах данного заведения сегодня сконцентрировано наибольшее количество ученых, занимающихся различными аспектами национальной и этнической идентичности граждан КР, которые до этого занимали должности научных сотрудников в других подразделениях Академии (преимущественно в Институте этнологии).

Первый научный сборник, посвященный проблемам национальной идентичности и межэтнических отношений на Тайване и заложивший основу для будущих исследований в этой области, вышел в 1993 г. под редакцией упоминавшегося выше Чжан Маогуй, который в то время занимал должность младшего научного сотрудника в Институте этнологии Академии Синика, а впоследствии научного сотрудника, а также заместителя директора (2000-2006, 2009-2011) Института социологии. В данный сборник под названием *«Межэтнические отношения и национальная идентичность»* вошли также статьи других сотрудников Академии Синика, наиболее известными из которых являются Ван Фучан (научный сотрудник и заместитель директора Института социологии) и У Найдэ (научный сотрудник там же).

Названные исследователи в настоящее время входят в число наиболее авторитетных специалистов по вопросам национальной и этнической идентичности тайваньцев в целом и отдельных групп населения КР в частности. Их труды в виде монографий, статей, глав сборников и докладов на конференциях публикуются регулярно не только на самом Тайване, но и во многих других странах мира. Перечислить все эти работы не представляется возможным, да и не имеет большой необходимости¹²¹. В рамках данного раздела нам бы хотелось лишь обозначить основные направления исследований указанных ученых, которые во многих случаях пересекаются, и изданные в этих рамках труды. Так, Чжан Маогуй и Ван Фучан занимаются изучением истории и современного состояния национальной идентичности тайваньцев в свете отношений между основными этническими группами на острове. При этом Ван Фучан наряду с изучением других проблем наибольшее внимание уделяет вопросам истории межэтнических отношений, прошлого опыта и будущих перспектив их сглаживания, этнической политики властей КР и т.д.¹²², в то время как Чжан Маогуй, помимо перечисленных выше сюжетов исследует также национальную

¹²¹ Ознакомиться с полным списком опубликованных когда-либо работ Ван Фучана, Чжан Маогуй, У Найдэ и других исследователей можно на официальном интернет-сайте Института социологии Академии Синика. – Режим доступа: <http://www.ios.sinica.edu.tw/ios/E/?pid=97>, свободный.

¹²² Напр., *Ван Фучан*. Гуанфу хоу Тайвань цзуюнь иши дэ синчэн (Формирование этнического сознания на Тайване после возвращения под власть Китая)// Лиши юэкань (ежемесячный журнал «История»). – 1998. – Вып. 131. – С. 30-40 ; *Его же*. Шэнцзи жунхэ дэ бэньчжи – игэ лилунь юй цзинъянь дэ таньтао (Сущность гармонизации межэтнических отношений – теоретический и эмпирический анализ)// Цзуюнь гуаньси юй гоцзя жэньтун (Межэтнические отношения и национальная идентичность)/ под ред. Чжан Маогуй. – Тайбэй: Минтянь, 1993. - С. 53-100 ; и др.

идентичность отдельных групп населения Тайваня, главным образом, выходцев из материкового Китая, а также особенности самоидентификации тайваньцев с точки зрения теории мультикультурализма, демократизации и др.¹²³ В 2010 г. вышел сборник под его редакцией *«Государство и идентичность: взгляды некоторых вайшэнжэнь»*, авторы статей в котором являются видными тайваньскими исследователями, преподавателями и общественными деятелями, излагающими как научно обоснованные взгляды, так и собственные точки зрения на указанные в названии книги проблемы. В этой связи данный сборник можно отнести одновременно и к исследовательской литературе, и к группе источников.

Что касается У Найдэ, то его работы в основном посвящены политическим аспектам проблемы национальной идентичности Тайваня в свете отношений между двумя берегами Тайваньского пролива, а также вопросам исторической памяти граждан КР¹²⁴.

Начиная со второй половины 1990-х гг., в русле политики «тайванизации» Ли Дэньхуэя, а впоследствии Чэнь Шуйбяня, на Тайване как в научных и учебных учреждениях, так и под эгидой разнообразных исследовательских фондов регулярно проводятся конференции, семинары и форумы, посвященные или затрагивающие различные аспекты проблемы «тайваньской идентичности». Автор данного исследования постарается перечислить и дать характеристику наиболее показательным и, с нашей точки зрения, заслуживающим всестороннего анализа трудам по вопросам «тайваньского самосознания».

Как уже было отмечено выше, особенность исследовательской литературы по проблемам национальной и этнической идентичности граждан КР, заключается в крайней политизированно-

¹²³ Напр., Чжан Маогуй. Доюань вэньхуа чжуи цзай Тайвань юй ци куньцзин (Мультикультурализм на Тайване и его трудности)// Чжиши фэньцзы дэ синсы юй дуйхуа (Размышления и диалог интеллигенции)/ под ред. Шэнь Сяньцина и др. – Тайбэй: Шибэо вэньхуа, 2008. – С. 310-325 ; *Его же*. Миньцзу юй гоцзя, вэньхуа юй чжэнчжи (Нация и государство, культура и политика)// Тайда шэхуэйсюэ кань (Социология Тайваньского университета). – 2001. – Февраль. – №29. – С. 293-299 ; *Его же*. Тайвань «доюань вэньхуа» чжэнчжи юй юньдун («Мультикультурная» политика и движение на Тайване)// Посуто минсюаки но тайван сэйдзи: Тин Суйхэн сэйкэн но 8нэн (Тайваньская политика в период постдемократии: восемь лет правления Чэнь Шуйбяня)/ под ред. Вакабаяси, Масахиро. – Токио: Институт развивающихся экономик, 2010. – С. 123-167 ; Чжан Маогуй, Сяо Пин. «Цзунь» ити дэ синьвэнь цюаньши – цзяньлунь баочжи юй гунгун линъюй вэньти (Отражение в новостях вопросов «этничности» – попутно обсуждая вопросы газетной прессы и общественной сферы)// Тайда синьвэнь луньтань (Новостной форум Тайваньского университета). – 1994. – Апрель. – Том 1, №1. – С. 98-122 ; Chang, Mau-kuei. On the Origins and Transformation of Taiwanese National Identity// Religion and the Formation of Taiwanese Identities. P. 23-58 ; Yang, Dominic Meng-hsuan and Chang, Mau-kuei. Understanding the Nuances of Waishengren// China Perspectives. – 2010. – №3. – P. 108-122 ; и др.

¹²⁴ Напр., У Найдэ. Гоцзя жэньтун хэ чжэндан чжичи. Тайвань чжэндан цзинчжэн дэ шэхуэй цзичу (Национальная идентичность и поддержка политических партий. Социальная основа партийной борьбы на Тайване)// Чжунъян яньцзюань миньцзусюэ яньцзюсо цзикань (Бюллетень института этнологии Академии «Синика»). – 1993. – Ноябрь. – №74. С. 33-61 ; *Его же*. Жэньтун чунту хэ чжэнчжи синьжэнь: сянь цзедуань Тайвань цзунь чжэнчжи дэ хэсинь наньти (Конфликт идентичностей и политическое доверие: основная трудность в этнической политике Тайваня на современном этапе)// Тайвань шэхуэйсюэ (Социология Тайваня). 2002. – Декабрь. – №4. – С. 75-118 ; *Его же*. Мяньбао юй айцин: чутань Тайвань миньчжун миньцзу жэньтун дэ бяньдун (Хлеб и любовь: к вопросу об изменениях национальной идентичности населения Тайваня)// Тайвань чжэнчжи сюэкань (научный журнал «Политика Тайваня»). – 2005. – №9:2. – С. 5-39 ; *Его же*. Шусе «миньцзу» чуаншан: эрэба шицзянь дэ лиши цзии (Записывая «национальные» раны: историческая память об инциденте 28 февраля)// Сысян (Идеология). – 2008. – Январь. – №8. – С. 39-70 ; Wu, Naitheh. Transition without Justice or Justice without History: Transitional Justice in Taiwan// Taiwan Journal of Democracy. – 2005. – July. – №1. – P. 77-102 ; и др.

сти данной темы, которая в той или иной степени отражается практически во всех работах тайваньских авторов. В этой связи любой исследователь должен предельно внимательно подходить к анализу и сопоставлению всех доступных нам трудов по данной проблематике, многие из которых занимают промежуточное положение между источниковой базой и исследовательской литературой. Данная особенность представляет собой предмет для беспокойства и самих тайваньских ученых. Так, например, профессор Исторического факультета Тайваньского государственного университета Чэнь Цуйлянь и автор книги *«Соппротивление и идентичность тайваньцев»* (2008) в своей статье отмечает, что одной из сторон исследований вопроса национальной идентичности Тайваня является проблема «разграничения личной и научной позиции», преодоление чрезмерной «эмоциональности» авторов. Чэнь Цуйлянь уверена, что, несмотря на имеющееся у каждого человека право на собственное мнение, научная работа должна отличаться от «политической пропаганды» ради достижения «объективности исследовательского диалога»¹²⁵.

Мнение Чэнь Цуйлянь в целом справедливо. Среди исследователей проблемы «тайваньской идентичности» довольно много сторонников тайваньского национализма. Пожалуй, наиболее известным из них является упоминавшийся выше Ши Чжэнфэн, которому принадлежит авторство многочисленных монографий и статей, посвященных различным аспектам национальной идентичности населения КР, в том числе проблемам межэтнических отношений, исторической памяти тайваньцев, истории тайваньского национализма, политики «тайванизации» и т.д.¹²⁶ Помимо этого, Ши Чжэнфэн регулярно выступает в качестве редактора сборников статей по соответствующей тематике, среди которых *«Культурный дискурс национальной идентичности»* (2006), *«Национальная идентичность Тайваня»* (2005) и др., а также является постоянным автором целого ряда периодических изданий на Тайване¹²⁷.

Еще одним исследователем, стоящим на позициях тайваньского национализма, является профессор Тайбэйского государственного образовательного университета Ли Сяофэн. Однако, в

¹²⁵ Чэнь Цуйлянь. Тайвань дэ гоцзя жэньтун яньцзю цзинькуан (Современное состояние исследований по проблеме национальной идентичности Тайваня)// Гошигуань гуанькань (Журнал Академии государственной истории). – 2002. – Декабрь. - № 33 (после возобновления). – С. 17.

¹²⁶ Ши Чжэнфэн. Тайвань миньцзу чжуи (Тайваньский национализм). – Тайбэй: Цяньвэй, 1994, 2003. – 389 с. ; *Его же*. Тайвань миньчжухуа гочэн чжун дэ цзуюнь чжэнчжи (Этническая политика в ходе процесса демократизации Тайваня)// Тайвань миньчжу цзикань (Ежеквартальный журнал «Демократия Тайваня»). – 2007. – Декабрь. - Том 4, №4. - С. 177-89 ; *Его же*. Тайвань чжэнчжи ши дэ чунсинь цзяньгоу (Построение заново тайваньской политической истории). Доклад на научной конференции Ассоциации истории Тайваня «Создание научной субъектности Тайваня», Тайбэй, 01 июля 2006 г. [Электронный ресурс]// Государственный университет Дунхуа. – Режим доступа: <http://faculty.ndhu.edu.tw/~cfshih/conference-papers/20060701.htm>, свободный. – Загл. с экрана ; *Его же*. Тайваньжэнь дэ миньцзу жэньтун (Национальная идентичность тайваньцев). – Тайбэй: Цяньвэй, 2000. – 254 с. ; *Его же*. Чжэнмин юньдун юй миньцзу жэньтун дэ цзяньгоу (Движение за исправление имен и построение национальной идентичности)// Синь шицзи чжику луньтань (Журнал «Форум мозгового центра культурно-образовательного фонда «Новый век», Тайбэй). – 2002. – 30 сентября. - №19. – С. 21-29 ; Тайвань дули цзяньгоу лянмэн дэ гуши (Истории Союза независимости Тайваня и создания государства)/ под ред. Чэнь Минчэна и Ши Чжэнфэна. – Тайбэй: Цяньвэй, 2000. – 112 с. ; и др.

¹²⁷ Ознакомиться со всеми статьями Ши Чжэнфэна, выходившими в СМИ, а также с подробным списком всех его работ можно на персональной странице автора в интернете. См.: Персональная страница Ши Чжэнфэна [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://faculty.ndhu.edu.tw/~cfshih/>, свободный. – Загл. с экрана.

отличие от Ши Чжэнфэна, работы которого в большинстве своем посвящены политическим аспектам проблемы самоидентификации тайваньцев, Ли в основном занимается историей развития «тайваньской идентичности», особенно во время таких периодов и событий, как японское колониальное господство, «инцидент 28 февраля» и 1950-60-е гг., которые описаны в целом ряде монографий автора, таких, как *«Сорок лет тайваньского демократического движения»* (1987), *«Тайваньская элита, исчезнувшая во время “инцидента 28 февраля”»* (1990), *«Чан Кайши, которого тайваньцы должны знать»* (2004) и др. Некоторые книги Ли Сяофэна представляют собой собрание опубликованных когда-либо статей автора, как, например, *«Тайвань – мой выбор»* (1995) и *«Сборник статей по новой и новейшей истории Тайваня»* (2007). Так же, как и Ши Чжэнфэн, Ли Сяофэн имеет собственную страницу в интернете, на которой, помимо списка основных работ автора, также опубликованы короткие статьи или эссе на различные исторические и политические темы, подготовленные им для периодической печати¹²⁸.

К числу работ, которые отмечены явным отпечатком личной позиции их автора, можно отнести и труды научного сотрудника Института истории и филологии Академии Синика, профессора исторического факультета Тайваньского государственного педагогического университета (Тайбэй) Лу Цзяньжуна: *«Расколотая национальная идентичность: 1975-1997»* (1999) и *«Постколониальная национальная идентичность на Тайване: 1950-2000»* (2003). Из названий, а также из содержания указанных монографий видно, что Лу Цзяньжун рассматривает послевоенную историю Тайваня в терминах постколониализма, считая, что после капитуляции Японии во Второй мировой войне колонизируемые ею жители Тайваня, «сами того не замечая, очутились в постколониальном положении», под властью новых колонизаторов в лице гоминьдановского правительства, которые «требовали от жителей острова изменить собственную идентичность»¹²⁹. Послевоенный период развития Тайваня анализируется Лу Цзяньжуном через призму «культурного воображения» (*вэньхуа сяньсян 文化想像*) национальной идентичности острова в произведениях тайваньской художественной литературы.

В то же время в тайваньской историографии проблемы идентичности граждан КР имеются и другие работы с определенной политической окраской, авторы которых стремятся на основании имеющихся исторических источников, а также результатов социологических опросов предложить свое видение данного вопроса в опоре на существующие в мире авторитетные социально-политические и научные концепции. Одно из центральных мест среди этих работ занимает монография председателя Исполнительного Юаня КР в 2013-14 гг., в прошлом профессора политологии Тайваньского государственного университета Цзян Ихуа *«Либерализм, национализм*

¹²⁸ Персональная страница Ли Сяофэна [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.jimlee.org.tw>, свободный. – Загл. с экрана.

¹²⁹ Лу Цзяньжун. Фэньле дэ гоцзу жэньтун: 1975-1997 (Расколотая национальная идентичность: 1975-1997). – Тайбэй: Майтянь, 1999. - С. 26.

и государственная идентичность» (1998), в которой автор доказывает неприменимость теории национализма к проблеме национальной идентичности Тайваня, считая, что данный вопрос можно рассматривать только с позиций либерализма как свободный выбор индивидом наиболее приемлемой для себя политической системы¹³⁰. Положения теории Цзян Ихуа также изложены в целом ряде статей исследователя в научных изданиях и в СМИ, в которых помимо указанных выше вопросов также затрагиваются другие аспекты проблемы «тайваньской идентичности», такие, как историческая память и восприятие наследия периода авторитарного правления ГМД¹³¹.

Проблема «тайваньской идентичности» в свете процессов демократизации Тайваня, а также ее связь с развитием партийной системы острова и проявление в электоральном поведении населения КР, получили отражение в работах целого ряда тайваньских исследователей, в частности, в статьях профессора Института государственного развития Государственного университета Чжэнчжи Ван Чжэньхуаня, бывшего доцента политологии Государственного университета Чжунчжэн (Цзяи, Тайвань), депутата Законодательного Юаня КР от ДПП Линь Цзялуна, директора и научных сотрудников Института политологии Академии Синика У Юйшаня, Чжу Юньхана, Хуан Цзи, Сяо Гаояня и Сюй Хояня, а также бывшего профессора политологии Университета Дунъю (Сучжоу) (Тайбэй, Тайвань), политика-члена ДПП Ю Инлуна, профессора Государственного университета Цзинань (Наньтоу, Тайвань) Сунь Тунвэня и доцента политологии Университета Дунъю Сюй Юнмина¹³². Статьи указанных авторов, большинство из которых являются

¹³⁰ Более подробно о взглядах Цзян Ихуа на проблему национальной идентичности тайваньцев см. в разделе 1.2 Главы 1 настоящего исследования.

¹³¹ Цзян Ихуа. Гаобе гоцзу, чунфань миньчжу – шицзи чжи цзяо Тайвань чжэнчжи цзячжи дэ фаньсин (Прощаясь с национализмом, возвращаясь к демократии – размышления о тайваньских политических ценностях на рубеже веков)// Чжунго шибао (The China Times). – 1999. – 30 декабря. – Тайбэй: Чжунго шибао, 1999; *Его же*. Данцянь Тайвань гоцзя жэньтун лунышу чжи фаньсин (Размышления о современных теориях национальной идентичности Тайваня)// Тайвань шэхуэй яньцзю цзикань (Ежеквартальный журнал «Социальные исследования Тайваня»). – 1998. – Март. – №29. – С. 163-229; *Его же*. Синь гоцзя юньдун ся дэ Тайвань жэньтун (Тайваньская идентичность в условиях движения за новое государство)// Миньцзу чжуи юй лянгань гуаньси (Национализм и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива)/ под ред. Линь Цзялуна и Чжэн Юннэня. – Тайбэй: Синь цзвжань чжуи, 2001. – С. 181-216; *Его же*. Тайвань дэ чжуаньсин чжэнгэ цзи ци синсы (Правосудие переходного периода Тайваня и его осмысление)// Сысян (Идеология). – 2007. – №5. – С. 65-81; *Его же*. Тайвань чжаньхоу чжэнчжи сысян юй миньчжу юньдун (Политическая идеология и демократическое развитие на послевоенном Тайване)// Тайвань шэхуэй яньцзю цзикань (Ежеквартальный журнал «Социальные исследования Тайваня»). – 2007. – Март. – №65. – С. 191-199; *Его же*. Цзюю миньчжу тичжи ся дэ гоцзя жэньтун (Государственная идентичность в условиях либерально-демократического режима)// Тайвань шэхуэй яньцзю цзикань (Ежеквартальный журнал «Социальные исследования Тайваня»). – 1997. – Март. – №25. – С. 83-121; *Его же*. Шэцонь чжуи дэ гоцзя жэньтун гуань (Теория национальной идентичности в коммунализме)// Чжэнчжи кэсюэ луныцун (Собрание статей по политическим наукам). – 1997. – Июнь. – №8. – С. 85-110; и др.

¹³² Ван Чжэньхуань. Тайвань дэ вэйцюань тичжи юй миньчжу чжуаньсин (Авторитарный режим и демократические преобразования на Тайване)// Тайвань шэхуэй (Тайваньское общество)/ под ред. Ван Чжэньхуаня. – Тайбэй: Цзюйлю тушу, 2002. – С.21-56; Линь Цзялун. Тайвань миньчжухуа юй чжэндан тиси дэ бяньцянь: цзингьин юй цюньчжун дэ сюаньцзюй лянцзе (Демократизация Тайваня и изменения в партийной системе: связь во время выборов между элитами и массами)// Тайвань чжэнчжи сюэкань (Научный журнал «Политика Тайваня»). – 2000. – Декабрь. – №4. – С. 3-55; Wu, Yu-Shan. Taiwanese Nationalism and its Implications: Testing the Worst-Case Scenario// Asian Survey. – 2004. – July/August. – Vol. XLIV, №4. – P. 614-625; Chu, Yun-han. Taiwan's National Identity Politics and the Prospect of Cross-Strait Relations// Ibid. P. 484-512; Huang, Chi. Dimensions of Taiwanese/Chinese Identity and National Identity

специалистами по политологии, объединяет использование значительной базы источников социологического характера, таких, как результаты опросов общественного мнения, голосования избирателей во время выборов и т.д.

Особо следует отметить монографии и статьи еще одного упоминавшегося ранее научного сотрудника Института социологии Академии Синика Сяо Ациня, который в основном занимается вопросами тайваньского культурного национализма, коллективной памяти и истории формирования «тайваньского самосознания» после 1979 г., а именно у так называемого «поколения, вернувшегося к реальности» (*хуэйгуй сяньши шидай* 回歸現實世代), представители которого в годы своей молодости явились свидетелями коренных изменений во внешнеполитическом статусе Тайваня. Этим темам посвящено несколько монографий автора, в том числе англоязычная книга «*Современный тайваньский культурный национализм*» (2000), китайский перевод которой с некоторыми изменениями и дополнениями под названием «*Реконструируя Тайвань: культурная политика современного национализма*» вышел в 2012 г.; «*Вернуться в реальность: послевоенное поколение Тайваня 1970-х гг. и изменения в культурной политике*» (2008); а также целый ряд статей¹³³.

С работами Сяо Ациня перекликаются и некоторые публикации его коллеги – младшего научного сотрудника Института социологии Ван Хунлуна. Статьи последнего, помимо указанных выше тем, также затрагивают вопросы влияния, оказываемого глобализацией на развитие национальной идентичности, языковой политики правительства КР, а также проблему идентичности тайваньцев, проживающих в КНР¹³⁴.

in Taiwan. A Latent Class Analysis// Journal of Asian and African Studies. – 2005. – Vol. 40 (1-2). P. 51-70 ; Сюй Хоянь. Тайвань сяоаньминь дэ гоцзя жэньтун юй данпай тоуляо синвэй: 1991 чжи 1993 нянь цзянь дэ шичжэн яньцзю цзего (Национальная идентичность тайваньских избирателей и голосование в пользу той или иной политической партии: результаты практических исследований, проводившихся в 1991-1993 годах)// Тайвань чжэнчжи сюэкань (Научный журнал «Политика Тайваня»). – 1996. – Июль. – №1. – С. 85-127 ; Ю Инлун. Тайвань цзюцзюнь жэньтун дэ чжэнчжи синьли фэньси (Политико-психологический анализ этнической идентичности на Тайване)// Там же. С.41-84 ; Сунь Тунвэнь, Ван Цзяин. Тайвань гоцзю жэньтун дэ цзай цзяньян. R юй Q дэ дуйхуа. (Еще раз к вопросу о национальной идентичности Тайваня. Диалог между R и Q). Гонконгский университет китайского языка, Гонконгский институт исследований Азиатско-Тихоокеанского региона. Выпуск No. 142. – Гонконг: Гонконгский университет китайского языка, Гонконгский институт исследований Азиатско-Тихоокеанского региона, 2004. – 32 с ; Сюй Юнмин. Цзай Чжунго Гоминьдан тунчжи цзегоу ся дэ тупо – пинцзя Чэнь Шуйбянь (Прорыв при системе господства Китайской националистической партии Гоминьдан – оценивая Чэнь Шуйбянь)// Дандай (Современность). – 2006. – №231. – С. 28-41.

¹³³ Hsiau, A-Chin. Contemporary Taiwanese Cultural Nationalism. – London: Routledge, 2000. – 240 p. ; Сяо Ацинь. Жэньтун, сюйши юй синдун: Тайвань 1970 няндай данвай дэ лиши цзяньгоу (Идентичность, повествование и действия: построение истории движением «беспартийных» на Тайване 1970-х гг.)// Тайвань шэхуэйсюэ (Социология Тайваня). – 2003. – Июнь. – №5. – С. 195-250 ; Его же. Вэйцюань тунчжи ся дэ гоцзю жэньтун: иньби юй гункай, лянсьюй юй дуаньле (Национальная идентичность в период авторитарного правления: скрытое и открытое, преемственность и разрыв)// Сысян (Идеология). – 2007. – Январь. – №4 (Тайвань дэ циши няндай (70-е годы на Тайване)). – С. 141-175 ; Его же. Жэньтун яньцзю чжун дэ лиши: гоцзой дэ шиши, шэхуэй дэ гочэн, юй жэньлэй цзиньгян дэ лишисин/сюйшисин (История в исследованиях идентичности: факты прошлого, общественный процесс и историчность/повествовательность опыта человечества)// Чунсе Тайвань вэньсюэ ши (Переписывая историю тайваньской литературы)/ под ред. Чжан Цзиньчжуна и Хуан Цзиньшу. – Тайбэй: Майтянь, 2007. – С. 23-59 ; и др.

¹³⁴ Ван Хунлун. Цюаньцюхуа юй чжиду тунсинхуа: цун пиньинь чжэньти кань Тайвань «гоцзю вэньти» дэ хоу сяньдай цинцзин (Глобализация и институциональный изоморфизм: взгляд на постмодернистское состояние тайваньско-

Последняя из указанных тем, а также вопрос о соотношении между «рациональным» (материальной выгодой, извлекаемой из тесных экономических связей с КНР) и «эмоциональным» («тайваньская идентичность» на психологическом, чувственном уровне) в сознании и поведении современных тайваньцев в последнее время является крайне популярным направлением в исследованиях, посвященных национальной и этнической идентичности граждан КР. Много работ в этой области принадлежит научному сотруднику Центра исследований выборов Государственного университета Чжэнчжи Чэнь Лухуэйю и доценту Шанхайского университета финансов и экономики (в прошлом доценту Института Восточной Азии Государственного университета Чжэнчжи) Гэн Шу, которые помимо написания самостоятельных монографий и статей чаще выступают в качестве партнеров по проведению совместных исследовательских проектов по соответствующей тематике, в том числе в сотрудничестве с западными исследователями, в частности с упоминаемым выше профессором Тюбингенского университета Гюнтером Шубертом¹³⁵. Кроме того, указанным выше ученым в сотрудничестве с другими сотрудниками и аспирантами Государственного университета Чжэнчжи принадлежит авторство исследовательского проекта «Происхождение и политические последствия «тайваньской идентичности» (2009), проведенного под эгидой Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня КР совместно с Центром исследований выборов Государственного университета Чжэнчжи в 2006-09 гг. В данном исследовании предпринята попытка комплексного изучения проблемы «тайваньской идентичности», включая ее исторические истоки, факторы, оказывающие влияние на ее трансформацию, ее современное воплощение в общественно-политической жизни острова, а также историографию ее изучения. Довольно большое внимание, видимо, в силу исследовательских интере-

го «национального вопроса» через дискуссии о транскрипции «пиньинь»// Чжэнчжи юй шэхуэй чжэсюэ пинлунь (Обозрение политической и социальной философии). – 2002. – Декабрь. – №3. – С. 121-178 ; *Его же*. Чжиду майло, вайбу иньсу юй тайвань чжи «national question» дэ тэшусин: игэ лилунь юй цзинъянь дэ фаньсин (Институциональный контекст, внешние факторы и специфика тайваньского «национального вопроса»: теоретические и эмпирические размышления)// Тайвань шэхуэйсюэ (Социология Тайваня). – 2001. – Июнь. – №1. – С. 183-239 ; Wang, Horng-luen. How are Taiwanese Shanghaied?// Positions – East Asia Cultures Critique. – 2010. – Vol. 17(2). – P. 321-346 ; Wang, Horng-luen. National Culture and its Discontents: The Politics of Heritage and Language in Taiwan, 1949-2003// Comparative Studies in Society and History. – 2004. – Vol. 46(4). – P. 768-815 ; Wang, Horng-luen. Rethinking the Global and the National: Reflections on National Imaginations in Taiwan// Theory, Culture & Society. – 2000. – Vol. 17(4). – P. 93-117.

¹³⁵ Чэнь Лухуэй, Гэн Шу, Ту Пинлань, Хуан Гуаньбо. Лисин цзыли хо ганьсин жэньтун? Инсян Тайвань миньчжун лянъянь цзинмао личан иньсу дэ фэньси (Рациональная выгода или эмоциональная идентичность? Анализ факторов, влияющих на отношение жителей Тайваня к проблеме торгово-экономических связей между двумя берегами Тайваньского пролива)// Дунъу Чжэнчжисюэ бао (Журнал Университета Дунъу «Политология»). – 2009. – Том 27, № 2. – С. 87-125 ; Гэн Шу. «Лянъяньцзу?» Да Шанхай дицой тайшан дэ гоцзя жэньтун («Нация двух берегов?» Национальная идентичность тайваньских предпринимателей в районе «большого Шанхая»)// Цюаньцюхуа чжи ся дэ жэньцюань баочжан юй жэньцай гунсян яньтаохуэй (Конференция «Защита прав человека и обмен талантами в условиях глобализации»). – Тайбэй: Тайбэйский государственный университет, 2005. – С. 1-24 [Электронный ресурс]// Тайбэйский государственный университет. – Режим доступа: <http://www.ntpu.edu.tw/~pa/news/94news/attachment/950221/3-3.pdf>, свободный. – Загл. с экрана ; Лю Цзявэй, Гэн Шу, Чэнь Лухуэй. Уши е ши и чжун сюаньцзэ – Тайвань миньчжун тунду личан дэ цэлян юй шанцюэ (Рационализм – это тоже выбор: Оценка и обсуждение отношения населения Тайваня к вопросу о независимости/объединении)// Тайвань миньчжу цизикань (Ежеквартальный журнал «Тайваньская демократия»). – 2009. – Декабрь. – Том 6, №4. – С. 141-168 ; и др.

сов авторов проекта, уделено вопросу развития торгово-экономического сотрудничества между Тайванем и КНР и его соотношению с проблемой «тайваньской идентичности». На наш взгляд, наибольшую ценность в данном исследовании представляют описанные выше социологические опросы общественного мнения и записи бесед в фокусных группах.

Наконец, говоря об историографии темы «тайваньской идентичности», нельзя не упомянуть работы, посвященные ее отражению в литературе, кинематографе и искусстве, как на китайском, так и на английском языке. В силу того, что в настоящей диссертационной работе ставится цель рассмотреть скорее исторический и социально-политический аспекты национальной идентичности тайваньцев, соответствующая литература, представляющая собой довольно большой массив исследований, затрагивается лишь косвенно и в ограниченном объеме. Среди подобных работ, помимо названных ранее трудов Лу Цзяньжуна и Сяо Ациня, можно назвать статьи преподавателей Университета Дунхуа и Тайбэйского государственного университета Жуань Мэйхуэй и Су Цзыцяо, рассматривающие отражение проблемы «национальной идентичности» жителей Тайваня в поэзии и кино соответственно¹³⁶. Целый ряд статей в разделе под названием «Культура и искусство» посвящен соответствующей тематике в сборнике под редакцией Ши Чжэнфэна «Культурный дискурс национальной идентичности»¹³⁷. В англоязычной историографии можно отметить монографию исследовательницы из Лос-Анджелеса Джун Ип «*Воображая Тайвань: художественная литература, кино и нация в формировании культурного изображения*» (2004) и целый ряд статей о воплощении идеи «тайваньской идентичности» в литературе и кино, а также в изображениях на почтовых марках таких авторов, как Ивонн Чжан, Анджелина Е, Дуглас Келлнер, Фил Динз и др.¹³⁸ К этому же типу исследовательской литературы, пожалуй, можно отнести работы по истории бейсбола на Тайване, который сегодня поистине

¹³⁶ Жуань Мэйхуэй. Цун «Чжунго» дао «Тайвань» - Тайвань чжаньхоу ши чжун дэ «гоцзя» исян (От «Китая» к «Тайваню» - представление о «стране»/«Родине» в тайваньской послевоенной поэзии)// Чунцзянь сянян гунтунти – гоцзя, цзуюнь, сюйшу (Реконструкция воображаемого сообщества – государство, этничность, изложение)// под ред. Ляо Бинхуэя. – Тайбэй: Синчжэньюань вэньхуа цзяньшэ вэйюаньхуэй, 2004. – С.231-283 ; Су Цзыцяо. «Тайваньжэнь» хайши «чжунгожэнь» - «Бэйцин чэнши» юй «Сянцзяо тяньтан» чжун дэ гоцзу жэньтун цзи ци дуй данцянь чжулю гоцзу яньцзю дэ циши («Тайваньцы» или «китайцы» - национальная идентичность в фильмах «Город скорби» и «Банановый рай», а также их влияние на современные авторитетные исследования нации)// Дандай (Современность). – 2005. - № 219. – С. 98-125.

¹³⁷ Сборник статей конференции «Гоцзя жэньтун дэ вэньхуа лунышу» (Культурный дискурс национальной идентичности)// под ред. Ши Чжэнфэна. – Тайбэй: Тайвань гоцзи яньцзю сюэхуэй (Тайваньская ассоциация международных исследований), 2006. – 794 с.

¹³⁸ Yip, June. *Envisioning Taiwan: Fiction, Cinema and the Nation in the Cultural Imaginary*. - Durham, NC: Duke University Press, 2004. – 368 p. ; Chang, Sung-sheng Yvonne. *Literature in Post-1949 Taiwan, 1950 to 1980s*// Taiwan: A New History. P. 403-418 ; Yee, Angelina C. *Constructing a Native Consciousness: Taiwan Literature in the 20th Century*// The China Quarterly (Taiwan in the 20th Century). – 2001. – March. – No. 165. – P. 83-101 ; Kellner, Douglas. *New Taiwan Cinema in the 80s* [Electronic resource]// Jump Cut: A Review of Contemporary Media. – 1998. – December. – No. 42. – P. 101-115. – Режим доступа: <http://www.ejumpcut.org/archive/onlinessays/JC42folder/80sTaiwanCinema.html>, свободный. – Загл. с экрана ; Deans, Phil. *East Asia*. – 2005. – Summer. - 22, No. 2. - P. 8-30.

можно назвать «национальным видом спорта» КР и развитие которого на острове многие авторы трактуют как проявление особой идентичности тайваньского общества¹³⁹.

Тайваньская историография по проблемам идентичности населения КР, основные направления которой были обозначены выше, постоянно разрастается. При этом мы полагаем, что в условиях нынешней социально-экономической и политической обстановки на острове, наибольшее внимание исследователей будут привлекать такие аспекты, как взаимное влияние процессов демократического развития Тайваня и укрепления «тайваньской идентичности», вопросы трансформации самосознания граждан КР, проживающих на длительной основе в материковом Китае, а также целого слоя населения острова в лице иммигрантов из Юго-Восточной Азии и КНР (прежде всего жен тайваньских мужчин) и их детей. Дальнейшая экономическая интеграция между двумя берегами Тайваньского пролива несомненно будет способствовать сохранению проблемы консолидации или размывания «тайваньской идентичности» в качестве одного из важнейших исследовательских интересов как тайваньской, так и зарубежной историографии.

¹³⁹ *Morris, Andrew D.* Colonial Project, National Game. – Berkeley: University of California Press, 2011. – 290 p. ; *Wang, Sumei.* Taiwanese Baseball: A Story of Entangled Colonialism, Class, Ethnicity, and Nationalism// *Journal of Sport and Social Issues.* – 2009. – Vol. 33. – P. 355-372 ; *Yu, Jinwei.* Playing in Isolation: a History of Baseball in Taiwan. - Nebraska: University of Nebraska Press, 2007. – 249 p.

ГЛАВА 2. ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «ТАЙВАНЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ»

В данной главе ставится цель рассмотреть те события истории Тайваня, которые послужили основными факторами формирования понятия «тайваньской идентичности» и представлений о нем среди населения острова. При этом учитывая тот факт, что данная тема затрагивает проблему восприятия жителями КР себя в качестве особого этнического сообщества, представляется уместным начать с обзора наиболее авторитетных в мировой науке подходов к вопросам нации и национализма, одну из составляющих которых представляет явление национальной идентичности. Это позволит более содержательно рассмотреть содержание понятия «тайваньской идентичности» и его значение прежде всего для граждан КР.

Вопрос о времени возникновения представлений о «тайваньском самосознании» вплоть до настоящего времени является предметом дискуссий. В последние 20 с небольшим лет – после снятия ограничений на исследования истории собственно Тайваня – особое значение в изучении острова придается периоду японского колониального господства. Несомненно, данный этап длительного раздельного существования Тайваня и материкового Китая не мог не способствовать формированию различий между двумя берегами Тайваньского пролива как в экономической, так и в культурной сферах. Однако, как мы попытаемся показать в данной главе, представления о «тайваньской идентичности» в ее современном значении являются следствием более поздних событий, а именно передачи острова под власть КР после окончания Второй мировой войны.

В данной связи нельзя не затронуть проблему отношений между различными группами населения Тайваня, а именно между уроженцами острова с одной стороны и выходцами с материка и их потомками – с другой, поскольку одним из ключевых узлов вопроса о «тайваньской идентичности» являются особенности исторической памяти и самоидентификации одних и других.

2.1 Понятия «нации» и «национальной идентичности» в общих трудах по национализму

Социология и психология, как уже было сказано, изучают целый ряд идентичностей, которые присутствуют практически у каждого человека: гендерную, семейную, территориальную, классовую, религиозную, этническую и др. Однако, как отмечают многие исследователи, одной из базовых характеристик индивида сегодня является его национальность, то есть национальная идентичность занимает одно из первых мест в процессе самоидентификации человека.

Понятие «национальной идентичности», прочно укрепившееся в терминологическом обороте мировой науки, является довольно многомерным. Чаще всего оно воспринимается как вид политической идентичности, то есть «идентичность национально-государственного сообщества и коллективное самосознание его граждан как членов такого сообщества». При этом признается, что в национальной идентичности «в той или иной степени соотносятся государственная, гражданская, этническая и социокультурная составляющие»¹⁴⁰.

Как уже было сказано во Введении, в современном мире, пришедшем на смену биполярной политической системе, проблемы национальной идентичности актуальны для многих стран и регионов. Данное явление характерно как для многочисленных этнических групп, стремящихся к независимости или автономии в рамках какого-либо государства (баски в Испании, курды в Турции и т.д.), так и для полиэтнических стран и даже многонациональных политических образований. Одна из работ известного американского политолога Сэмюэла Хантингтона посвящена кризису национального самосознания жителей США, которые представляют собой уникальный пример формирования государственной общности людей, основанной не на этнических принципах, а на базе факторов общей гражданской культуры¹⁴¹. Немецкий философ Юрген Хабермас в своих статьях и интервью также часто затрагивает соответствующие проблемы, в частности формирование «супранациональной» политической идентичности европейцев, без которой невозможна интеграция Старого Света, необходимая для противостояния «гегемониальной» политике США¹⁴².

Наличие «национальной идентичности» (или «национального самосознания»), несмотря на свою кажущуюся эфемерность - это один из неперенных, пусть и довольно специфических, признаков любой нации, которая не может существовать без осознания ее членами собственной принадлежности к данной группе людей. Поэтому для анализа проблемы национальной идентичности, следует сначала разобраться с существующими в общественных науках подходами к проблеме формирования и существования наций. Лишь после этого можно переходить к вопросу о наличии у той или иной социальной группы (в нашем случае населения КР на Тайване) национального самосознания, который часто ставится под сомнение по тем или иным причинам.

Одним из важных вопросов, которые ставят перед собой исследователи нации и национализма, является то, когда и почему возникло современное понятие «нации» и какие исторические обстоятельства способствовали тому, что национальная идентичность вышла не просто на равные, а на главенствующие позиции по отношению к другим типам самоопределения индивида.

¹⁴⁰ Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. С. 80.

¹⁴¹ Хантингтон, Сэмюэль. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. - М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. - 635 с.

¹⁴² Хабермас, Юрген. Расколотый запад. - М.: Весь Мир, 2008. - С. 39-76.

Или, выражаясь словами Б. Андерсона, когда «быть нацией» (*курсив авторский*) стало «самой универсальной легитимной ценностью в политической жизни нашего времени»?¹⁴³

Ответ на этот вопрос зависит от подхода к проблеме формирования и главных факторов определения этничности и нации, которого придерживается тот или иной исследователь: примордиалистского, инструменталистского или конструктивистского. При этом следует отметить, что ни один из перечисленных подходов не сложился в строгую научную теорию, обладающую собственной методологией и терминологией. Более того, в работах исследователей, представляющих ту или иную концепцию, в подавляющем количестве случаев можно найти элементы соперничающих подходов. Поскольку в данном диссертационном исследовании не ставится задача углубленного теоретического осмысления проблем национальной идентичности, нам бы хотелось сопоставить лишь часть концепций, применимых к изучению формирования и развития этого явления.

Примордиализм (англ. *Primordialism*) настаивает на том, что этносы и нации, сформированные на их основе, существовали испокон веков с момента зарождения человечества, и тем самым в той или иной мере отражает позицию большинства представителей националистической идеологии по всему миру. Главными представителями и основоположниками данного подхода являются два немецких философа второй половины 18 века: Иоганн Готфрид фон Гердер и Иоганн Готлиб Фихте. Для Гердера, ученика Иммануила Канта¹⁴⁴, главными факторами, формирующими нацию, были язык, который, по мнению философа, определяет мышление, и культурные традиции, выражающиеся прежде всего в литературе и составляющие «дух» народа¹⁴⁵. В своих речах обращаясь к немцам с призывом говорить по-немецки, он был убежден, что только отказ от использования чужого – французского – языка способен пробудить в них чувство национальной гордости. Национализм Фихте, также базирующийся на первостепенной роли языка и культуры, носил еще более радикальный характер в чисто этническом ключе (что позволяет некоторым исследователям называть его прародителем немецкого расизма). В своих «Речах к немецкой нации», прочитанных в 1807-1808 гг. в оккупированном наполеоновской Францией Берлине, Фихте, сравнивая европейские народы (романские, славянские и германские) и их языки, приходит к выводу, что лишь германская нация способна на оригинальное культурное твор-

¹⁴³ Андерсон, Бенедикт. Указ. соч. С. 25.

¹⁴⁴ Для некоторых исследователей истории национализма, в частности, для профессора ЛШЭ Эли Кедури, философия И. Канта (более конкретно, философия самоопределения, свободы и нравственности человека) послужила основой формирования националистической идеологии в XVIII в. и, следовательно, современных представлений о нации. Кедури, Эли. Указ. соч. С. 29-39.

¹⁴⁵ В связи с этим известный британский политолог Эндрю Хейвуд в своем учебнике по политологии характеризует Гердера как «прародителя культурного национализма» или «культурализма», в котором «на первый план выдвигаются национальные традиции и коллективная память, но никак не государственность». Примордиализм же у Хейвуда фигурирует как «первичная» концепция нации. См. Хейвуд, Эндрю. Политология. - М.: Юнити-Дана, 2005. - С. 132-133.

чество¹⁴⁶. Что касается идентичности (национальной или этнической), то в традиции примордиализма она понимается как категория, изначально присущая определенной группе людей, передающаяся по наследству и обозначенная прежде всего такими признаками, как кровнородственные узы, общие традиции, язык и культура. Одной из вариаций примордиализма является перенниализм (от англ. *perennial* – вечный, непрерывный), который отличается от первого тем, что признает существование наций на протяжении письменной истории человечества, но отрицает их «природный», изначальный характер¹⁴⁷.

После Второй мировой войны в связи с распадом колониальных империй и появлением на карте мира десятков новых государств, именующих себя «нациями», интерес к национализму вспыхнул с новой силой. При этом примордиалистский подход к вопросу о формировании нации был вытеснен инструменталистской и конструктивистской концепциями, авторитет которых в целом признается и в наши дни. Труды таких авторов, как Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Смит, Э. Хобсбаум и др., в настоящее время признаются классикой «науки» о нации и национализме.

Главное отличие этих теорий от примордиализма заключается в отрицании понимания нации в качестве существовавшей испокон веков данности. Исследователи национализма в ключе инструментализма и конструктивизма с некоторыми оговорками и критическими замечаниями в адрес теорий друг друга в целом утверждают, что самоидентификация человеческих групп по национальному признаку представляет собой явление относительно новое, возникшее в определенный исторический период в результате определенных событий, а именно в начале XIX в. после Французской буржуазной революции 1789 г., и неотрывно связанное с современным типом «нации-государства».

Название инструменталистского подхода к проблемам нации, этноса, национальной и этнической идентичности и национализма происходит из главного утверждения его представителей, которое гласит, что этнос является группой людей, связанных общими интересами, а этничность – *инструментом* в руках политических элит, использующих основанный на ней национализм для мобилизации масс и достижения групповых интересов. Главными представителями данной концепции являются такие авторы, как К. Вэрдери, П. Брасс и др.¹⁴⁸ Профессор кафедры социологии МГИМО Мнацаканян М.О. называет их идеи «доведенным до крайности констру-

¹⁴⁶ Фихте, И.Г. Речь к немецкой нации. – СПб.: Наука, 2009. – 352 с.

¹⁴⁷ Smith, Anthony D. Myths and Memories of the Nation. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – P. 5. Господствующий в советской историографии подход к проблемам этничности и нации, описанный в предыдущей главе, также в целом тяготеет к примордиализму, утверждая наличие у этносов набора объективных характеристик, приобретаемых индивидом по факту рождения в той или иной этнической группе.

¹⁴⁸ В некотором смысле к инструменталистскому течению можно отнести и мир-системную концепцию Иммануила Валлерстайна, для которого нации-государства – это продукт определенной эпохи (после Французской революции), возникший как часть идеологии либерализма, которая в свою очередь является своего рода инструментом для обеспечения регулярного функционирования мир-системы капитализма. См. Валлерстайн, Иммануил. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб.: Унив. кн., 2001. – 414 с. ; Балибар, Этьен и Валлерстайн, Иммануил. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. – М.: ЛОГОС, 2004. – С. 83-102.

тивизмом», который в целом признает существенную роль этнических, культурных и языковых факторов в процессе становления национальных общностей¹⁴⁹. Инструментализм же полностью отрицает «историчность, этничность и реальность нации», считая ее лишь выдуманной элитами «иллюзией»¹⁵⁰. В целом следует отметить, что, несмотря на некоторую схожесть позиций с инструменталистским подходом, теоретики национализма, представляющие конструктивистское направление, в настоящее время пользуются довольно большой популярностью в научных кругах, что и позволяет нам более подробно рассмотреть их представления о нациях, национальной идентичности и национализме, оставив в стороне детали инструменталистских концепций о данных явлениях.

Одним из основоположников теории конструктивизма является английский философ и социальный антрополог Эрнест Геллнер (1925-1995). Согласно его теории, наличие нации без государства невозможно. Более того, нация является *конструктом*, создаваемым государством (отсюда и наименование «конструктивистской» концепции). Геллнер утверждает, что нации и национализм (как «политический принцип», согласно которому «политическая и национальная единицы должны совпадать»¹⁵¹) возникли в эпоху индустриализации общества (естественно, в Европе), когда возникла необходимость в разделении труда, которое в свою очередь стало требовать специальной подготовки человека, то есть обучения. Именно в это время доступ к образованию, оторванному от кланов и семьи, становится обязательным для любого члена общества, желающего занять в нем достойное место и получить работу, а не только привилегией избранных. Кроме того, для того, чтобы иметь возможность контактировать с другими участниками производства, необходимо владеть языком, доступным для понимания всеми членами общества. «Основное предназначение и идентификация человека связаны теперь с письменной культурой, в которую он погружен и внутри которой способен успешно функционировать. Это – высокая культура, передаваемая не путем неформального общения с непосредственным окружением, а при помощи формального обучения»¹⁵², осуществление которого под силу лишь крупнейшему из возможных типов организаций – государству¹⁵³. «Эта социальная организация использует некоторые из существовавших ранее культур, постепенно полностью их перестраивая»¹⁵⁴.

Еще одним видным представителем «конструктивистской» теории является упоминавшийся выше английский исследователь национализма Бенедикт Андерсон (род. 1936). Согласно

¹⁴⁹ Например, Э. Геллнер в своей работе «Нации и национализм» заявляет, что «национализм — это то, что относится к сообществам, объединенным общей культурой и отличающимся от соперничающих или враждебных сообществ различиями в культуре». См. Геллнер, Эрнест. Нации и национализм. - М.: Прогресс, 1991. - С. 9.

¹⁵⁰ Мнацаканян М.О. Указ. соч. С. 55.

¹⁵¹ Геллнер, Эрнест. Указ. соч. С. 23.

¹⁵² Там же. С. 7.

¹⁵³ Именно распространение и поддержание культуры посредством всеобщего образования Геллнер называет главной прерогативой государства в противовес традиционному восприятию насилия в качестве основного способа осуществления контроля над обществом.

¹⁵⁴ Геллнер, Эрнест. Указ. соч. С. 112-113.

его утверждению, нация представляет собой «воображенное политическое сообщество», которое воображается как «что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное». «Воображенным» это сообщество является потому, что «члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности»¹⁵⁵. И наоборот, даже самая крупная из наций имеет «конечные, хотя и подвижные, границы. Ни одна нация не воображает себя соразмерной со всем человечеством», в связи с чем можно говорить об ее «ограниченности». Еще одним признаком нации является ее суверенность, так как «нации мечтают быть свободными», а «залогом этой свободы» является «суверенное государство». И, наконец, нация «воображается как сообщество, поскольку независимо от фактического неравенства и эксплуатации, которые в каждой нации могут существовать, нация всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество»¹⁵⁶. Андерсон, как и его коллеги, не отрицает важной роли культурных и языковых факторов в истории формирования национальной идентичности, которые у него получают воплощение в теории «печатного капитализма», благодаря которому создавались «унифицированные поля обмена и коммуникации, располагавшиеся ниже латыни, но выше местных разговорных языков». Таким образом, люди, говорившие на многочисленных диалектах того или иного языка, получили возможность понимать друг друга через печать. «В этом процессе они постепенно стали сознавать присутствие сотен тысяч или даже миллионов людей в их особом языковом поле, но одновременно и то, что *только* (*курсив авторский*) эти сотни тысяч или миллионы к нему принадлежали»¹⁵⁷. «Национальные печатные языки», по убеждению Андерсона, имели центральное значение в европейских националистических движениях, эпоха которых, по мнению исследователя, приходится на 1820-1920 гг. Однако Андерсон, в отличие от других исследователей (в первую очередь, Э. Хобсбаума) не считает Европу местом зарождения национализма¹⁵⁸, предлагая теорию «креольского национализма», распространившегося в европейских колониях Северной и Южной Америки. Жители этих территорий в силу многочисленных причин, главной из которых является невозможность для них (речь в первую очередь идет о выходцах из Европы, а не об аборигенном населении) получить доступ к управленческим ресурсам не только в метрополии, но и на территории колонии, которая была для многих поколений местом рождения, стали постепенно осознавать себя особыми – национальными – сообществами, во многом благодаря распространению того же «печатного капитализма», прежде всего в форме га-

¹⁵⁵ Андерсон, Бенедикт. Указ. соч. С. 28-29.

¹⁵⁶ Там же. С. 30.

¹⁵⁷ Там же. С. 65.

¹⁵⁸ Здесь следует отметить, что Андерсон в своей книге различает понятия «массового языкового национализма» и «официального национализма», который появился как реакция на первый в европейских династических государствах, властвующим элитам которых «угрожало исключение из массовых воображаемых сообществ или внутренняя маргинализация в рамках этих сообществ». См. Андерсон, Бенедикт. Указ. соч. С. 129.

зеты¹⁵⁹. При этом характерной чертой «креольских национализмов» является вполне успешное развитие национально-освободительных движений на основе языков метрополий – английского или испанского.

Другим автором, которого также можно отнести к конструктивистскому лагерю, является еще один английский историк, профессор Лондонского университета Эрик Хобсбаум (1917-2012). В своей работе *«Нации и национализм после 1780 года»* (1990) он в духе других уже перечисленных выше исследователей не рассматривает нацию как «первичное», «изначальное» и «неизменное социальное образование», а считает ее принадлежащей к «конкретному, по меркам истории недавнему периоду». Вслед за Геллнером Хобсбаум подчеркивает «ту роль, которую играют в процессе формирования наций искусственное конструирование, целенаправленное изобретение и социальная инженерия», утверждая, что «анализ национализма должен предшествовать анализу наций», так как «нация есть социальное образование постольку, поскольку она связана с определенным типом современного территориального государства, с «нацией-государством», которое «не возникает из уже «готовой» нации, все происходит наоборот»¹⁶⁰. Однако в то же время Хобсбаум признает «двойственный» характер наций, которые, будучи в основном сконструированными «сверху», все же не могут быть до конца поняты без исследования их «снизу». Единственный упрек, который выдвигает автор в адрес работы Геллнера, – это то, что последний уделил недостаточное внимание восприятию снизу процессов национального строительства, проводимых сверху¹⁶¹. В качестве одной из своих задач исследователь называет анализ чувств и мнений «простого народа доиндустриальной эпохи, к которым впоследствии могли апеллировать новые лозунги политического национализма»¹⁶². Он утверждает, что было бы неправильно воспринимать «политический национализм» правительств лишь как «исходившую сверху пропаганду», поскольку «подобная обработка массового сознания приносила наибольший успех там, где она могла опереться на уже существующие чувства неофициального национализма»¹⁶³. Национальная идентичность, по мнению Хобсбаума, даже при условии ее главенствующей позиции по сравнению с другими видами самоидентификации человека, способна «претерпевать изменения и сдвиги во времени, причем довольно резкие»¹⁶⁴. Столь подвижна она в том числе потому, что многие элементы, ее составляющие, в первую очередь, язык, являются искусственно созданными образованиями, представляя собой «противоположность тому, чем их

¹⁵⁹ Там же. С. 69-86.

¹⁶⁰ Однако, как отмечает исследователь, это вовсе не означает, что создание государства обязательно влечет за собой создание нации. Как уже было отмечено, это должен быть вполне конкретный тип государства. Практически ни одной из существовавших в Европе империй не удалось создать нацию в современном понимании этого слова. Наоборот, многие из них пали жертвой национализма. См. Хобсбаум, Эрик. *Нации и национализм после 1780 года*. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 125.

¹⁶¹ Там же. С. 19-21.

¹⁶² Там же. С. 72.

¹⁶³ Там же. С. 149.

¹⁶⁴ Там же. С. 21.

склонна считать националистическая мифология, т.е. первоосновой национальной культуры и глубочайшим истоком национального самосознания»¹⁶⁵. Этничность, на основе которой также часто строятся националистические движения, Хобсбаум также не относит к ведущим факторам становления нации (или, пользуясь термином самого автора, «протонационализма»), поскольку этносы сами по себе зачастую слишком «разнородны» по составу и происхождению. Кроме того, как очень точно, на наш взгляд, отмечает исследователь, «среди современных национальных движений лишь очень немногие изначально основываются на обостренном чувстве этноса, хотя, пройдя определенный этап в своем развитии, нередко стимулируют его искусственно и в откровенно расистских формах»¹⁶⁶. Религиозная идентификация также исключается Хобсбаумом из числа универсальных путей формирования национальной общности, поскольку, попросту говоря, количество существующих в мире религий неизмеримо меньше числа присутствующих на карте мира наций. «Важнейшим критерием протонационализма» исследователь называет «чувство принадлежности (в настоящем или прошлом) к устойчивому политическому образованию», которое поддерживается посредством исторической памяти народа, выраженной в мифах, песнях, литературе и т.д.¹⁶⁷.

К представителям конструктивистского подхода к формированию наций и национализма в определенной степени можно также отнести цитируемого выше Энтони Д. Смита (род. 1939), хотя его позиция находится скорее между конструктивизмом и примордиализмом. Взгляды исследователя изложены в его многочисленных монографиях и статьях в научных журналах, процитировать все из которых не представляется возможным, да и вряд ли необходимо. Поэтому мы ограничимся анализом его наиболее известных монографий «Этническое происхождение наций» (*The Ethnic Origins of Nations*, 1986), «Национальная идентичность» (*National Identity*, 1991), «Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма» (*Nationalism and Modernism. A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism*, 1998)¹⁶⁸, а также книги «Мифы и память нации» (*Myths and Memories of the Nation*, 1999), которая представляет собой сборник статей автора, опубликованных в различных источниках с 1992 по 1997 гг. Его теорию, которой он дал наименование «исторического этно-символизма»¹⁶⁹, было бы конкретнее охарактеризовать как синтез конструктивизма и примордиализма, поскольку Смит, в прошлом студент Э. Геллнера, разделяет модернистскую концепцию своего учителя

¹⁶⁵ Там же. С. 87.

¹⁶⁶ Там же. С. 104. Данное положение крайне справедливо для предмета настоящего исследования, что будет продемонстрировано в последующих разделах работы.

¹⁶⁷ Там же. С. 117.

¹⁶⁸ Используется перевод данной работы на русский язык. См. Смит, Энтони Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. Данная монография интересна с точки зрения сопоставления теории Смита с концепциями других исследователей, в том числе уже рассмотренных выше, в его собственном изложении.

¹⁶⁹ Smith, Anthony D. *Myths and Memories of the Nation*. З. 4.

лишь в том, что касается зарождения национализма («как идеологии и движения») и «нации-государства» как «политической нормы»¹⁷⁰, считая, что нации сами по себе имеют доиндустриальное этническое происхождение, а «этническая идентичность и сообщество являются своеобразной отправной точкой и необходимой составляющей теорий наций и национализма»¹⁷¹. Смит утверждает, что нации и этнические общности (которых он именует французским термином *ethnie*) имеют общие черты, главными из которых являются историческая память, мифы, символы и ценности как необходимые условия их существования¹⁷². В качестве основных «измерений» этносов, существовавших в доиндустриальную эпоху и послуживших основой для зарождения наций, или, другими словами, факторов, по которым одну этническую группу можно отличить от другой, Смит называет «коллективное название», «общий миф о происхождении», «разделяемую [всеми членами] историю», «особую культуру, разделяемую [всеми членами]», «ассоциирование с определенной территорией», а также «чувство идентичности и солидарности»¹⁷³. Подобный подход приводит Смита к выводу, что понятия «нации» и «государства» не могут быть смешаны, поскольку последнее подразумевает «исключительно общественные институты, отличные и автономные от других подобных социальных институтов и осуществляющие монополию на применение силы и пользование недрами в пределах определенной территории», в то время как нация предполагает «культурную и политическую связь, объединяющую в одном политическом сообществе всех, кто разделяет общие историческую культуру и родину»¹⁷⁴. «Основополагающими чертами национальной идентичности», по мнению Смита, являются: 1) историческая территория или родина; 2) общие мифы и историческая память; 3) общая массовая общественная культура; 4) общие для всех членов социума законные права и обязанности; 5) общая экономика с возможностью территориальной мобильности для членов социума¹⁷⁵. Если воспринимать нацию в смитовском этническом (или даже примордиалистском) ключе, то вполне можно согласиться с утверждением исследователя, согласно которому в настоящее время лишь 10 процентов существующих в мире государств могут именоваться «национальными», поскольку все остальные не являются однородными с точки зрения составляющих их население этносов¹⁷⁶.

Как уже отмечалось выше, свести воедино и проанализировать все тезисы теорий как перечисленных выше, так и оставшихся за пределами данного раздела теоретиков наций и национализма, является неосуществимой задачей. В этой связи показателен тот факт, что практически все авторитетные исследователи данной проблематики признают, что дать строгое научное опре-

¹⁷⁰ Smith, Anthony D. The Ethnic Origins of Nations. P. 11.

¹⁷¹ Смит, Энтони Д. Указ. соч. С. 16.

¹⁷² Smith, Anthony D. The Ethnic Origins of Nations. P. 28.

¹⁷³ Ibid. P. 22-31.

¹⁷⁴ Smith, Anthony D. National Identity. P. 14-15.

¹⁷⁵ Ibid. P. 14. Указанные черты присутствуют и в смитовском определении нации. См. примечание 177.

¹⁷⁶ Ibid. P. 15.

деление этим явлениям не просто сложно, а, пожалуй, и невозможно¹⁷⁷. При этом «феномен этот существовал и существует до сих пор»¹⁷⁸. На наш взгляд, несмотря на многочисленные попытки исследователей классифицировать типы национализмов разных стран и регионов, каждое националистическое движение следует рассматривать отдельно, исходя из определенных исторических, политических и других обстоятельств его развития.

Тайваньский национализм, в рамках которого развивалась идея «тайваньской идентичности» и без изучения которого невозможно исследование данного вопроса, не является исключением. «Тайваньская проблема» получала освещение в статьях самых авторитетных исследователей национализма. Так, например, Б. Андерсон в своей статье *«Западный национализм и восточный национализм»*, изданной на основе речи, прочитанной исследователем во время его пребывания на Тайване в 2000 г., отмечает, что «некоторые черты тайваньского национализма... являются очевидно креольскими». Данный вывод Андерсона вытекает из тех соображений, что остров в разное время населялся выходцами из Китая, которые попадали на Тайвань как путем бегства, так и по инициативе властей Поднебесной. Переселенцы «навязывали свою волю» местному населению, иногда мирными способами, иногда посредством насилия. Постепенно у жителей Тайваня ханьского происхождения, которые в целом разделяли культуру, язык и религию «метрополии», развивались собственные «традиции, символы, исторический опыт», что позволило им со временем «двинуться по пути политической независимости, когда они почувствовали, что имперский центр стал слишком угнетающим или труднодоступным»¹⁷⁹. В целом наблюдения Андерсона относительно особенностей формирования тайваньского населения вполне отвечают действительности. Однако мы считаем, что применение теории «креольского национализма» к проблеме становления «тайваньской идентичности» все же не вполне правомерно.

Действительно, в период пребывания острова под господством Империи Цин с 1683 по 1895 гг. центральное правительство не уделяло практически никакого внимания развитию Тайваня. Назначение на службу в местную администрацию воспринималось как мало престижное. Чиновники здесь редко проявляли инициативу в проведении каких-либо проектов, стремясь в основном извлечь для себя максимальную материальную выгоду и поскорее вернуться на материк. Представители тайваньских зажиточных семей, получавшие традиционное конфуцианское образование, в связи с удаленностью острова как от провинциального, так и от столичного центра,

¹⁷⁷ Энтони Смит является чуть ли не единственным среди перечисленных авторов, кто предложил подобное определение. У него нация – это «названная человеческая группа, все члены которой разделяют историческую территорию, общие мифы и историческую память, массовую общественную культуру, общую экономику и общие законные права и обязанности». См. *Smith, Anthony D. National Identity*. P. 14.

¹⁷⁸ *Seton-Watson, Hugh. Nations and States. An Inquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism*. - Boulder, Colo.: Westview, 1977. - P.5 [Цит. по: *Андерсон, Бенедикт*. Указ. соч. С. 26].

¹⁷⁹ *Anderson, Benedict. Western Nationalism and Eastern Nationalism: Is There a Difference That Matters?* [Electronic Resource]// *New Left Review*. – 2001. – May-June. – №9. – London, *New Left Review*, 2001. – Режим доступа: <http://newleftreview.org/II/9/benedict-anderson-western-nationalism-and-eastern-nationalism>, свободный. – Загл. с экрана.

практически не имели возможности сдать экзамен на получение ученой степени выше уездного уровня¹⁸⁰.

И все-таки, как мы считаем, в доступных документах этого периода не обнаруживается свидетельств, подтверждающих наличие у населения острова в это время представлений об особом «тайваньском самосознании», на основе которых было бы возможно построение самостоятельного тайваньского государства и в связи с чем можно было бы классифицировать случай Тайваня в терминах «креольского национализма» Бенедикта Андерсона. Как мы постараемся показать в последующих разделах данного диссертационного исследования, идея «тайваньской идентичности» и ее авторитет среди населения острова являются следствием причин, проявивших себя в гораздо более поздний период.

При этом, разумеется, нельзя отрицать того факта, что, подобно другим регионам Азии, национализм которых характеризуется как «антиколониальный», идеи, связанные с созданием независимого государства и обретения собственной идентичности, возникли на Тайване не без влияния западных националистических теорий¹⁸¹, но, как нам кажется, не лишним было бы подчеркнуть, что дальнейшее развитие эти идеи получили на специфической политико-исторической почве взаимоотношений между населением и правительствами двух берегов Тайваньского пролива.

2.2 Терминологические особенности понятия «тайваньской идентичности»: тайваньская «национальная» или «государственная» идентичность?

Понятие «тайваньская идентичность» (*Тайвань жэньтун* 台灣認同/ *Тайваньжэнь жэньтун* 台灣人認同) или «тайваньское самосознание» (*Тайвань иши* 台灣意識/ *Тайваньжэнь иши* 台灣人意識)¹⁸², как уже было отмечено, является одним из самых употребляемых сегодня терми-

¹⁸⁰ Речь идет о традиционной системе государственных экзаменов на получение ученой степени и чиновничьей должности (*Кэцзюй* 科舉), существовавшей в Китае со времен эпохи Суй (581-619) до 1905 г. Экзамены проводились (с некоторыми вариациями в зависимости от правящей династии) на трех основных уровнях: областном (степень *шэньюаня* 生員 или *сюцяя* 秀才), провинциальном (степень *цзюйжэня* 舉人) и столичном (степень *цзиньши* 進士). За 200 лет с начала управления Цинов было всего 251 тайваньцев, получивших степень *цзюйжэня*, и только в 1822 г. 11 тайваньцев впервые участвовали в экзаменах в Пекине, лишь один из которых получил степень *цзиньши*. См. *Manthorpe, Jonathan*. Op. cit. P. 115.

¹⁸¹ Так, например, один из проповедников тайваньского национализма Пэн Минминь в своих воспоминаниях отмечает, что его идеи относительно будущего Тайваня сформировались под непосредственным влиянием знаменитой лекции французского историка Эрнеста Ренана «Что такое нация», прочитанной в Сорбонне в 1882 г. Особенное впечатление на него произвело положение о том, что нацию формирует «глубокое чувство общности и разделяемой судьбы», а не раса, язык или культура. См. *Peng Ming-min*. Op. cit. P. 26. Как известно, впоследствии, после Первой мировой войны, идеи Ренана получили некоторое воплощение в принципе права наций на самоопределение американского президента Вудро Вильсона, когда карта мира перекраивалась по «национальному» принципу, что, как показало последующее развитие событий, не только не разрешило имеющихся межнациональных конфликтов, а даже усугубило их.

¹⁸² Большинство авторов ставят знак равенства между этими двумя понятиями, но некоторые исследователи разделяют их, считая, что «идентичность» - это один из элементов, составляющих «самосознание». См. *У Найдэ*. Шэнцзи иши, чжэньчжи чжичи хэ гоцзу жэньтун – Тайвань цзуюнь чжэньчжи лилунь дэ чутань (Сознание происхождения,

нов в том, что касается общественно-политической жизни острова. Его можно встретить как в научных трудах, посвященных самым разным аспектам социально-политического развития КР, так и в выступлениях лидеров основных партий Тайваня в моменты обострения политической борьбы и в СМИ. При этом найти четкое определение того, что вкладывается в понятие «тайваньской идентичности», крайне сложно.

В отечественной историографии «тайваньская идентичность» характеризуется Лариным А.Г. в одной из его статей как «представление о том, что они (тайваньцы – *примеч. наше*) являются отдельной, отличной от материка общностью с собственной историей и культурой и собственным путем в будущее»¹⁸³. Однако при анализе различных источников и литературы создается впечатление, что сами тайваньцы затрудняются сразу ответить на вопрос, что же такое «тайваньская идентичность». Так, например, участник одной из бесед в фокус-группах, проводимых в рамках исследовательского проекта Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня и Государственного Университета Чжэнчжи, в ходе разговора заявил, что он «до сих пор не вполне ясно понимает содержание понятия «истоки и политические последствия «тайваньской идентичности»»¹⁸⁴. В статье, подготовленной для конференции по истории и культуре Тайваня, проводимой в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, Трисия Линь, тайваньская студентка, выразила довольно типичный для жителей острова подход к проблеме «тайваньской идентичности» следующим образом: «Что такое «тайваньская идентичность»? Разумеется, тайваньская культура никогда не была монокультурной; так и «тайваньская идентичность» не является однозначным [понятием]»¹⁸⁵.

Если обратиться к приведенному выше определению идентичности в общей аналитической литературе, то под «тайваньской идентичностью» следует понимать самоидентификацию жителей острова как «тайваньцев» и, если воспользоваться терминологией Б. Андерсона, восприятие ими себя в качестве особого «воображаемого сообщества», рамки которого ограничиваются территорией самого Тайваня и нескольких групп островов, находящихся под юрисдикцией КР. Вопрос заключается в том, можно ли говорить, что это «воображаемое сообщество» понимается его членами как отдельная нация, то есть можно ли назвать «тайваньскую идентичность» «национальной идентичностью» или это всего лишь одна из региональных идентичностей, характерных как для Китая, так и для других стран мира.

политическая поддержка и национальная идентичность – к вопросу о теории тайваньской этнической политики) // Цзюнь гуаньси юй гоцзя жэньтун (Межэтнические отношения и государственная идентичность). С. 29.

¹⁸³ Ларин А.Г. Тайваньская проблема на современном этапе. С. 6.

¹⁸⁴ Записи бесед в фокус-группах. С. 196.

¹⁸⁵ Lin, Yi-Chun Tricia. Snaps of a Childhood Revisited: Music and Taiwanese Identity [Electronic resource] // Fifth Annual Conference on the History and Culture of Taiwan, University of California at Los Angeles, 2000, October, 14. – Режим доступа: <http://web.international.ucla.edu/institute/article/2291>, свободный. – Загл. с экрана.

Проблема «тайваньской идентичности», на наш взгляд, располагается как минимум в двух плоскостях: 1) политической, куда можно отнести полемику между основными политическими силами Тайваня относительно «тайваньского» или «китайского самосознания» жителей острова, во многом обусловленную проблемой взаимоотношений между двумя берегами Тайваньского пролива, и 2) эмоционально-культурной, относящейся скорее к сфере психологии, которая подразумевает внутреннее самоощущение тайваньцев и предполагает ответы на такие вопросы, как «Кто мы?» и «Чем мы отличаемся от всех остальных?» (прежде всего, разумеется, от китайцев). Обе эти плоскости являются взаимосвязанными и взаимно обуславливаемыми. По нашему мнению, найти ключ к определению второго из перечисленных уровней существования «тайваньской идентичности» является наиболее важной, но в то же время трудно осуществимой задачей. Для ее решения на Тайване регулярно проводятся различные социологические опросы и исследования. К сожалению, не все формы вопросов, использующихся для определения «национальной идентичности» тайваньцев, способны дать однозначный и достоверный ответ на поставленные вопросы, однако результаты этих опросов в той или иной мере составляют неперенный источник для исследования различных аспектов проблемы «тайваньской идентичности»¹⁸⁶.

В этой связи крайне важно сначала разобраться в том, какой смысл тайваньские и западные исследователи вкладывают в такое понятие, как «национальная идентичность» в том, что касается конкретно Тайваня.

Существует три варианта перевода английского термина *«national identity»* на китайский язык: *«гоцзя жэньтун»* (國家認同, где слово *«гоцзя»* чаще всего переводится на русский язык как «государство»), *«миньцзу жэньтун»* (民族認同, где *«миньцзу»* - «нация») и *«гоцзу жэньтун»* (國族認同) или *«цзуго жэньтун»* (族國認同), являющиеся синтезом двух первых вариантов, отражающим и культурную, и политическую составляющую данного понятия. Во многом причиной такого разнообразия переводов служит многозначность английского слова *«nation»*, под которым могут иметься в виду такие близкие, но все же различные понятия, как «нация» и «государство». Неслучайно англоязычные исследователи национализма¹⁸⁷ ввели в оборот сочетание *«nation-state»* (национальное государство), поскольку, согласно наиболее распространенному на Западе подходу, главной целью любого националистического движения является образование национального государства, без наличия которого существование нации невозможно.

Многие тайваньские исследователи практически ставят знак равенства между терминами *«гоцзя жэньтун»* и *«миньцзу жэньтун»* и зачастую пользуются ими как взаимозаменяемыми, а

¹⁸⁶ См. раздел 4.3 Главы 4 настоящего исследования.

¹⁸⁷ Термин «национализм» также имеет несколько вариантов в китайском языке, что вызвано многообразием переводов слова «нация»: *«миньцзу чжуи»* (民族主義), *«гоцзя чжуи»* (國家主義), *«гоцзу чжуи»* (國族主義), и даже *«насянналисывэнь»* (那想那利斯文) – вариант перевода путем транскрибирования иностранного слова китайскими иероглифами, который не получил широкого распространения.

также употребляют их наряду с другими понятиями, такими как проблема независимости Тайваня или его объединения с Китаем (*тунду вэньти 統獨問題*) или этническая идентичность (*цзуюнь жэньтун 族群認同*). Так, например, в статье упоминавшегося выше лидера Движения за независимость Тайваня Хуан Чжаотана английское словосочетание «*national identity*» переводится как «*гоцзя жэньтун*» (государственная идентичность), которое, по словам автора, можно разделить на «тайваньскую идентичность» (*Тайваньжэнь дэ жэньтун 台灣人的認同*) и «государственную идентичность» (*гоцзя дэ жэньтун 國家的認同*). При этом на следующих страницах этой же статьи «тайваньская идентичность» определяется автором как «этническая», а термин «*гоцзя жэньтун*» переводится как «*state identity*»¹⁸⁸.

В то же время некоторые авторы, наоборот, склонны различать эти понятия и даже утверждать неправомочность одного или другого. Так, например, видный социолог У Найдэ, в одной из своих статей утверждает, что перевод понятия «*гоцзя жэньтун*» как «государственная идентичность» (*state identity*) неверен. Для У «*гоцзя жэньтун*» - это «национальная идентичность». Более того, развивая свою теорию, У Найдэ приходит к выводу, что понятие «*гоцзя жэньтун*» в принципе невозможно, так как государство – это «правлящий режим», «система политической власти», а не «человеческая общность» (группа людей), с которой можно себя идентифицировать. Что касается «государственной системы», то «индивид может поддерживать ее, служить ей или противостоять ей, но никак не может идентифицировать себя с ней»¹⁸⁹. Таким образом, существование «национальной идентичности», по мнению У Найдэ, возможно лишь в значении «*миньцзу жэньтун*» (*national identity*), где «*миньцзу*» выступает как «нация» - «группа людей».

Сторонник тайваньского национализма Ши Чжэнфэн в своей статье «*Национальная идентичность тайваньцев*» также отмечает, что перевод слова “*national identity*” как «*миньцзу жэньтун*» гораздо более точно отражает его смысл:

Нация является единственным носителем государственного суверенитета, объектом служения: именно поэтому группа людей добивается признания себя в качестве нации, в то же время претендуя на право обладания собственным государством; и наоборот, если эта группа людей не считает себя нацией, то у нее и нет права на собственное государство. Другими словами, государство, образованное не на национальной основе, не имеет права на существование. Если нация не стремится к созданию собственного госу-

¹⁸⁸ Хуан Чжаотан. Точу цзичэн гоцзя лилунь, фэньле гоцзя лилунь, лай цучэн синьшэн гоцзя дэ даньшэн: Тайвань синьшэн гоцзя лилунь (Отказ от теории наследования государства и теории расколотого государства ради способствования рождению нового государства: теория нового Тайваньского государства)// Тайвань дули дэ лилунь юй лиши (Теория и история движения за независимость Тайваня). С. 11-42.

¹⁸⁹ У Найдэ. Мянбао юй айцин: чутань Тайвань миньчжун миньцзу жэньтун дэ бянъдун (Хлеб и любовь: к вопросу об изменениях национальной идентичности населения Тайваня). С. 10-11.

дарства, или по крайней мере на каком-либо этапе не требует определенной степени самоуправления, то может ли она называться нацией?

Однако сам Ши Чжэнфэн в названии своей статьи употребляет термин «гоцзя жэньтун», мотивируя это тем, что именно этот вариант используется большинством тайваньских авторов¹⁹⁰.

Другой видный исследователь проблемы «тайваньской идентичности» и политик Цзян Ихуа в своей монографии *«Либерализм, национализм и государственная идентичность»* в противоположность теории У Найдэ дает определение понятию «гоцзя жэньтун» именно как «государственной идентичности», поскольку, по его мнению, понятие «миньцзу» («нация» или «национальность») не может служить основой для интерпретации «государственной идентичности», поскольку до сих пор не существует точных критериев его определения¹⁹¹. В понимании Цзян Ихуа «гоцзя жэньтун» (государственная идентичность) является идентичностью на политическом уровне, в то время как «миньцзу жэньтун» (национальная идентичность) – на культурном. Слово «гоцзя» («государство») он воспринимает как «любое политическое сообщество, обладающее государственной властью и независимостью». Цзян считает, что «нация – это коллективная общность, которая вовсе не обязательно имеет намерение создания государства,.....а государство в свою очередь далеко не всегда подразумевает единство на национальной основе». Поэтому в мире существуют примеры как «многонациональных государств», так и «различных государств, образованных одной и той же нацией». Таким образом, по мнению Цзян Ихуа, «государство» первично по отношению к «нации», то есть скорее «нация» строится на основе «государства», а не наоборот. Исходя из всего выше сказанного, Цзян предлагает свое определение «государственной идентичности», согласно которому под этим понятием подразумевается «интеллектуальная деятельность индивида», связанная с определением им собственной принадлежности к какому-либо государству и того, каковым это государство является¹⁹².

Акцент Цзян Ихуа на политической составляющей государства обусловлен подходом, который он считает наиболее приемлемым для изучения «государственной идентичности», а именно рассмотрение данной проблемы с позиций либерализма, а не национализма, что характерно для подавляющего большинства исследователей этого вопроса. Обосновывая свою теорию, Цзян предлагает выделение в «государственной идентичности» трех составляющих: «этнической», «культурной» и «системной» идентичности. Каждой из них соответствует определенный элемент, с которым идентифицирует себя представитель какого-либо общества, а именно: «кровно-

¹⁹⁰ Ши Чжэнфэн. Тайваньжэнь дэ гоцзя жэньтун (Национальная идентичность тайваньцев)// Гоцзя жэньтун луньвэнь цзи (Сборник статей о национальной идентичности). – Тайбэй: Даосян, 2001. - С. 150, 152.

¹⁹¹ Такие критерии, как общее этническое происхождение, исторические мифы, религиозные верования, язык, традиции и обычаи, Цзян Ихуа считает недостаточно состоятельными. См. Цзян Ихуа. Цзыю чжуи, миньцзу чжуи юй гоцзя жэньтун (Либерализм, национализм и государственная идентичность). – Тайбэй: Янчжи вэньхуа, 1998. - С. 65.

¹⁹² Там же. С. 6-8, 65, 12.

этнические связи» (*цзуюнь сюэюань гуаньси 族群血緣關係*), «историко-культурные традиции» (*лиши вэньхуа чуаньтун 歷史文化傳統*), а также «политическая и социально-экономическая система» (*чжэнчжи шэхуэй цзинцзи чжиду 政治社會經濟制度*)¹⁹³. Цзян Ихуа отмечает два наиболее существенных отличия между либеральной и националистической концепциями «государственной идентичности». Первое из них заключается в том, что, согласно позиции либерализма, индивид имеет право выбирать государство (и нацию), с которым себя идентифицировать, в то время как в национализме от человека требуется верность по отношению к культуре, в которой он родился, а соответственно и к государству (и нации), которое является носителем этой культуры. Второе отличие состоит в том, что национализм подчеркивает важность «историко-культурных традиций» и «кровно-этнических связей» для формирования «государственной идентичности» индивида, в отличие от либерализма, который на первое место ставит «политическую и социально-экономическую систему». В целом автор склонен к поддержке либерального подхода к проблеме «государственной идентичности», но все же он признает, что, пусть и при главенстве политического фактора, история, культура и этническое происхождение человека также играют существенную роль при определении его «государственной идентичности». Поэтому при исследовании данной проблемы, в том числе и относительно Тайваня, следует использовать сочетание обоих подходов, которое Цзян Ихуа определяет как «либеральный национализм»¹⁹⁴.

Воспринимая понятие «*гоцзя жэньтун*» как «государственную идентичность», многие авторы отождествляют эту проблему с «тайваньским национализмом» или вопросом о независимости Тайваня или его объединении с материковым Китаем¹⁹⁵. Американская исследовательница истории и политики Тайваня Шелли Риггер отмечает, что для современного подхода к «тайваньской проблеме» в США также характерно смешение понятий «тайваньская идентичность» и

¹⁹³ Там же. С. 15.

¹⁹⁴ Там же. С. 191-193, 135.

¹⁹⁵ Например, *Tien, Hung mao; Lin, Cheng-yi; Lai I-Chung*. Roundtable: Identity Challenges and United States-China-Taiwan Relations// Is There a Greater China Identity? Security and Economic Dilemma. No. 53/ ed. by I Yuan. – Taipei: Institute of International Relations, National Chengchi University, 2007. – P. 345-358 ; *Ван Фучан*. Майсян Тайвань цзуюнь гуаньси дэ цайди яньцзю юй лилун: «цзуюнь юй шэхуэй» чжуаньти даолунь (Двигаясь в направлении к локальным исследованиям и теории межэтнических отношений на Тайване: вступление к теме «Этнические группы и общество»)// Тайвань шэхуэйсюэ (Социология Тайваня). – 2002. – Декабрь. - №4. – С. 3 ; *Его же*. Ю миньчжухуа дао цзуюнь чжэнчжи: Тайвань миньчжу юньдун дэ фачжань (От демократизации к этнической политике: развитие демократического движения на Тайване). 1970-1990-е гг.// Эрши шицзи Тайвань миньчжу фачжань сюэшу таолунь-хуэй (Научный семинар по развитию демократии на Тайване в XX веке). Том 2. - Тайбэй: Гошигуань, 2003. - С. 7 ; *Ли Сюэфэн*. Цзинь бай нянь лай Тайвань чжэнчжи юньдун чжун дэ гоцзя жэньтун (Национальная идентичность в тайваньском политическом движении на протяжении последних ста лет)// *Его же*. Тайвань цзинь сяньдай ши лунь цзи (Сборник статей по новой и новейшей истории Тайваня). – Тайбэй: Юйшаньшэ, 2007. - С. 40 ; *Хуан Чжаотан*. Точу цзичэн гоцзя лилунь, фэньле гоцзя лилунь, лай цучэн синьшэн гоцзя дэ даньшэн: Тайвань синьшэн гоцзя лилунь (Отказ от теории наследования государства и теории расколотого государства ради способствования рождению нового государства: теория нового Тайваньского государства). С. 28 ; и др.

«тайваньский национализм»¹⁹⁶. Однако многие исследователи, признавая связь между этими понятиями, ставят под сомнение правомерность их смешения¹⁹⁷.

Упомянувшийся выше У Найдэ в попытке обосновать разграничение между ними наряду с термином «национальная идентичность», который он относит к «чувственной/эмоциональной сфере», вводит понятие «государственный выбор» (*гоцзя сюаньцзэ* 國家選擇) «рационального» порядка. Под первым подразумевается безусловная идентификация индивида с каким-либо государством, в независимости от его экономического процветания и политической системы. Под вторым имеется в виду готовность человека в любой момент признать над собой власть другого государства, если оно может предложить ему лучшие экономические и политические условия существования¹⁹⁸. Следуя этой логике, У делает вывод, что «позицию по вопросу об объединении с материковым Китаем или независимости Тайваня» можно назвать «государственным выбором», в то время как «государственная идентичность» - это приверженность и принадлежность [к какому-либо государству] на чувственном уровне¹⁹⁹.

Цзян Ихуа также считает, что, несмотря на «укрепившуюся в обществе привычку» смешивать проблемы независимости/объединения и «государственной идентичности» Тайваня, эти понятия следует отличать друг от друга. Он не согласен с подходом У Найдэ к данному различию, полагая, что «эмоциональный» и «рациональный» подходы могут присутствовать как в том, что касается вопроса об отношении жителей острова к определению будущего статуса Тайваня, так и в том, что касается «государственной идентичности» населения КР. По мнению Цзяна, главное различие между двумя понятиями заключается в том, что первое отвечает на конкретный политический вопрос, должен ли Тайвань объявить о создании независимого государства, тем самым резко поставив точку в конфликте с материковым Китаем относительно суверенитета острова. Второе же относится скорее к интеллектуально-философской сфере и ставит такие вопросы, как «в чем заключается «государственная идентичность», что лежит в ее основе, зачем она нужна, возможно ли ее изменение» и т.д. При этом автор справедливо подразумевает, что изучение проблемы «государственной идентичности» Тайваня невозможно в отрыве от теорий, касающихся вопроса о независимости острова или его объединении с материковым Китаем. Просто необходимо максимально абстрагироваться от «политических выражений декларативно-

¹⁹⁶ Rigger, Shelley. Op. cit. P. 5.

¹⁹⁷ Чэнь Лухуэй, Гэн Шу, Чжэн Суфэнь, Ю Цзиньсинь, Чэнь Чжэнвэй, Чжан Явэнь. Указ. соч. ; и др.

¹⁹⁸ У Найдэ. Шэнцзи иши, чжэнчжи чжичи хэ гоцзя жэньтун – Тайвань цзуюнь чжэнчжи лилунь дэ чутань (Сознание происхождения, политическая поддержка и национальная идентичность – к вопросу о теории тайваньской этнической политики). С. 44-45.

¹⁹⁹ У Найдэ. Гоцзя жэньтун хэ чжэндан чжичи. Тайвань чжэндан цзинчжэн дэ шэхуэй цзичу (Национальная идентичность и поддержка политических партий. Социальная основа партийной борьбы на Тайване). С. 40.

го характера» и сосредоточиться на «формах мышления, на основании которых индивид определяет свою «государственную идентичность»²⁰⁰.

Подобное многообразие подходов тайваньских авторов к вопросам национальной идентичности тайваньцев, с одной стороны, ставит перед исследователем сложную задачу максимально учесть все эти точки зрения, но, с другой стороны, свидетельствует об актуальности и необходимости дальнейшего рассмотрения этой темы. Кроме того, по нашему мнению, можно выявить некоторую закономерность между политическими позициями авторов и их приверженностью той или иной теоретической концепции. В частности, исследователи, симпатизирующие идеям тайваньского национализма, склонны рассматривать идентичность граждан КР в этнонациональном ключе, поскольку для них возможность создания независимого тайваньского государства напрямую зависит от объективного восприятия тайваньцев (как ими самими, так и представителями мирового сообщества) в качестве нации. В то же время акцент на необходимости идентификации жителей острова с политическими ценностями КР (вплоть до развития здесь так называемого «гражданского» национализма) чаще всего характерен для авторов, в той или иной мере разделяющих гоминьдановский взгляд на вопросы идентичности тайваньцев.

Автор данной работы, рассмотрев все изложенные выше концепции известных тайваньских ученых, все же склонен к восприятию национальной идентичности жителей острова именно в значении «*national identity*», а не «*state identity*». Проблема Тайваня, на наш взгляд, заключается не в выборе государства (оно де-факто на Тайване существует, и изменение его названия и символики вряд ли существенно повлияет на его сущность), а в форме осознания себя населением острова в качестве особого сообщества, от которой будет зависеть политика как островного правительства, в том числе в том, что касается фактического и символического определения статуса Тайваня, так и властей КНР. Следует признать, что полностью абстрагироваться от проблемы международного положения острова вряд ли возможно. Важность национальной идентичности для КР заключается в том, что «только при условии концентрации внутри Тайваня на [проблеме] «национальной идентичности», возможно достижение единого мнения относительно своего положения по отношению к внешнему миру», а «наличие «национальной идентичности» является единственным основанием для формирования нации и существования государства»²⁰¹.

²⁰⁰ Цзян Ихуа. Цзыю чжуи, миньцзу чжуи юй гоця жэньтун (Либерализм, национализм и государственная идентичность). С. 4-5, 137.

²⁰¹ Ши Чжэнфэн. Миньцзу цзыцзюэцюань – Тайвань дули цзяньго дэ миньцзу чжуи гуаньдянь (Право наций на самоопределение – националистический взгляд на создание на Тайване независимого государства)// Тайвань дули дэ лилунь юй лиши (Теория и история движения за независимость Тайваня). С. 182.

2.3 Дискуссия о времени формирования «тайваньской идентичности»

Вопрос о времени, когда впервые фиксируется возникновение представлений о некоей особой «тайваньской идентичности», затрагивался в работах многих исследователей. Некоторые из них полагают, что «тайваньское самосознание» у жителей острова пробудилось в ходе борьбы с японским колониальным господством в 1895-1945 гг., другие прослеживают истоки данного явления в еще более раннем периоде, а именно во время пребывания острова под властью европейских держав в XVII в., а также в качестве территории Империи Цин. Так, например, некоторые тайваньские авторы трактуют мятеж китайских жителей Тайваня под предводительством Го Хуайи 1652 г., вызванный протестами против высоких налогов, собираемых голландской администрацией с населения острова, как «пробуждение национального самосознания тайваньцев». Такие же оценки даются и многочисленным восстаниям тайваньцев в период нахождения острова под властью Империи Цин²⁰².

Началом широкого изучения этой проблемы в научных кругах можно считать дискуссию об «индигенизации» (*тучжухуа* 土著化) или «континентализации» (*нэйдиухуа* 內地化) жителей Тайваня в период пребывания острова в составе цинского государства. Согласно теории «континентализации», предложенной в 1970-х гг. научным сотрудником Института новой и новейшей истории Академии Синика (中央研究院近代史研究所), профессором Тайваньского государственного педагогического университета Ли Гоци, главной тенденцией развития тайваньского населения ханьского происхождения в XVII-XIX вв. было его превращение в свойственное для континентальной части Китая «общество, управляемое конфуцианской бюрократией [в рамках] китайской культуры» (*Чжунхуа вэньхуа дэ вэньчжи шэхуэй* 中華文化的文治社會), которая «крепко укоренилась» на острове²⁰³.

Теории «континентализации» противостоит теория «индигенизации», выдвинутая одновременно с первой тайваньским историком-антропологом и политиком Чэнь Цинанем²⁰⁴. Он утверждает, что население Тайваня китайского происхождения в период Цин пережило трансформацию из «общества иммигрантов» (*иминь шэхуэй* 移民社會, *Immigrant Society*) в «общество коренных жителей» (*тучжу шэхуэй* 土著社會, *Native Society*), в ходе которой старые кровно-клановые и религиозные связи и объединения, основанные на осознании родства с континенталь-

²⁰² В основном подобная тенденция характерна для представителей Движения за независимость Тайваня в ранний период его существования (1950-60-е гг.). См. *Meisner, Maurice*. Op. cit. P. 92.

²⁰³ Чэнь Кунли. Циндай Тайвань шэхуэй фачжань дэ моши вэньти – пин «тучжухуа» хэ «нэйдиухуа» дэ чжэнлунь (Проблема модели развития тайваньского общества в эпоху Цин – обсуждая дискуссию об «индигенизации» и «континентализации»)/ Тайвань яньцзю шинянь (Десятилетие исследований Тайваня)/ под ред. Чэнь Кунли. – Сямэнь: Боюань, 1990. – С. 270-271.

²⁰⁴ В 1975-85 гг. занимал должность младшего научного сотрудника Института этнологии Академии Синика, в 2000-2002 гг. исполнял обязанности советника по государственной политике в Администрации президента КР, в настоящее время является профессором Тайбэйского государственного университета искусств, а также научным сотрудником Института истории Тайваня Академии Синика.

ным Китаем, сменились новыми, ограниченными пределами Тайваня. Результатом этого процесса стало «постепенное отчуждение» жителей двух берегов Тайваньского пролива и формирование чувства идентичности иммигрантов по отношению к Тайваню²⁰⁵. При этом Чэнь Цинань, в отличие от радикальных тайваньских националистов, признает «объективный факт того, что тайваньцы – это китайцы или ханьцы, а тайваньская культура – это всего лишь одна из ветвей китайской культуры»²⁰⁶. Однако, по убеждению исследователя, кровные и культурные связи между жителями двух сторон Тайваньского пролива не могут служить основанием для политического объединения КНР и КР, доказательством чему служит наличие на карте мира нескольких независимых государств, образованных англосаксами²⁰⁷. Похожую на позицию Чэнь Цинаня точку зрения разделяет и профессор исторического факультета Университета Фужэнь (Тайбэй) Инь Чжангэ²⁰⁸, который, не отрицая наличия процесса «индигенизации» ханьцев на Тайване, подчеркивает, что «тайваньская идентичность» жителей острова носила «локальный» характер (сянгу жэньтун 鄉土認同):

Чжанхуасцы и иланьцы, отождествляя себя с Чжанхуа и Иланем²⁰⁹, в то же время идентифицировали себя с Тайванем, [провинцией] Фуцзянь и Китаем. Система государственных экзаменов на получение ученой степени и права поступления на государственную должность, способствуя укреплению самосознания в зависимости от места рождения (цзигуань иши 籍貫意識), в то же время усиливала идентификацию тайваньцев с ханьско-конфуцианской культурой, местом происхождения предков, [провинцией] Фуцзянь и Китаем... Резюмируя сказанное, на Тайване в период Цин развилась «локальная идентичность» и «самосознание в зависимости от места рождения», однако под влиянием кланов, религий, политики и экономики Китая подобное «тайваньское самосознание» неизменно носило подчиненный характер и так и не приняло формы самобытного, автономного «тайваньского самосознания»²¹⁰.

Среди тем, получивших широкое освещение в рамках изучения истории Тайваня в последние двадцать с лишним лет, стоит отметить историю просуществовавшей всего несколько

²⁰⁵ Чэнь Цинань. Бэньту иши, миньцзу гоцзя юй миньчжу чжэнти (Локальное самосознание, национальное государство и демократическое правление)// Чжунго луньтань (Китайский форум). С. 23.

²⁰⁶ Там же. С. 25.

²⁰⁷ Там же. С. 28.

²⁰⁸ Следует отметить, что, в отличие от Чэнь Цинаня, который в своем исследовании на центральное место ставит процесс формирования тайваньского «общества коренных жителей», пусть и при сохранении идентификации с китайской культурой, Инь Чжангэ подчеркивает «китайскую идентичность» населения Тайваня, помещая «тайваньское самосознание» в один ряд с локальными идентичностями жителей других провинций Китая. Данное различие объясняется политическими позициями исследователей, первый из которых является сторонником теории «двух Китаев», в то время как Инь Чжангэ, в том числе в силу своего материкового происхождения, выступает за объединение Китая.

²⁰⁹ Чжанхуа и Илань – уезды соответственно в центральной и северной части Тайваня.

²¹⁰ Инь Чжангэ. Тайвань иши шиси – лиши дэ гуаньдянь (Попытка анализа тайваньского самосознания – исторический взгляд)// Чжунго луньтань (Китайский форум). С. 103-104.

месяцев в 1895 г. Тайваньской Республики (*Тайвань Миньчжуго* 台灣民主國), образованной после подписания Симонсекского мирного договора по окончании Японо-китайской войны 1894-95 гг. представителями тайваньской образованной элиты из числа местных землевладельцев и чиновников из администрации провинции Тайвань и ликвидированной в ходе японского «завоевания» острова к концу 1895 г. Главной причиной столь пристального внимания исследователей к данному историческому эпизоду является факт провозглашения тайваньцами, недовольными передачей острова под суверенитет Японии, независимого государственного образования. Это событие рассматривается в качестве манифестации «тайваньского самосознания» и стремления жителей острова к созданию собственного, независимого как от Японии, так и от Китая, государства²¹¹. Однако мы разделяем наиболее распространенное сегодня среди исследователей мнение, согласно которому «Тайваньскую Республику... нельзя считать истинным движением за независимость Тайваня». Ее лидеры постоянно подчеркивали свою связь и вассалитет по отношению к правительству Цинского Китая. А провозглашение независимости продиктовано скорее всего соображениями более вероятного оказания помощи со стороны других стран маленькому самостоятельному государству, нежели одной из территорий обширной Цинской империи²¹².

Довольно широкое распространение среди исследователей «тайваньского самосознания» пронационалистского толка имеет идея о его зарождении в эпоху японского колониального господства. Повсеместно отмечается влияние Японии на формирование собственно тайваньской культуры²¹³. Складывание «тайваньского самосознания» связывается с социально-экономическими достижениями острова в результате реформ, проводимых японской колониальной администрацией. Следует отметить, что логика подобных умозаключений не всегда последовательна, что можно увидеть из следующего отрывка статьи тайваньского студента-химика в США Лю Цзиньсяна, опубликованной в журнале движения «беспартийных» «Укоренение» («*Шэнгэнь*» 生根) в 1983 г. под псевдонимом Чэнь Шухун:

²¹¹ Неслучайно флаг Тайваньской Республики (желтый тигр на голубом фоне) использовался в качестве одного из символов Движения за независимость Тайваня после Второй мировой войны. Более того, авторы Временной Конституции Тайваньской Республики, опубликованной в Токио в 1956 г. активистами тайваньского национализма, именуют себя «наследниками традиций государства Чжэн Чэнгуна 1661 г. и Тайваньской Республики 1895 г.» См. Тайвань гунхэго линьши сяньфа (Временная Конституция Тайваньской Республики (опубликована 1 сентября 1956 г. в Токио))// *Цзэн Маодэ*. Цун чаньши Тайвань гунхэго линьши сяньфа шикуй Ляо Вэньи шидай 1950's Тайвань гунхэго линьши сяньфа (Беглый взгляд на Временную Конституцию Тайваньской Республики эпохи Ляо Вэньи 1950-х гг. путем ее толкования)// *Цзыцзюэ юй жэньтун* – 1950-1990 нянь хайвай тайваньжэнь юньдун чжуаньцзи (Самоопределение и идентичность - сборник, посвященный движениям тайваньцев за границей в 1950-1990 гг.). С. 203. Чжэн Чэнгун (1624-1662) – лидер антиманьчжурской борьбы под девизом реставрации Империи Мин. В 1662 г. потеряв свои позиции в континентальном Китае под давлением цинских войск, изгнал с Тайваня голландскую администрацию. Клан Чжэнов правил островом до 1683 г., когда внук Чжэн Чэнгуна Чжэн Кэшуан подписал указ о передаче Тайваня под власть Империи Цин.

²¹² *Ли Сяофэн*. Цзинь бай нянь лай Тайвань чжэнчжи юньдун чжун дэ гоцзя жэньтун (Национальная идентичность в тайваньском политическом движении на протяжении последних ста лет). С. 11.

²¹³ Подробнее об этом см. раздел 3.3 Главы 3 настоящего исследования.

В 1900-1904 гг. были унифицированы система мер и валюта, в 1923 г. было завершено строительство автодороги, соединяющей юг и север. Эти меры, с одной стороны, способствовали развитию предприятий по всему острову, с другой стороны, явились отражением степени интеграции тайваньского общества и экономической деятельности. После того как появилась интегрированная социальная и экономическая жизнь, неизбежно возникло и «тайваньское самосознание», разделяемое всеми жителями острова»²¹⁴.

Данное утверждение могло бы не быть достойным упоминания, если бы оно не было процитировано в поддержку собственных убеждений видным тайваньским литературоведом, исследователем истории японского колониального господства на Тайване, а также активистом Движения за независимость Тайваня Чэнь Фанмином. Последний, вступая в полемику с теми, кто считает, что «тайваньская идентичность» является продуктом более позднего времени, утверждает, что «тайваньское самосознание вызревало на протяжении трехсот с лишним лет вплоть до периода японского колониального господства». Такое «долговременное» явление, как самосознание, не могло возникнуть в результате единичных событий, таких как, например, «инцидент 28 февраля»²¹⁵, что, по убеждению исследователя, позволяет сделать вывод, что «китайское самосознание на Тайване не имеет материальной базы»²¹⁶.

На наш взгляд, данное утверждение не вполне правомерно. К сожалению, у нас нет возможности дать однозначную, достоверную оценку самосознания подавляющей части тайваньцев как во время, так и после периода колониального господства Японии по причине отсутствия соответствующих источников, в отличие от результатов многочисленных современных социологических исследований. Единственные документы, имеющиеся в распоряжении историков, по которым можно судить об идентичности жителей острова, – это сочинения представителей образованной элиты Тайваня, прежде всего членов различных политических организаций 1920-30х гг., представлявших несомненно крайне незначительное число от всего населения японской колонии. Анализ этих источников позволяет исследователям, в частности профессору Ли Сяофэну, прийти к заключению, что «тайваньская идентичность», посредством которой представители антияпонского политического сопротивления в 1920-30-х гг. противопоставляли себя колонизаторам, была неразрывно связана с осознанием собственной кровно-расовой принадлежности к жителям противоположного берега Тайваньского пролива. Такие лозунги, как, например, «Тайвань принадлежит тайваньцам», были направлены на то, чтобы подчеркнуть, что «Тайвань не принад-

²¹⁴ Цит. по: Ши Миньхуэй (Чэнь Фанмин). Чжуши даонэй и чан «Тайвань иши» дэ луньчжань (Приглядываясь к дискуссии о «Тайваньском сознании» на острове)// Тайвань иши луньчжань сюаньцзи (Избранные произведения относительно дискуссии о тайваньском сознании). С. 14.

²¹⁵ Подробнее об «инциденте 28 февраля 1947 г.» см. раздел 3.4 Главы 3 настоящего исследования.

²¹⁶ Ши Миньхуэй (Чэнь Фанмин). Тайвань сян цян цзоу – цзай лунь даонэй «Тайвань иши» дэ луньчжань (Тайвань движется вперед – еще раз к вопросу о дискуссии относительно «Тайваньского сознания» на острове)// Тайвань иши луньчжань сюаньцзи (Избранные произведения относительно дискуссии о тайваньском сознании). С. 27-28.

лежит японцам», а не на отрицание «китайского самосознания» жителей острова²¹⁷. Профессор Университета китайской культуры (Тайбэй), философ и историк Ван Сяобо также утверждает, что «национальная дискриминация» жителей Тайваня японской колониальной администрацией способствовала укреплению «китайско-ханьского национального самосознания» жителей острова²¹⁸. При этом упоминаемый выше Ли Сяофэн, утверждая, что «сознание Родины» и идентификация с «китайской/ ханьской нацией» использовалось активистами антияпонского сопротивления в качестве «инструмента антиимпериалистической борьбы», делает важную оговорку, согласно которой понятие «Родина» в сознании этих людей было существенно «идеализированным» и в значительной степени отличалось от «реального» Китая, чем исследователь и объясняет последующее разочарование тайваньцев во вновь прибывшей в 1945 г. гоминьдановской администрации²¹⁹.

Известный тайваньский антрополог Чжан Гуанчжи (родился в 1931 г. в Пекине в семье тайваньца – студента Пекинского педагогического университета, женившегося на девушке из пров. Хубэй и вернувшегося на Тайвань лишь после окончания Второй мировой войны), который годы своей юности провел в Пекине, характеризует идентичность тайваньцев, проживающих в годы японского колониального господства в Китае, следующим образом:

*Мы без сомнения считали себя тайваньцами, бататами, но в то же время и южнофуцзяньцами (выходцами из уезда Наньцзин, пров. Фуцзянь) и китайцами*²²⁰.

²¹⁷ Ли Сяофэн. Цзинь бай нянь лай Тайвань чжэнчжи юндун чжун дэ гоця жэньтун (Национальная идентичность в тайваньском политическом движении на протяжении последних ста лет). С. 21-22.

²¹⁸ Ван Сяобо. Жицзюй шици «тайвань пай» дэ цзуго иши (Сознание Родины «тайваньской группы» в период японского колониального господства)// Чжунго луньтань (Китайский форум). С. 116. Следует отметить, что Ван Сяобо вообще отказывается «тайваньской идентичности» в существовании в период японского колониального господства, считая, что различия между теми или иными организациями в рамках антияпонского политического сопротивления заключаются в «степени проявляемого ими китайско-ханьского национального самосознания, а не в их идентичности по отношению к Тайваню». См. там же. С. 120.

²¹⁹ Ли Сяофэн. Цзинь бай нянь лай Тайвань чжэнчжи юндун чжун дэ гоця жэньтун (Национальная идентичность в тайваньском политическом движении на протяжении последних ста лет). С. 22-24. О событиях после 1945 г. подробнее см. в разделе 2.4 настоящей главы.

²²⁰ Чжан Гуанчжи. Фаньшужэнь дэ гуши (История одного тайваньца). – Тайбэй: Ляньцзин, 1998. – С. 3. Бататы (фаньшужэнь 番薯人) – самоназвание тайваньцев, происходящее от формы острова, напоминающей корнеплод данного растения, имеющего широкое распространение на Тайване. После 1945 г. бататы противопоставлялись таро (растение с употребляемыми в пищу клубнями – цинъюй 青芋 или юйцзай 芋仔), как на острове именовали прибывших с материка китайцев. Точная причина подобного названия неизвестна. По некоторым версиям, таро является растением, не требующим удобрения – «где бросишь, там и будет расти». Поэтому стоят клубни таро крайне дешево, так же как крайне низко ценится жизнь многочисленных солдат гоминьдановской армии, прибывших на остров без семей и впоследствии зарабатывавших на жизнь продажей различных закусок на уличных лотках. См. Чэнь Вэньси. А! вайшэнжэнь (А, вайшэнжэнь!) [Электронный ресурс]// Форум Танбэнь. – Режим доступа: <http://www.tangben.com/WYluntan/04waish.htm>, свободный. – Загл. с экрана. Стереотипное восприятие особенностей таро и бататов заключается в том, что «таро не говорят на южнофуцзяньском диалекте, не идентифицируют себя с Тайванем и ненавидят японцев. Бататы же говорят на южнофуцзяньском диалекте, обладают сильной локальной идентичностью и испытывают теплые чувства по отношению к японцам». См. Чжан Гуанчжи. Указ. соч. С. 3. Чжан Гуанчжи отмечает в своих мемуарах определенную нелогичность данных наименований, поскольку таро является коренной культурой Тайваня и символизирует ту часть населения острова, время прибытия сюда которой наиболее позднее. Бататы же были завезены на Тайвань не ранее XVI-XVII вв., но при этом обозначают жителей острова, переселившихся сюда в ходе первых волн иммиграции из материкового Китая. См. там же. С. 4.

Цитируемый выше профессор Инь Чжанъи, ссылаясь на материалы второго тома второй части «Полицейских хроник Тайваньского генерал-губернаторства» - «Истории общественных движений Тайваня», согласно которым тайваньцы «по прошествии сорока с лишним лет... по-прежнему сохраняют старые традиции, привычки, верования... считают [Фуцзянь и Гуандун] местом захоронения предков и хранят глубокую память о них», утверждает, что «на протяжении пятидесяти лет японского колониального господства Тайвань с политической точки зрения принадлежал Японии, с точки зрения же культуры и самосознания, Тайвань принадлежал Китаю. «Ханьское национальное самосознание» (*хань миньцзу иши* 漢民族意識) и «сознание родины» (*цзугу иши* 祖國意識) повсеместно присутствовало в самосознании «тайваньцев»²²¹.

На наш взгляд, данную позицию можно считать вполне оправданной. Значение того факта, о котором уже упоминалось ранее, что данная точка зрения частично обусловлена политическими пристрастиями выражающего ее исследователя, существенно нивелируется в свете того, что некоторые очевидные последователи тайваньского национализма также придерживаются подобного взгляда. В частности, профессор тайваньского Университета Чэнгун (Тайнань, Тайвань), историк У Мича в одной из своих статей называет период японского колониального господства «поражением» процесса формирования национальной идентичности Тайваня, поскольку в это время культурная и этническая составляющие «тайваньского самосознания» выражались посредством утверждения принадлежности к «ханьской нации» *jus sanguinis* (по праву крови)²²².

Заметной вехой в распространении идеи о «тайваньской идентичности» среди населения острова стали также события 1970-х гг., которые были отмечены наиважнейшим для дальнейшего развития КР дипломатическим кризисом. В 1971 г. гоминьдановское правительство в результате очередного голосования по данному вопросу в Генеральной Ассамблее ООН лишилось права представлять весь Китай в Совете безопасности в пользу КНР. Вслед за этим последовал разрыв дипломатических отношений с КР целым рядом стран, в том числе одним из главных политических союзников и торгово-экономических партнеров Тайваня – Японией – в сентябре 1972 г. Из 68 стран, в 1971 г. признававших режим ГМД на Тайване в качестве законного правительства Китая, 27 государств за первые два года после судьбоносного голосования установили официальные связи с КНР. К 1978 г. количество правительств, сохранявших дипломатические отношения с КР, составляло лишь 23 государства. Наконец, 1 января 1979 г. было объявлено о разрыве дипломатических отношений между КР и главным гарантом безопасности Тайваня –

²²¹ Инь Чжанъи. Указ. соч. С. 104.

²²² У Мича. Тайвань гоцзя жэньтун чжи лиши хуэйгу – Жибэнь шидай: и гэ шибай дэ цзинъянь (Исторический взгляд на национальную идентичность Тайваня – эпоха японского колониального господства: опыт поражения)// Сборник статей конференции «Гоцзя жэньтун дэ вэньхуа лунышу» (Культурный дискурс национальной идентичности). С. 169.

США, которые официально признали коммунистическое правительство на противоположном берегу Тайваньского пролива.

Все это поставило власти КР перед сложной задачей выбора дальнейшего пути развития Тайваня, который бы позволил Гоминьдану сохранить свое положение ведущей политической силы на острове.

В зарубежной исследовательской литературе существует довольно много работ, посвященных характеру и причинам демократизации целого ряда стран, к которым относится и КР, во второй половине XX в. В частности, в одном из исследований известного американского политолога Сэмюэла Хантингтона «Третья волна. Демократизация в конце XX века» Тайвань относится ко второй фазе (с 1989 г.) «третьей волны» демократизации в мире, начавшейся в 1974 г. Однако процесс трансформации государственного режима КР стартовал, как очевидно из описанного выше, несколько раньше 1989 г. По теории Хантингтона, период до 1989 г. можно характеризовать как «либерализацию» политического строя Тайваня, которая представляет собой «достижение частичной открытости авторитарной системы без избрания правительственных лидеров путем свободных соревновательных выборов» и вовсе не всегда может привести к становлению полномасштабной демократии²²³. Факторы, способствующие этому процессу, в большинстве случаев представляют собой комбинацию различных причин, которые в том, что касается опыта Тайваня, можно условно разделить на объективные (характерные для демократического транзита большинства стран) и субъективные (уникальные для КР). Ко второй группе относятся указанные выше изменения во внешнеполитическом статусе острова, в то время как в первую группу можно включить рост благосостояния граждан КР в результате так называемого «тайваньского экономического чуда» начиная с конца 1960-х гг. и вызванное им формирование многочисленного среднего класса с высоким уровнем образованности. Сюда же можно отнести и «влияние продемократической иностранной державы»²²⁴ в лице США. Помимо этого, одной из отличительных черт тайваньского опыта либерализации и демократизации является то, что в отличие от многих других стран «третьей волны», где демократия была установлена путем свержения авторитарных режимов, данный процесс на острове характеризовался модернизацией внутри самого недемократического режима, представленного партией Гоминьдан, в связи с утратой им своей легитимности. В данной связи, на наш взгляд, нельзя не упомянуть также и о пресловутой «роли личности в истории», выраженной в случае Тайваня значением политики президента КР в 1978-1988 гг., сына Чан Кайши²²⁵ Цзян Цзинго²²⁶, который начал предпринимать ме-

²²³ Хантингтон, Сэмюэл. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – Москва: РОССПЭН, 2003. – С. 19.

²²⁴ Там же. С. 48.

²²⁵ Чан Кайши (кит. Цзян Цзешу 蔣介石, 1887-1975) – лидер партии Гоминьдан и президент КР, с 1927 г. ведущий непримиримую борьбу с КПК. После эвакуации гоминьдановского правительства на Тайвань Чан Кайши неизменно занимал должность президента КР вплоть до своей смерти в 1975 г.

²²⁶ Цзян Цзинго (кит. Цзян Цзинцунь 蔣經國, 1917-2008) – сын Чан Кайши, президент КР с 1978 по 1988 г.

ры по постепенной «тайванизации» состава партии Гоминьдан, привлекая в ее ряды, а также на ведущие государственные должности все большее количество «коренных» тайваньцев, в том числе Ли Дэнхуэя, который в 1984-1988 гг. занимал пост вице-президента КР. Венцом политической карьеры Цзян Цзинго стал его указ об отмене «военного положения» на острове с 15 июля 1987 г.

Результатом изменения международного положения КР в 1970-х гг. стало, выражаясь словами тайваньского исследователя Сяо Ациня, появление «поколения, вернувшегося к реальности», которое состояло из молодых, образованных тайваньцев, взросление которых проходило в условиях гоминьдановской авторитарной политики насаждения «китайского самосознания» на острове. Представители этого поколения после событий 1970-х гг. осознали неосуществимость возвращения режима КР на материк и необходимость признания реального существования там коммунистического правительства. Именно эти люди составили большинство членов движения «беспартийных», лидеры которого 10 декабря 1979 г. устроили в Гаосюне – крупнейшем городе на юге Тайваня – демонстрацию в честь Международного дня прав человека. Шествие закончилось столкновениями с полицией, в результате которых были раненные с обеих сторон, и арестами его организаторов. Данное событие получило название «гаосюнского инцидента» или «инцидента журнала “Мэйлидао” (Формоза)», редакция которого состояла из наиболее видных участников движения «беспартийных».

Несмотря на то, что гоминьдановский режим в это время уже не отличался характерной для предыдущего периода крайней степенью авторитарности, организаторы «гаосюнского инцидента» были подвержены достаточно суровым наказаниям. В частности 8 человек были приговорены к тюремным срокам от 12 лет до пожизненного заключения, еще 30 с лишним участников этого инцидента лишились свободы на меньшие сроки.

«Инцидент “Мэйлидао”» стал, несомненно, переломным моментом в развитии оппозиционного движения на Тайване, поспособствовав его «радикализации». До 1979 г. его лидеры практически не подвергали критике основные догмы режима ГМД, прежде всего его статус единственного законного правительства всего Китая, и не выступали с лозунгами независимости Тайваня. После «гаосюнского инцидента» представители движения «беспартийных» начали активную пропаганду «тайваньского самосознания», затрагивая такие запретные темы, как легитимность управления островом гоминьдановским правительством и «инцидент 28 февраля 1947

²²⁶ Оценка роли Цзян Цзинго (1910-88) в истории Тайваня неоднозначна как в академических кругах, так и среди широкой общественности. Для одних он является «архитектором тайваньского экономического чуда» и человеком, принявшим волевое решение либерализации авторитарного режима партии Гоминьдан. Другие считают, что период его пребывания во главе тайваньских спецслужб в 1950-60-х гг. и репрессии по отношению к представителям оппозиции правящему режиму и ко многим другим, по общему определению, «ни в чем не повинным людям», перевешивает все его дальнейшие заслуги. Подробнее см. У Найдэ. Хуэйи Цзян Цзинго, хуайнянь Цзян Цзинго (Вспоминая Цзян Цзинго, думая о Цзян Цзинго)// Эрши шицзи Тайвань миньчжу фачжань сюэшу таолуньхуэй (Научный семинар по развитию демократии на Тайване в XX веке). Том 2. - Тайбэй: Гошигуань, 2003. – С. 467-501.

г.», а также воспевая «честь быть рожденным тайваньцем» и право жителей Тайваня на определение будущего статуса острова. Идеи «беспартийных» с начала 1980-х гг. стали получать все большую поддержку в тайваньском обществе, способствуя коренным сдвигам в самосознании островной интеллигенции, которые в частности выражались в развитии «декитаизации» тайваньской литературы, и становлению «тайваньского культурного национализма»²²⁷.

Таким образом, резюмируя все выше сказанное, автор данного исследования склонен разделять позицию тех историков, которые считают, что несмотря на наличие определенных объективных факторов и предпосылок к отчуждению между жителями двух сторон Тайваньского пролива и даже зарождение идеи «тайваньской идентичности» в очень узких кругах островной интеллигенции в годы японского колониального господства, говорить о более или менее широком распространении этого понятия возможно лишь после 1945 г.²²⁸ Более того, по нашему убеждению, «тайваньскую идентичность» в том виде, в котором эта идея существует и пропагандируется в настоящее время, можно рассматривать лишь как противопоставление и отрицание «китайской идентичности». Как будет продемонстрировано в следующем разделе, о появлении данной идеи в виде формулы «Тайвань – это не Китай» или «тайваньцы – это не китайцы» можно говорить только после окончания Второй мировой войны, и особенно после 1949 г. Невозможно с уверенностью сказать, каким путем развивалась бы история Тайваня в случае победы партии Гоминьдан в Гражданской войне 1945–49 гг. или при условии проведения иной идеологической политики данной партией после ее эвакуации на остров. Однако в свете исторических событий данного периода у нас есть все основания предполагать, что идея «тайваньского самосознания» могла бы иметь несколько иное преломление, нежели то, в котором она существует сегодня.

2.4 Межэтнические отношения на острове и формирование «тайваньской идентичности»

Практически любое исследование национальной идентичности Тайваня неизменно в той или иной степени затрагивает вопрос тайваньской этнической идентичности/ этнического самосознания и межэтнических взаимоотношений на острове²²⁹. Следует отметить, что некоторые исследователи разграничивают понятия «этнической идентичности» и «этнического самосозна-

²²⁷ Сяо Ацинъ. Чунгоу Тайвань: дандай миньцзу чжуи дэ вэньхуа чжэнчжи (Построить Тайвань заново: культурная политика современного национализма). – Тайбэй: Ляньцзин, 2012. – С. 191–195.

²²⁸ См., например, У Юмэй. Тайвань гоцзя жэньтун дэ фачжанъ юй фаньсы (Развитие национальной идентичности Тайваня и его переосмысление)// Сборник статей конференции «Гоцзя жэньтун дэ вэньхуа лунышу» (Культурный дискурс национальной идентичности). С. 86.

²²⁹ Так, например, У Найдэ в одной из своих статей заявляет, что «различия в национальной идентичности являются ядром межэтнических конфликтов на современном Тайване». См. У Найдэ. Жэньтун чунту хэ чжэнчжи синьжэнь: сянь цзедуанъ Тайвань цзуцунъ чжэнчжи дэ хэсинъ нанъти (Конфликт идентичностей и политическое доверие: основная трудность в этнической политике Тайваня на современном этапе). С. 88.

ния». Так, в частности, У Найдэ под «этнической идентичностью» понимает отнесение индивидом себя к какой-либо этнической общности и субъективное «чувство принадлежности на психологическом уровне», испытываемое им по отношению к данной этнической общности. По логике У, под «этнической идентичностью» на Тайване понимается отнесение индивидом себя к тайваньцам, китайцам, или и к тем, и к другим, в то время как «национальная идентичность» показывает приверженность человека к «тайваньскому национализму», «китайскому национализму» или «реализму»²³⁰. Этническая идентичность в свою очередь является одним из элементов этнического самосознания, наличие которого невозможно без осознания «особых интересов» этнической группы в ее взаимоотношениях с другими этническими общностями. Другими словами, чтобы у представителей какой-либо этнической группы возникло этническое самосознание, он должен осознать, что его этническая группа в каком-либо общественном ресурсе ущемлена или, наоборот, привилегированна²³¹.

На наш взгляд, подобное терминологическое разделение является несколько условным, поскольку сам исследователь, обращаясь к вопросам национальной идентичности/ национального самосознания, подобного разграничения не вводит. Кроме того, интерпретация этнического самосознания, предлагаемая другими видными тайваньскими учеными, в целом мало отличается от определения этнической идентичности У Найдэ. Например, этническое самосознание для тайваньского социолога Ван Фучана – это «осознание членом какой-либо этнической группы ее существования и наличия у нее особых черт, а также преданность индивида по отношению к данной этнической группе». Далее он также утверждает, что «этническое самосознание – это комплекс представлений о том, что такое этнические группы, почему они существуют и какими особенностями обладают»²³². Упомянутая выше Шелли Риггер также не делает различия между этими понятиями, отмечая, что «тайваньскую идентичность» на острове чаще именуют «тайваньским самосознанием»²³³. При этом сложно не согласиться с мнением У Найдэ и остальных авторов, согласно которому этническое самосознание/ этническая идентичность является одной из важных основ национальной идентичности²³⁴.

²³⁰ Там же. С. 89-90. Многие другие исследователи также отмечают, что «этническая идентичность»/«этническое самосознание» – это категория, выявляющаяся из ответов жителей на вопрос о том, считают ли они себя «тайваньцами», «китайцами» или и теми, и другими. См. *Rigger, Shelley*. Op. cit. P. 6. Более подробно вопрос о «реализме» в национальной идентичности тайваньцев рассмотрен в разделе 4.3 Главы 4 данной работы.

²³¹ У Найдэ. Шэнцзи иши, чжэнчжи чжичи хэ гоцзя жэньтун – Тайвань цзуюнь чжэнчжи лилунь дэ чутань (Сознание происхождения, политическая поддержка и национальная идентичность – к вопросу о теории тайваньской этнической политики). С. 29, 37, 39-40.

²³² Ван Фучан. Цзуюнь цзечу цзихуэй? Хайши цзуюнь цзинчжэн? Бэньшэн миньнаньжэнь цзуюнь иши нэйхань юй дицзюй чаи моши чжи цзеши (Возможность для межэтнического сближения? Или межэтническая конкуренция? Разъяснение содержания этнического самосознания бэньшэнжэнь южнофуцзяньского происхождения и модели региональных различий)// Тайвань шэхуэйсюэ (Социология Тайваня). – 2002. – Декабрь. - №4. – С. 18.

²³³ *Rigger, Shelley*. Op. cit. P. 5.

²³⁴ У Найдэ. Шэнцзи иши, чжэнчжи чжичи хэ гоцзя жэньтун – Тайвань цзуюнь чжэнчжи лилунь дэ чутань (Сознание происхождения, политическая поддержка и национальная идентичность – к вопросу о теории тайваньской этнической политики). С. 48.

Теоретической основой умозаключений исследователей относительно этнической идентичности на Тайване является положение о существовании на острове «четырех основных этнических групп» (*сы да цзуюнь* 四大族群) – *хокло*, *хакка*, *вайшэнжэнь* и аборигенных народностей, которые составляют соответственно примерно 72-76%, 10-12%, 12-14% и 1,7% от всего населения КР²³⁵. Разделение населения Тайваня на «четыре основные этнические группы», а также различия в «представлениях о своей этнической группе», «языке и культуре», «исторической памяти» и «политических действиях», присущие каждой из них, признаются исследователями в качестве «неотъемлемых концепций и инструментов познания» при анализе межэтнических отношений на современном Тайване²³⁶.

Аборигенные народности (*юаньчжуминь* 原住民) – самая малочисленная группа населения Тайваня – представляют собой жителей острова австронезийского (малайского) происхождения, которые укоренились здесь более 8 тысяч лет назад, но по мере нарастания китайской эмиграции с начала XVII в. подверглись истреблению или ассимиляции. В настоящее время численность аборигенов на Тайване составляет чуть более 500 тысяч человек, роль их в политической жизни острова не столь значительна.

Хокло (*хэложэнь* 河洛人 или *фулаожэнь* 福佬人) – это наиболее многочисленная группа населения Тайваня, к которой относятся этнические китайцы (ханьцы), предки которых переселились на остров из южной части материковой провинции Фуцзянь до 1945 г., то есть до перехода Тайваня под власть Китая в результате поражения Японии во Второй мировой войне. *Хакка* (*кэцзяжэнь* 客家人), как и *хокло*, прибыли на остров также в основном в период между началом XVII и концом XIX вв., но местом их происхождения является южнокитайская провинция Гуандун. И *хокло*, и *хакка* объединяются под общим названием *бэньшэнжэнь* (本省人 – люди из данной провинции), по сравнению с *вайшэнжэнь* (外省人 – люди из внешних провинций), которые или предки которых переселились на Тайвань после 1945 г., и особенно после поражения ГМД в Гражданской войне с КПК в материковом Китае и эвакуации партии на остров в 1949 г.

Строго говоря, с позиции примордиализма, *хокло*, *хакка* и *вайшэнжэнь* принадлежат к одному – ханьскому – этносу, что признается большинством исследователей²³⁷. Однако наличие

²³⁵ Ван Фучан. Цзуюнь цзечу цзихуэй? Хайши цзуюнь цзинчжэн? Бэньшэн миньнаньжэнь цзуюнь иши нэйхань юй дицюй чаи моши чжи цзеши (Возможность для межэтнического сближения? Или межэтническая конкуренция? Разъяснение содержания этнического самосознания бэньшэнжэнь южнофуцзяньского происхождения и модели региональных различий). С. 32-33.

²³⁶ Ван Фучан. Майсян Тайвань цзуюнь гуаньси дэ цзайди яньцзю юй лилунь: «цзуюнь юй шэхуэй» чжуаньти даолунь (Двигаясь в направлении к локальным исследованиям и теории межэтнических отношений на Тайване: вступление к теме «Этнические группы и общество»). С. 6.

²³⁷ Shih, Cheng-feng and Chen Mumin. Taiwanese Identity and the Memories of 2-28: a Case for Political Reconciliation// Asian Perspective. – 2010. – Vol. 34, № 4. – P. 88. При этом в литературе можно встретить совершенно неожиданные заявления, вроде того, что *хокло* и *хакка* представляют собой одну из ветвей австронезийских племен (к которым принадлежат и аборигенные народности Тайваня), что якобы подтверждается исследованиями человеческих лейко-

у них собственных диалектов и особых культурных традиций позволяет исследователям выделять их в отдельные субэтнические группы, и термин «четыре основные этнические группы» Тайваня уже прочно укоренился в тайваньской историографии. Кроме того, некоторые относительно недавние этнологические исследования ханьцев, проживающих в материковом Китае, ставят под вопрос гомогенность самого этого этноса, указывая на значительные «региональные» (или «субэтнические») различия между его отдельными группами в разных частях Китая. При этом отмечается некоторая двойственность стандартов при выделении властями КНР этнических групп, населяющих государство, которая заключается в том, что при наличии определенных критериев (общая территория, язык, экономика и психологический склад ума, отражающиеся в общей культуре²³⁸) для деления жителей КНР на 56 национальностей, в случае ханьцев (91 % от всего населения страны) применения этих же, вполне подходящих, критериев не наблюдается²³⁹.

Разделение между выходцами с материка (*вайшэнжэнь*) и «коренными» тайваньцами (*бэньшэнжэнь*) проводится на основании их места рождения или «провинциального происхождения» (*шэнцзи бэйцзин* 省籍背景), в зависимости от которого представители той или иной группы могут обладать определенным «провинциальным сознанием» (*шэнцзи иши* 省籍意識), которое, по мнению исследователей, может напрямую влиять на этническую идентичность населения. Исследователи регулярно приводят статистические данные количества людей, определяющих себя как «тайваньцы», «китайцы» или «и тайваньцы, и китайцы», в зависимости от их происхождения, один из примеров которых приведен в Таблице 1.

Таблица 1. «Этническая идентичность» населения Тайваня в зависимости от «провинциального происхождения»²⁴⁰

	1994 г.		2001 г.	
	«коренные» тайваньцы	выходцы с материка	«коренные» тайваньцы	выходцы с материка
тайваньцы	32,6%	5,7%	41,1%	10,8%
китайцы	19,1%	54,5%	5,6%	29,6%
и тайваньцы, и китайцы	44,2%	37,5%	50,1%	57,6%

цитарных антигенов указанных групп. Подобные утверждения принадлежат, как правило, наиболее радикальным сторонникам движения за независимость Тайваня и не имеют широкой поддержки в научных кругах. См. Хуан Чжаотан. Точу цзичэн гоця лилунь, фэньле гоця лилунь, лай цучэн синьшэн гоця дэ даньшэн: Тайвань синьшэн гоця лилунь (Отказ от теории наследования государства и теории расколотого государства ради содействия рождению нового государства: теория нового Тайваньского государства). С. 41.

²³⁸ Данные критерии происходят из сталинского определения нации. См. с. 27 раздела 1.2.1 раздела 1.2 Главы 1 настоящего исследования.

²³⁹ Brown, Melissa. Op. cit. P. 7.

²⁴⁰ Таблица составлена по: Пань Цзюньчжун. Тайвань миньчжун тунду тайду чжи яньцзю – 1994 – 2002 нянь чжи фэньси бицзяо (Исследование отношения населения Тайваня к объединению с материковым Китаем или независимости острова – аналитическое сравнение [данных] 1994-2002 гг.). Диссертация на соискание ученой степени магистра социологии. – Тайбэй: Государственный университет Чжэнчжи, 2003. Более подробные данные о содержании и результатах социологических опросов, проводимых на Тайване, представлены в разделе 4.2 Главы 4 данной диссертационной работы.

Однако, пожалуй, наиболее существенным фактором разделения населения Тайваня на этнические общности и основанием для изучения этнической идентичности Тайваня, имеющим важное отношение к теме настоящего исследования, является история взаимоотношений между различными группами жителей острова (прежде всего история противостояния между уроженцами острова и выходцами с материка²⁴¹) после 1945 г. и связанная с этим историческая память каждой из указанных групп.

2 сентября 1945 г. Япония подписала акт о капитуляции во Второй мировой войне. На Тайване о поражении метрополии было объявлено еще 14 августа. По свидетельствам многочисленных мемуаров, эта новость была воспринята жителями острова с чрезвычайной радостью:

*По выражению лица можно было увидеть, что, за исключением детей, все японцы были в подавленном состоянии, прошлые уверенность и величественность исчезли, как сдувшийся мяч, все тайваньцы же были преисполнены радости и важного вида, тем самым представляя разительный контраст с японцами*²⁴².

Следует отметить, что среди тайваньцев можно было встретить и другую реакцию на новость об окончании войны. Так, например, тайваньский филолог, бывший политический заключенный Кэ Цихуа, в годы войны являвшийся учеником старших классов одной из средних школ Гаосюна, пишет:

*Мы уже знали, что ситуация в войне складывается не в пользу Японии, просто никто не желал признавать этого факта. Это было характерно и для тайваньцев. Но среди студентов тайваньского происхождения не было ни одного человека, который бы надеялся, что Китай победит в войне*²⁴³.

*Услышав, что «Тайвань станет частью Китая», я крайне удивился. У нас было негативное мнение о Китае. Государство – бедное, китайцы не соблюдают правил гигиены, страна постоянно находится в состоянии хаоса*²⁴⁴.

По условиям подписанной в 1943 г. главами США, Великобритании и КР Каирской декларации, подтвержденным в Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., острова Тайвань и

²⁴¹ По свидетельствам многочисленных источников, межэтническое напряжение на Тайване исторически существует в нескольких плоскостях: 1) аборигенные народности и ханьцы (включая *хокло*, *хакка* и выходцев с материка); 2) *хокло* и *хакка*; 3) *бэньшэнжэнь* и *вайшэнжэнь*. Однако наибольшее внимание исследователями уделяется именно последнему типу. Так, например, У Найдэ использует в своих работах словосочетание «две основные этнические группы Тайваня», задаваясь вопросом, создается ли на острове новая этничность; если да, то на основе объединения двух или поглощения одной другой. См.: У Найдэ. Шэнци иши, чжэнчжи чжици хэ гоцзя жэньтун – Тайвань цзуюнь чжэнчжи лилунь дэ чутань (Сознание происхождения, политическая поддержка и национальная идентичность – к вопросу о теории тайваньской этнической политики). С. 36.

²⁴² Ли Чжэньчжоу. Хошаодао ди и ци синьшэн: игэ байсэ кунбу шоунаньчжэ дэ хуэйи (Первые перерожденные на Огненном острове: воспоминания жертвы белого террора). – Тайбэй: Шибао, 1994. - С. 32.

²⁴³ Кэ Цихуа. Указ. соч. С. 27-28.

²⁴⁴ Цит. по: Ли Сяофэн. Цун хуэйилу цзяньчжэн тайваньжэнь дэ чжаныши цзинъянь: 1937-1945 (В поисках свидетельств об опыте тайваньцев в годы войны в воспоминаниях: 1937-1945)// *Его же*. Тайвань цзинь сяньдай ши лунь цзи (Сборник статей по новой и новейшей истории Тайваня). С. 93.

Пэнху наряду с другими территориями, аннексированными Японией у Китая, возвращались под суверенитет КР. Тайваньцы с нетерпением ожидали прибытия новой администрации, считая, что они наконец-то «станут хозяевами на своей территории». Вот, как тайваньский писатель и врач У Синьжун вспоминает первое празднование на острове годовщины основания КР 10 октября 1945 г.:

*В этот момент мы испытывали чувство безмерной благодарности, невольно роняя слезы. Мы и подумать не могли, что Тайвань в этой жизни сможет вернуться в лоно Китая, а мы сможем стать китайцами*²⁴⁵.

В день прибытия на остров новой администрации и гоминьдановских войск в порту Цзилуна звучала следующая приветственная песня:

*Тайвань сегодня празднует мир и спокойствие,
Если поднять голову, то видно синее небо и белое солнце,
Ха-ха! Повсюду приветствие,
Ха-ха! Повсюду приветствие,
Шесть миллионов человек вместе радуются,
Приветствуя прибытие армии-защитника*²⁴⁶.

Однако высадка на остров недисциплинированной, плохо укомплектованной армии Китая, образ которой совершенно не соответствовал представлениям об армии державы-победительницы, стала первым разочарованием жителей острова, за которым последовали и другие. Яркие описания данного эпизода можно встретить в большом количестве мемуаров:

*Я вместе со всеми стоял в толпе, прибывшей на пристань поприветствовать войска ГМД. В это время японские полицейские стояли, выстроившись в шеренгу, на пристани. Увидев спустившуюся с кораблей толпу грязных солдат в лаптях, с бумажными зонтиками за спиной и авоськами на поясе, все оторопели. Во время ходьбы эти солдаты издавали звонкие звуки. Оказывается, это был звук, порождаемый кастрюлями, мисками и палочками для еды в котомках. По сравнению с выстроившимися в стройную шеренгу японскими жандармами, одетыми в аккуратную форму, портянки и кожаную обувь, войска ГМД выглядели как нищие! У всех похолодело сердце: если подобные войска прибыли, чтобы принимать Тайвань из рук японцев, какое будущее может ждать Тайвань?*²⁴⁷

Главное недовольство тайваньцев вызывало презрительное отношение и недоверие по отношению к ним как к недавним подданным Японской империи со стороны новой администрации,

²⁴⁵ Цит. по: Ли Сяофэн. 228 шицзянь юй цзуцунь вэньти (Инцидент 28 февраля и этнический вопрос)// *Его же*. Тайвань цзинь сяньдай ши лунь цзи (Сборник статей по новой и новейшей истории Тайваня). С. 133.

²⁴⁶ Люй Сюлянь. Указ. соч. С. 47-48.

²⁴⁷ Цит. по: Ли Сяофэн. Хуэйилу юй цзычжуань чжун дэ 228 шиляо (Материалы об инциденте 28 февраля в воспоминаниях и автобиографиях)// *Его же*. Тайвань цзинь сяньдай ши лунь цзи (Сборник статей по новой и новейшей истории Тайваня). С. 119.

в которой ведущие посты были заняты выходцами с материка – уроженцев острова в новых провинциальных органах власти было очень мало²⁴⁸. Кроме того уровень жизни большей части населения, существенно поднявшийся в результате экономического роста во время японского правления, сейчас начал стремительно падать под влиянием неэффективного и явно коррупционного управления новой администрации, резкого роста инфляции и т.д. Автор статьи под названием «Катастрофа Тайваня», изданной в 1947 г. в одном из журналов Гонконга, следующим образом характеризовал современную ему ситуацию на острове:

Они ведут себя как «новые завоеватели», относятся к тайваньцам так, как во времена Империи Юань [монголы] относились к жителям юга страны. Они привезли с собой из Китая дух «нарушения закона его блюстителями», занимаются произволом и коррупцией, живут грабежами, тем самым разлагая тайваньскую политику и экономику. В то же время для нужд диктатуры и гражданской войны они конфискуют все продовольствие и имущество и забирают людей в армию, таким образом в разы увеличивая бремя тайваньских соотечественников. Тайваньцы ощущают, что люди, которых они радостно приветствовали, очень скоро начали ходить по их головам, не давая им возможности продохнуть. Они жалуются: «Союзники наказали Японию, всего лишь сбросив на нее две атомные бомбы, на Тайвань же они прислали толпу алчных чиновников»²⁴⁹.

Как отмечают многие авторы воспоминаний, тайваньцы вновь явственно ощущали свое колониальное положение людей второго сорта. Разница состояла лишь в том, что, согласно популярному в то время выражению, «на смену собакам пришли свиньи» (гоу/цюань цюй чжу лай 狗/犬去豬來)²⁵⁰. Постепенно стало развиваться взаимное недовольство между уроженцами Тайваня и выходцами с материка, которое переросло в открытое противостояние во время «инцидента 28 февраля 1947 г.» – одного из наиболее известных событий в истории острова, имеющего решающее значение для формирования здесь межэтнического противостояния²⁵¹.

²⁴⁸ Во вновь созданных органах управления провинции Тайвань «коренные» жители острова занимали около 22% мест (9951 человек). Однако их позиции были относительно незначительными. Подавляющее большинство руководящих должностей находились в руках выходцев с материка. Проблема усугублялась также тем, что количество чиновничьих позиций в новой тайваньской администрации сократилось почти в два раза по сравнению с периодом японского колониального господства (с 84559 до 44451 человек). Если верить статистическим данным, то в органах колониального управления служило 46955 тайваньцев, а после 1945 г. около 36 тысяч человек остались без работы. См. Сяо Ацинь. Чунгоу Тайвань: дандай миньцзу чжуи дэ вэньхуа чжэнчжи (Реконструируя Тайвань: культурная политика современного национализма). С. 119.

²⁴⁹ Цит. по: Ли Сяофэн. 228 шицзянь юй цзуюнь вэньти (Инцидент 28 февраля и этнический вопрос). С. 141.

²⁵⁰ «Собаки» и «свиньи» символизируют соответственно японскую и китайскую администрации. Если первые, подобно собакам, «жестко и злобно подавляли уроженцев Тайваня», то последние ассоциировались с «нечистоплотными» свиньями (из-за своей приверженности коррупции), которые «лишь поглощают пищу, ничего не делая». См. Ли Сяофэн. Цун «гоу цюй чжу лай» дао сань чжи сяо чжу (От «собаки ушли, свиньи пришли» к трем маленьким свиньям) [Электронный ресурс]// Цзюю шибао (The Liberty Times). – 2011. – 11 декабря. – Тайбэй: The Liberty Times, 2011. – Режим доступа: <http://www.libertytimes.com.tw/2011/new/dec/11/today-o11.htm>, свободный. - Загл. с экрана.

²⁵¹ Подробнее о роли «инцидента 28 февраля» в исторической памяти тайваньцев см. в разделе 3.4 Главы 3 настоящей работы.

Таким образом, наиболее подходящим при анализе этнической идентичности тайваньцев является подход, согласно которому она не только может передаваться из поколения в поколение, но и образовываться/приобретаться под влиянием внешней среды²⁵². Главным фактором формирования тайваньской этнической идентичности тем самым является монополизация власти партией Гоминьдан и ее попытка политическими методами обеспечить управление группы населения, находящейся в меньшинстве, большинством жителей Тайваня (соответственно выходцев с материка уроженцами острова), что ведет к обратному результату, а именно к осознанию большинством своего приниженного положения, восприятию себя в качестве «ущемленной этнической группы», образованию общности интересов в виде получения доступа к политической власти и формированию у этого большинства особого – этнического – самосознания²⁵³.

Авторы неоднократно упоминавшегося выше исследования истоков «тайваньской идентичности» в рамках проекта Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня и Государственного университета Чжэнчжи схематично изобразили сказанное выше следующим образом: *авторитарное правление партии Гоминьдан → представление о [своем] отличающемся/приниженном положении → сознание трагичности [своей судьбы] → этническая идентичность*²⁵⁴.

Межэтнические противоречия периода авторитарного правления ГМД на Тайване, имеющие политические основания, перерастали в межэтнические конфликты на общественно-бытовом уровне. Однако по мере демократизации социально-политической жизни острова начиная с 1970-х гг. и «тайванизации» правящей партии и режима (то есть привлечения в ряды Гоминьдана и на руководящие посты в государстве все большего количества уроженцев Тайваня) межэтническое противостояние как социального, так и политического характера постепенно сошло на нет, при этом трансформировавшись в «конфликт идентичностей», который заключается в том, что все большее количество «коренных» тайваньцев не причисляют себя к китайцам и испытывают подозрение по отношению к выходцам с материка, которые в большинстве своем себя к таковым относят²⁵⁵.

²⁵² У Найдэ. Шэнцзи иши, чжэнчжи чжичи хэ гоцзя жэньтун – Тайвань цзуюнь чжэнчжи лилунь дэ чутань (Сознание происхождения, политическая поддержка и национальная идентичность – к вопросу о теории тайваньской этнической политики). С. 30.

²⁵³ Эту же причину можно воспринимать в качестве толчка к развитию тайваньского национализма, поскольку, если следовать утверждению Э. Геллнера, «националисты считают совершенно недопустимым с точки зрения политических норм, если правители политической единицы принадлежат не к той нации, к какой относится большинство населения». См. Геллнер, Эрнест. Указ. соч. С. 24. Аналогичную мысль можно проследить и у Э. Хобсбаума. См. Хобсбаум, Эрик. Указ. соч. С. 174. Как будет более подробно изложено в разделе 3.4 Главы 3 данной работы, главной целью Движения за независимость Тайваня как раз было изгнание Гоминьдана как «пришлой власти» с острова и допущение уроженцев острова к управлению своей «исконной» территорией.

²⁵⁴ Чэнь Лухуэй, Гэн Шу, Чжэн Суфэнь, Ю Цзинсинь, Чэнь Чжэнвэй, Чжан Явэнь. Указ. соч. С. 11.

²⁵⁵ У Найдэ. Жэньтун чунту хэ чжэнчжи синьжэнь: сянь цзедуань Тайвань цзуюнь чжэнчжи дэ хэсинь наньти (Конфликт идентичностей и политическое доверие: основная трудность в этнической политике Тайваня на современном этапе). С. 80.

Данное утверждение не является бесспорным для абсолютно всех *бэньшэнжэнь* или для каждого *вайшэнжэнь* без исключения. Довольно большое количество исследований говорит о том, что так же, как среди приверженцев «тайваньской идентичности» имеется определенное количество выходцев с материка, так и довольно значительное число уроженцев острова считают себя китайцами, или по крайней мере и тайваньцами, и китайцами. Наиболее ярким подтверждением этому служит возникновение в начале 1990-х гг. как на самом острове, так и за его пределами сразу нескольких организаций, членами которых были выходцы с материка, объединенные общей целью способствования образованию независимого государства на Тайване²⁵⁶. Как отмечают представители этих организаций, «у многих так называемых «вайшэнжэнь» уже постепенно формируется идентичность по отношению к Тайваню, они больше не запутаны в призрачных грезах о великом Китае, а на практике становятся настоящими тайваньцами»²⁵⁷. На сайте Ассоциации выходцев с материка для содействия независимости Тайваня бросается в глаза фраза: «Мы тайваньцы с 1949 г.» (*We are 1949er Taiwanese*), а основатели Ассоциации потомков выходцев с материка на Тайване для содействия независимости Тайваня наряду с использованием более знакомого всем жителям острова понятия «потомки *вайшэнжэнь*», также именуют себя «тайваньцами в первом поколении» (*ди и дай Тайваньжэнь 第一代台灣人*)²⁵⁸.

Проблема идентичности *вайшэнжэнь* также занимает большое место в публичном пространстве Тайваня. Данные многочисленных опросов и интервью с выходцами с материка (так называемыми «вайшэнжэнь в первом поколении») и их потомками («вайшэнжэнь во втором, третьем поколении и т.д.») позволяет прийти к выводу о крайней неоднородности этой группы населения Тайваня. В зависимости от особенностей происхождения²⁵⁹ выходцы с материка могут

²⁵⁶ К этим организациям относятся: Ассоциация потомков выходцев с материка на Тайване для содействия независимости Тайваня (*Тайвань вайшэн цзыди Тайвань дули чжиюаньхуэй 臺灣外省子弟台灣獨立支援會* - основана в феврале 1992 г. в Сан-Франциско, на момент основания насчитывала более 10 человек, среди которых были в основном представители интеллигенции и предпринимательства, но также и дети чиновников-членов партии Гоминдан. См. Вомэнь вэй шэньмэ чэнли «Тайвань вайшэн цзыди Тайвань дули чжиюаньхуэй» (Зачем мы основали Ассоциацию потомков «вайшэнжэнь» на Тайване для содействия независимости Тайваня). Интервью пресс-секретаря Ассоциации газете «Цзыю шибао», 16 февраля 1992 года// Вайшэнжэнь, Тайвань синь (Выходцы с материка - тайваньское сердце)/ под ред. Ассоциации выходцев с материка для содействия независимости Тайваня. - Тайбэй: Цяньвэй, 1992. - С. 40-41), Ассоциация выходцев с материка для содействия независимости Тайваня (*Вайшэнжэнь Тайвань дули цуцзиньхуэй 外省人台灣獨立促進會* - образована в августе 1992 г. в Тайбэе главным образом представителями интеллигенции и политических кругов. См. Ли Сяофэн. Вайшэнжэнь цю бу нэн чжучжан Тайвань дули ма? (Разве выходцы с материка не могут выступать за независимость Тайваня?)// Вайшэнжэнь, Тайвань синь (Выходцы с материка - тайваньское сердце). С. 53; Сайт Ассоциации выходцев с материка для содействия независимости Тайваня («Вайшэнжэнь» Тайвань дули цуцзиньхуэй) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.1949er.org/>, свободный. - Загл. с экрана).

²⁵⁷ Ли Сяофэн. Вайшэнжэнь цю бу нэн чжучжан Тайвань дули ма? (Разве выходцы с материка не могут выступать за независимость Тайваня?). С. 53.

²⁵⁸ Сайт Ассоциации выходцев с материка для содействия независимости Тайваня («Вайшэнжэнь» Тайвань дули цуцзиньхуэй) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.1949er.org/>, свободный. - Загл. с экрана.; Вомэнь вэй шэньмэ чэнли «Тайвань вайшэн цзыди Тайвань дули чжиюаньхуэй» (Зачем мы основали Ассоциацию потомков выходцев с материка на Тайване для содействия независимости Тайваня). С. 43.

²⁵⁹ Если выходцев с материка в первом поколении можно в целом считать однородной группой, то, что касается *вайшэнжэнь* во втором поколении, то среди них есть те, кто, родившись на материке, всю свою сознательную жизнь

обладать определенными различиями с точки зрения привычного для них языка, исторической памяти, национальной и этнической идентичности.

Упомянувшийся выше антрополог Чжан Гуанчжи в своих воспоминаниях довольно метко описал противоречивость самоощущения некоторых выходцев с материка:

Мать, возможно, из уезда Юньлинь (Тайвань), отец – из Шанхая, сам родился и вырос на Тайване, возможно, умеет немного говорить на южнофуцзяньском диалекте, может быть, знает несколько фраз на диалекте отца, а возможно, говорит только на тайваньском варианте государственного языка. Такой человек иногда вынужден по принуждению со стороны отца называть себя шанхайцем, иногда – по собственному убеждению – тайваньцем, в большинстве случаев не зная, кем же он является на самом деле²⁶⁰.

Превращению выходцев с материка в обособленную группу способствовало проживание значительной их части в так называемых «цзюаньцунь» (眷村) - «деревнях для членов семей военных», которые представляли собой места компактного поселения членов гоминьдановской армии и чиновников и их семей. Для этих деревень часто использовались в прошлом занимаемые японцами кварталы или строились новые дома, чрезвычайно простые и недорогостоящие с точки зрения архитектуры, используемых материалов и коммуникаций, поскольку они рассматривались в качестве временного жилища на период подготовки к «контратаке на материк». В большинстве подобных «деревень» имелись собственные школы, больницы, магазины, рынки и т.д., что способствовало ограничению контактов между выходцами с материка и уроженцами острова и формированию особой «культуры цзюаньцунь», на сохранение которой в последнее время (после государственной программы начала 1990-х гг. по сносу «деревень») направлены усилия многих общественных организаций. Для многих жителей «деревень» первый опыт общения с «коренными» тайваньцами наступил только после их поступления в университет. Кроме того, многие из них именно тогда впервые осознали наличие проблемы негативного отношения к ним со стороны многих бэйшэнжэнь²⁶¹. Эта проблема осознавалась и гоминьдановскими властями, которые никогда не преследовали цели обособления выходцев с материка и уроженцев острова друг от друга, что в итоге отразилось в упомянутой выше государственной программе по расселению цзюаньцунь.

провел на Тайване, те, кто родился на Тайване в семье, все члены которой являются выходцами из континентального Китая, те, у кого отец является выходцем с материка, а мать – уроженкой острова. Кроме того, следует отметить тот факт, что в число вайшэнжэнь не включаются дети смешанных браков между мужчинами-«коренными» тайваньцами и женщинами из числа вайшэнжэнь, хотя для их самоидентификации также могут быть характерны некоторые черты выходцев с материка.

²⁶⁰ Чжан Гуанчжи. Указ. соч. С. 4.

²⁶¹ См., например, Сунь Хунъе. «Вайшэнжэнь» ди эр дай дэ гоцзя жэньтун (Национальная идентичность «вайшэнжэнь» во втором поколении)// Гоцзя юй жэньтун: исе вайшэнжэнь дэ гуаньдянь (Государство и идентичность: взгляды некоторых вайшэнжэнь)/ под ред. Чжан Маогя. – Тайбэй: Цюньсюэ, 2010. - С. 59-60.

Что касается большинства жителей *цзюаньцунь*, особенно тех, кто лично пережил Антияпонскую войну 1937-45 гг. и Гражданскую войну с КПК 1945-49 гг., то вкупе с однозначной «китайской идентичностью» с этнической точки зрения их национальная (или государственная) идентичность в большинстве случаев неразрывно связана с «антикоммунистической Китайской Республикой»²⁶². Самоидентификация же их потомков представляет собой гораздо более сложную картину с многообразием оттенков. Один из исследователей этой проблемы выделил четыре основных типа самосознания *вайшэнжэнь* во втором поколении: 1) «традиционные китайцы», которые выступают категорически против идей тайваньской независимости, считая Китай своей родиной – домом, куда когда-нибудь появится возможность вернуться; 2) «и китайцы, и тайваньцы», которые с этнической точки зрения причисляют себя к «китайцам», но в то же время идентифицируют себя с Тайванем как местом своего фактического проживания; 3) «новые тайваньцы», которые ощущают «чувство вины» за то, что являются выходцами с материка; 4) «люди с неопределенной идентичностью», которые явно тяготеют к дискуссиям по поводу собственного происхождения, считая что разграничение по принципу «китаец – тайванец» не имеет смысла и в связи с этим не причисляя себя ни к тем, ни к другим²⁶³. На наш взгляд, несмотря на некоторые недостатки подобной классификации²⁶⁴, в целом автору удалось продемонстрировать противоречивость самосознания многих выходцев с материка и их потомков.

В то же время, по нашему мнению, при изучении особенностей изменений в самоидентификации *вайшэнжэнь* можно выделить некоторые закономерности. Так, например, чем младше человек, тем выше вероятность существенной тайваньской и антигоминьдановской «доли» в его самосознании. Во-первых, это объясняется тем, что время взросления (а в некоторых случаях и рождения) молодых (25-40 лет) потомков выходцев из материкового Китая пришлось на эпоху либерализации общественно-политической жизни КР и роста популярности идей «тайваньской идентичности», опыт проживания в «деревнях для членов семей военных» у многих из них не такой длительный, как у старшего поколения, в сознании которого гораздо сильнее отпечаток периода насаждения «китайской идентичности» на острове в русле антикоммунистической политики ГМД. Во-вторых, практически у всех опрошенных Сунь Хунье *вайшэнжэнь* во втором поколении младше 37 лет, матери являются «коренными» тайваньками²⁶⁵, в связи с чем не вызывают

²⁶² Шан Даомин. Цзюаньцунь цзюйминь дэ гоця жэньтун (Национальная идентичность жителей деревень для членов семей военных)// Гоця юй жэньтун: исе вайшэнжэнь дэ гуаньдянь (Государство и идентичность: взгляды некоторых выходцев с материка). С. 25.

²⁶³ Сунь Хунье. Указ. соч. С. 37-39.

²⁶⁴ В частности, по нашему мнению, граница между указанными третьим и четвертым типом идентичности выходцев с материка не вполне очевидна, тем более, что в тех высказываниях, призванных по замыслу автора продемонстрировать самосознание «новых тайваньцев», нет четких указаний на то, что опрашиваемые, несмотря на их сомнения по поводу уникальности собственного статуса выходцев с материка, однозначно причисляют себя к «тайваньцам».

²⁶⁵ Данное обстоятельство объясняется тем, что большинство выходцев с материка, прибывших на Тайвань после 1949 г., составляли бессемейные солдаты армии Гоминьдана, на которых распространялись ограничения действующей до 1959 г. политики запрещения этим людям жениться.

удивления заявления о том, что тот или иной человек считает себя и китайцем, и тайваньцем, поскольку впитал в себя благодаря отцу и матери черты и «материковой», и «тайваньской» культуры²⁶⁶.

Однако наряду со всеми перечисленными выше особенностями в глаза в то же время бросается факт, что все выходцы с материка и их потомки, в той или иной, большей или меньшей степени, но непременно идентифицируют себя с Китаем, включая тех, кто выступает с позиций независимости Тайваня. В статье, посвященной самосознанию членов Ассоциации выходцев с материка для содействия независимости Тайваня, а также выходцев с материка, участвовавших в образовании ДПП (Фу Чжэн, Фэй Сипин и др.), продемонстрировано, что под причислением себя этими людьми к тайваньцам, а не к китайцам, подразумевается национальная идентичность, в то время как с этнической точки зрения они считают себя китайцами²⁶⁷.

Главной целью большинства исследований, посвященных самосознанию *вайшэнжэнь*, является развенчание мифа о том, что «все выходцы с материка выступают против «тайванизации» политической системы острова, поддерживают объединение [с Китаем] и не в состоянии идентифицировать себя с Тайванем», а также утверждение «неизбежной тенденции к тайванизации *вайшэнжэнь*»²⁶⁸. Несмотря на это, в целом следует признать, что выходцы с материка, особенно в первом поколении, в независимости от их отношений с властью в годы «белого террора»²⁶⁹, действительно обладают важной исторической памятью, передаваемой ими своим детям, которая не может быть разделена уроженцами острова, а именно «глубокой тоской по утраченной родине»²⁷⁰, то есть по континентальному Китаю. Склонность на современном этапе большинства «коренных» тайваньцев и выходцев с материка соответственно к «тайваньской» или «китайской идентичности» также вполне очевидна, в чем и заключается одна из ключевых проблем в вопро-

²⁶⁶ Сунь Хунъе. Указ. соч. С. 41.

²⁶⁷ Некоторые из сторонников независимости Тайваня из числа выходцев с материка определяют свою этническую принадлежность как *вайшэнжэнь*, подчеркивая свои отличия от уроженцев острова именно по принципу происхождения из Китая. Чжэн Кайчжун. Вэньцзы дэ бэйай: игэ линлэй «вайшэн» эр дай дэ синьлу личэн (Скорбь комаров: идейный путь другого типа «вайшэнжэнь» во втором поколении)// Гоцзя юй жэньтун: исе вайшэнжэнь дэ гуаньдянь (Государство и идентичность: взгляды некоторых выходцев с материка). С. 85-88.

²⁶⁸ Гао Гэфу (Стефан Коркюфф). Указ. соч. С. 35, 143.

²⁶⁹ Некоторые исследователи именуют данным термином весь период «военного положения» на Тайване (1948-87), однако, на наш взгляд, более правомерным подходом является ограничение «белого террора» 1949-началом 1960-х гг., поскольку, учитывая происхождение этого словосочетания (первоначально термин «белый террор» применялся в отношении репрессий против членов КПК, развернутых Гоминьданом в апреле 1927 г. после разрыва первого «единого фронта» этих партий и продолжавшихся вплоть до начала Антияпонской войны в 1937 г. и создания второго «единого фронта» в целях сопротивления японской агрессии, в противоположность «красному террору», развернутому коммунистами), именно в указанный период главными объектами репрессий были «левые элементы», то есть сочувствующие коммунистическим идеям и КПК. Кроме того, именно в это время в ходе политических процессов было вынесено наибольшее количество смертных приговоров. Разумеется, подобно примерам авторитарных режимов в других странах, под предлогом «инfiltrации» коммунистов, действующие власти часто устраняли негодных себе элементов, не имеющих отношения к «левым» идеям. Что касается 1960-80-х гг., то в это время на первый план выходит борьба спецслужб с представителями Движения за независимость Тайваня. Подробнее об истории гоминьдановских репрессий в период «белого террора» см. Кузьминова (Каимова) А.С. "Белый террор" на Тайване. (Реконструкция событий 50-х гг. XX в.)// Проблемы Дальнего Востока. – 2009. - №4. – С. 121-135.

²⁷⁰ Сюй Цзунмао. Тайваньжэнь лунь (Теория тайваньцев). – Тайбэй: Шибай вэньхуа, 1993. - С. 19.

се идентичности населения Тайваня. С одной стороны, власти пытаются ее разрешить, исходя из предпосылки, что все жители острова являются гражданами одного государства – КР, и этнические противоречия могут помешать гармоничному развитию общества²⁷¹. С другой стороны, как уже было отмечено, противоречия между различными группами населения острова в сфере национальной идентичности в той или иной мере вплоть до настоящего момента постоянно используются основными политическими силами острова в рамках их предвыборных кампаний.

Выводы к Главе 2. Национальная идентичность несомненно является одним из важнейших признаков нации. Восприятие членами той или иной общности себя в качестве «воображаемого сообщества» как одна из основ разделения современного мира относится к ряду ключевых положений конструктивистского подхода к вопросу формирования наций, который мы считаем наиболее приемлемым для исследования темы настоящей работы – проблемы «тайваньской идентичности».

На Тайване существуют различные представления о содержании понятия «тайваньской идентичности». Это во-первых связано с тем, что данный вопрос имеет ярко выраженную политическую окраску в фокусе отношений между двумя берегами Тайваньского пролива. Во-вторых, это обусловлено наличием на острове нескольких групп населения, которые, имея общее ханьское происхождение, говорят на разных вариантах китайского языка, относятся к разным волнам миграции на остров, с чем связаны различия в их исторической памяти. Тем не менее мы полагаем, что в силу объективных исторических обстоятельств все эти группы в настоящее время образуют единую общность, которую в соответствии с выделенными Б. Андерсоном признаками вполне можно определить как особое «воображаемое сообщество».

В то же время жители Тайваня представляют собой общество с «расколотов» идентичностью, которая является результатом исторических событий второй половины XX в. Именно в это время возникли и впоследствии приобрели широкую популярность представления о «тайваньском самосознании». Суть этого явления в свете описанных в данной главе обстоятельств заключается не просто в постулировании «тайваньской идентичности» как самой по себе, а в ее противопоставлении китайской культуре, которая ассоциируется с прибывшим на остров в 1945 г. гоминьдановским правительством. Последствия послевоенных событий, в частности в том, что относится к межэтническим разногласиям на острове, имеют свое отражение и в настоящее время. Во многом от сглаживания этих противоречий зависит возможность достижения согласия в тайваньском обществе по вопросу о его самоидентификации и определении своей позиции в отношениях с материковым Китаем.

²⁷¹ Именно этой цели подчинена теория «нового тайваньца» Ли Дэнхуэя, которая более подробно изложена в разделе 3.5 Главы 3 данной работы.

Что касается предшествующего периода японского колониального господства, то, на наш взгляд, значение данного исторического этапа для процесса формирования представлений о «тайваньской идентичности» несколько преувеличено. Данный этап, безусловно, является крайне важным с точки зрения формирования объективных культурных различий между жителями по обе стороны Пролива. Однако в это время провозглашение собственной «тайваньской идентичности» имело значение подчеркивания культурной обособленности острова от метрополии. А значительная китайская составляющая тайваньской культуры была ее отличительным знаком, а не лишь одним из признаков, значение которого, как будет продемонстрировано в следующей главе, впоследствии стало и вплоть до настоящего времени является предметом острых дискуссий.

ГЛАВА 3. ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ ИДЕИ «ТАЙВАНЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ»

В данной главе ставится задача проанализировать развитие представлений о «тайваньской идентичности» после 1949 г. Поскольку, по нашему убеждению, именно послевоенный период является ключевым с точки зрения формирования «тайваньского самосознания», то в первую очередь представляется необходимым рассмотреть политику правящего гоминьдановского режима в сфере идеологии и культурных ценностей населения острова и выявить влияние, оказанное ею на самоидентификацию жителей Тайваня. Одновременно за пределами КР разворачивалось Движение за независимость острова, участники которого ради достижения цели создания Республики Тайвань активно развивали теоретические положения о «тайваньской нации» как отдельной общности с собственной историей и культурой, отличной от китайской. Именно в этой среде возникла идея «тайваньской идентичности», которая впоследствии была воспринята лидерами движения «беспартийных», а в 1990-х гг. в связи с политикой «тайванизации» всех сторон общественной жизни КР президента Ли Дэнхуэя получила широкое распространение среди жителей острова. Этим, на наш взгляд, обусловлена необходимость рассмотрения истории Движения за независимость Тайваня и анализа его основных теоретических положений, таких как представления о тайваньской культуре, истории, а также существующих концепций об «общности единой судьбы» жителей острова.

3.1 Политика насаждения «китайской идентичности» после 1949 г. как один из факторов укрепления «тайваньского самосознания»

После эвакуации правительства КР на Тайвань в 1949 г. его лидеры, многие из которых были движимы стремлением в кратчайшие сроки осуществить «контрнаступление на материк», начали проводить политику «китаизации» жителей острова. Подобная политика была необходима и для обеспечения стабильности гоминьдановского режима, который теперь функционировал в пределах одного острова.

С одной стороны, для осуществления своей главной цели правительству КР было необходимо предпринять какие-то действия, чтобы сократить ментальную пропасть между основной частью Китая и вновь присоединенной к нему провинцией. Действительно, большинство жителей Тайваня - этнические китайцы. При этом, несмотря на сохранение «духовной» связи с землей своих предков в виде использования их языка и традиций, они никогда не бывали на противоположной стороне Тайваньского пролива, на протяжении последних 50 лет под влиянием метрополии впитывали японские культурные ценности и не могли разделить антияпонских настроений

новой администрации. С другой стороны, Гоминьдану было необходимо международное признание его власти как единственно законной на территории Китая. Чан Кайши и его соратники видели себя в качестве исключительных представителей всей китайской нации, частью которой, по их мнению, был и Тайвань²⁷².

Правительство КР постоянно подчеркивало свою роль «защитника традиционной китайской культуры», «попираемой» КПК по другую сторону Тайваньского пролива. Жители Тайваня выступали как носители этой культуры, на которых лежит миссия скорейшего освобождения соотечественников на материке от «коммунистического гнета». Важной частью традиций китайской культуры провозглашались Три народных принципа Сунь Ятсена²⁷³, тем самым ставился знак равенства между такими понятиями, как «государство Гоминьдана», «китайская нация» и «китайская культура»²⁷⁴. Пропаганда подобных идей велась с особенно широким размахом в ходе Движения за возрождение китайской культуры (*Чжунхуа вэньхуа фусин юньдун* 中華文化復興運動), развернутого в 1966 г. после начала Культурной революции в материковом Китае, где буквально уничтожалась практически любая культура. В это время тайваньское правительство выступило как единственный наследник традиционной китайской культуры.

Исходя из изложенных выше соображений, правительство КР взяло целенаправленный курс на насаждение на Тайване «китайской идентичности». Она распространялась на острове при помощи таких средств идеологической политики, как образование (прежде всего школьное), СМИ, цензура в литературе и кинематографе, контроль за научными исследованиями (в частности, поощрение изучения истории Китая при практически полном отсутствии работ по истории Тайваня) и т.д.

Одной из важных составляющих задачи «китаизации» тайваньцев было повысить их уровень владения «государственным языком» (*гоюй* 國語)²⁷⁵. По статистике японской колониальной администрации начала 1940-х гг., более 80% жителей острова могли «понимать» японский

²⁷² Термин «*чжунхуа миньцзу*» (中華民族), который используется для обозначения китайской нации, был предложен лидером китайского революционного движения начала XX в. и основателем партии Гоминьдан Сунь Ятсеном (1866-1925). В целом в его понимании «китайской нации» слово «китайский» было равнозначно понятию «ханьский». По его мнению, строительство китайского государства должно было происходить на основе ассимиляции неханьских народностей страны. Чан Кайши как главный наследник учения Сунь Ятсена и его преемник на посту председателя ГМД также в своих работах уделял большое внимание проблемам «китайской нации». С начала 1940-х гг. он стал активно развивать идею «китайской нации» как политической, государственной общности, включающей все этнические группы, проживающие на территории КР. Подробнее см., например, *Москалев А.А.* Указ. соч. С. 40-126.

²⁷³ Три народных принципа (*Саньминь чжун* 三民主義) – национализм, народовластие и народное благосостояние – одно из центральных теоретических положений Сунь Ятсена, впоследствии используемое в качестве главной идеологической основы ГМД и КР.

²⁷⁴ *Сяо Ацинь*. Чунгоу Тайвань: дандай миньцзу чжун дэ вэньхуа чжэнчжи (Построить Тайвань заново: культурная политика современного национализма). С. 140, 238.

²⁷⁵ Государственный язык (или «общепринятый язык» *путунхуа* 普通話, как его называют в КНР) с фонетической и грамматической точки зрения основан на северных диалектах Китая и в эпоху империи использовался в качестве языка чиновников. Политика по утверждению этого языка как государственного и его распространению по всей стране была начата гоминьдановским правительством КР в 1929 г.

язык²⁷⁶. В силу очевидных причин, крайне ограниченное число тайваньцев к 1945 г. могли общаться на китайском «государственном языке».

Через полгода после прибытия гоминьдановской администрации на Тайвань в октябре 1945 г. был учрежден Комитет по распространению государственного языка в провинции Тайвань. Однако вплоть до октября 1946 г. на острове продолжался выпуск изданий на японском языке, что было единственной возможностью для тайваньских писателей и других образованных людей выражать свои идеи и заниматься творчеством. Однако после «инцидента 28 февраля 1947 г.» политика по распространению *гоюй* в качестве единственного разрешенного на Тайване языка была продолжена с еще большей строгостью. Именно с этого времени владение китайским «государственным языком» стало одним из основных критериев определения наличия у того или иного жителя острова «китайского гражданского духа» и «патриотических устоев». Как отмечают многие исследователи, для «молодого поколения, привыкшего приобретать знания и информацию посредством японского языка, это было тяжелым ударом». Многие уже приобретшие к тому времени известность молодые тайваньские писатели, произведения которых выходили на языке бывшей метрополии, были вынуждены отойти от литературной деятельности. Она стала преимущественно сферой выходцев с материка, сочинения которых были в основном посвящены событиям Антияпонской и Гражданской войн в Китае и пропитаны антикоммунистической идеологией²⁷⁷.

Все местные тайваньские наречия, включая южнофуцзяньский диалект (*миньнаньхуа* 閩南話), распространенный главным образом среди *хокло*, язык *хакка* и языки аборигенного населения острова, были определены как «диалекты». Статусом языка – единственного «подлинного» языка КР – был наделен только *гоюй*. Использование диалектов в общественных местах рассматривалось в качестве «угрозы национальному единению» и «антигоминьдановской пропаганды». С 1946 г. школьное и университетское образование велось исключительно на китайском языке. Сегодня на Тайване повсеместно можно услышать о наказаниях (в том числе физических и в форме денежных штрафов) в учебных заведениях (в основном в начальных и средних школах), введенных с 1956 г., которым подвергались дети за общение с одноклассниками на своих

²⁷⁶ По свидетельствам исследователей и современников периода японского колониального господства, количество людей, которые могли свободно писать и говорить на японском языке, было не столь значительным. Действительно, первый опыт знакомства с языком метрополии происходил в начальной школе, уровень посещения которой к концу Второй мировой войны был довольно высоким (около 71%). Однако число выпускников учебных заведений дальнейших ступеней образования составляло всего 0,5% от общего населения Тайваня. При наличии запрета на использование жителями метрополии своих родных языков в общественных местах, подавляющее большинство населения Тайваня дома общались именно на них – в данном случае на южнофуцзяньском диалекте и наречии *хакка*. Таким образом, по-настоящему двуязычными были лишь представители крайне малочисленной тайваньской интеллигенции. См. Сяо Ацинъ. Чунгоу Тайвань: дандай миныйцу чжуи дэ вэньхуа чжэнчжи (Построить Тайвань заново: культурная политика современного национализма). С. 113.

²⁷⁷ Сяо Ацинъ. Чунгоу Тайвань: дандай миныйцу чжуи дэ вэньхуа чжэнчжи (Построить Тайвань заново: культурная политика современного национализма). С. 233, 118-119, 139.

родных языках или за неправильное произношение слов на «государственном языке»²⁷⁸. Всем сотрудникам государственных учреждений в рабочее время также предписывалось говорить только на *гоюй*. То же самое касалось и проведения судебных заседаний без учета того, что некоторые их участники могли совершенно не владеть «государственным языком». Время вещания на местных диалектах на радио и телевидении (после его распространения в 1960-х гг.) также было существенно ограничено (с 16% от всего эфирного времени в 1962 г. до 1 часа в сутки в 1972 г.). Таким образом, многие традиционные тайваньские жанры искусства, такие, как местная музыкальная драма (*гэцзайси* 歌仔戲) и кукольные представления (*будайси* 布袋戲), традиционно исполнявшиеся на южнофуцзяньском диалекте, транслировались на «государственном языке». В связи с невысоким бюджетом качество программ на местных диалектах было довольно низким по сравнению с передачами на *гоюй*, а главными героями этих трансляций в основном становились люди необразованные, с маленьким достатком, занимавшиеся физическим трудом и мелкой торговлей. Таким образом, местные наречия в глазах тайваньской молодежи становились символом «отсталости», «грубости», «невежественности», в отличие от *гоюй*, который служил чем-то вроде пропуска в высшие слои общества. Сфера местных диалектов сузилась до исключительно бытового уровня, но даже в этой области все слова, обозначающие новые предметы или общественные явления, чаще всего переводимые с западных языков, употреблялись исключительно на *гоюй*²⁷⁹.

Как известно, важный элемент самосознания той или иной нации или этнической группы представляет разделяемая всеми членами социума коллективная память, которая является не просто объективной реальностью, передаваемой из поколения в поколение, а зачастую является предметом манипуляций и даже конструирования главным распорядителем социальных процессов – государством или политическими элитами. Формирование исторического самосознания тайваньцев после 1945, и в особенности после 1949 гг., является наглядным примером подобной «фабрикации».

Главной целью пропаганды гоминьдановского правительства, как уже было отмечено выше, являлось внушение жителям Тайваня уверенности в том, что они являются частью «великой китайской нации» и что главное предназначение Тайваня заключается в «осуществлении будущего объединения Китая»²⁸⁰. В связи с этим повсеместно подчеркивалось, что Тайвань является пограничным районом Китая, развитие которого является неременной заслугой переселенцев из материковой части страны. Поражение Японии во Второй мировой войне интерпретировалось

²⁷⁸ Записи бесед в фокус-группах, с. 212. При этом некоторые из участников бесед в своих высказываниях даже одобряют политику ГМД по распространению «государственного языка», считая, что в противном случае *хакка* и *хокло* не понимали бы друг друга. Там же. С. 287.

²⁷⁹ Сяо Ацинь. Чунгоу Тайвань: дандай миньцзу чжуи дэ вэньхуа чжэнчжи (Построить Тайвань заново: культурная политика современного национализма). С. 237-241, 243.

²⁸⁰ Там же. С. 277.

как вклад китайского народа в освобождение своих «соотечественников-братьев по крови» (*сюэ нун юй шуи дэ тунбао* 血濃於水的同胞), то есть тайваньцев, от японского колониализма. Особое значение придавалось ханьцам, сыгравшим определенную роль в истории Тайваня. Так, например, Чжэн Чэнгуну, изгнавшему с острова иноземцев (голландцев) и боровшемуся против маньчжурской (неханьской) Империи Цин, было присвоено звание «национального героя». Проводились параллели между стремлением клана Чжэнов к «свержению Цин и реставрации Мин» (*фань Цин фу Мин* 反清復明) и антикоммунистической политикой «контрнаступления на материк» Национального правительства КР. Тайваньское политическое движение периода японского колониального господства рассматривалось в качестве одной из «ветвей» китайской национальной революции²⁸¹.

Важным проводником идеологии Гоминьдана было, как отмечалось выше, школьное образование. Львиную долю содержания учебников по истории, географии и другим дисциплинам составляли сюжеты, связанные с континентальным Китаем. История и география Тайваня изучались лишь как часть соответствующих наук о Китае. Любые попытки продемонстрировать самобытность острова по сравнению с материком могли быть расценены как призыв к «политическому сепаратизму». Так, например, Лу Цяньхуэй, активистка Движения за независимость Тайваня, в своих совместных с мужем мемуарах вспоминает, что во всех университетах, в которых она преподавала после возвращения на Тайвань в начале 1990-х гг. из Японии, она неизменно просила студентов назвать три самые крупные реки Тайваня и в большинстве случаев ответа на свой вопрос не получала. Зато студенты с легкостью могли перечислить основные реки материкового Китая²⁸².

В настоящее время, спустя многие годы, политика насаждения на острове «китайской идентичности» воспринимается, особенно в среде тайваньских националистов, в качестве намеренного подавления «тайваньского самосознания» граждан КР и главного препятствия для его распространения. Это мнение в целом соответствует действительности. Однако на наш взгляд, в данной проблеме можно выделить несколько обстоятельств, которые, наоборот, можно считать факторами, способствовавшими распространению идеи «тайваньской идентичности» и столь быстрому росту ее популярности начиная с 1980-х гг.

Действительно, как уже было многократно отмечено, политика гоминьдановского правительства была направлена на то, чтобы привить населению Тайваня чувство принадлежности к общей китайской культуре. На наш взгляд, данную политику, как в том, что касается распространения «государственного языка», так и с точки зрения насаждения антикоммунистического «китайского самосознания» можно оценивать как вполне успешную.

²⁸¹ Там же. С. 280-281.

²⁸² Сюй Шикай, Лу Цяньхуэй. Указ. соч. С. 72.

Несмотря на очевидный рост «тайваньского самосознания» среди граждан КР начиная с 1980-х гг. и усилия политиков «зеленого» лагеря, направленные на популяризацию диалектов в обществе, общая современная тенденция такова, что молодое поколение тайваньцев практически не говорит на языках своих предков. Почти все участники фокус-групп в рамках исследования 2009 г. Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня КР заявили, что, если дома в беседах со старшим и средним поколением все же используется один из диалектов, то с детьми родители в основном говорят на *гоюй*²⁸³. В политической же сфере, во время телефонного опроса общественного мнения, проводимого авторами указанного исследовательского проекта, 61,9% (54,9% в 2008 г.) респондентов на вопрос о том, согласны ли они с утверждением, что «любить Тайвань означает говорить на собственном языке», ответили отрицательно²⁸⁴.

Также примечателен факт, что многие тайваньцы, в том числе активные сторонники «тайваньской идентичности», зачастую подчеркивают, что из всех языков сино-тибетской семьи южнофуцзяньский диалект, а также наречие *хакка*, являются самыми «древними», сохранившими наибольшее количество первоначальных слов и звуков. Кроме того отмечается, что, включая «8 тонов и 15 интонаций», *тайюй* (台語 или *тайваньхуа* 台灣話)²⁸⁵ представляет собой самый сложный диалект китайского языка, который, имея в прошлом позицию «общепринятого языка древнего Китая», под натиском северных народов, завоевывавших Китай, постепенно сместился на юг, а впоследствии и на Тайвань. Таким образом, поддерживая распространение китайской культуры, ни в коем случае нельзя упускать из внимания «тайваньский язык»²⁸⁶.

Глубокий отпечаток, оставленный в самосознании тайваньцев гоминьдановской идеологией, можно среди прочего проследить в ранних работах видных представителей движения «беспартийных», которые впоследствии идейно обеспечивали дело «декитаизации» (цяюй Чжунго хуа 去中國化) Тайваня. Так, например, в книге Люй Сюлянь «Тайвань: прошлое и будущее», которая, как уже указывалось, по убеждению самого автора, способствовала развитию «тайваньского самосознания» у жителей острова, наблюдается активное использование терминологии официальной пропаганды. В частности при периодизации истории Тайваня Люй Сюлянь, используя ставшую ныне классической схему деления развития острова по времени его пребывания под властью той или иной державы²⁸⁷, для обозначения современного автору этапа после 1945 г. использует термин «восстановление власти Китая на Тайване» (*Тайвань гуанфу* 台灣光復), кото-

²⁸³ Записи бесед в фокус-группах. С. 206-208, 258-259, 286.

²⁸⁴ См. Приложение 3. Таблицы 8, 15а.

²⁸⁵ То есть «тайваньский язык», как принято называть на острове южнофуцзяньский диалект.

²⁸⁶ Люй Сюлянь. Указ. соч. С. 28.

²⁸⁷ Обычно в периодизации развития Тайваня выделяются следующие этапы: 1) до начала XVII в.; 2) господство западных держав – Голландии и Испании (1624-1662); 3) правление клана Чжэнов (1662-1683); 4) Тайвань как часть Империи Цин (1683-1895); 5) японское колониальное господство (1895-1945); 6) КР на Тайване (после 1945 г.). Все эти этапы представляют собой в глазах тайваньских националистов периоды управления Тайванем иностранными державами, в число которых включается и Китай. Подробнее см. раздел 3.4 настоящей главы.

рый является «образцовой провинцией Трех народных принципов». Граждане КР, проживающие на острове, часто именуются ею «тайваньскими соотечественниками», в то время как при упоминании имен лидеров КНР неизменно добавляется эпитет «бандитский» (*фэй 匪*)²⁸⁸, что характерно для официального, в том числе газетного языка того времени. Говоря о самобытности тайваньской истории и культуры, которые все же не могут похвастаться древностью и величием, присущими китайской истории и культуре, Люй в то же время признает, что «Тайвань является частью Китая», хотя и не так глубоко воспринял китайскую культуру в силу длительных этапов развития в изоляции от материка²⁸⁹. Для Люй Сюлянь в 1970-х гг. «тайваньское» и «китайское самосознание» вовсе не были взаимоисключающими явлениями, о чем свидетельствует следующий отрывок из ее книги:

Живя на протяжении последних нескольких десятков лет на Тайване, питаюсь тайваньским рисом и водой, вдыхая тайваньский воздух, почему мы не можем от всего сердца, искренне, с благодарностью воскликнуть: «Я люблю Тайвань»?

Действительно, предки большинства тайваньских соотечественников являются выходцами из материкового Китая. Именно поэтому любить Тайвань означает любить Китай, говорить на тайваньском языке значит разговаривать по-китайски, ценить тайваньскую культуру означает ценить китайскую культуру! И, конечно, заниматься тайваньской историей значит заниматься историей Китая.

*Более того, моя любовь к Тайваню не означает моей нелюбви к Китаю и тем более не означает нелюбви к миру. Именно потому, что мы любим мир, любим Китай, нам нужно любить Тайвань.... Если нет локального самосознания, откуда может взяться национальное самосознание!*²⁹⁰

Подобные настроения в описываемый период были характерны и для многих других представителей тайваньской интеллигенции, в том числе для писателей-«нативистов». Так, например, Чэнь Шаотин в своей «Краткой истории движения за новую литературу на Тайване» 1977 г. писал, что «после возвращения Тайваня в лоно Родины, естественным образом никакой «тай-

²⁸⁸ Например, «бандит Мао Цзэдун» (*Мао фэй Цзэдун 毛匪澤東*), «исключение нас и принятие бандитов» (*най во на фэй 排我纳匪*) в отношении перехода места Китая в Совбезе ООН от КР, которая «приложила столько усилий к созданию ООН», к КНР; и т.д. См. Люй Сюлянь. Указ. соч. С. 71, 82.

²⁸⁹ Там же. С. 31, 49, 50.

²⁹⁰ Там же. С. 118-119. Кроме того, с политической точки зрения Люй Сюлянь, несмотря на осознание многих проблем в тайваньском обществе, о которых было невозможно услышать на самом острове (межэтническое напряжение в связи с монополией на власть выходцев с материка и др.), судя по некоторым фразам в ее книге, ко времени ее написания пока не встала на позиции тайваньского национализма: «Поскольку с тех пор, как были заключены дипломатические отношения между США и коммунистами, КР [в американских документах] повсюду именуется как «Тайвань», «власти Тайваня», «народ Тайваня», то американская политика в отношении Китая судя по всему склоняется к принципу «одного Китая и одного Тайваня». Однако это не вполне верно, поскольку китайцы по обе стороны Тайваньского пролива пока не согласны с позицией одного Китая и одного Тайваня. И правительство КР, и КНР считают, что Тайвань является частью Китая, и к тому же заявляют о своем суверенитете над контролируемой другой стороной территорией». Там же. С. 151, 163-164.

ваньской литературы» больше не было». Однако уже в 1988 г. в ответ на критику в свой адрес со стороны тайваньских националистов он утверждал, что «тайваньская литература обладает самобытностью и особым социокультурным фоном своего существования. Поэтому неправильно считать тайваньскую новую литературу ответвлением китайской литературы»²⁹¹.

В одной из своих работ тайваньский социолог Сяо Ацинь поставил, пожалуй, риторический вопрос о том, насколько искренними были заявления будущих проповедников «тайваньского самосознания» о собственной «китайской идентичности» до начала 1980-х гг., некоторые примеры которых приведены выше. Действительно, сторонники теории «скрытых транскриптов» американского политолога Джеймса Скотта, изложенной в его книге *«Доминирование и искусство сопротивления: скрытые транскрипты»* (1990)²⁹², могут прийти к выводу, что, учитывая всплеск тайваньского национализма с 1980-х гг., «тайваньское самосознание» интеллектуалов КР является одним из примеров подобного «скрытого транскрипта», который они в условиях авторитарного режима ГМД не могли демонстрировать открыто, будучи вынужденными следовать официальной установке и проявлять свою «китайскую идентичность». Сяо Ацинь не согласен с таким мнением, считая, что очевидные доказательства приверженности будущих лидеров движения «беспартийных» идеям «тайваньской идентичности» до 1979 г. отсутствуют²⁹³.

Мы склонны разделять мнение тайваньского исследователя о том, что катализатором для коренных сдвигов в сознании интеллигенции острова, впоследствии составившей костяк тайваньского националистического движения, и в ее представлениях о статусе Тайваня, послужили события 1970-х гг, в том числе и развитие демократического движения на острове, главным символом которого является описанный в разделе 2.3 Главы 2 «гаосюнский инцидент». Более того, мы полагаем, что предпосылки для последующей радикализации взглядов тайваньских интеллектуалов были заложены в том числе самой политикой по «китаизации» населения острова. Наряду с объективным фактом практически полной изоляции друг от друга жителей обеих сторон Тайваньского пролива на протяжении почти 40 лет постоянное подчеркивание отличий граждан КР как истинных носителей китайских традиций от населения материковой части страны, попавшего под влияние «коммунистических бандитов»²⁹⁴, также способствовало формированию у тайваньцев осознания собственной общности, отличной от граждан КНР. Это сознание при

²⁹¹ Цит. по: Сяо Ацинь. Чунгоу Тайвань: дандай миньцзу чжуи дэ вэньхуа чжэнчжи (Построить Тайвань заново: культурная политика современного национализма). С. 223.

²⁹² Scott, James C. *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. - New Haven and London: Yale University Press, 1990. - 251 p.

²⁹³ Сяо Ацинь. Вэйцюань тунчжи ся дэ гоцзу жэньтун: иньби юй гункай, лянсьюй юй дуаньле (Национальная идентичность в период авторитарного правления: скрытое и открытое, преемственность и разрыв). С. 152.

²⁹⁴ Автору доводилось в частных беседах с тайваньцами слышать полуанекдотические истории о том, как их соотечественники, попавшие в КНР в конце 1980-х гг., подвергались избиениям за употребление слова «коммунистический бандит» (*гунфэй* 共匪), которое для них под влиянием длительной гоминьдановской пропаганды стало просто обобщающим названием всех жителей противоположного берега Тайваньского пролива и в значительной мере утратило свою изначальную негативную коннотацию.

наличии определенных политических условий и распространения идей Движения за независимость Тайваня впоследствии довольно легко трансформировалось в «тайваньскую идентичность» антикитайского свойства. Данное ощущение становилось еще более четким после визитов тайваньцев в материковый Китай, ставших возможными после отмены «военного положения» в 1987 г. Особенно противоречивые чувства испытывали выходцы с материка, которые оказывались в положении, аналогичном самоощущению главного героя известного романа тайваньского писателя У Чжолю «Сирота Азии» (1945) Ху Таймина, который в годы японского колониального господства получил образование в метрополии, но, прекрасно владея японским языком, чувствовал презрение к себе со стороны японцев. В то же время, увлеченный идеалами конфуцианства, после того, как он прибыл на «родину» - в Китай, Ху вновь ощутил неприятие себя со стороны местного общества, в глазах которого он был «японским прихвостнем». По воспоминаниям многих *вайшэнжэнь*, в конце 1980-х гг. отправившихся в КНР навестить родственников, для жителей материкового Китая они были «тайваньцами», «тайваньскими соотечественниками». Возвращаясь же на остров, где многие провели более 40 лет своей жизни, постоянно слышали в свой адрес высказывания вроде «Вы, *вайшэнжэнь*...»²⁹⁵. Тайваньская писательница из числа выходцев с материка Чжу Тяньсинь в своей известной автобиографической повести «Думая о моих братьях из цзюаньцунь» сравнила *вайшэнжэнь* с летучими мышами, которые «скитаясь между мирами птиц и зверей, никак не могут определить свое место»²⁹⁶.

В связи со всем сказанным встает вопрос: насколько глубоко гоминьдановская пропаганда проникла в умы подавляющей части тайваньцев? Очевидно, что действия ГМД по насаждению на острове «китайской идентичности» имели обратный эффект среди определенной части жителей Тайваня, многие из которых впоследствии пополнили ряды участников Движения за независимость Тайваня и «беспартийных». При этом, как мы постарались продемонстрировать выше, влияние политики «китаизации» на население острова в целом оказалось довольно глубоким. Идеи об исключительности Тайваня как представителя традиционной китайской культуры до сих пор имеют широкое распространение в обществе. Однако вместе с тем поражает парадоксальность результатов этой политики, которая при своей общей эффективности в то же время – во многом неожиданно для ее организаторов – послужила катализатором для будущего распространения на острове «тайваньского самосознания». Таким образом, политику насаждения «китайской идентичности» гоминьдановскими властями в годы «военного положения» на Тайване можно считать одним из факторов, способствовавших росту популярности идеи «тайваньской идентичности», которая в условиях либерализации общественно-политической жизни острова

²⁹⁵ Сунь Хунье. Указ. соч. С. 51.

²⁹⁶ Чжу Тяньсинь. Сян во цзюаньцунь дэ сюндимэнь (Думая о моих братьях из цзюаньцунь). – Тайбэй: Инькэ, 2002. – С. 79.

получила благодатную почву для распространения не только за пределами Тайваня, но и на территории КР.

3.2 «Тайваньская идентичность» и Движение за независимость Тайваня

Как уже было отмечено, главными пропагандистами идеи «тайваньской идентичности» являются участники Движения за независимость Тайваня. Именно в их рядах концепция «тайваньского самосознания» получила свое наиболее полное выражение, была воспринята лидерами «беспартийных» и со временем эволюционировала в ту форму, в которой представления о «тайваньской идентичности» существуют в настоящее время.

Впервые идея «независимого Тайваня» прозвучала в Уставе Коммунистической партии Тайваня (КПТ) – одной из организаций, принадлежавших к политическому движению тайваньской элиты периода японского колониального господства, основанной в 1928 г.²⁹⁷. Данный факт стал одной из причин повышенного внимания исследователей к истории этой партии и антияпонского общественно-политического движения на Тайване в указанный период в целом, которое иногда характеризуют как «национальное»²⁹⁸. Действительно, наряду с традиционными требованиями соблюдения прав пролетариата и крестьян, устав КПТ содержал такие недвусмысленные лозунги, как «Да здравствует независимость тайваньской нации!», «Образовать Тайваньскую Республику!». Однако следует отметить, что эти призывы в целом соответствовали тогдашнему курсу Коминтерна (в котором, к слову, КПТ была зарегистрирована как ячейка Коммунистической партии Японии, а не КПК) на распространение «левых» идей в странах «третьего мира» путем развития там национально-освободительного движения в рамках всемирной антиимпериалистической борьбы. Превалирование идеи мировой революции над стремлением к созданию на Тайване независимого государства подтверждается тем, что многие члены КПТ, отбыв свои тюремные сроки после роспуска партии колониальной полицией в 1931 г., в условиях Гражданской войны на материке и событий 28 февраля 1947 г. на Тайване уехали в Китай и примкнули к КПК. Более того, один из членов КПТ, позднее эмигрировавший в США, – Го Дэцинъ в одном из интервью признавался в следующем:

Мы изначально хотели объединиться с китайскими революционными силами, чтобы противостоять Японии. Однако Китай находился в условиях милитаристской раздробленности и непрекращающейся гражданской войны. Поэтому решили использовать популярную в то время во всем мире идею «независимости колоний», в союзе со всеми угнетенными нациями бороться с японским империализмом, тем самым сначала осво-

²⁹⁷ Подробнее об истории КПТ см. Тертицкий К.М., Белогурова А.Э. Указ. соч.

²⁹⁸ Люй Сюлянь. Указ. соч. С. 45.

*бодив Тайвань из-под колониального господства Японии, а затем возвратив его Китаю*²⁹⁹.

Настоящим водоразделом в истории Движения за независимость Тайваня, имеющего продолжение в наши дни, можно считать «инцидент 28 февраля 1947 г.», после подавления которого значительное количество уцелевших представителей тайваньской элиты вынуждены были эмигрировать за границу (прежде всего в Японию и США³⁰⁰), где преимущественно Движение и развивалось вплоть до 1970-80х гг.³⁰¹, в связи с отсутствием условий для его существования в пределах самого острова из-за гоминьдановской политики «белого террора» и подавления любого инакомыслия.

Истоки Движения за независимость Тайваня принято возводить к Союзу тайваньской молодежи (*Тайвань Циннянь Ляньмэн* 台灣青年聯盟) и Союзу независимости Тайваня (*Тайвань Дули Ляньмэн* 台灣獨立聯盟), созданным соответственно в 1946 и 1947 гг. группой тайваньской молодежи во главе с Хуан Цзинанем и Чжуан Яочжуанем. Название последней из указанных организаций в обозначенный период было крайне популярно среди участников Движения. Как отмечает в своей статье упоминаемый выше Хуан Чжаотан, ему известно минимум пять не связанных между собой объединений, имевших данное наименование в то время³⁰².

В феврале 1950 г.³⁰³ в Токио по инициативе Ляо Вэньи (廖文毅)³⁰⁴ была образована Тайваньская партия независимости и демократии (*Тайвань миньчжу дули дан* 台灣民主獨立黨), которая в 1955 г. объявила о созыве Временного Национального Собрания Тайваньской Республики (*Тайвань гунхэго линьши гоминь ихуэй* 台灣共和國臨時國民議會), которое формально должно было состоять из представителей всех уездов Тайваня, что на практике в условиях сложившейся обстановки было неосуществимо. В 1956 г. Тайваньская партия независимости и демократии вместе с недавно созданной Тайваньской партией свободы и независимости (*Тайвань*

²⁹⁹ Цит. по: Ван Сяобо. Указ. соч. С. 129.

³⁰⁰ В США среди активистов Движения за независимость Тайваня на начальном этапе его существования были в основном пребывающие здесь на временной основе тайваньские студенты.

³⁰¹ Хотя следует отметить, что начиная с конца 1970-х гг. наблюдается распространение соответствующих идей и на самом Тайване. Однако подобные убеждения по-прежнему подлежали преследованию со стороны властей.

³⁰² Хуан Чжаотан. Жибэньдэ тайду юньдун (Движение за независимость Тайваня в Японии)// Цзыцзюэ юй жэньтун – 1950-1990 нянь хайвай тайваньжэнь юньдун чжуаньцзи (Самоопределение и идентичность - сборник, посвященный движениям тайваньцев за границей в 1950-1990 гг.). С. 51.

³⁰³ По другим данным, в 1951 г. См. Ли Сяофэн. Цзинь бай нянь лай Тайвань чжэнчжи юньдун чжун дэ гоця жэньтун (Национальная идентичность в тайваньском политическом движении на протяжении последних ста лет). С. 30.

³⁰⁴ Ляо Вэньи (1910-1986) – выходец из богатой семьи тайваньских землевладельцев. Получил высшее техническое образование в Нанкине, степени магистра и кандидата химических наук соответственно в Мичиганском университете и Университете штата Огайо в США. После Второй мировой войны выступал за предоставление Тайваню широкой автономии в составе КР, а после «инцидента 28 февраля» призывал к его тщательному расследованию, смещению губернатора Чэнь И, отмене правительственной монополии на ряд товаров и т.д. Еще 25 февраля 1947 г. бежал от преследований со стороны гоминьдановского правительства сначала в Гонконг, затем в Японию, где и вступил на путь пропаганды тайваньской независимости. Считается самым известным лидером Движения за независимость Тайваня за границей на начальном этапе его существования. В 1965 г. Ляо Вэньи вернулся на Тайвань, был амнистирован Правительством КР, тем самым закончив свою деятельность в рамках Движения.

цзыю дули дан 台灣自由獨立黨) сформировали в Токио Временное Правительство Тайваньской республики (Тайвань гунхэго линьши чжэнфу 台灣共和國臨時政府) во главе с Ляо Вэньи.

28 февраля 1960 г. около десяти тайваньских студентов во главе с преподавателем Университета Мэйдзи, Токио – Ван Юйдэ (王育德, 1924-1985), впоследствии прославившимся своим трудом «Тайвань: история горечи и уныния» (Тайвань: кумэнь дэ лиши 台灣:苦悶的歷史)³⁰⁵, создали в Токио Общество тайваньской молодежи (Тайвань циннянь шэ 台灣青年社), которое стало издавать ежемесячный журнал «Тайваньская молодежь», большая часть статей в котором были написаны с позиций независимости Тайваня. Общество тайваньской молодежи в 1966 г. было преобразовано в Тайваньский молодежный союз независимости (Тайвань циннянь дули лянмэн 台灣青年獨立聯盟), главными направлениями деятельности которого были проведение демонстраций в годовщины «инцидента 28 февраля» и во время сессий ООН, а также распространение листовок с призывами к созданию независимого государства на Тайване как за границей, так и на самом острове³⁰⁶. Параллельно с Тайваньским молодежным союзом независимости в 1967 г. на основе объединения нескольких разрозненных организаций была создана Ассоциация независимости Тайваня (Тайвань дули лянхэхуэй 台灣獨立聯合會) во главе с автором другого известного труда по истории Тайваня Ши Мином (史明)³⁰⁷, которая год спустя была преобразована в Союз независимого Тайваня (Дули Тайвань хуэй 獨立台灣會)³⁰⁸.

Одновременно с развитием Движения в Японии, в США также стали появляться организации сторонников тайваньского национализма. Так, в январе 1956 г. 5 тайваньских студентов в Филадельфии учредили организацию под названием «Свободный Тайвань тайваньцев» (Тайваньжэнь дэ цзыю Тайвань 台灣人的自由台灣, *Formosans' Free Formosa*, сокр. 3F³⁰⁹). В первом послании 3F к тайваньским соотечественникам в качестве главных целей организации были провозглашены «борьба с пришлой властью», включая КР и КНР, и установление «независимой,

³⁰⁵ Данный труд был впервые издан в Токио на японском языке в 1964 г., первая версия книги на китайском языке вышла там же лишь в 1979 г. В 1999-2002 гг. на Тайване было издано полное собрание сочинений Ван Юйдэ в 15 томах, куда вошла и указанная работа.

³⁰⁶ Хуан Чжаотан. Жибэньдэ тайду юньдун (Движение за независимость Тайваня в Японии). С. 53-54.

³⁰⁷ Ши Мин (род. 1918) – один из наиболее прославленных лидеров Движения за независимость Тайваня в Японии, а также автор одного из самых известных трудов по истории острова, написанных с позиции тайваньского национализма, – «400 лет истории тайваньцев» (Тайваньжэнь сыбай нянь ши 台灣人四百年史), изданного в 1962 г. в Токио на японском языке, а затем в 1980 г. и в 1986 г. в США соответственно на китайском и английском языках.

³⁰⁸ Ли Сяофэн. Цзинь бай нянь лай Тайвань чжэнчжи юньдун чжун дэ гоцзя жэньтун (Национальная идентичность в тайваньском политическом движении на протяжении последних ста лет). С. 30.

³⁰⁹ Участники Движения за независимость Тайваня в своих англоязычных сочинениях и документах вплоть до настоящего времени предпочитают использовать название острова «Formosa», которое (*Ilha Formosa*, порт. «прекрасный остров», кит. «Мэйлидао» 美麗島), по широко распространенному мнению, было дано ему членами португальской иезуитской миссии, направлявшимися в XVI в. в Японию, и которое преимущественно использовалось в англоязычной литературе вплоть до 1960-х гг., когда постепенно было вытеснено китайским географическим наименованием «Тайвань», которое использовалось Национальным правительством КР. Тайваньские националисты наряду с использованием других символов таким образом демонстрировали свое неприятие правления ГМД на Тайване.

демократической Тайваньской Республики». Основным направлением деятельности было распространение литературы, пропагандирующей идеалы Движения за независимость Тайваня, среди тайваньских студентов в США. В 1958 г. 3F была реорганизована в Союз независимости Тайваня (*Тайвань дули лянмэн* 台灣獨立聯盟, *United Formosans for Independence*, сокр. UFI), который в свою очередь в 1966 г., объединившись с Обществом изучения проблем Тайваня (*Тайвань вэньти яньцзюхуэй* 台灣問題研究會) Висконсинского университета в Мадисоне³¹⁰, был преобразован во Всеамериканский союз независимости Тайваня (*Цюаньмэй Тайвань дули лянмэн* 全美台灣獨立聯盟, *United Formosans in America for Independence*, сокр. UFAI)³¹¹. Главным рупором UFAI был выпускаемый организацией журнал “*Ilha Formosa*”, 13 номеров которого увидели свет с апреля 1958 г. по июнь 1961 г.

В 1970 г. был образован Всемирный союз независимости Тайваня (*Шицзе Тайвань дули лянмэн* 世界台灣獨立聯盟, *World United Formosans For Independence*, сокр. WUFI) со штаб-квартирой в США, объединивший существовавшие в США, Японии, Канаде и Европе организации, выступавшие за независимость Тайваня, включая все перечисленные выше. В 1978 г. было принято решение включить в программу Союза положение не только о независимости Тайваня, но и о создании государства на острове, в связи с чем Союз был переименован в Союз независимости Тайваня и создания государства (*Тайвань дули цзяньго лянмэн* 台灣獨立建國聯盟). Английское название организации, объединившей всех сторонников тайваньского национализма и существующей по сей день, осталось неизменным³¹².

Как уже было упомянуто выше, главной целью Движения за независимость Тайваня является достижение независимости острова от китайской власти (причем, как от гоминьдановского режима, так и от коммунистической КНР). Необходимость осуществления данной задачи оправдывается целым рядом теоретических положений по истории и политике Тайваня, пропагандируемых активистами Движения и в совокупности именуемых «тайваньским национализмом». Одним из центральных понятий тайваньского национализма является представление о «тайваньской нации» (*Тайвань миньцзу* 台灣民族 или *Тайвань гоминь* 台灣國民³¹³), которая состоит из *хокло*, *хакка* и аборигенного населения острова австронезийского происхождения, то

³¹⁰ Одним из участников данного общества был в будущем известный историк и политолог Тянь Хунмао (田弘茂, Tien Hung-mao), который в 2000-2002 гг. также занимал должность министра иностранных дел в Исполнительном Юане КР.

³¹¹ Лу Чжуи. Цзыю дэ хаоцзяо – 3F цзи UFI чжи цюань (Горн свободы: истоки 3F и UFI) // Цзыцзюэ юй жэньтун – 1950-1990 нянь хайвай тайваньжэнь юньдун чжуаньцзи (Самоопределение и идентичность - сборник, посвященный движениям тайваньцев за границей в 1950-1990 гг.). С. 73.

³¹² Подробнее о целях данной организации и ее истории см. Сайт Союза независимости Тайваня и создания государства (Тайвань дули цзяньго лянмэн) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.wufi.org.tw/>, свободный. – Загл. с экрана.

³¹³ Разница между этими по смыслу близкими понятиями заключается в том, что первое трактуется с этнонациональной точки зрения, в то время как под вторым подразумеваются «граждане Тайваньского государства».

есть, как говорится во Временной Конституции Тайваньской Республики, тех людей, которые «обладали тайваньской пропиской до 15 августа 1945 г.³¹⁴ и их потомков»³¹⁵. Постоянно подчеркивается, что «тайваньцы – это не китайцы», к которым причисляются и прибывшие вместе с Чан Кайши на остров выходцы из материкового Китая. Признается факт переселения предков тайваньцев из континентального Китая на остров, однако отмечается, что в результате смешанных браков между жителями Тайваня и колонизировавшими остров голландцами, испанцами, японцами, а также его аборигенными жителями, образовалась «смешанная нация» (*хуньсюэ миньцзу* 混血民族) тайваньцев³¹⁶, которая обладает «уникальным национальным самосознанием» в силу «общей истории борьбы», «влияния географической среды обитания», «общих культуры и ценностей», а также «любви по отношению к родине»³¹⁷. После 1970-х гг. данное положение тайваньского национализма претерпело изменения: понятие «тайваньской нации» стало включать в себя и выходцев с материка. Так, например, в Политической программе Союза независимости Тайваня и создания государства, опубликованной на сайте данной организации, говорится, что «население Тайваня состоит из четырех основных этнических групп, таких, как аборигенные племена, *хокло*, *хакка* и китайцы, прибывшие на Тайвань после Второй мировой войны, [которые] в результате длительного исторического развития и смешения уже сформировали тайваньскую общность единой судьбы»³¹⁸. В одной из статей ежемесячного журнала «Независимость Тайваня» (*Тайду юэкань* 台獨月刊) за 1976 г. в качестве «тайваньцев и равноправных новых граждан Тайваня после достижения им независимости» признаются «все, кто идентифицирует себя с Тайванем, любит Тайвань, рассматривает Тайвань в качестве своей родины, готов разделить с Тайванем свою судьбу, в независимости от времени переселения на Тайвань»³¹⁹. Эта же идея была воспринята и оппозиционным движением «беспартийных» (а впоследствии ДПП), ко-

³¹⁴ День объявления по радио императором Хирохито о капитуляции Японии.

³¹⁵ Временная Конституция Тайваньской Республики (опубликована 1 сентября 1956 г. в Токио). С. 203.

³¹⁶ Хуан Чжаотан. Чжаньхоу Тайвань дули юньдун юй Тайвань миньцзу чжуи дэ фачжань (Развитие Движения за независимость Тайваня и тайваньского национализма после Второй мировой войны) [Электронный ресурс]// Сайт Союза независимости Тайваня и создания государства. – Режим доступа: <http://www.wufi.org.tw/戰後台灣獨立運動與台灣民族主義的發展-2/>, свободный. – Загл. с экрана.

³¹⁷ Лу Чжуи. Указ. соч. С. 80. Следует отметить, что некоторые теоретики «тайваньской нации», осознавая биологическое родство большинства тайваньцев с жителями противоположного берега Тайваньского пролива, подчеркивали, опираясь на доводы Э. Ренана, что «гражданское самосознание (*гоминь шиши* 國民意識) отличается от расовой концепции (*чжунцзу гуаньнянь* 種族觀念), базируясь на мышлении, а не на физиологии. Главными факторами, образующими государство, являются не язык или раса, а общие усилия для совершения подвигов в прошлом и надежда на сотворение блистательной истории в будущем». Там же. С. 80, 82.

³¹⁸ Тайвань дули цзяньго лянмэн чжэнцэ ганлин (Политическая программа Союза независимости Тайваня и создания государства) [Электронный ресурс]// Сайт Союза независимости Тайваня и создания государства. – Режим доступа: <http://www.wufi.org.tw/關於聯盟/台灣獨立建國聯盟政策綱領/>, свободный. – Загл. с экрана. Подробнее об идее «общности единой судьбы тайваньцев» см. в разделе 3.5 данной главы.

³¹⁹ Цит. по: Ши Чжэнфэн. Тайваньжэнь дэ гоцзя жэньтун (Национальная идентичность тайваньцев). С. 145.

торое развивалось после 1979 г. на самом Тайване и в числе активистов которого было и некоторое количество выходцев с материка³²⁰.

Исходя из принципа национального самоопределения, тайваньские националисты наделяют «тайваньскую нацию» правом на создание собственного государства, территория которого ограничивается островом Тайвань, а также архипелагом Пэнху, и которое не подлежит «объединению ни с каким (*очевидно, имеется в виду Китай — прим. наше*) государством»³²¹.

Как уже говорилось в предыдущих разделах данной работы, главным постулатом идеологии национализма является совпадение государства и нации (группы людей, которую составляют граждане данного государства). Как отмечает Ши Чжэнфэн, «если у нации пока нет собственного государства, то у ее членов может возникнуть желание к созданию такового, такое государство будет называться «национальным государством»; если государство уже имеется, то они направят усилия на национальное строительство внутри этого государства, дабы все его жители начали считать себя принадлежащими к одной нации»³²². По нашему мнению, ситуация, характерная для Движения за независимость Тайваня (особенно на современном этапе его деятельности), идентична второму типу национализма, описанному Ши Чжэнфэном, и несколько отличается от взгляда У Найдэ, который считает, что «в глазах тайваньских националистов, поскольку Тайвань и Китай принадлежат разным общностям (нациям), Тайваню необходимо независимое суверенное государство»³²³. По нашему убеждению, как уже отмечалось выше, несмотря на соответствие точки зрения У Найдэ официальным установкам Движения за независимость Тайваня, все-таки главная цель его активистов состоит не в создании государства на острове, которое там уже есть и требует лишь корректировки символов, а в формировании единого национального самосознания граждан этого государства.

Заслуживает внимания тот факт, что в своем стремлении размежеваться с КР, составители Временной Конституции не смогли избежать параллелей с главным объектом своей борьбы, которые бросаются в глаза при анализе данного документа. Так, например, при чтении фразы, что «Тайвань является республикой, базирующейся на *[идеях] Тайваньской демократии*»³²⁴, не-

³²⁰ Наиболее известным из них является Чжэн Наньжун, который в апреле 1989 г. совершил самоубийство в возглавляемой им редакции журнала «Эпоха свободы» (*Цзыю шидай* 自由時代) в знак протеста против нарушений свободы слова на Тайване после того, как ему стало известно о готовящейся проверке редакции спецслужбами КР, которая неминуемо привела бы к прекращению издания журнала и аресту самого Чжэна.

³²¹ Тайвань гунхэго линьши сяньфа (Временная Конституция Тайваньской Республики (опубликована 1 сентября 1956 г. в Токио). С. 203. Из состава Тайваньской Республики исключены острова Цзиньмэн и Мацзу как территории, оставшиеся под контролем Национального правительства ГМД после Гражданской войны с КНР, но не входившие в пределы Тайваня в годы его существования в качестве японской колонии.

³²² Ши Чжэнфэн. Тайваньжэнь дэ гоцзя жэньтун (Национальная идентичность тайваньцев). С. 150.

³²³ У Найдэ. Мянбао юй айцин: чутань Тайвань миньчжун миньцзу жэньтун дэ бяньдун (Хлеб и любовь: к вопросу об изменениях национальной идентичности населения Тайваня). С.11.

³²⁴ Тайвань гунхэго линьши сяньфа (Временная Конституция Тайваньской Республики (опубликована 1 сентября 1956 г. в Токио). С. 203. Словом «демократия» в данном случае переведен термин «миньбэнь чжун 民本主義», ис-

вольно напрашивается ассоциация с Тремя народными принципами Сунь Ятсена, фигурирующими в качестве главной идеологической основы в Конституции КР. Данный факт еще раз подтверждает убеждение автора данного исследования в том, что изучение проблемы «тайваньской идентичности» и «тайваньского самосознания», будь то ее анализ с политической, исторической или этнической позиции, возможен лишь в свете ее противопоставления «китайской идентичности».

В качестве доказательства приведенного выше утверждения можно также привести еще одно положение тайваньского национализма, которое неизменно подчеркивается в работах подавляющего большинства активистов Движения за независимость Тайваня на раннем этапе его развития. Речь идет о постоянном акцентировании «диктаторской» и «колониальной» сущности режима гоминьдановского правительства и Чан Кайши (или позднее отца и сына Цзян) лично, которые «оккупировали политику и экономику» Тайваня, «дискриминировали» тайваньцев (тайваньцы занимали чуть более одного процента кресел в Законодательном юане при том, что составляли более 80% населения). Именно поэтому тайваньцам необходимо создать «демократическое, независимое, **избавленное от связи с Китаем** новое государство»³²⁵. Показательно, что по мере либерализации общественно-политической жизни острова, «тайванизации» Гоминьдана и становления многопартийной системы на острове с ГМД в качестве одного из ее участников, перечисленные выше концепции если не исчезли, то претерпели значительную трансформацию в риторике тайваньских националистов. В цитируемой выше Политической программе Союза независимости Тайваня и создания государства главное обвинение, выдвигаемое в адрес Гоминьдана, заключается в том, что «в то время (после 1949 г.)» партия придерживалась «принципа одного Китая» и того, что «Тайвань является частью Китая»³²⁶. Под главным врагом независимости Тайваня в настоящее время подразумевается КНР, а не режим КР как таковой. Главная цель сейчас – не свержение ненавистного правительства, а пересмотр Конституции и названия государства, поскольку, по мнению участников Движения, только под названием «Тайвань» остров сумеет добиться полноправного положения независимого субъекта международных отношений³²⁷. В то же время многие тайваньские националисты подчеркивают, что «сущностью идеи создания независимого государства Тайвань является не вызов Китаю, а желание обладать собственным государством и достоинством на международной арене»³²⁸. Однако, на наш взгляд, это не вполне

пользуя который вместо традиционного «*миньчжу чжуи* 民主主義», тайваньские националисты видимо стремятся наделить идеологию планируемого тайваньского государства особым, самобытным смыслом.

³²⁵ Лу Чжуи. Указ. соч. С. 82.

³²⁶ По этой логике, китайский Гоминьдан мог бы не вызывать никаких претензий у тайваньских националистов, если бы сразу же после эвакуации на остров отказался от своей цели возвращения на материк и воспринял Тайвань не как временное, а как постоянное свое убежище.

³²⁷ Тайвань дули цзяньго лянмэн чжэнцэ ганлин (Политическая программа Союза независимости Тайваня и создания государства).

³²⁸ Ши Чжэнфэн. Тайваньжэнь дэ гоцзя жэньтун (Национальная идентичность тайваньцев). С. 173.

так. Суть тайваньского национализма состоит именно в подчеркивании некитайскости менталитета и культуры населения Тайваня, а главные положения его концепций раннего периода существования до сих пор можно проследить в полемике между основными соперниками в политической борьбе на острове – Гоминьданом и ДПП.

3.3 «Тайваньская культурная идентичность»: культура Тайваня в противопоставлении культуре Китая

В процессе формулирования концепции «тайваньской нации» осознание того, что большинство жителей острова являются этническими китайцами, приводило сторонников тайваньского национализма к необходимости поиска особых черт тайваньской культуры, которые бы позволили говорить об ее уникальности в сравнении с китайской культурой.

Проблема определения культурного своеобразия и «этнического характера» жителей острова, а также факторов, повлиявших на его формирование, стала волновать научную общественность начиная с конца 1980-х – начала 1990-х гг., когда в результате демократизации политической системы Тайваня стало возможным в принципе обсуждение подобных вопросов. Первые попытки рассмотрения данной проблемы велись в традиционном ключе отнесения тайваньцев к единой китайской нации. Так, например, в книге «Теория тайваньцев» журналист Сюй Цзунмао трактует особенности «этнического характера» жителей острова, практически причисляя их к обитателям китайской провинции Фуцзянь. Для него тайваньцы обладают очевидными чертами характера так же, как они имеются у жителей других провинций Китая, таких, как Гуандун, Хунань, Чжэцзян, север Китая и т.д. То есть Сюй Цзунмао воспринимает «тайваньскую идентичность» как локальную, не считая тайваньцев нацией, отличной от китайской³²⁹. Тот факт, что тайваньцы представляют собой общество иммигрантов, которое, как видно на примерах других стран, вполне может превратиться в самостоятельную нацию, воспринимается им, наоборот, как подтверждение китайских корней жителей острова, поскольку, по его мнению, миграция ханьцев на Тайвань отличается от других миграций тем, что «ханьцы переселялись на Тайвань не для того, чтобы отказаться от того, что у них было, а для того, чтобы сохранить структуру и форму своей первоначальной жизни»³³⁰. Те традиции, которые они привезли с собой, как считает автор, сохраняются практически в неизменном виде на Тайване до сих пор³³¹. В качестве наиболее примечательных фигур, оказавших наибольшее влияние на развитие тайвань-

³²⁹ Сюй Цзунмао. Указ. соч.

³³⁰ Автор имеет в виду тот факт, что наиболее массовые миграции ханьцев на Тайвань происходили в условиях завоевания Китая другими нациями (чжурчжэнями в XII в., монголами в XIII в. и маньчжурами в XVII в.) и падения китайских империй Сун (960-1141), Южная Сун (1141-1279) и Мин (1368-1644) соответственно, когда жители прежде всего прибрежных районов страны, не желая подчиняться новым властям, часто под девизом верности павшей династии, покидали Китай и переселялись на Тайвань.

³³¹ Сюй Цзунмао. Указ. соч. С. 27.

ской истории, он называет Чжэн Чэнгуна и Чан Кайши. Сюй пишет, что «несмотря на то, что у всех жителей Тайваня разные фамилии, однако они все считают себя потомками Чжэн Чэнгуна», о месте основателя клана Чжэнов в сердцах тайваньцев свидетельствуют более сотни храмов, построенных в его честь по всему острову. Что касается Чан Кайши, то Сюй считает, что его мемориальный комплекс является строением с самым богатым «историческим содержанием» в Тайбэе³³². Однако, по мнению автора, Тайвань и его жители не сумели сохранить наследие этих исторических персонажей. Он оценивает «этнический характер» тайваньцев довольно скептически, считая основными его признаками «культуру трагичности», «страх подвергнуться предательству», превалирование «этнического сознания»³³³ в качестве основного фактора политической жизни, «ужас перед реальным Китаем», «гордость и самодовольство в отношении своих условий жизни»³³⁴.

Совершенно иной взгляд на данную проблему представляют участники описанного в предыдущем разделе Движения за независимость Тайваня, которые в ответ на заявления КПК о суверенитете КНР над Тайванем с привлечением фактов из истории, культуры и международной политики, используют те же исторические, культурные и международно-правовые аргументы, чтобы доказать, что Тайвань не принадлежит Китаю, что тайваньская культура отлична от китайской, и даже превосходит ее. Так, в частности, историк Чжэн Циньжэнь, в одной из своих статей подчеркивая важность культуры для формирования национальной идентичности, отмечает, что «культурное сознание должно быть поднято до уровня гражданского самосознания, тем самым став вершиной идентификации с государством»³³⁵.

В литературе можно найти несколько факторов определения «тайваньской идентичности», основными из которых являются китайская (ханьская) культура и культура аборигенных племен, островное положение Тайваня, влияние всех государств, когда-либо колонизировавших Тайвань (Испания, Голландия, Япония), а также роль глобализации и распространения западной культуры и ценностей (прежде всего в результате тесных связей между КР и США). Упомянутый выше Чжэн Циньжэнь также называет «плюралистичность» одной из главных особенностей тайваньской культуры, которая помимо культуры ханьцев (представляющей из себя так называемые «старые традиции») включает в себя и черты культур других «рас» (*цзунцзу* 種族), постепенно инкорпорировавшиеся в культуру острова и составившие ее «новые традиции»³³⁶.

³³² Там же. С. 16, 18.

³³³ Под «этническим сознанием» (*цзунцзюнь иши* 族群意識) подразумевается напряжение в отношениях между «коренными тайваньцами» и выходцами с материка.

³³⁴ Сюй Цзунмао. Указ. соч. С. 77.

³³⁵ Чжэн Циньжэнь. Указ. соч. С. 65.

³³⁶ Там же. С. 24-26. Автор считает, что «новые традиции», которые развивались на протяжении последних 400 лет истории Тайваня в пределах самого острова и характерны для последних нескольких поколений его жителей, в отличие от «старых традиций», которые можно проследить лишь у далеких предков, являются особенно важными для формирования «современного государства» на Тайване.

Люй Сюлянь в своей книге, отмечая влияние многих стран и наций на формирование тайваньской культуры, выделяет в ней 3 основных течения: 1) китайская культура, распространение которой на острове объясняется не только этническим происхождением большинства его жителей, но и политикой по пропаганде этой культуры правительством ГМД после 1949 г., которое позиционировало себя в качестве ее «истинного защитника»; 2) японская культура, 3) западная, прежде всего американская, культура, пустившая корни на Тайване после введения в Тайваньский пролив Седьмого флота США в 1950 г., а также благодаря увеличившемуся количеству тайваньских студентов, обучавшихся по другую сторону Тихого океана. Люй характеризует тайваньскую культуру как «колониальную», которой одновременно со «скорбной безысходностью» свойственно «восприятие наилучших влияний извне при отказе от всего лишнего»³³⁷.

Некоторые наиболее ярые сторонники Движения за независимость Тайваня и отрицания каких-либо связей между Тайванем и Китаем считают, что «определение национальной идентичности на основании культуры только одного этноса [то есть ханьского] является неуважением по отношению к национальным меньшинствам [то есть к аборигенному населению]»³³⁸, и стремятся доказать существенную роль культуры аборигенов в формировании «тайваньской идентичности». Так, например, писатель У Цзиньфа в одной из своих статей отмечает, что «местом происхождения австронезийских племен является Тайвань», а также что, по свидетельствам археологических исследований, «история их существования на Тайване насчитывает более шести с половиной тысяч лет», что «гораздо дольше, чем «история в пять тысяч лет» ханьской нации, провозглашаемая Китаем»³³⁹. Схожей точки зрения придерживается историк У Мича, который полагает, что «четко выразить, что Тайвань отличается от Китая, возможно только при условии полноценного включения аборигенного фактора»³⁴⁰. Подобные умозаключения относятся скорее к сфере популистских политизированных лозунгов и не встречаются подтверждения у широкого круга исследователей. Но все же не случаен тот факт, что повышенный интерес к истории и культуре аборигенного населения острова, выражаемый в проведении посвященных им многочисленных выставок, семинаров, концертов и других мероприятий, а также мода среди тайваньцев на поиск аборигенных корней в своих родословных проявились именно в первые годы нынешнего века, когда у власти находилась ДПП, известная сегодня как один из носителей идеи независимости Тайваня.

³³⁷ Люй Сюлянь. Указ. соч. С. 29-30.

³³⁸ Ши Чжэнфэн. Миньцзу цзыцзюэцюань – Тайвань дули цзяньго дэ миньцзу чжуи гуаньдянь (Право наций на самоопределение – националистический взгляд на создание на Тайване независимого государства). С. 197. В этой же статье Ши Чжэнфэн высказывает мысль, что Тайвань должен стать государством, в котором сосуществуют две равноценные нации (ханьцы и аборигены), последние не должны быть «нацией внутри нации». Там же. С. 206.

³³⁹ Цит. по: Цзян Ихуа. Цзыю чжуи, миньцзу чжуи юй гоцзя жэньтун (Либерализм, национализм и государственная идентичность). С. 149. При этом согласно другим имеющимся историческим данным, аборигенные племена Тайваня прибыли на остров из Юго-Восточной Азии не ранее 500 г. до н.э. См. Люй Сюлянь. Указ. соч. С. 24.

³⁴⁰ Цит. по: Цзян Ихуа. Цзыю чжуи, миньцзу чжуи юй гоцзя жэньтун (Либерализм, национализм и государственная идентичность). С. 150.

Иная позиция, имеющая лучшее подкрепление в виде исторических источников и распространенная в среде большинства тайваньских националистов, подчеркивает историко-культурные различия с Китаем, при этом не отрицая факта, что подавляющая часть населения по обе стороны Тайваньского пролива имеет общее этническое происхождение³⁴¹. Чжэн Циньжэнь, называя Тайвань «многонациональным государством», считает, что концепции вроде «Мы все потомки Желтого императора» или «потомки императора Яньди и Желтого императора» (*Янь Хуан цзысунь* 炎黃子孫), насаждавшиеся партией Гоминьдан на острове, являются несостоятельными³⁴².

Чжэн является сторонником отнесения Тайваня к так называемой «островной (океанической) культуре» (*хайян вэньхуа* 海洋文化), формировавшейся на Тайване на протяжении 400 лет его письменной истории, то есть с начала массового освоения острова выходцами с материка. В данной связи Тайвань как островное, а следовательно, более открытое, общество, воспринимающее инновации и прогресс из внешнего мира, противопоставляется материковому Китаю, который символизирует консервативность и косность. Как подчеркивают сторонники этой концепции, Тайвань начиная с XVII в. непрерывно находился под управлением иностранных держав (в число которых наряду с Испанией, Голландией и Японией включается также и КР), тем самым «тайваньская культура» испытала на себе влияние всех перечисленных стран. Как отмечает в одной из своих статей известный тайваньский современный писатель из *хакка* Ли Цяо, «ханьская культура является лишь одним из источников тайваньской культуры». Ли выделяет следующие признаки, которые «тайваньская культура» позаимствовала соответственно у аборигенного населения острова, ханьского иммигрантского общества, различных религий, распространявшихся на Тайване, а также у японцев³⁴³ и западных стран после Второй мировой войны: 1) «открытость», «уважение к природе», «скромность», «дальновидность и искренность», «сплоченность», «большое внимание к жизни, культуре и образованию молодежи»; 2) «эмигрантский дух», выражающийся в «готовности рисковать и терпеть бедствия» и в «горячей дружбе и взаимопомощи»; 3) «человеколюбие», «уважение к своей земле»; 4) «рационализм»,

³⁴¹ Так, например, Фань Вэньфан в своей статье заявляет, что смысл «декитаизации» Тайваня заключается не в том, чтобы отрицать факт китайского происхождения тайваньцев или наличия элементов китайской культуры в культуре острова, а в том, чтобы избавиться от негативных черт китайской культуры, имеющих в тайваньской культуре с целью ее улучшения и создания независимого суверенного государства. См. *Фань Вэньфан*. Юйянь сюэчжэ лунь Тайду (Независимость Тайваня в рассуждениях филологов)// Тайвань дули дэ лилунь юй лиши (Теория и история движения за независимость Тайваня). С. 178.

³⁴² Чжэн Циньжэнь. Указ. соч. С. 64.

Яньди (Огненный император) и Хуанди (Желтый император) – мифические герои, почитаемые в качестве основателей китайской (ханьской) нации.

³⁴³ Интересно, что Люй Сюлянь характеризует влияние японской культуры на Тайвань в том числе и как воздействие «островной культуры», поскольку Япония, как и Тайвань, представляет собой государство, со всех сторон окруженное морем. См. *Люй Сюлянь*. Указ. соч. С. 29.

«прямолинейность», «законно-правовая основа», а также «либерально-демократические убеждения», «рациональный законопорядок» и «научный подход»³⁴⁴.

Очень поэтичное определение «островного характера» тайваньцев предлагает в своей статье еще один представитель лагеря сторонников независимости острова Чэнь Лунчжи. По его словам, «в глазах народа островного государства не существует ничего, что могло бы составить препятствие, нет никаких задач, которые невозможно было бы исполнить, весь мир представляет собой сцену, где можно проявить свои таланты»^{345, 346}.

Особое место среди иностранных держав, когда либо управлявших Тайванем, с точки зрения их влияния на тайваньскую культуру, занимает Япония. На Тайване невооруженным глазом можно увидеть большое количество внешних проявлений этого влияния: нынешняя тайваньская молодежь очень восприимчива к различным явлениям современной японской культуры (комиксы «манга», музыка, кино, мода), японская кухня пользуется огромной популярностью, существенная часть технических новшеств, вводимых на Тайване, заимствуется из Японии (по японскому образцу на острове построены метро, высокоскоростная железная дорога и т.д.), в тайваньском варианте китайского языка (и особенно в местном южнофуцзяньском диалекте) имеется немалое количество слов японского происхождения, японский язык в целом достаточно широко распространен (особенно среди нынешнего пожилого поколения тайваньцев, родившихся в годы японского колониального господства и испытавших на себе значительное влияние политики превращения в подданных императора³⁴⁷) и т.д. Цитируемый ранее Чжан Гуанчжи, приехавший на Тайвань лишь после окончания войны, вспоминает, что подавляющее число представителей молодого поколения и тайваньцев средних лет общались между собой исключительно по-японски³⁴⁸. В первые годы авторитарного правления на острове партии Гоминьдан использование японского языка даже служило своего рода способом выражения молчаливого протеста по

³⁴⁴ Цит. по: *Цзян Ихуа*. Цзыю чжуи, миньцзу чжуи юй гоцзя жэньтун (Либерализм, национализм и государственная идентичность). С. 152.

³⁴⁵ *Чэнь Лунчжи*. «Тайвань дэ дули юй цзяньго» - фасин саныши и нянь хоу дэ хуэйгу юй чжаньван («Независимость Тайваня и создание государства» – воспоминания и взгляд в будущее через 31 год после выпуска)// Тайвань дули дэ лилунь юй лиши (Теория и история движения за независимость Тайваня). С. 85.

³⁴⁶ Любопытный контраст с восприятием особенностей «островной культуры» на Тайване составляет взгляд на данный вопрос жителей противоположного берега Тайваньского пролива, выраженный в статье, целью которой при подчеркивании китайской сущности тайваньской культуры является разъяснить населению КНР особенности характера проживающих здесь тайваньских предпринимателей: «Из-за полувекового колониального господства Японии, а также отсутствия связей с родиной – материковым Китаем – на протяжении последних нескольких десятилетий тайваньцы были ограничены своим замкнутым мирком, что привело к формированию [у них таких черт, как] мелочность, недальновидность; при решении какого-то вопроса им, с одной стороны, сложно рассматривать его в долгосрочной перспективе, а с другой стороны, они, будучи ограниченными узкими рамками маленького острова, проявляют чрезмерную чванливость». См. Тайвань шанжэнь бэйцзин цзыляо (Справочная информация о тайваньских предпринимателях) [Электронный ресурс]// Новостной портал SINA. - 2007. – 13 июня. - Режим доступа: <http://finance.sina.com.cn/hy/20070613/23183689261.shtml>, свободный. - Загл. с экрана.

³⁴⁷ Политика превращения в подданных императора (яп. *коминка*, кит. *хуанминьхуа* 皇民化) проводилась на Тайване в 1937-1945 гг. в условиях необходимости для нужд войны Японии против Китая максимальной лояльности по отношению к метрополии жителей колонии, большинство из которых были этническими китайцами.

³⁴⁸ *Чжан Гуанчжи*. Указ. соч. С. 33.

отношению к действующей власти. Так, например, тайваньская студентка Трисия Линь в своей статье, цитируемой ранее, вспоминает, что в детстве она часто слышала, как ее отец пел песни на японском языке, тем самым выражая свои эмоции и чувства относительно подчиненного положения «коренных тайваньцев» после прихода к власти ГМД³⁴⁹. Американский исследователь Морис Майснер также отмечал присутствие «культурного национализма» тайваньцев в форме продолжения использования японского языка и различных японских привычек и образа жизни в быту после 1945 г. По заявлению Майснера, «для старшего поколения тайваньцев использование японского языка и японских традиций – это в основном дело привычки. Для молодых тайваньцев это обычно осознанная попытка утверждения своей Тайваньской идентичности»³⁵⁰.

С этой точки зрения интересна также история бейсбола, который без преувеличения можно назвать «национальным видом спорта» Тайваня. Бейсбол попал на остров в годы японского колониального господства, целью его внедрения было распространение среди тайваньцев ценностей и образа жизни метрополии. Эта игра очень быстро стала одним из основных видов досуга жителей острова, главной причиной чего стала возможность для тайваньцев посредством бейсбола доказать, что они не хуже, а иногда, при условии наличия справедливых правил игры, даже лучше колонизаторов. Бейсбол продолжил играть роль «этнического символа» тайваньцев и после передачи острова под власть КР, оставаясь одним из признаков различия между *бэнь-шэнжэнь* и выходцами с материка, поскольку игра в бейсбол как часть японского колониального наследия не приветствовалась новыми властями и сохранялась лишь в среде коренного населения острова в качестве «страстного увлечения без поддержки государства»³⁵¹.

Что касается влияния, оказанного Японией на формирование «этнического характера» тайваньцев, то его наличие также не подвергается сомнению. Любопытна история начальника железнодорожной станции Баньцяо (сегодня пригород Тайбэя), описанная в мемуарах Чжан Гуанчжи. Этот человек «очень маленького роста» круглый год был одет в безукоризненно выглаженную японскую униформу. Каждый раз, когда поезд подходил к станции, он надевал фуражку и, достав белоснежную перчатку, надевая ее, направлялся к платформе. Встав на свое определенное место, он ждал приближения поезда. Если поезд не останавливался на станции, он просто приветствовал по стойке смирно его машиниста. Мальчишки, включая самого Чжан Гуанчжи, смеялись над начальником поезда, считая, что он слишком серьезно относится к своей незначительной позиции, лишь потом осознав, что этот человек столь же серьезно воспринимает и свою ответственность, благодаря чему тайваньские поезда почти никогда не выбивались из расписания³⁵².

³⁴⁹ Lin, Yi-Chun Tricia. Op. cit.

³⁵⁰ Meisner, Maurice. Op. cit. P.102.

³⁵¹ Wang, Sumei. Op. cit. P. 360-361.

³⁵² Чжан Гуанчжи. Указ. соч. С. 33.

Именно культурные различия между китайцами и тайваньцами, прожившими 50 лет под колониальным господством Японии и воспринявшими многие черты японского характера, воспринимаются в качестве одной из важнейших причин межэтнического напряжения на острове после 1945 г. и «инцидента 28 февраля»³⁵³.

Однако оценки степени и роли влияния Японии в последующем развитии Тайваня порой разнятся коренным образом. В любом исследовании или статье, затрагивающих данный вопрос, можно встретить ставшие уже шаблонными заявления, что жители острова за 50 лет существования в качестве японской колонии, в духе описанной выше истории начальника железнодорожной станции, восприняли такие особенности населения метрополии, как любовь к порядку, к чистоте окружающей среды. Повсеместно подчеркивается, что Тайвань в это время превратился в «преклоняющееся перед законопорядком» «высокоцивилизованное» общество, которое впоследствии попало под управление «малоцивилизованного» китайского правительства³⁵⁴. Некоторые авторы оценивают описанные выше характеристики как положительный вклад Японии в развитие Тайваня. Их мнение разделяют и многие активисты Движения за независимость острова. В частности, одной из новостей, некогда всколыхнувших общественность КНР, было обращение Люй Сюлянь, занимавшей тогда пост вице-президента КР, к японскому правительству, в котором она «благодарила японо-китайскую войну 1894-95 гг. и Симоносекский мирный договор», что было интерпретировано как положительное восприятие передачи Тайваня под власть Японии и его изоляции от материкового Китая³⁵⁵.

Однако в лагере сторонников создания независимого тайваньского государства существует и несколько иная точка зрения на этот счет, красноречиво выраженная в статье-анонсе семинара-обсуждения книги американского антрополога Рут Бенедикт «Хризантема и меч» (1946), проводимого Нью-йоркским отделением Союза тайваньских писателей, проживающих за рубежом:

Прочитав книгу «Хризантема и меч», автор считает, что подобная иерархизированная культурная модель довоенной Японии представляет собой культурную модель, при которой «подчиняющийся мне процветает, идущий мне наперекор погибает», а также культуру, в которой ценность человеческой жизни не уважается. [Жители] Тайваня в прошлом на протяжении 50 лет были покорным народом в условиях описанной выше

³⁵³ Ли Сяофэн. 228 шицзянь дэ лиши цзеши (Историческое объяснение инцидента 28 февраля) [Электронный ресурс]// Цзыю шибао (The Liberty Times). – 2010. – 28 февраля. – Тайбэй: The Liberty Times, 2008. – Режим доступа: <http://www.wufi.org.tw/二二八事件的歷史解釋/>, свободный. – Загл. с экрана.

³⁵⁴ Сюй Цзунмао. Указ. соч. С. 89.

³⁵⁵ Миньцзиньдан «Сы да тяньван» цяньлу манман (Туман на пути «четырёх небесных владык» партии Миньцзиньдан) [Электронный ресурс]// Жэньминь жибао. – 2006. – 09 мая. – Пекин: Жэньминь жибао, 2006. – Режим доступа: <http://tw.people.com.cn/GB/14811/14869/4355266.html>, свободный. – Загл. с экрана. Любопытно, что более раннее описание периода японского колониального господства, данное Люй в ее книге, явно несет на себе отпечаток гораздо более негативного отношения автора к этому отрезку истории острова. Люй Сюлянь. Указ. соч. С. 44.

японской культурной модели и классовой системы, введенной японцами, вели спокойную жизнь, в которой не было коррумпированных чиновников и ночью можно было не закрывать дверь. Тайваньцы за этот период также восприняли японский дух законопослушности, смиренности и усердности, однако в то же время потеряли национальное достоинство. После безоговорочной капитуляции Японии в прошлом находившиеся под ее колониальным управлением государства, например, Корея, а также оккупированные ею территории отвергли японскую культуру, в поисках собственной национальной идентичности и достоинства заняли свое место в мире. Лишь на Тайване по-прежнему многие представители интеллигенции и общественной элиты горячо тоскуют и устремляются сердцем к японской культуре и духу, забыв об унижении пребывания в качестве людей второго сорта. Тайваньцам необходима бдительность, укрепление духа поиска утраченного Тайваня. Только в этом случае можно избежать непрерывного губительного влияния и разрушения тайваньской культуры и достоинства со стороны пришлых властей³⁵⁶.

При этом следует также отметить наличие на Тайване мнения, согласно которому влияние Японии на культуру Тайваня является лишь поверхностным. По мнению цитируемого выше журналиста Сюй Цзунмао, тайваньцы лишь учились у японцев их языку и манере одеваться. Те черты японской культуры, которые были переняты тайваньцами, уже в том или ином виде были заложены в тайваньском «этническом характере» или по крайней мере не могли вызвать «сущностного конфликта». Так, например, в сфере ведения бизнеса тайваньцы переняли способность японцев заимствовать и применять иностранные технологии, при этом способность японцев работать «круглый год без отдыха» на острове не прижилась, поскольку «противоречит традициям и убеждениям», существующим здесь³⁵⁷.

Еще одним явлением, которое широко воспринимается тайваньцами как одна из составляющих особой тайваньской культуры, является влияние глобализации, «углубляющей локальность “тайваньской идентичности”». В то время, как многие авторы по всему миру говорят о кризисе национальных культур под ударом глобализации, для тайваньцев включение черт «глобальной культуры» обеспечивает «продолжение существования местной тайваньской культуры»³⁵⁸. По утверждению профессора Университета Цинхуа (Тайбэй) Ляо Бинхуэя, глобализация (цяюаньцюхуа 全球化) и локализация/«тайванизация» (бэньтухуа 本土化) «вовсе не противоречат друг другу», под глобализацией имеется в виду «межрегиональное движение, в особенности цир-

³⁵⁶ Кэ Цзиньинь. 5/22 Чжаохуэй шило дэ Тайвань цзиншэнь=Яньтао Жибэнь вэньхуа дуй Тайвань дэ инсян-Цзюйхуа юй цзянь (22 мая 2011 года: Дух поиска утраченного Тайваня. Обсуждение влияния японской культуры на Тайвань. «Хризантема и меч») [Электронный ресурс]// Taiwanus.net Inc. – Режим доступа: <http://www.taiwanus.net/news/press/2011/201105150457401581.htm>, свободный. - Загл. с экрана.

³⁵⁷ Сюй Цзунмао. Указ. соч. С. 187.

³⁵⁸ Lin, Yi-Chun Tricia. Op. cit.

куляция людей, капитала, технологий, образов, музыки и идей. Эти культурные формы достигают нового места, здесь переживают трансформацию, путем заимствований и развития формируют новую систему. Это и есть локализация»³⁵⁹. Что касается Тайваня, то, по мнению многих исследователей, он был вовлечен в процесс глобализации задолго до возникновения дискуссии относительно данной тенденции в 1970-80-х гг., а именно начиная с XVII в., когда остров стал частью международных торговых отношений.

Довольно часто стремление к глобализации как ведущая тенденция развития тайваньской культуры представляется в качестве альтернативы «китаизации». Как подчеркивает Чжэн Циньжэнь, «в современном мире уже создана общая цивилизационная основа, поэтому целью, к которой нужно стремиться, должна быть «интернационализация» (*гоцзихуа* 國際化), а не «китаизация» (*чжунгохуа* 中國化), поскольку «восприятие различных культур извне в конце концов будет [способствовать] развитию собственной уникальной культуры». По его мнению, «становление государства на основе международного обмена» само по себе заложено в характере «островного государства», к которому относят Тайвань и об особенностях которого речь шла выше. «Впитывание иностранных культур» является «движущей силой культурного развития» подобного государства³⁶⁰.

Еще одним важным элементом «тайваньской культурной идентичности», которому уделяется большое внимание со стороны политических сил, выступающих за укрепление «тайваньского самосознания», является использование «тайваньского языка». Во время президентства Чэнь Шуйбяня владение южнофуцзяньским диалектом стало своего рода неофициальным критерием деления на «своих» и «чужих». Неся на себе исторический багаж «первородного греха», многие политики из числа выходцев с материка стали вынуждены доказывать свою принадлежность к большинству, демонстрируя умение разговаривать на *тайюй* для получения голосов избирателей. В противном случае они могли подвергнуться нападкам со стороны «зеленого» лагеря за «безразличие к тенденциям тайванизации» или даже за «непатриотичность»³⁶¹. Выходцев с ма-

³⁵⁹ Ляо Бинхуэй. Бэньтухуа юй цюаньцюхуа дэ тяочжань (Вызовы локализации и глобализации)// Синь шицзи чжику луньтань (Журнал «Форум мозгового центра культурно-образовательного фонда «Новый век», Тайбэй). – 2003. – 30 июня. - №22. – С. 32.

³⁶⁰ Чжэн Циньжэнь. Указ. соч. С. 82-83. В качестве одной из главных ценностей мировой (а точнее, западной) цивилизации, воспринятой и утвержденной на Тайване, называется демократия, которая по мнению многих авторов, должна стать культурным и объединяющим фактором «тайваньской идентичности» в целом. См. Lu, Sherry. Taiwanese Identity: From Ethnonationalism to Civic Nationalism [Electronic resource]// University of Toronto's Munk School of Global Affairs, 2010, February, 2. – Режим доступа: http://webapp.mcis.utoronto.ca/ai/pdfdoc/lu_tfs.pdf, свободный. – Загл. с экрана.

³⁶¹ Lee, Wei-chin. Taiwan's "Cultural Revolution": Identity Politics and Collective Action Since 2000. Chicago: American Political Science Association, 2004 [Electronic resource]// All Academic, Inc. – Режим доступа: http://citation.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/0/6/1/6/4/pages61647/p61647-1.php, свободный. – Загл. с экрана.

терика в целом обвиняли в том, что они «питаются тайваньским рисом, пьют тайваньскую воду, живут на тайваньской земле, но не знают тайваньский язык»³⁶².

Следует отметить, что выделение одного из диалектов острова в качестве главного вызывало недовольство не только выходцев с материка, но и других этнических групп острова, прежде всего *хакка*³⁶³. Например, существуют свидетельства, что представители *хакка*, вступающие в ДПП, должны были признать, что южнофуцзяньский диалект – это и есть «тайваньский язык»³⁶⁴. Дискуссии по этому поводу можно было встретить не только на политическом уровне, но и в бытовой среде. Так, например, один из участников беседы в фокус-группе, проводимой в рамках упоминавшегося исследовательского проекта Государственного комитета по науке Исполнительного юаня КР, вспоминает свой диалог с водителем такси, который требовал от него говорить на «тайваньском языке» вместо общепринятого «государственного языка», в ответ на что участник беседы стал говорить на диалекте *хакка*, заявив, что «*хакка* – это тоже тайваньцы» и диалект *хакка* – это «тоже тайваньский язык»³⁶⁵.

В целом нельзя отрицать того факта, что тайваньская культура и образ жизни действительно отличаются от материкового Китая. Это может почувствовать любой человек, имеющий тесные контакты с жителями двух берегов Тайваньского пролива. При этом может показаться, что данные различия не носят радикального характера и вызваны скорее лучшим экономическим положением и более высоким уровнем жизни населения Тайваня по сравнению с КНР, чем какими-то фундаментальными культурными факторами. Понятие «тайваньская культура», возможно, во многом является конструктом, создаваемым искусственным образом в попытках определенных политических сил сформулировать основание для существования «тайваньской идентичности» и, соответственно, самостоятельного тайваньского государства. Можно не разделять целиком точку зрения некоторых исследователей, согласно которой в результате игнорирования «существенной составляющей колорита ханьской нации» в культуре Тайваня, основание, на котором строится эта культура сторонниками тайваньского национализма, становится «крайне узким», тем самым «сужается организм данной культуры, ограничивается ее жизнеспособность, творческая инициатива и потенциал к распространению в широких слоях общества»³⁶⁶. Однако в то же время стремление наиболее радикальных представителей из лагеря тайваньских национа-

³⁶² Цзунцонь взньти дэ тичу юй «сы да цзунцонь» хуафэнь (Постановка этнической проблемы и выделение «четырех основных этнических групп») [Электронный ресурс]// Сайт «Чжунго Тайвань» (Китайский Тайвань). - Режим доступа: http://big5.taiwan.cn/plzhx/zhjzhl/tyzhj/flq/200601/t20060116_227087.htm, свободный. – Загл. с экрана.

³⁶³ Хотя распространение их диалектов также получило внимание со стороны властей. В частности, было открыто довольно большое количество передач, и даже телеканалов, вещающих на языках *хокло*, *хакка* и аборигенных народностей. В школах в районах с компактным проживанием какой-либо из этнических групп увеличилось количество учебных часов для преподавания «родных языков» и т.д.

³⁶⁴ Сюй Цзунмао. Указ. соч. С. 196. Автор даже в отношении этой ситуации использует выражение «шовинизм хокло». Там же. С. 197.

³⁶⁵ Записи бесед в фокус-группах. С. 221.

³⁶⁶ Сюй Цзунмао. Указ. соч. С. 91.

листов создать образ тайваньской культуры, полностью исключив из нее китайское наследие, также вряд ли закономерно и оправданно с исторической точки зрения. Нельзя отрицать влияние, оказанное теми историческими условиями, в которых на протяжении последних 400 лет находился Тайвань, на формирование особого менталитета жителей острова. Тем не менее степень данного влияния и его конкретное содержание подлежат дальнейшему изучению.

3.4 История Тайваня как одна из составляющих «тайваньской идентичности». «Инцидент 28 февраля 1947 г.» и «правосудие переходного периода»

Помимо стремления к поиску своеобразных черт тайваньской культуры, по мере демократизации общественно-политической жизни острова на Тайване стали все чаще звучать призывы к пересмотру преподавания тайваньской истории и географии, которые, как уже было отмечено, до этого в рамках политики «китаизации», проводимой правительством ГМД, изучались лишь как часть истории и географии Китая. Главной целью тайваньских националистов в этой связи являлось культивирование в обществе КР представлений о Тайване как о самостоятельном «субъекте» мировой истории (*Тайвань чжутисин* 台灣主體性)³⁶⁷.

Как уже упоминалось в предыдущем разделе, трактовка истории острова в качестве дисциплины, отдельной от истории Китая, явилась одним из направлений разработки концепций тайваньского национализма. В целом подход членов Движения за независимость острова раннего периода к тайваньской истории, который получил наиболее полное оформление в указанных выше монографиях Ши Мина и Ван Юйдэ, характеризуется интерпретацией развития острова как непрерывного процесса борьбы тайваньского народа против колонизации со стороны таких «пришлых властей» (*вайлай чжэньцюань* 外來政權), как Испания, Голландия и Япония, а также, что наиболее существенно, со стороны цинского Китая и КР³⁶⁸. Продолжением этой борьбы является современное Движение за независимость Тайваня. Как отмечает в своей статье, изданной в американском журнале *Foreign Affairs* в 1958 г., один из активистов Движения Лу Чжуи (под

³⁶⁷ Осуществление этой цели на официальном уровне началось в годы правления Ли Дэнхуэя, когда была проведена образовательная реформа, важной составляющей которой стало внедрение новых школьных учебников по истории и географии. Так, в 1997 г. был выпущен учебник «Знакомство с Тайванем» (*Жэньши Тайвань* 認識台灣), который вызвал целый ряд общественно-политических дискуссий на самом острове и крайне негативную реакцию со стороны КНР. Особенный резонанс вызвала третья часть учебника – «Общество» (первая и вторая части – соответственно «История» и «География»), в которой четко прослеживались идеи «тайваньского самосознания». Подробнее см. *Ван Фучан*. Миньцзу сяньсян, цзуюнь иши юй лиши – «Жэньши Тайвань» цзяокэшу чжэньи фэнбо дэ нэйжун юй майло фэньси (Воображение нации, этническое самосознание и история – Анализ содержания и хода дискуссии вокруг учебника «Знакомство с Тайванем»)// *Тайвань ши яньцзю* (Исследования по истории Тайваня). – 2001. – Декабрь. – Том 8, № 2. – С. 145-208; *Lynch, Daniel C.* Taiwan's Self-Conscious Nation-Building Project// *Asian Survey*. P. 513-533; и др.

³⁶⁸ Некоторые сторонники создания независимого государства Тайвань, в частности Сюй Синьлян, относят к числу «пришлых властей» и клан Чжэнов. См. *Сюй Синьлян*. Указ. соч. С. 309. Это справедливо в отношении аборигенного населения Тайваня, однако не соответствует исторической действительности в том, что касается ханьского населения острова, один из периодов наиболее активной миграции которого через Тайваньский пролив приходится как раз на время управления островом представителями этой семьи.

псевдонимом Ли Тяньфу), «современная история Тайваня обладает двумя очевидными чертами: первая заключается в том, что тайваньцы беспрестанно боролись с пришлыми захватчиками, другая – это длительные периоды существования Тайваня в изоляции от Китая»³⁶⁹.

Режим Гоминьдана повсеместно характеризуется как «пришлая власть», которая, по утверждению тайваньских националистов, с точки зрения международных норм, не обладает законным правом на управление Тайванем под флагом КР. В качестве главного доказательства этому приводится Сан-Францисский мирный договор 1951 г. между Японией и странами антигитлеровской коалиции (за исключением СССР, Чехословакии и Польши), который явился официальным завершением Второй мировой войны. По утверждению сторонников независимости Тайваня, данный договор содержит лишь положение о том, что Япония отказывается от прав суверенитета над Тайванем и Пескадорскими островами, при этом не определяя принадлежности Тайваня к какому-либо иному государству³⁷⁰.

Особое значение в историческом дискурсе тайваньских националистов придается «инциденту 28 февраля 1947 г.», подавление которого войсками ГМД характеризуется как «резня 28 февраля» (*эрэрба да туша* 二二八大屠殺) или «мартовская резня» (*саньюэ да туша* 三月大屠殺)³⁷¹.

Начавшись со столкновения сотрудников Бюро монополий, попытавшихся вечером 27 февраля 1947 г. конфисковать товар у местной торговли табаком, продажа которого была монополией гоминьдановского правительства, с собравшимися вокруг прохожими, один из которых был убит случайным выстрелом, волнения в течение нескольких дней распространились практически по всему острову. Повсеместно выходцы с материка, будь то чиновники или представители других профессий, подвергались нападениям, которые в некоторых случаях имели смертельный исход. По мере спада накала эмоций в крупных городах создавались комитеты по урегулированию Инцидента, которые призывали к прекращению насилия и проведению переговоров с провинциальным правительством во главе с губернатором Чэнь И. 2 марта было проведено первое собрание всетайваньского Комитета по урегулированию инцидента 28 февраля (*Эрэрба шицзянь чули вэйюаньхуэй* 二二八事件處理委員會), который 7 марта представил гоминьдановской администрации свою программу необходимых для разрешения конфликта преобразований. Основные из 42 пунктов программы включали назначение на ведущие правительственные долж-

³⁶⁹ Ли Тяньфу. Чжунго сысян – тайваньжэнь дэ гуаньдянь (Китайский тупик – взгляд тайваньца)// Цзыцзюэ юй жэньтун – 1950-1990 нянь хайвай тайваньжэнь юньдун чжуаньци (Самоопределение и идентичность - сборник, посвященный движениям тайваньцев за границей в 1950-1990 гг.). - С. 93. Первоначально издано как: *Li Thian-hok* (李天福). *The China Impasse: A Formosan View*// *Foreign Affairs* (An American Quarterly Review). - 1958. - April. - P. 437-448.

³⁷⁰ Яо Цзявэнь. Цзюцзиньшань хэюэ. Тайвань дэ шифанлин (Сан-Францисский мирный договор. Приказ об освобождении Тайваня). – Чжанхуа: Гуаньхуай вэньцзяо цзицзиньхуэй, 2001. – 32 с.

³⁷¹ Ли Тяньфу. Указ. соч.

ности большего количества коренных тайваньцев (они должны были составлять не менее 50% от общего числа чиновников), освобождение арестованных представителей тайваньской интеллигенции, проведение прямых выборов в мэры и начальники уездов, предоставление Тайваню автономии в решении определенных вопросов и т.д.³⁷² Однако уже 8 марта на Тайване высадились дополнительные силы гоминьдановских войск, которые в течение двух дней арестовали и убили, по наиболее распространенным данным, около 30 тысяч человек из числа уроженцев острова³⁷³. По убеждению исследователей, столь жестокое подавление Инцидента было совершенно не оправданным, поскольку к этому времени никаких признаков проявления насилия и беспорядков на острове не было³⁷⁴.

Как уверяют многие тайваньские исследователи и писатели, память об этом инциденте (в литературе он часто фигурирует в виде «2.28») до сих пор жива в сердцах и умах подавляющей части населения острова³⁷⁵, являясь одним из ключевых звеньев коллективной исторической памяти *бэньшэнжэнь*³⁷⁶. С тех пор как в результате отмены «военного положения» был снят запрет на обсуждение событий 28 февраля, память о них постоянно поддерживается посредством огромного количества статей, публикуемых в тайваньской прессе во время празднования очередной годовщины Инцидента. Количество книг по этой теме, которые можно встретить на полках библиотек и книжных магазинов, не поддается исчислению.

Большой вклад в сохранение этой исторической памяти внесли члены Движения за независимость Тайваня, многие из которых встали на антигоминьдановские позиции в эмиграции, сумев избежать ареста за участие в «мятеже». Многие из них в своих работах практически не затрагивают вопрос о дискуссии относительно истории формирования «тайваньского самосознания», поскольку для них ведущая роль в процессе развития «тайваньской идентичности» принадлежит именно событиям февраля-марта 1947 г. Так, например, один из членов Движения,

³⁷² Ли Сяофэн. «228 шицзянь чули вэйюаньхуэй» юй Чэнь И дэ дуйцэ («Комитет по урегулированию инцидента 28 февраля» и ответная политика Чэнь и)// *Его же*. Тайвань цзинь сяньдай ши лунь цзи (Сборник статей по новой и новейшей истории Тайваня). С. 220-224.

³⁷³ Лай Цзэхань. «Эрэрба шицзянь» яньцзю баогао (Доклад об исследовании «инцидента 28 февраля»). – Тайбэй: Шибао вэньхуа, 1994. – С. 262. Согласно другим имеющимся в литературе оценкам количества жертв Инцидента, их число составляет от нескольких сотен до ста тысяч человек. См. Сяо Ацинь. Чунгоу Тайвань: дандай миныйцу чжуи дэ вэньхуа чжэнчжи (Построить Тайвань заново: культурная политика современного национализма). С. 123.

³⁷⁴ Ли Сяофэн. «228 шицзянь чули вэйюаньхуэй» юй Чэнь И дэ дуйцэ («Комитет по урегулированию инцидента 28 февраля» и ответная политика Чэнь и). С. 217.

³⁷⁵ См., напр., У Найдэ. Вомэнь гунтун дэ эрэрба (Наш общий инцидент 28 февраля)// Чжунго шибао (The China Times). – 2006. – 27 февраля. – Тайбэй: Чжунго шибао, 2006. Автор убежден, что «сохранение, обработка и распространение этой памяти... являлось единственным инструментом сопротивления обычных людей авторитарному правлению».

³⁷⁶ При этом, как свидетельствуют данные некоторых опросов населения, проводившихся в начале 1990-х гг., лишь около 2% опрошенных выразили «полное понимание» этого инцидента, в то время как 58,5% заявили, что лишь слышали это слово раньше, или же не слышали об этих событиях вообще. Многие из тех, кому «инцидент 28 февраля» был знаком, впервые узнали о нем не раньше середины 1980-х гг. См. Fleischauer, Stefan. The 228 Incident and the Taiwan Independence Movement's Construction of a Taiwanese Identity// China Information. – 2007. – Vol. 21. – P. 396. В 2008 г. знакомство с «инцидентом 28 февраля» выразили почти 94% опрошенных. См. Приложение 3. Таблица 17а.

главным направлением деятельности которого является исследование и пропаганда южнофуцзяньского диалекта, Цзянь Чжунсун в одной из своих статей отмечает:

Перед прибытием Гоминьдана на Тайвань тайваньское самосознание равнялось китайскому самосознанию, идея о том, чтобы стать хозяевами на своей земле появилась только после «инцидента 28 февраля»..... Первоначально тайваньцы лелеяли мечту о воссоединении с родиной, однако из-за сокрушительного удара в виде событий 28 февраля, мечта превратилась в мыльный пузырь; общественно-политическая культура также испытала значительное влияние [данных событий]; началась дискриминация в зависимости от происхождения, а также конфликт между островной и континентальной культурами³⁷⁷.

Как уже было сказано, «инцидент 28 февраля» рассматривается в качестве главной причины межэтнических противоречий на острове. Подобное представление в значительной степени поддерживается благодаря усилиям тайваньских националистов, которые представляют этот исторический эпизод в качестве подавления прав «коренных тайваньцев» выходцами из материкового Китая. Учитывая описанные выше особенности гоминьдановской администрации на Тайване после 1945 г., это в некотором смысле соответствует действительности. Однако интерпретация «инцидента 28 февраля» как «первородного греха» абсолютно всех *вайшэнжэнь*, большинство из которых прибыли на остров лишь в 1949 г. и, возможно, даже представления не имели о событиях 1947 г., также не вполне правомерно. Правда, следует отметить, что по мере трансформации представлений о «тайваньской нации» в рядах активистов Движения за независимость Тайваня, о которой шла речь в предыдущем разделе, концепция вины выходцев с материка за «инцидент 28 февраля» также претерпела некоторые изменения. В одной из статей третьего номера ежемесячного журнала «Независимость Тайваня» за 1972 г. в частности говорилось, что «хотя “инцидент 28 февраля” был резней по отношению к тайваньцам, многие невинные и добрые выходцы с материка также пострадали во время этой резни»³⁷⁸. Тем самым главная ответственность за события февраля-марта 1947 г. была переложена с выходцев с материка как этнической группы на авторитарный гоминьдановский режим (и лично «отца и сына Цзянов»), в число жертв которого были включены и *вайшэнжэнь*.

Говоря об исторической памяти тайваньцев и безусловно центральной роли в ней «инцидента 28 февраля 1947 г.», нельзя исключать и возможность некоторых спекуляций на эту тему со стороны тайваньских националистов, которые подтверждаются изложенными выше сдвигами в интерпретации ими данного исторического события. Однако в то же время важность этого эпи-

³⁷⁷ Цзянь Чжунсун (под псевдонимом Цзянь Юн). Тайду чжэ тiao лу (Путь тайваньской независимости)// Цзыцзюэ юй жэньтун – 1950-1990 нянь хайвай тайваньжэнь юньдун чжуаньцзи (Самоопределение и идентичность - сборник, посвященный движениям тайваньцев за границы в 1950-1990 гг.). С. 110-111.

³⁷⁸ Цит. по: *Fleischauer, Stefan*. Op. cit. P. 380.

зода для тайваньского общества демонстрируется и теми действиями и высказываниями, которые были сделаны гоминьдановскими лидерами (Ли Дэнхуэем и Ма Инцзю) в отношении «инцидента 28 февраля» за последние 20 с лишним лет.

Первым представителем гоминьдановского режима, который публично упомянул «инцидент 28 февраля», был Ли Дэнхуэй, на пресс-конференции после своего вступления в должность президента КР в 1988 г. назвавший эти события «великой трагедией» Тайваня³⁷⁹. По инициативе Ли в 1991 г. при Исполнительном Юане КР была учреждена исследовательская группа по изучению данного исторического события, которая в 1992 г. опубликовала *«Доклад об исследовании “инцидента 28 февраля”»*³⁸⁰. Несмотря на важность самого факта публикации подобного исследования, эта работа вызвала критику со стороны тайваньских националистов, поскольку в ней не было прямых обвинений в адрес Гоминьдана и Чан Кайши лично как главных виновников гибели тысяч тайваньцев³⁸¹. В 1995 г. президент Ли Дэнхуэй принес публичные извинения перед жертвами Инцидента и их родственниками от имени правительства КР. Годом позже был учрежден Фонд по реабилитации и выплатам компенсаций жертвам «инцидента 28 февраля». По всему острову были открыты музеи и мемориальные комплексы, посвященные Инциденту, а сам день 28 февраля стал «Национальным днем памяти».

Во время празднования годовщины Инцидента в 2003 г. в газете *«Цзыю шибао» (Liberty Times)* была опубликована статья Ма Инцзю, который тогда занимал должность мэра Тайбэя, где он говорил о важности событий 28 февраля и «белого террора» как исторической памяти тайваньцев, от которой нельзя «уклоняться», которую необходимо изучать, чтобы лишний раз подтвердить «такие ценности, как права человека и неприкосновенность человеческой свободы»³⁸².

Для представителей Гоминьдана при обращении к событиям 28 февраля в целом характерны призывы к отказу от использования памяти об Инциденте для разжигания розни между различными этническими группами и изучению истории Тайваня с целью недопущения повторения ошибок прошлого в будущем. Несмотря на то, что «инцидент 28 февраля» до сих пор постоянно используется партией Миньцзиньдан и Движением за независимость Тайваня в качестве политического козыря в борьбе со своим главным оппонентом, однако лидеры находившейся в оппозиции ДПП уже в конце 1990-х гг. были вынуждены признать, что описанные выше действия ГМД во главе с Ли Дэнхуэем привели к тому, что «память о 28 февраля, которая в прошлом была важным элементом борьбы [против гоминьдановского режима], сегодня организует-

³⁷⁹ Ibid. P. 384.

³⁸⁰ Лай Цзэхань. Указ. соч.

³⁸¹ Shih, Cheng-feng and Chen Mumin. Op. cit. P. 108.

³⁸² Ма Инцзю. Жэньцюань чжи ю игэ бяочжунь – цун «эрэрба» дао «байсэ кунбу» дэ лиши майло (Существует только один стандарт для прав человека: историческая связь между «инцидентом 28 февраля» и «белым террором» [Электронный ресурс]// Цзыю шибао (The Liberty Times). – 2003. – 28 февраля. – Тайбэй: The Liberty Times, 2003. – Режим доступа: <http://www.libertytimes.com.tw/2003/new/feb/28/today-o5.htm>, свободный. - Загл. с экрана.

ся правительством..... Таким образом, Инцидент утратил возможность оказывать влияние на людей и способствовать созданию лучшего общества»³⁸³.

«Инцидент 28 февраля» имеет непосредственное отношение к широко обсуждаемой в последнее время проблеме «правосудия переходного периода» (*чжуаньсин чжэнги* 轉型正義 transitional justice), под которым подразумевается принятие комплекса мер (судебные и внесудебные механизмы, в том числе преследование по закону, возмещение ущерба, установление истины, институциональные реформы и сочетание всего перечисленного³⁸⁴) в обществах, претерпевающих переход от авторитаризма и диктатуры к демократии, которые направлены на разрешение противоречий, связанных с нарушениями прав человека в прошлом. В случае Тайваня это требования признания вины партии Гоминьдан и его лидеров за «инцидент 28 февраля 1947 г.», а также репрессии периода «белого террора», и наказания лиц, ответственных за нарушение основных прав человека в ходе этих событий.

По мнению неоднократно упоминавшегося тайваньского исследователя У Найдэ, целый ряд статей которого посвящен проблеме «правосудия переходного периода» на Тайване³⁸⁵, на острове уделяется недостаточно внимания этому вопросу, чему есть несколько причин: 1) несмотря на то, что процесс реабилитации жертв «2.28» и «белого террора» был начат при Ли Дэнхуэе, однако, поскольку партия Гоминьдан продолжала находиться у власти, при наличии 10 тысяч «пострадавших», не было названо ни одного «виновника»³⁸⁶; 2) основные этнические группы острова обладают различной исторической памятью, и более пристальное внимание к вопросам исторической справедливости может повлечь за собой обострение противоречий между этими группами; 3) период политического авторитаризма на Тайване также является временем наиболее стремительного экономического роста в КР, важность которого для многих обывателей перевешивает значение нарушений прав человека³⁸⁷.

³⁸³ Цит. по: *Fleischauer, Stefan*. Op. cit. P. 389.

³⁸⁴ Верховенство права – правосудие переходного периода [Электронный ресурс]// Управление Верховного комиссара по правам человека ООН. – Режим доступа: <http://www.ohchr.org/RU/Issues/RuleOfLaw/Pages/TransitionalJustice.aspx>, свободный. - Загл. с экрана. Истоки данного явления восходят к Нюрнбергскому процессу над фашистскими преступниками 1945-46 гг. Новое развитие оно получило с конца 1980-х гг. в связи с распадом социалистического лагеря и образованием целого ряда новых демократических государств.

³⁸⁵ См., напр., У Найдэ. Вомэнь чжэньдэ цайху чжэнги ма? (Нас действительно волнует справедливость?)// Чжунго шибао (The China Times). – 2007. – 05 ноября. – Тайбэй: Чжунго шибао, 2007 ; *Его же*. Мэйли дэ цзии юй иван (Прекрасная память и забвение)// Чжунго шибао (The China Times). – 2009. – 10 декабря. – Тайбэй: Чжунго шибао, 2009 ; и др.

³⁸⁶ У Найдэ. Чжуаньсин чжэнги юй лиши цзии: Тайвань миньчжухуа дэ вэй цзин чжи е (Правосудие переходного периода и историческая память: незавершенное дело тайваньской демократизации)// Сысян (Идеология). – 2006. - №2. – С. 12-13.

³⁸⁷ У Найдэ. Хуэй шоу лай ши лу: вэйцюань ичань хо миньчжу цзычань? (Вспоминая пройденный жизненный путь: авторитарное наследие или демократический капитал?). Доклад на специальную тему на конференции, приуроченной к дню памяти Сунь Ятсена, в Президентском дворце, Тайбэй, 21.02.2005 [Электронный ресурс]// Институт социологии Академии Синика. – Режим доступа: <http://www.ios.sinica.edu.tw/ios/E/fellow/naitehwu/>, свободный. – Загл. с экрана. С. 1, 5.

Важность проблемы «правосудия переходного периода» заключается в ее связи с исторической памятью той или иной общности, которая в свою очередь является одним из ключевых элементов национальной идентичности³⁸⁸. Различия в исторической памяти уроженцев острова и выходцев с материка, как уже отмечалось, являются одной из отличительных черт тайваньского общества и причиной отсутствия взаимопонимания между его основными группами по вопросу о национальной идентичности. Попытка преодоления этих разногласий и создания общей для всех жителей острова идентичности была предпринята президентом Ли Дэнхуэем. Однако, как будет показано в следующем разделе, критические оценки в адрес его теорий свидетельствуют о существенной глубине противоречий в тайваньском обществе, разрешение которых представляет собой сложную и важную задачу, стоящую перед любой политической силой, находящейся у власти на Тайване.

3.5 Концепции «общности единой судьбы» тайваньцев в трудах общественно-политических деятелей острова

Как уже было упомянуто в предыдущих разделах, понятие и теоретические положения «тайваньской идентичности» были оформлены в трудах участников Движения за независимость Тайваня, и лишь после 1970-х гг. были восприняты на самом острове, прежде всего в рядах «беспартийных». Благодаря их пропаганде идеи тайваньского национализма довольно быстро распространились в кругах широкой тайваньской общественности. В то же время, как было показано выше, главная проблема с точки зрения определения будущих перспектив Тайваня жителями самого острова заключается в том, что население КР на современном этапе сохраняет свои особенности общества с расколотой идентичностью. Начиная с конца 1970-х гг., и особенно после смещения акцента в тайваньской националистической риторике с противостояния «пришлому» режиму партии Гоминьдан на отношения между островом и КНР после отмены «военного положения», тайваньская политическая элита начала осознавать необходимость преодоления этого раскола и предлагать собственное видение вариантов решения данной задачи. Некоторые из этих вариантов представляют собой высказывания тех или иных политических деятелей в ходе их выступлений или интервью; другие были оформлены в качестве статей или даже монографий. Примером первых может служить теория «четырех основных этнических групп», которая сегодня является основной характеристикой населения острова³⁸⁹. Впервые этот термин был предложен в 1993 г. Е Цзюйлань и Линь Чжошунем – депутатами фракции ДПП Законодательного Юаня КР. В целом идея «четырех основных этносов» повторяет положения многих программных документов Движения за независимость Тайваня, в частности цитируемой ранее Политической

³⁸⁸ Там же. С. 6.

³⁸⁹ См. раздел 2.4 Главы 2 настоящей работы.

программы Союза независимости Тайваня и создания государства, а также Проекта Конституции Республики Тайвань Сюй Шикай, согласно третьей статье которого «граждан Республики Тайвань в связи с различиями в языке и во времени иммиграции можно разделить на четыре культурных группы: малайско-полинезийская языковая группа, языковые группы *хокло* и *хакка*, а также пекинская языковая группа..... Ни одна культурная группа не имеет права дискриминировать или угнетать любую другую»³⁹⁰. Однако именно благодаря деятельности Е Цзюйлань и Линь Чжошуя идея о том, что тайваньцы, подобно многим другим, представляют собой полиэтническую нацию, отличную от китайской, получила широкое освещение на Тайване и стала предметом дискуссий на самом высоком политическом уровне.

В то же время концепция «четырех основных этнических групп» представляет собой попытку поиска компромисса и смягчения противоречий между различными группами населения Тайваня, прежде всего между уроженцами острова и выходцами с материка, путем включения последних, у которых с конца 1980-х гг. в связи с «тайванизацией» общественно-политической жизни КР стало развиваться «чувство опасности» (*вэйцзигань* 危機感), в рамки «тайваньской нации». В данной связи эта теория созвучна идее «общности единой судьбы» тайваньцев, которая под разными названиями (*минъюнь гунтунти* 命運共同體 или *шэнмин гунтунти* 生命共同體) фигурирует в работах многих известных политических и общественных деятелей, прежде всего у Люй Сюйлянь, Чжэн Циньжэня и Ли Дэнхуэя.

Одной из наиболее ранних работ современных политических лидеров Тайваня, в которой можно увидеть положение об общей судьбе тайваньцев, можно назвать неоднократно цитируемую выше монографию Люй Сюлянь «Тайвань: прошлое и будущее», написанную в конце 1970-х гг. Данная работа несомненно была написана в том числе под влиянием доступных Люй Сюйлянь документов и трудов представителей Движения за независимость Тайваня, так как предложенное ею определение тайваньцев практически повторяет приводимое выше соответствующее положение Политической программы Союза независимости Тайваня и создания государства³⁹¹:

*Что касается состава населения Тайваня, то тайваньская история свидетельствует, что все жители острова Тайвань, будь то бэньшэнжэнь или вайшэнжэнь, отличаются лишь с точки зрения времени иммиграции. Все, кто идентифицирует себя с Тайванем, готов жить и умереть с Тайванем, разделить с ним и горе, и радость, являются тайваньцами*³⁹².

³⁹⁰ Сюй Шикай. Тайвань гунхэго сяньфа цаоань (Проект Конституции Тайваньской Республики) [Электронный ресурс]// Taiwan Heart. – Режим доступа: <http://taiwanheart.ning.com/group/heart01/forum/topics/tai-wan-gong-he-guo-xian-fa>, свободный. - Загл. с экрана.

³⁹¹ См. стр. 112 раздела 3.2 настоящей главы.

³⁹² Люй Сюйлянь. Указ. соч. С. 114.

Несмотря на то, что в работе Люй отсутствует термин «общность единой судьбы», однако его значение с точки зрения постепенного формирования общих интересов всех жителей Тайваня, в независимости от времени их прибытия на остров, изложено достаточно четко:

*Невзирая на то, что история тайваньской иммиграции показывает, что более поздние мигранты часто изгоняли или покоряли аборигенных жителей и более ранних переселенцев, однако по истечении времени мы в конце концов можем наблюдать, что хотя мигранты имеют отличия с точки зрения времени переселения, но длительность времени и ограниченность пространства неизбежно привели к взаимной любви и искренности на уровне эмоций, взаимному влиянию и ассимиляции в повседневной жизни, и тем более к решимости бороться против общего врага и сплотиться перед лицом общей опасности в политике*³⁹³.

Авторство термина «общность единой судьбы», судя по всему, принадлежит одному из активистов Движения за независимость Тайваня, упоминавшемуся выше историку Чжэн Циньжэню. В частности в одной из его статей, опубликованной в 1988 г., говорится, что «Тайвань должен в процессе «государственного строительства» сформировать «общность единой судьбы» в качестве основы образования «нации»³⁹⁴. Концепция Чжэн Циньжэня в целом повторяла идеи активистов тайваньского национализма конца 1970-х гг. о включении в состав тайваньской нации позднейших иммигрантов с материка. Так, в своей более ранней работе (1986 г.) Чжэн ставит задачу опровергнуть бытующее в обществе мнение, согласно которому «тайваньское самосознание» основывается на «дискриминации по принципу происхождения». По утверждению историка, оно «вовсе не оставляет за рамками Гоминьдан и всех соотечественников – недавних выходцев из материкового Китая, а, наоборот, стремится включить всех жителей острова, поддерживающих как действующий режим, так и оппозицию, и прикладывающих совместные усилия ради собственного существования»³⁹⁵.

К идеям «общности единой судьбы» тайваньцев, объединенных общим «иммигрантским» происхождением, можно отнести и концепцию «поднимающейся нации» Сюй Синьляна, изложенную в его одноименной монографии³⁹⁶. Под «поднимающимися» бывший председатель ДПП подразумевает нации, которые «первоначально находились на отсталых или периферийных позициях», а затем «внезапно занимали передовое или центральное положение», тем самым оказав особое влияние на «стремительное развитие мировой цивилизации». Причиной столь внушительного взлета тех или иных наций является наличие у них особых способностей, с которыми

³⁹³ Там же. С. 114.

³⁹⁴ Чжэн Циньжэнь. Указ. соч. С. 56.

³⁹⁵ Там же. С. 127, 131.

³⁹⁶ Правда, следует отметить, что, несмотря на то, что Сюй Синьлян не говорит прямо о различиях между коренными тайваньцами и выходцами с материка, в то же время из его риторики очевидно, что последние не включаются в пропагандируемую им «поднимающуюся нацию».

другие не могут конкурировать, и потенциала, который «невозможно измерить мерками их материальных условий». Они обладают большими по сравнению с другими общностями «знаниями» и «активностью»³⁹⁷. К числу «поднимающихся наций» Сюй Синьян относит средневековых монголов, маньчжуров, Голландию, Англию, США, Японию, а также Тайвань, жители которого «на заре XXI века знают больше всех, обладают наисильнейшей активностью». Причиной этому является влияние, оказанное на Тайвань целым рядом цивилизаций (Китай, Япония и Запад), а также иммигрантский характер тайваньского общества, которое, с одной стороны, обладает «островной культурой», а с другой стороны, сохраняет тесные связи с материковой цивилизацией в лице Китая. Преимущества Тайваня как раз и обусловлены такими особенностями иммигрантского общества, как способность в короткий срок приспосабливаться к новым условиям и воспринимать достижения других цивилизаций, не заикливаясь на собственных первоначальных принципах³⁹⁸.

*Память общества иммигрантов, условия совместного развития островной и материковой культуры привели к тому, что мы не можем представить в своем воображении места, куда бы мы не могли добраться, среды, к которой мы не могли бы приспособиться*³⁹⁹.

Миссия Тайваня на мировой арене XXI в., по мнению Сюй Синьяна, заключается не в «вооруженном покорении», а в «распространении процветания», поскольку в политическом отношении XXI в. станет «мирной эпохой без войны», а в экономическом – «рынком без государственных границ»⁴⁰⁰. Однако, по убеждению Сюй Синьяна, претворение в жизнь этой миссии невозможно без смены действующего на острове режима, который несмотря на «процесс демократизации» сохраняет «пережитки авторитарного правления», а «конституционные преобразования» Ли Дэньхуэя – это всего лишь «фальшивые реформы старого режима ГМД, облаченного в новые одежды»⁴⁰¹.

Концепция Сюй Синьяна, которая в силу определенных причин⁴⁰² не получила широкого признания не только среди рядовых жителей острова, но и в риторике партии Миньцзиньдан, в целом пересекается с идеями большинства сторонников «тайваньской идентичности», прежде всего в том, что касается формирования «национального самосознания» тайваньцев в результате их взаимодействия с целым рядом «пришлых» режимов. Сюй убежден, что сложившиеся за по-

³⁹⁷ Сюй Синьян. Указ. соч. С. 17-18.

³⁹⁸ Там же. С. 29, 182, 187.

³⁹⁹ Там же. С. 204.

⁴⁰⁰ Там же. С. 209, 236.

⁴⁰¹ Там же. С. 241, 262.

⁴⁰² К этим причинам вероятно можно отнести чрезмерную, на наш взгляд, претенциозность идей Сюй Синьяна, а также перипетии карьеры самого автора в рамках ДПП, связанные с межфракционной борьбой в партии: занимая в 1992-93 и 1996-98 гг. пост председателя ДПП, Сюй, так и не дождавшись выдвижения себя в качестве кандидата на президентских выборах, в 2000 г. покинул Миньцзиньдан и принял участие в президентской гонке как независимый кандидат.

следние 400 лет отличия тайваньцев от «общества их происхождения» (*му шэхуэй* 母社會), то есть от Китая, стали еще более очевидными во второй половине XX в., тем самым превратив два берега Тайваньского пролива в «различные политические, общественные, экономические и даже культурные общности, связь между которыми неразрывна, но и граница очевидна». Основными условиями полноценного развития Тайваня являются «сбрасывание пелены китайского национализма», «тайванизация» и «открытость внешнему миру»⁴⁰³.

В то же время Сюй Синьян, в отличие от многих представителей Движения за независимость Тайваня и некоторых своих коллег по партии не выступает за сдерживание контактов с материковым Китаем. Наоборот, активное «движение на запад» - участие в освоении рынка КНР – является необходимым условием для утверждения Тайваня в качестве «поднимающейся нации». По мнению Сюя, первостепенным вопросом в отношениях между двумя берегами Тайваньского пролива должны быть проблемы экономического сотрудничества, а не «проблема суверенитета, которую невозможно разрешить в краткосрочной перспективе»⁴⁰⁴.

Несомненно, одной из наиболее значимых фигур в политической жизни Тайваня последних десятилетий, особенно в том, что касается развития «тайваньской идентичности», является Ли Дэнхуэй. Именно в годы его правления положение об «общности единой судьбы» тайваньцев приобрело статус «национальной идеологии». Его теория ни в названии, ни в содержании не имеет существенных отличий от концепции Чжэн Циньжэня⁴⁰⁵. На пресс-конференции по случаю трехлетней годовщины своего вступления в должность президента 20 мая 1993 г. Ли Дэнхуэй впервые употребил этот термин, заявив о необходимости построения на Тайване «общества с всеобщей идентичностью» и «формирования общепринятого принципа общности единой судьбы»⁴⁰⁶, а в работе «Позиция Тайваня», подводящей итог всему периоду его пребывания на посту президента, вновь указал на содержание этой концепции:

Известно, что тайваньское общество складывалось из иммигрантов. Кроме аборигенов, коренных жителей острова, большую его часть составляют выходцы из материкового Китая. Они в разное время переселялись на Тайвань, здесь рождались и жили; этот кусок земли полит потом и кровью нескольких поколений иммигрантов, вот почему их потомков связали кровные узы общей судьбы, и сегодня они все вместе пользуются до-

⁴⁰³ Сюй Синьян. Указ. соч. С. 336, 416.

⁴⁰⁴ Там же. С. 349.

⁴⁰⁵ Согласно распространенному мнению, изменение Ли Дэнхуэем названия концепции «общности единой судьбы» (*шэньмин гунтунти* в отличие от *минъюнь гунтунти* у Чжэн Циньжэня) связано с тем, что Ли, будучи председателем ГМД, не мог открыто заимствовать теоретические положения оппозиции, поскольку мог навлечь на себя обвинения со стороны консервативных членов партии в следовании идеям Движения за независимость Тайваня. См. *Лао Бао*. Минъюнь гунтунти (Общность единой судьбы) [Электронный ресурс]// Еженедельный журнал «Синь Тайвань» (Новый Тайвань). – 2009. – 03 июня. – Тайбэй: ООО «Бэньту вэньхуа ши», 2009. – Режим доступа: <http://www.newtaiwan.com.tw/bulletinview.jsp?bulletinid=91050>, свободный. - Загл. с экрана.

⁴⁰⁶ Цит.по: Чжан Маогуй. Тайвань цзуюнь хэцзе дэ канькэлу (Ухабистая дорога к межэтническому примирению на Тайване)// Гоцзя жэньтун дэ вэньхуа лунышу (Культурный дискурс национальной идентичности). С. 56.

стижениями процветающего общества...Сегодня жители Тайваня подразделяются на уроженцев этой провинции, выходцев с материка, аборигенов и другие этнические группы, что затрудняет процесс самоидентификации. Но, с другой стороны, как раз в силу того, что Тайвань смог интегрировать, объединить в одно целое многообразие национальных культур разных исторических эпох, сформировалась новая, отличная от материка, этническая общность⁴⁰⁷.

В настоящее время роль Ли Дэнхуэя в истории Тайваня оценивается по-разному. С одной стороны, его называют «отцом тайваньской демократии» благодаря политическим реформам, проведенным в КР в период его правления и способствовавшим установлению на Тайване многопартийной системы. Кроме того, его также можно считать реформатором идеологии партии Гоминьдан, так как именно он в годы своего президентства впервые на официальном уровне заговорил об отношениях между КНР и Тайванем в качестве самостоятельных субъектов мировой политики.

В 1999 г. во время интервью журналистам из Германии Ли впервые упомянул о том, что взаимодействие между двумя берегами Тайваньского пролива следует рассматривать в качестве «особого вида межгосударственных отношений» (*тэшу дэ го юй го чжицзянь дэ гуаньси* 特殊的國與國之間的關係). Как отмечают тайваньские исследователи, реакция на это заявление, последовавшая со стороны КНР и США, была гораздо активнее, чем в самом тайваньском обществе (за исключением некоторых консервативно настроенных политических кругов), что свидетельствует о наличии на острове определенного консенсуса по данному вопросу⁴⁰⁸.

Менее чем за год до этого, во время выборов в мэры Тайбэя в декабре 1998 г., Ли Дэнхуэй выступил с концепцией «нового тайваньца» (*синь Тайваньжэнь лунь* 新台灣人論), которым можно назвать всякого, кто «осознает себя коренным жителем острова, любит Тайвань и готов всеми силами бороться за него»⁴⁰⁹. В своей книге тогдашний президент КР выразил уверенность, что «в XXI век вступит свободный, демократический, процветающий «новый Тайвань». Его создадут «новые тайваньцы» - и аборигены, и начавшие 400 лет назад переселяться сюда жители материкового Китая, и новые мигранты, прибывшие на Тайвань 50 лет назад. Иными словами, «новые тайваньцы» - это все те, кто живет на Тайване, сердцем привязан к нему, готов жертвовать и бороться за него»⁴¹⁰.

⁴⁰⁷ Ли Дэнхуэй. Указ. соч. С. 62, 63.

⁴⁰⁸ Чжан Маогуй. Шэнци вэньти, гоцзя жэньтун юй миньчжухуа (Этнический вопрос, национальная идентичность и демократизация) [Электронный ресурс]// База данных онлайн «Даокэ баба». – Режим доступа: <http://www.doc88.com/p-1724773027445.html>, свободный. – Загл. с экрана.

⁴⁰⁹ Ли Дэнхуэй. Указ. соч. С. 62.

⁴¹⁰ Там же. С. 222-223.

Именно положение о «новом тайваньце» вызывает наибольшее количество споров у тайваньских исследователей, политиков и представителей тайваньского национализма. С одной стороны, эта теория⁴¹¹, так же, как и концепция «четырех основных этнических групп», рассматривается в качестве попытки преодолеть разногласия в обществе КР по принципу происхождения в том, что касается самоидентификации его представителей. С этой точки зрения она является жестом принятия выходцев с материка в «тайваньскую семью». Однако с другой стороны, это положение несет на себе явный оттенок политического приема. Сам Ли Дэнхуэй в «Позиции Тайваня» довольно откровенно изложил цели выдвижения данного лозунга во время выборов в мэры столицы КР, в кандидаты от партии Гоминьдан на которых выдвигался президент КР в 2008-16 гг. Ма Инцзю, родившийся в Гонконге и являющийся сыном гоминьдановского чиновника из провинции Хунань. На одном из предвыборных массовых мероприятий Ли Дэнхуэй задал ему вопрос: «Ма Инцзю, ты человек откуда?» «Глядя на более чем 10 тысяч участников митинга, Ма Инцзю не задумываясь ответил: «Я вырос на тайваньском рисе, я новый тайванец, который любит Тайвань». Ли признает, что во многом именно благодаря этому лозунгу Ма Инцзю удалось завоевать поддержку в тех избирательных округах Тайбэя, где население в основном состоит из уроженцев острова и в итоге выиграть выборы⁴¹².

В качестве отступления следует сказать, что риторика относительно отнесения себя к «китайцам» или «тайваньцам» в ходе предвыборных кампаний присутствовала уже во время первых президентских выборов путем всеобщего голосования в 1996 г. Так, кандидат от ДПП Пэн Минминь подчеркивал, что он тайванец, а не китаец; Ли Дэнхуэй, представляющий партию Гоминьдан, заявлял, что он «и тайванец, и китаец»; Линь Янган, который, будучи выходцем из ГМД, участвовал в выборах в качестве независимого кандидата, не отказываясь от своей «тайваньской идентичности», в то же время ставил ее на второе место по сравнению с «китайской»; наконец, Чэнь Люйань, имеющий аналогичный с Линь Янганом статус, причислял себя к «китайцам», «даже намекая на то, что «китайцы» не включают «тайваньцев». Аналогичная картина наблюдалась и в ходе президентских выборов 2000 г. Одержавший на них победу Чэнь Шуйбянь в ходе своей кампании позиционировал себя как «сына Тайваня», в то же время именуя себя «новым тайваньцем» и признавая, что Тайвань является «государством, образованным китайцами» (*Хуажэнь гоцзя 華人國家*). Кандидат от партии Гоминьдан Лянь Чжань⁴¹³ несмотря на свою очевидную «китайскую идентичность», всячески избегал называть себя «китайцем», предпочитая такие выражения, как «старый тайванец» или «истинный продукт тайваньского производства».

⁴¹¹ Чжан Маогуй в одной из своих статей именуется ее «псевдотеорией», поскольку, по его мнению, ее нельзя назвать «систематизированным устоявшимся мнением или теорией». Чжан Маогуй. «Синь тайваньжэнь» чжи фэйлунь (Псевдотеория «нового тайваньца»)// Дандай (Современность). – 1999. - №137. - С. 66.

⁴¹² Ли Дэнхуэй. Указ. соч. С. 213-214.

⁴¹³ Вице-президент КР в 1996-2000 гг.

Люй Сюлянь, выступая с критикой в адрес Лянь Чжэня, называла его «фальшивым тайваньцем» или «тайваньцем наполовину», наделяя похожими эпитетами («фальшивый тайванец» и «истинный китаец») и кандидата от партии Циньминьдан Сун Чуюя. Сам Сун, понимая, что голосов выходцев с материка для получения поста президента недостаточно, также выступал в роли «нового тайваньца», активно подчеркивая на южнофуцзяньском диалекте свой опыт взросления на Тайване. В отличие от перечисленных выше политиков, кандидат от Новой партии⁴¹⁴ Ли Ао всячески демонстрировал свою «китайскую идентичность», проявляя даже некоторую степень презрения по отношению к «коренным» тайваньцам⁴¹⁵.

Однако несмотря на все достижения Ли Дэнхуэя в период пребывания его на посту президента КР критика в его адрес звучит не только среди политиков и исследователей, но и из уст тайваньских обывателей из разных слоев общества, чему автор данных строк был неоднократно свидетелем. Обвинения «отца тайваньской демократии» в лицемерии раздаются как из лагеря его бывших сопартийцев, так и со стороны тайваньских националистов. Упрощенно выражаясь, первые считают, что Ли Дэнхуэй предал идеалы партии, целью которой исторически было объединение китайской нации, в то время как для вторых недостаточной является поддержка бывшим президентом КР «тайваньской политической идентичности» при сохранении «китайской культурной идентичности»⁴¹⁶.

Действительно, в рассуждениях Ли Дэнхуэя, в частности, в его книге «Позиция Тайваня», наблюдается некоторая непоследовательность, способная вызвать сомнения в его истинной позиции у читателей. Так, выражая свою приверженность идее «тайваньской идентичности», которая заключается в том, что «тайваньцы должны путем свободного волеизъявления образовать собственное правительство, создать политическую систему, соответствующую ожиданиям жителей Тайваня, заложить основы процветающего общества, в котором нет разделения по принципу происхождения и которое принадлежит всем», Ли Дэнхуэй в то же время пишет о необходимости построения на Тайване «центра новой китайской культуры». Утверждая, что «юрисдикция коммунистической власти никогда не распространялась на Тайвань», «две стороны пролива отдельно управляются двумя различными политическими единицами» и «в настоящее время статус Тайваня определяется как КР на Тайване, обладающая государственностью, суверенитетом и независимостью», он заявляет, что «как китайцы, мы преисполнены чувства нации, высоко ценим китайскую культуру и верны идеалу воссоединения Китая». Однако анализируя особенности (главным образом, отрицательные, такие, как «приверженность...к патриархальным взгля-

⁴¹⁴ Новая партия (*Синьдан* 新黨) образована в 1993 г. фракцией, выступающей против политики Ли Дэнхуэя и отстаивающей идеалы объединения Китая. Состоит преимущественно из выходцев с материка. В настоящее время позиции Новой партии на политической арене КР не значительны.

⁴¹⁵ *Ши Чжэнфэн*. Тайваньжэнь дэ гоцзя жэньтун (Национальная идентичность тайваньцев). С. 148.

⁴¹⁶ *Shih, Cheng-feng and Chen Mumin*. Op. cit. P. 101.

дам, патернализму, который открывает путь к диктатуре») китайской нации, «отец тайваньской демократии» делает это так, как будто сам он представителем этой нации не является⁴¹⁷. При этом все, что связано с Движением за независимость Тайваня, звучит со страниц его книги как просто одно из направлений общественно-политической жизни острова – без ярлыков (вроде «тайваньская независимость – это яд для Тайваня»⁴¹⁸), которые были характерны для официальной идеологии ГМД в период действия «военного положения». Затрагивая вопрос о тайваньском национализме, он пишет, что, «некоторые на Тайване настаивают на провозглашении «Республики Тайвань», но я полагаю, что делать этого не следует, да и нет в этом никакой необходимости. В первую очередь потому, что это сделало бы неясной идентичность Тайваня и поставило бы под угрозу его суверенитет и независимость»⁴¹⁹.

Чтобы подчеркнуть идейную непоследовательность Ли Дэнхуэя, ему даже приписывают членство в КПК. Однако сам Ли, подтверждая свое участие в одной из студенческих организаций, некоторые члены которой впоследствии вступили в КПК, факт своего присутствия в этой партии отрицает. При этом бывший президент КР вспоминает, что в молодости его действительно увлекали книги классиков марксизма («Капитал» К. Маркса), но лишь в том, что касается их экономической теории⁴²⁰. Кроме того, постоянно муссируется тема близости бывшего президента КР к Японии и японской культуре. Особенно противоречивым и раздражающим общественность по противоположную сторону Тайваньского пролива является посещение Ли Дэнхуэем известного японского синтоистского храма Ясукуни, в котором имеется и табличка с именем его старшего брата, погибшего в годы Второй мировой войны в рядах японской армии⁴²¹.

Обвинения в двуличии в адрес политиков не являются чем-то удивительным для общественной жизни большинства современных стран. Что касается Ли Дэнхуэя, то, на наш взгляд, его можно назвать политиком, который в своей деятельности попытался (и во многом преуспел) воплотить в жизнь собственное видение будущего Тайваня, невзирая на серьезное противодействие его курсу (пожалуй, единственно возможному с точки зрения сохранения суверенитета КР) со стороны консервативно настроенной части Гоминьдана. Кроме того, учитывая особенности развития тайваньского общества в свете его взаимодействия с противоположным берегом Тайваньского пролива, можно отметить, что все перечисленные выше концепции о характере «тайваньской нации» в той или иной степени сопряжены с особенностями политической обста-

⁴¹⁷ Ли Дэнхуэй. Указ. соч. С. 214-215, 32, 202, 132, 62.

⁴¹⁸ Кит. Тайду цзи тайду 台獨即台毒.

⁴¹⁹ Ли Дэнхуэй. Указ. соч. С. 202.

⁴²⁰ Там же. С. 20.

⁴²¹ У Гуфэн. «Тайду» фэньцзы Ли Дэнхуэй дао Цзинго шэньшэ цзибай (Элемент «Движения за независимость Тайваня» Ли Дэнхуэй прибыл в Храм Ясукуни, чтобы совершить жертвоприношение)// Агентство Синьхуа. – 2007.- 07 июня. – Пекин: XINHUANET.com, 2007. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/world/2007-06/07/content_6211018.htm, свободный. - Загл. с экрана.

новки на острове в моменты их появления⁴²². Возможно, это является одной из причин того, что ни одна из изложенных концепций не смогла стать подлинной основой для формирования единого мнения всех групп населения Тайваня относительно идентичности жителей острова. Другой причиной этого можно назвать противоречивость большинства перечисленных теорий, которые, с одной стороны, призывают к «декитаизации» общественно-политической жизни острова, а с другой – стремятся к объединению всех групп населения и политических сил Тайваня, включая носителей «китайской идентичности», прибывших на остров после 1945 г.⁴²³ Согласно знаменитому высказыванию Эрнеста Ренана, наряду с исторической памятью «забвение или, лучше сказать, историческое заблуждение является одним из главных факторов создания нации»⁴²⁴. Для того, чтобы тайваньское общество пришло к общему знаменателю в вопросе о его национальной идентичности, судя по всему, необходимо, чтобы одна часть населения острова отказалась от своего «китайского самосознания», а другая, наоборот, сумела отбросить свои глубокие «анти-китайские» настроения. Подобное вряд ли возможно в ближайшем будущем, принимая во внимание особенности исторической памяти тех и других.

Выводы к Главе 3. Таким образом, подводя итог данной главе, следует отметить, что, несомненно, роль участников Движения за независимость Тайваня и их работ в распространении идеи «тайваньской идентичности» невозможно переоценить. Их концепции относительно сущности «тайваньской нации», особенностей тайваньской культуры и истории оказали непосредственное влияние на развитие соответствующих представлений в рядах «беспартийных», а затем среди функционеров партии Миньцзиньдан, многие из которых, используя свои политические возможности в качестве депутатов Законодательного Юаня КР, способствовали доведению этих идей до широких масс тайваньского общества.

При этом представления о «тайваньской идентичности» не были статичными на протяжении всего периода существования Движения за независимость Тайваня, а претерпевали довольно существенную трансформацию вслед за изменениями в политической обстановке на самом острове и на международной арене. Наиболее значимой из этих перемен является включение в состав «тайваньской нации» выходцев из материкового Китая и их потомков, которые первоначально не рассматривались в качестве предполагаемых граждан будущей Республики Тайвань. Однако несмотря на данное положение, которое впоследствии станет центральным в представлениях о тайваньской «общности единой судьбы» и концепции «нового тайваньца» Ли Дэнхуэя,

⁴²² Связь между этими теориями и политической атмосферой на Тайване хорошо продемонстрирована в одной из статей Чжан Маогуй. См. *Чжан Маогуй. Тайвань цзуюнь хэцзе дэ канькэлу* (Ухабистая дорога к межэтническому примирению на Тайване). С. 43-82.

⁴²³ Там же. С. 52.

⁴²⁴ Ренан, Эрнест. Указ. соч. С.93.

главная цель авторов этих идей – нивелирование межэтнических противоречий на острове ради построения единой идентичности для всех граждан КР на Тайване – так и не была достигнута. Это объясняется различиями в исторической памяти и личном опыте между выходцами с материка и «коренными тайваньцами», которые вряд ли возможно ликвидировать в ближайшем будущем, как по ряду объективных причин, так и в связи с постоянным использованием соответствующей риторики в политической борьбе на Тайване.

В то же время широко распространенное на острове утверждение, согласно которому одним из препятствий к восприятию «тайваньской идентичности» всеми членами общества КР является политика гоминьдановского режима по насаждению «китайского самосознания» в годы «военного положения», по нашему мнению, не вполне справедливо. Наоборот, мы рассматриваем политику «китаизации» населения Тайваня в качестве одного из факторов, способствующих стремительному росту популярности идеи «тайваньской идентичности» с 1980-х гг. Несмотря на успешность этой политики с той точки зрения, что подавляющее большинство жителей острова до определенного момента именовали себя исключительно «китайцами», а главным средством общения на всех уровнях стал «государственный язык», убежденность граждан КР в том, что именно они являются истинными носителями китайской культуры, способствовала формированию у них субъективного ощущения собственных отличий от населения КНР, которое укрепилось осознанием объективных различий между жителями двух берегов Тайваньского пролива после открытия двусторонних связей в конце 1980-х гг.

ГЛАВА 4. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «ТАЙВАНЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ» НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (ПОСЛЕ 2000 г.)

В данной главе делается попытка проанализировать развитие «тайваньской идентичности» на современном этапе, который в связи с существенными политическими изменениями на Тайване является одним из ключевых с точки зрения самоопределения жителей острова. Речь идет, конечно, о периоде пребывания на посту президента КР представителя ДПП Чэнь Шуйбяня, политика которого в сфере распространения «тайваньского самосознания» не могла не оказать влияния на самовосприятие населения острова. При этом, говоря об этнической или национальной идентичности тайваньцев, невозможно обойти стороной такой важный источник, как результаты социологических исследований – прежде всего опросов общественного мнения, особенности которых также получают освещение в настоящей главе. В настоящее время проблема «тайваньской идентичности» часто звучит в свете активизации контактов между двумя берегами Тайваньского пролива, чем обусловлена необходимость более детального рассмотрения и этого вопроса, а именно возможных сценариев эволюции представлений о «тайваньской идентичности» и ее репрезентации в тайваньском обществе по мере развития сотрудничества между островом и КНР в торгово-экономической, научной, туристической и других сферах.

4.1 «Тайваньская идентичность» как продукт политической программы ДПП

По убеждению большинства исследователей национализма, становление нации (а следовательно и формирование идентичности ее членов) зачастую является процессом не автономным, а в значительной степени направляемым, прежде всего, государством и политическими элитами. Большую популярность в связи с этим имеет знаменитое высказывание Массимо де Адзельо, одного из участников борьбы за освобождение и объединение Италии в XIX в.: «Мы создали Италию, теперь осталось создать итальянцев»⁴²⁵. По утверждению Э. Геллнера, «именно национализм порождает нации, а не наоборот... Мертвые языки могут быть возрождены, традиции изобретены, совершенно мифическая изначальная чистота восстановлена»⁴²⁶. «Национальные идентичности являются не врожденными, а социально и политически конструируемыми структурами поведения, которые подлежат изменению и манипуляции, особенно в условиях интенсивной мобилизации политических элит во время трансформации режима»⁴²⁷. Этот тезис из арсенала теоретиков-конструктивистов может показаться очень уместным при исследовании проблемы «тайваньской идентичности».

⁴²⁵ Хобсбаум, Эрик. Указ. соч. С. 73.

⁴²⁶ Геллнер, Эрнест. Указ. соч. С. 127.

⁴²⁷ Chu, Yun-han. OP. cit. P. 498.

Несмотря на внушительное количество научных работ, посвященных национальной и этнической идентичности тайваньцев, а также уверенный рост количества людей, называющих себя «тайваньцами», в то же время многие из них не считают вопрос «тайваньской идентичности» и связанную с ним дискуссию о независимости острова или его объединении с материковым Китаем «реальными проблемами». Для большинства обычных тайваньцев это всего лишь «политические инструменты»⁴²⁸.

Отмечая эту тенденцию в тайваньском обществе, Шелли Риггер, как более подробно описано в разделе 4.3, в основном относит ее к молодому поколению жителей острова, представителей которого больше волнуют насущные проблемы экономики, образования и занятости и раздражают постоянные дискуссии политической элиты относительно вопросов «тайваньской идентичности»⁴²⁹.

Однако анализ записей бесед в фокус-группах, проводимых в рамках неоднократно упоминавшегося проекта, показывает, что подобные настроения разделяются и представителями старших поколений тайваньцев. Многие участники этих бесед старше 50 лет также отмечают, что предубеждения между различными этническими группами Тайваня, основанные на памяти о событиях 28 февраля 1947 г., поддерживаются главным образом за счет пропаганды ДПП и приобретают особую остроту во время предвыборных кампаний⁴³⁰. Один из участников фокус-группы для представителей *хокло* старше 50 лет, который некоторое время проработал в одной из средних школ на юге Тайваня, отмечает, что многие учителя этой школы внушают ученикам «неправильные» идеи, которые получили широкое распространение после вступления в должность министра образования Ду Чжэншэна⁴³¹. Он признает, что на юге острова память об «инциденте 28 февраля 1947 г.» у некоторых людей действительно существует, однако во время его учебы в школе среди одноклассников было довольно много детей военных из числа выходцев с материка, при этом конфликтов практически не случалось⁴³².

⁴²⁸ Rigger, Shelley. Op. cit. P. 53. Так, 59,8% участников опросов общественного мнения дали утвердительный ответ на вопрос, согласны ли они с утверждением, что темы, которые в последнее время обсуждаются политиками, не волнуют население острова. Еще 56,4% респондентов думают так же о проблеме независимости Тайваня или его объединения с материковым Китаем. См. Приложение 3. Таблицы 10а, 11а.

⁴²⁹ Rigger, Shelley. Op. cit. P. 31-32.

⁴³⁰ Эти настроения тем более примечательны, если учесть, что среди участников указанных фокус-групп были только представители «коренных тайваньцев» (*хокло* и *хакка*). См. Записи бесед в фокус-группах. С. 196, 216, 238-239, 262-264, 282.

⁴³¹ Ду Чжэншэн – министр образования КР в 2004-2008 гг. Во время пребывания на посту прославился многочисленными высказываниями и поступками в русле движения за независимость Тайваня, такими как ратование за изменение содержания школьных учебников по истории и географии в сторону акцента изучения истории и географии непосредственно самого острова, более активное использование транскрипции китайского языка на основе латиницы (так называемой «общепринятой транскрипции» - *тунъюн пиньинь* 通用拼音), разработанной сотрудником Института наций Центральной академии наук Тайваня (Академии «Синика») Цюй Боцюанем в 1998 году, вместо принятой по всему миру транскрипции *ханьюй пиньинь* 漢語拼音 и др.

⁴³² Записи бесед в фокус-группах. С. 276-277.

Действительно, нельзя не признать того факта, что политика по «декитаизации» Тайваня являлась одним из важных пунктов программы действий Чэнь Шуйбяня после его победы на президентских выборах 2000 и 2004 гг. и была направлена на то, чтобы укрепить в обществе сознание «тайваньской идентичности». Одним из главных идеологических козырей ДПП с момента ее основания является признание Тайваня в качестве «мультикультурного» (*доюань вэньхуа* 多元文化) сообщества и призыв к равноправному сосуществованию всех групп населения острова. Как отмечал Чэнь Шуйбянь в своей предвыборной книге «Сын Тайваня», «у всех культур – хокло, хакка, культуры аборигенов, культуры, которую привезли на Тайвань вайшэнжэнь, даже у образа жизни иностранных рабочих, недавно прибывших на остров, есть долгая история, самобытная традиционная мудрость и свое прочное место в процессе эволюции человечества на земле»⁴³³. В настоящее время на Тайване действует целый ряд комитетов по делам аборигенных национальностей, первый из которых был образован при мэрии Тайбэя в годы пребывания Чэнь Шуйбяня на посту главы этого города (1994-98). Аналогичные организации существуют и для народности *хакка*. Во время президентства Чэня активно пропагандировалось использование тайваньцами «родных языков», увеличилось количество передач и даже целых телеканалов, вещающих на южнофуцзяньском диалекте, а также на наречии *хакка* и языках аборигенов⁴³⁴. Стало издаваться много учебников указанных диалектов, которые в рамках «тайванизации» образования с 2001 г. были включены в школьную программу.

В том, что касается «декитаизации» общественно-политической жизни КР, то в рамках движения по «исправлению имен» (*чжэн мин* 正名) в названиях некоторых учреждений и корпораций слово «Китай» сменилось на «Тайвань»⁴³⁵. В 2001 г. на обложке англоязычной версии «Ежегодника Китайской Республики» (*ROC Yearbook*), издаваемого Исполнительным Юанем КР, было добавлено название «Тайвань» (которое сохраняется там до сих пор) и помещена карта острова, в то время как карта Китая была смещена на заднюю сторону обложки. С сентября 2003 г. началась выдача гражданам КР паспортов нового образца, на которых также было добавлено слово «Тайвань»⁴³⁶. Тенденции к изменению символики КР можно также проследить в публичных речах Президента по наиболее торжественным случаям, как то День образования КР (10 октября), инаугурация главы государства и др. В этих выступлениях Чэнь Шуйбяня очевидно

⁴³³ Чэнь Шуйбянь. Указ. соч. С. 259.

⁴³⁴ Но все-таки ДПП главное место отводит именно южнофуцзяньскому диалекту, который в ее риторике предстает чем-то вроде «тайваньского общенационального языка». Об этом более подробно уже говорилось в разделе 3.3 Главы 3 настоящей работы.

⁴³⁵ В частности, свои названия сменили государственные корпорации «Китайская нефть», «Китайское кораблестроение», а также компания «Китайская почта». Все они стали «Тайваньскими». То же касается и многих средств массовой информации.

⁴³⁶ Hughes, Christopher R. Negotiating national identity in Taiwan: between nativisation and de-sinicisation// Taiwan's democracy: economic and political challenges/ ed. by R. Ash, J.W. Garver and P. Prime. – London, New York: Routledge, 2011. – P. 52-53.

увеличение частоты использования названия «Тайвань» за счет сокращения применения словосочетания «Китайская Республика». Наиболее показательна статистика последних лет президентства Чэня. Так, например, в речи, посвященной Дню образования КР в 2007 г., он всего лишь один раз упомянул Китайскую Республику, при этом 94 раза повторив слово «Тайвань». В других речах, где официальное название государственного образования на острове встречается более часто, оно в основном используется в формальном и отвлеченном тоне в связи с историческими фактами, в то время как наименование «Тайвань» наделяется «духовным» значением⁴³⁷.

При Чэнь Шуйбяне продолжились образовательные реформы, начатые Ли Дэнхуэем. Была возобновлена работа над учебником «Знакомство с Тайванем», в котором история Китая начиная с середины периода Мин стала частью истории мира, соседствовавшей с историей Тайваня. Начиная с 2000 г. министерство образования поощряло и финансировало создание в ряде государственных университетов подразделений, занимающихся изучением тайваньской литературы. Содержание экзаменов для претендентов на государственные должности также значительно «тайванизировалось»⁴³⁸.

Был принят целый ряд мер для «десакрализации» личности Чан Кайши, пересмотра роли «отца и сына Цзян» в истории острова. Были изменены названия многих улиц и учреждений, в составе которых было имя Чан Кайши⁴³⁹. Его портрет больше не изображается на денежных знаках КР. По всему острову прокатилась волна демонтажа памятников Генералиссимусу. Наконец, весной 2007 г., одной из новостей, всколыхнувших тайваньское общество и вызвавших множество дискуссий в прессе, стало решение правительства о переименовании Мемориального комплекса Чан Кайши в Музей тайваньской демократии⁴⁴⁰.

Внимательное изучение действий правящей в 2000-2008 гг. партии подталкивает к выводу, что политика ДПП, традиционно критикующей авторитаризм партии Гоминьдан в процессе насаждения последней «китайского самосознания», также не всегда была равноценна по отношению к различным группам населения Тайваня и по своей безапелляционности почти не уступает курсу главного соперника Миньцзиньдана. Некоторые критики партии обвиняют ее в «шовинизме *хокло*»⁴⁴¹, который, при общей благосклонности к наименее малочисленным группам острова, выражался в том, что центральное место в концепции «тайваньской нации» отводилось *хокло*, а в отношении выходцев с материка демонстрировалась даже некоторая враждебность: «провоз-

⁴³⁷ Chang, Hui-Ching and Holt, Rich. Taiwan and ROC: A critical Analysis of President Chen Shui-bien's construction of Taiwan identity in national speeches// National Identities. – 2009. – September. – Vol. 11, No. 3. – P. 301-330.

⁴³⁸ Hughes, Christopher R. Negotiating national identity in Taiwan: between nativisation and de-sinicisation. P. 53.

⁴³⁹ Так, Бульвар имени Чан Кайши перед Президентским дворцом в Тайбэе был переименован в Бульвар Кетагалан, в честь одной из аборигенных народностей, некогда проживавшей в районе Тайбэя, а крупнейший международный воздушный узел острова – Аэропорт имени Чан Кайши – стал называться Международным аэропортом Таоюань.

⁴⁴⁰ Данное решение было отменено сразу же после вступления в должность президента КР в мае 2008 г. кандидата от партии Гоминьдан Ма Инцзю.

⁴⁴¹ В частности, именно по этой причине еще в 1988 г. партию покинул один из ее основателей из числа выходцев с материка Фэй Сипин.

глашенная цель политики мультикультурализма заключалась в том, чтобы создать определенную культурную идентичность, которая бы соответствовала идентичности политической»⁴⁴². Наиболее яркими примерами этого являются именование южнофуцзяньского диалекта «тайваньским языком», постоянное акцентирование межэтнических противоречий во время «инцидента 28 февраля» и др.⁴⁴³

Политика ДПП по укреплению «тайваньского самосознания» на протяжении 2000-2008 гг. действительно выглядит крайне негибкой, не подлежащей корректировке в соответствии с изменениями в общественном мнении и в результате в определенной степени контрпродуктивной. Так, опросы общественного мнения показывают, что стабильного роста «тайваньской идентичности», который мы могли наблюдать в годы президентства Ма Инцзю, во время правления Чень Шуйбяня не фиксировалось, хотя количество людей, называющих себя «тайваньцами», с 2000 по 2008 гг. в целом увеличилось на 11,5% (с 36,9% до 48,4%)⁴⁴⁴. Некоторые исследователи объясняют данный факт наличием глубоких корней китайской культуры в сознании тайваньцев, о чем, по их мнению, свидетельствует и тот факт, что ДПП удалось прийти к власти лишь в 2000 г.⁴⁴⁵

На наш взгляд, ДПП, напротив, крайне быстро пришла к власти, возможно, даже неожиданно быстро для нее самой⁴⁴⁶. Ни для кого не секрет, что главной причиной поражения Гоминьдана на президентских выборах стал раскол внутри партии и участие довольно популярного в тайваньском обществе в то время Сун Чюя в качестве независимого кандидата в 2000 г. Однако, по нашему мнению, количество проголосовавших за Миньцзиньдан граждан КР (39,3% или 4 977 697 человек) свидетельствует о широкой поддержке партии и ее идей среди тайваньцев⁴⁴⁷. В то же время, то, что ДПП не сумела удержать власть, по нашему убеждению, говорит о недовольстве граждан КР ее экономической политикой и грубой риторикой. Большинство жителей острова, высказываясь за сохранение статус-кво в отношениях между двумя берегами Тайваньского пролива (о чем более подробно речь пойдет в следующих разделах), осознают, что провозглашение в ближайшем будущем независимости Тайваня невозможно не по причине внутренних

⁴⁴² Lee, Wei-chin. Taiwan's Cultural Reconstruction Movement: Identity Politics and Collective Action Since 2000// Issues&Studies. - 2005. - March. - Vol. 41, No.3. - P. 23.

⁴⁴³ Ibid. P. 17.

⁴⁴⁴ См. Приложение 1.

⁴⁴⁵ Lee, Wei-chin. Taiwan's Cultural Reconstruction Movement: Identity Politics and Collective Action Since 2000. P. 36-37.

⁴⁴⁶ Президентские выборы 2000 г. были лишь вторыми по счету в истории острова всеобщими прямыми выборами главы КР.

⁴⁴⁷ Все последующие президентские выборы также демонстрировали наличие у ДПП существенной электоральной базы: 2004 г. – 50,11%, 6 471 970; 2008 г. – 41,55 %, 5 444 949; 2012 г. – 45,63%, 6 093 578; 2016 г. – 56,12%, 6 894 744. Правда, поддержка партии на выборах в Законодательный Юань не всегда была столь внушительной. См. Чжунсюаньхуэй сюаньцзюй цзыляоку ванчжань (Сайт базы данных о выборах Центральной избирательной комиссии Китайской Республики, Тайвань) [Электронный ресурс]// Режим доступа: <http://db.cec.gov.tw/histMain.jsp?voteSel=20080301A1>, свободный.

политических противоречий на самом острове, а прежде всего в связи с внешними факторами – в первую очередь с позицией КНР. Представители «зеленых», которые это также осознают, тем не менее в последние годы правления Чэнь Шуйбяня продолжали свою навязчивую политику, подчеркивающую существующие между различными группами тайваньского населения разногласия и вызывающую раздражение у большинства жителей острова.

В целом Чэнь Шуйбянь и представляемая им ДПП как политическая сила, долгое время подавлявшаяся, затем пребывавшая в оппозиции, а в 2000 г., наконец, получившая властные рычаги, потерпели существенное поражение, стоившее партии поддержки значительной части избирателей. Восьмилетнее правление «сына Тайваня» имело плачевные итоги, которые объясняются целым рядом как объективных, так и субъективных факторов. Наиболее важным является то, что Чэнь Шуйбяню не удалось обеспечить обещанных им высоких темпов экономического роста. Это, с одной стороны, было связано с общемировой экономической ситуацией, а с другой – с зачастую безвыходным положением исполнительной власти КР, многие инициативы которой блокировались Законодательным Юанем, находившимся под контролем оппозиционного «синего» лагеря на протяжении большей части президентского срока Чэня. Трагикомичность Миньцзиньдана и Чэнь Шуйбяня лично заключается также в том, что, придя к власти с декларациями о намерениях расследовать крупные коррупционные дела гоминьдановских функционеров⁴⁴⁸, члены семьи Президента к концу его правления сами оказались главными действующими лицами коррупционных скандалов и судебных процессов. В итоге осенью 2006 г. крупнейшие города Тайваня были охвачены движением так называемых «краснорубашечников» (*хуншаньцзюнь* 紅衫軍) во главе с бывшим соратником Чэнь Шуйбяня по партии Ши Миндэ. Во время митингов, демонстраций и других акций, продолжавшихся вплоть до окончания правления Чэня, «краснорубашечники» требовали отставки Президента, расследования коррупционных дел с участием членов ДПП и т.д. В результате как на самом Тайване, так и за его пределами возникли сомнения в качестве тайваньской демократии, которая была главным идеалом как для самого Чэнь Шуйбяня, так и для возглавляемой им партии.

Несмотря на то, что правление ДПП в целом не является предметом нашего диссертационного исследования, мы осмелимся предположить, что при наличии большого количества разнообразных оценок, значимость данного периода в полной мере еще не отражена. Во время выборов 2008 г. тайваньская пресса была наполнена критическими статьями в адрес Миньцзиньдана, авторство которых принадлежало как противникам, так и сторонникам «зеленых». Немалое место в этой критике занимал национализм ДПП, который характеризовался как единственный

⁴⁴⁸ Проблема вовлеченности гоминьдановских чиновников в крупный бизнес и лоббирования ими интересов тех или иных корпораций получила название проблемы «черного золота». Подробнее см. Карнеев А.Н. Президентские выборы на Тайване, проблемы «черного золота» и политической трансформации // Президентские выборы на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. Материалы научной конференции 4 мая 2000 г. С. 192-223.

козырь партии, которая, однако, не сумела им правильно распорядиться, превратив его в орудие предвыборной борьбы вместо того, чтобы использовать принципы национализма для «укрепления общества»⁴⁴⁹.

Однако, по нашему убеждению, это вовсе не означает, что представители партии Миньцзиньдан лицемерно манипулируют чувствами и исторической памятью тайваньцев и разжигают противоречия между различными этническими группами населения острова лишь для достижения своих сиюминутных политических целей. На самом деле лидеры ДПП, которые в основном (особенно те, которые играли активную роль в политике Тайваня в период с 2000 по 2008 гг.) являются представителями поколения, рожденного между 1931 и 1953 гг., «обладают сильным, почти инстинктивным, импульсом рассматривать политику в этнических терминах». Большая часть из них являются «тайваньцами как с точки зрения места рождения, так и этнического самосознания». Политические взгляды, которые они представляют, являются отражением всей их политической карьеры, построенной в борьбе с ГМД и, следовательно, со всем, что эта партия представляет⁴⁵⁰. То, что подобные политические взгляды встречают поддержку далеко не у всего населения острова, осознается и внутри самой партии Миньцзиньдан, о чем свидетельствуют усилия, предпринятые руководством ДПП и направленные на то, чтобы максимально избежать «этнического шовинизма» в своей политической риторике. Сам Чэнь Шуйбянь в «Сыне Тайваня» многократно подчеркивает, что время миграции на остров нынешних представителей «новой тайваньской семьи» или их предков не имеет никакого значения. Одним из выводов, которые он сделал после поражения на выборах в мэры Тайбэя в 1998 г., является то, что нужно больше прислушиваться и учитывать мнение и настроения *вайшэнжэнь*, а также «направить усилия на смягчение в будущем различий» в понимании вопросов о самоидентификации тайваньцев, идеологии и будущего статуса Тайваня. В разделе, посвященном кадровой политике главы столицы КР в 1994-98 гг., особое внимание уделено отсутствию этнической дискриминации у Чэня, которое демонстрировалось назначением на высокопоставленные должности в городском правительстве выходцев с материка. ДПП провозглашается «партией для каждого, а не для одной этнической группы»⁴⁵¹.

Эти положения были подтверждены в принятой 26 сентября 2004 г. «Резолюции Демократической прогрессивной партии об этническом многообразии и национальном единстве». В этом документе, который был обращен в первую очередь к выходцам с материка, в частности, говорилось, что «тайваньская идентичность создана общими усилиями всех этнических групп,

⁴⁴⁹ Ли Ливэй. Чаоюэ миньцзу чжуи (Преодолевая национализм) [Электронный ресурс]// Цзюю шибао (The Liberty Times). – 2008. – 27 марта. – Тайбэй: The Liberty Times, 2008. – Режим доступа: <http://www.libertytimes.com.tw/2008/new/mar/27/today-o5.htm#>, свободный. - Загл. с экрана.

⁴⁵⁰ Rigger, Shelley. Op. cit. P. 42.

⁴⁵¹ Чэнь Шуйбянь. Указ. соч. С. 50, 30-31, 109-115, 257.

все этнические группы являются хозяевами Тайваня, и родные языки всех этнических групп – это языки Тайваня»⁴⁵².

Однако, как было показано выше, реальные действия партии не всегда соответствовали ее заявлениям. Судя по всему, окончательного исчезновения или хотя бы смягчения этнического вопроса в политической борьбе можно ожидать лишь после прихода в Миньцзиньдан представителей нынешнего молодого поколения тайваньцев.

Несмотря на то, что многие сегодня называют вопрос «тайваньской идентичности» лишь трюком, используемым различными политическими силами острова для завоевания голосов избирателей, а не реально существующей в обществе проблемой, мы все-таки считаем, что сам факт использования этой темы в риторике политических деятелей свидетельствует о ее глубоких корнях в самосознании тайваньцев. При этом данная тема присутствует не только в риторике партии Миньцзиньдан, но и в речах и действиях ее главного соперника.

Президент КР в 2008-2016 гг. и председатель партии Гоминьдан 2005-2007 и в 2009-2014 гг. Ма Инцзю под давлением членов ДПП вынужден постоянно доказывать свою «любовь» к Тайваню. Так, в ноябре 2011 г., за несколько месяцев до своей победы на президентских выборах, он в ответ на обвинение в «предательстве Тайваня» со стороны Миньцзиньдана опубликовал на своей странице в социальной сети Facebook следующее заявление: «Я Ма Инцзю, я люблю Тайвань, я тайванец до мозга костей, я всю жизнь буду защищать Тайвань, это не терпит никаких сомнений»⁴⁵³. Во время открытия предвыборного штаба партии Гоминьдан в Тайбэе в конце октября 2011 г. Ма Инцзю также выступил с речью, в которой заявил, что все его родственники «находятся на Тайване, все являются тайваньцами, и, что еще более важно, все умершие родственники похоронены на Тайване». Президент также добавил, что «все они здесь [на Тайване] хотят, чтобы [он] любил Тайвань, учат и помогают [ему] любить Тайвань»⁴⁵⁴. Еще в 1990-х гг. он начал учить южнофуцзяньский диалект и активно использовал его в своих беседах с населением в ходе многочисленных поездок по острову⁴⁵⁵. Как отмечалось в тайваньских СМИ, главным

⁴⁵² Резолюция Демократической прогрессивной партии об этническом многообразии и национальном единстве// *Гао, Пэт*. Место для всех [Электронный ресурс]// Тайваньская панорама. – 2005. – январь-февраль. – №1. – Тайбэй: Министерство иностранных дел, Китайская Республика (Тайвань), 2005. – Режим доступа: <http://taiwanorama.nat.gov.tw/ct.asp?xItem=37455&CtNode=248&mp=18>, свободный. – Загл. с экрана.

⁴⁵³ Ма Инцзю цзай Facebook фавэнь: во шао чэн хуэй доу ши Тайваньжэнь! (Ма Инцзю опубликовал в Facebook: Я тайванец до мозга костей!) [Электронный ресурс]// Фэнхуанван (Новостной интернет-портал «Феникс»). – 2011. – 05 ноября. – Гонконг: Phoenix New Media Limited, 2011. – Режим доступа: http://news.ifeng.com/taiwan/1/detail_2011_11/05/10438913_0.shtml, свободный. – Загл. с экрана.

⁴⁵⁴ Ма Инцзю: водэ цзяжэнь доу ши Тайваньжэнь (Ма Инцзю: вся моя семья - тайваньцы) [Электронный ресурс]// Информационное агентство «Чжунго пинлунь» (Китайское обозрение). – 2011. – 30 октября. – Гонконг: Информационное агентство «Чжунго пинлунь», 2011. – Режим доступа: <http://www.zhgp.com/doc/1018/8/7/3/101887311.html?coluid=7&kindid=0&docid=101887311>, свободный. – Загл. с экрана.

⁴⁵⁵ *Murakami, Takio*. Ma is re-elected, but voters are wary of his identity [Electronic resource]// *The Asahi Shimbun*. – 2012. – January 16. – Osaka: The Asahi Shimbun Company, 2012. – Режим доступа: <http://ajw.asahi.com/article/asia/china/AJ201201160003>, свободный. – Загл. с экрана.

фактором победы Ма Инцзю в президентской гонке стало то, что он сумел убедить значительную часть населения острова в собственной «тайваньской идентичности»⁴⁵⁶.

Преодолев общепринятые стереотипы о том, что правление Чэнь Шуйбяня окончилось полной катастрофой для ДПП, мы пришли к выводу, что в том, что касается распространения «тайваньской идентичности», этот период все же не прошел даром. По мере уменьшения поддержки ДПП и ее курса идентификация населения КР с Тайванем росла. Об этом свидетельствуют в том числе опросы общественного мнения, приведенные в Приложении 3. Так, в процентном соотношении, количество тех людей, которые определяют себя как «тайваньцев», выросло с 41,5% в 2006 г. до 52,8% в 2008 г., в то время как число относящих себя к «китайцам» уменьшилось с 6,4% до 2,7%⁴⁵⁷. Особенно уверенный рост показатели поддержки «тайваньской идентичности» демонстрируют на протяжении последних восьми лет: с 48,4% в 2008 г. до 59,9% в конце 2015 г.⁴⁵⁸

Несмотря на то, что преобразования в сфере «тайванизации» общественно-политической жизни КР производят впечатление открытой, ничем не маскируемой политики, они, на наш взгляд, возымели определенное действие на подсознание жителей острова. Это демонстрируется, в частности, некоторыми показателями результатов опросов общественного мнения. Так, при ответе на вопрос «Кем вы себя считаете: гражданином мира или гражданином Тайваня?», из 1470 опрошиваемых лишь один отметил некорректность заданного вопроса, сказав, что он является «гражданином КР», в то время как 1021 респондент отнес себя к «гражданам Тайваня»⁴⁵⁹.

Так же, как в годы президентства Чэнь Шуйбяня звучала критика в адрес политики ДПП, чересчур педалирующей тему национального самосознания тайваньцев, так и правительство Ма Инцзю в годы его президентства находилось под пристальным вниманием островной общественности в связи с его действиями по «реставрации» китайского содержания в тайваньском образовании и культуре⁴⁶⁰. В июне 2015 г. возмущение тайваньской общественности вызвал проект Министерства образования КР по внесению поправок в школьную программу, в котором усмотрели попытки действующих властей «лишить Тайвань суверенитета». На острове был проведен ряд митингов под лозунгами «Свои мозги спасем сами», «Проснитесь! Образование – это не политический инструмент», «Отправляйтесь в свой Китай, верните нам наш Тайвань» и др.⁴⁶¹ Это

⁴⁵⁶ Лян Чжимин. Тайвань иши дэ шэнли (Победа тайваньского самосознания) [Электронный ресурс]// Цзыю шибао (The Liberty Times). – 2008. – 27 марта. – Тайбэй: The Liberty Times, 2008. – Режим доступа: <http://www.libertytimes.com.tw/2008/new/mar/27/today-o4.htm>, свободный. – Загл. с экрана.

⁴⁵⁷ Приложение 3. Таблицы 29, 23а.

⁴⁵⁸ Приложение 1. Данный период выходит за хронологические рамки настоящего исследования. Однако его дальнейшее изучение в плане развития «тайваньской идентичности» также представляет большой интерес.

⁴⁵⁹ Приложение 3. Таблица 9а.

⁴⁶⁰ Сяо Ацин. Чунгоу Тайвань: дандай миныйцу чжуи дэ вэньхуа чжэнчжи (Построить Тайвань заново: культурная политика современного национализма). С. 6-10.

⁴⁶¹ Лиши цзяоши чжи цзяокэшу яньгэ Тайвань чжуоань (Преподаватели истории подозревают учебники в отторжении тайваньского суверенитета) [Электронный ресурс]// Цзыю шибао (The Liberty Times). – 2015. – 10 июня. –

позволяет нам прийти к заключению, что «тайваньское самосознание» продолжает играть важную роль в процессе формирования общественного мнения на острове.

4.2 Социологические опросы как главный источник определения современной идентичности населения Тайваня

Как уже было отмечено в Главе 1, главным центром изучения проблемы «тайваньской идентичности» в современной КР является Институт социологии Академии Синика. Этим обусловлено преимущественное использование социологических методов при анализе самоидентификации населения Тайваня, для которых необходимо наличие соответствующих статистических данных. Основными поставщиками подобных данных являются Центр исследований выборов Государственного университета Чжэнчжи и Комитет по делам материкового Китая Исполнительного Юаня КР, которые регулярно (на ежегодной или ежемесячной основе) проводят опросы общественного мнения на Тайване по различным проблемам, связанным с отношениями между двумя берегами Тайваньского пролива и внутривнутриполитической ситуацией на острове. Последняя из указанных организаций в силу своих административных задач в основном предоставляет информацию об отношении граждан КР к различным аспектам взаимодействия через Пролив, таким, как торгово-экономическое, образовательно-культурное сотрудничество между Тайванем и КНР и т.д. Из всех предоставляемых Комитетом данных наибольшее внимание исследователей привлекают результаты опросов общественного мнения, демонстрирующие позицию населения КР к вопросу о независимости Тайваня или его объединении с материковым Китаем, который, как мы уже неоднократно отмечали ранее, во многом обуславливает проблему «тайваньской идентичности»⁴⁶².

Данные об отношении жителей острова к проблеме независимости/объединения также составляются на регулярной основе в Центре исследований выборов Университета Чжэнчжи, который помимо проведения опросов общественного мнения по данному вопросу, также ежегодно составляет данные о самоидентификации населения КР как «тайваньцев» или «китайцев» и о его партийных симпатиях⁴⁶³.

Тайбэй: The Liberty Times, 2015. – Режим доступа: <http://news.ltn.com.tw/news/focus/paper/888061>, свободный. - Загл. с экрана.

⁴⁶² См. Миньи дяоча (Опросы общественного мнения) [Электронный ресурс]// Сайт Комитета по делам материкового Китая Исполнительного Юаня КР. – Режим доступа: <http://www.mac.gov.tw/np.asp?ctNode=6331&mp=1>, свободный. - Загл. с экрана.

⁴⁶³ См. Тайвань миньчжун тайваньжэнь/чжунгожэнь жэньтун цюйши фэньбу (1992.06-2015.06) (Распределение «тайваньской»/ «китайской идентичности» населения Тайваня (1992.06-2015.06) [Электронный ресурс]// Сайт Центра исследований выборов Государственного университета Чжэнчжи, Тайбэй. – Режим доступа: <http://esc.nccu.edu.tw/course/news.php?Sn=166#>, свободный. - Загл. с экрана ; Тайвань миньчжун тунду личан цюйши фэньбу (1994.12-2015.06) (Распределение позиций относительно независимости Тайваня или его объединения с материковым Китаем населения Тайваня (1994.12-2015.06) [Электронный ресурс]// Сайт Центра исследований выборов Государственного университета Чжэнчжи, Тайбэй. – Режим доступа: <http://esc.nccu.edu.tw/course/news.php?Sn=167#>, свободный. - Загл. с экрана ; Тайвань миньчжун чжэндан пняньхао

Для нашего исследования наибольшую ценность представляет схема изменения самоопределения жителей Тайваня с точки зрения причисления ими себя к «китайцам» или «тайваньцам». Для определения позиции населения острова по данному вопросу, сотрудники Центра исследований выборов регулярно проводят телефонные опросы общественного мнения, в ходе которых задают гражданам КР старше 20 лет следующий вопрос: «В нашем обществе некоторые называют себя «китайцами», некоторые – «тайваньцами», а кто-то – и тем, и другим. Скажите, пожалуйста, кем вы себя считаете: «тайваньцем», «китайцем» или и тем, и другим?»⁴⁶⁴.

Как видно из графика Приложения 1 к данной работе, количество людей, определяющих себя как «китайцев» на протяжении последних двадцати лет стремительно уменьшалось, в то время как число тех, кто идентифицирует себя как «тайваньцев», неуклонно росло. Данная тенденция как в академической литературе, так и в СМИ используется в качестве доказательства развития «тайваньской идентичности» жителей КР, под которой чаще всего подразумевается этническая идентичность тайваньцев⁴⁶⁵. Однако, как справедливо, на наш взгляд, отмечают некоторые исследователи, только лишь на основании подобных данных составить полноценную картину самоидентификации населения Тайваня не представляется возможным. Интересно, что Чжан Маогуй и Сяо Синьхуан, первыми применившие подобную форму опросов общественного мнения⁴⁶⁶, в одной из своих ранних статей по теме «тайваньской идентичности», отмечали, что целью их исследования является выявление «самоопределения» (*цзыво жэньдин* 自我認定) жителей острова, а не их «идентичности» (*жэньтун* 認同). По их мнению, человек, который *определяет* себя как «китайца» вовсе не непременно *идентифицирует* себя с материковым Китаем, в то время как те, кто *определяет* себя как «тайваньцев», совсем не обязательно не *идентифици-*

фэньбу (1992.06-2015.06) (Распределение партийных симпатий населения Тайваня (1992.06-2015.06) [Электронный ресурс]// Сайт Центра исследований выборов Государственного университета Чжэнчжи, Тайбэй. – Режим доступа: <http://esc.nccu.edu.tw/course/news.php?Sn=165#>, свободный. - Загл. с экрана.

⁴⁶⁴ Чжоу Инлун. Чжунъяо чжэнчжи тайду фэньбу цюйшиту цзыляо яньцзю фанфа шомин (Методология материалов графиков распределения отношения к наиболее важным политическим вопросам) [Электронный ресурс]// Сайт Центра исследований выборов Государственного университета Чжэнчжи, Тайбэй. – Режим доступа: <http://esc.nccu.edu.tw/course/news.php?Sn=166#>, свободный. - Загл. с экрана. Некоторые исследователи используют статистические данные, полученные из других источников. Так, например, в статье профессора политологии Тайваньского национального университета, директора Института политологии Академии Синика Чжу Юньхана, график изменения самоопределения населения Тайваня с 1993 по 2002 гг. составлен на основе социологических исследований, проведенных в Тайваньском государственном университете под руководством профессора Фу Ху, а также межуниверситетским объединением профессоров в рамках проекта Исследования выборов и демократизации Тайваня (Taiwan's electoral and democratization studies), финансируемого Государственным комитетом по науке Исполнительного Юаня КР. См. *Chu, Yun-han*. Op. cit. P. 501.

⁴⁶⁵ Об этом уже шла речь в разделе 2.4 Главы 2 данной работы.

⁴⁶⁶ Их опросный лист включал шесть вариантов ответа, из которых опрашиваемым (студентам вузов) предлагалось выбрать один, который они считали наиболее подходящим для себя: 1) Я – тайванец; 2) Я – китаец; 3) Я и китаец, и тайванец; 4) Я и тайванец, и китаец; 5) Китаец и тайванец, тайванец и китаец – это одно и то же; 6) другое. См. *Чжан Маогуй, Сяо Синьхуан*. Указ. соч. С. 36. Как мы можем увидеть, используемая в настоящее время в Центре исследований выборов форма опроса является упрощенным вариантом той, которая использовалась сотрудниками Института социологии Академии Синика.

руют себя с китайской культурой. В итоге авторы приходят к выводу, что «самоопределение и идентичность не имеют между собой неперенного отношения тождества»⁴⁶⁷.

Схожей точки зрения придерживается упоминаемый выше У Найдэ, который считает, что подобный метод опроса не всегда способен разграничить этническую и национальную идентичность, поскольку под утверждениями «я тайванец» или «я китаец» может подразумеваться и та, и другая. По мнению У Найдэ, человек, который обладает «тайваньской этнической идентичностью, может быть, а может и не быть сторонником независимости Тайваня. Тот, кто называет себя «тайваньцем», возможно, лишь противопоставляет себя «правительству или населению материкового Китая», но не обладает выраженным «тайваньским самосознанием»⁴⁶⁸.

В литературе, ставящей под сомнение применимость результатов опросов общественного мнения, можно встретить перечисление нескольких значений понятий «тайванец» и «китаец». В частности, указывается на 4 возможных восприятия слова «тайванец». В самом узком смысле под «тайваньцами» подразумеваются составляющие большинство населения острова *хокло*, однако данное значение может быть оспорено представителями других этнических групп острова, в частности, *хакка* и аборигенными народностями, время обоснования которых на Тайване не позднее, а иногда даже раньше, чем у *хокло*. Соответственно в своем втором значении слово «тайваньцы» является синонимом понятия «*бэньшэньжэнь*». Под «тайваньцами» также могут пониматься все люди, родившиеся на Тайване (включая второе поколение выходцев с материка), что может быть также предметом дискуссий во время предвыборных кампаний, в частности обвинений в адрес Ма Инцзю со стороны ДПП в том, что он никогда не сможет стать тайваньцем в силу места своего рождения (Гонконг). Наконец, в самом широком смысле этого слова, под «тайваньцами» подразумеваются все живущие на острове люди, граждане КР на Тайване⁴⁶⁹.

То же самое относится и к понятию «китайцы», которое может иметь различные значения с точки зрения культуры (*хуажэнь* 華人), этнической принадлежности (*ханьцы* или «потомки Яньди и Желтого императора», включая *хуацяо* 華僑 и *хуаи* 華裔⁴⁷⁰, проживающих за пределами Китая или Тайваня), географии (обитатели материкового Китая с точки зрения тайваньцев), политики (граждане КНР в глазах жителей острова, либо граждане и КНР, и КР для иностран-

⁴⁶⁷ То есть, по мнению авторов, «идентичностью» может называться только соотнесение индивидом себя с каким-либо государственным образованием, что, на наш взгляд, не вполне верно. См. Чжан Маогуй, Сяо Синьхуан. Указ. соч. С. 36.

⁴⁶⁸ У Найдэ. Шэньци иши, чжэнчжи чжичи хэ гоцзу жэньтун – Тайвань цзуюнь чжэнчжи лилунь дэ чутань (Сознание происхождения, политическая поддержка и национальная идентичность – к вопросу о теории тайваньской этнической политики). С.34. Следует отметить, что в данной статье, вышедшей в 1993 г., У Найдэ отождествляет понятие «национальной идентичности» (или, точнее, «государственной идентичности») с проблемой независимости Тайваня или его объединения с материковым Китаем. Как было продемонстрировано в разделе 2.2 Главы 2 настоящего исследования, в более поздних статьях автор изменил свое видение данного вопроса.

⁴⁶⁹ Ши Чжэнфэн. Тайваньжэнь дэ гоцзя жэньтун (Национальная идентичность тайваньцев). С. 154-157.

⁴⁷⁰ Оба понятия подразумевают китайцев, живущих за границей, однако если в первом случае имеются в виду китайцы, имеющие гражданство КНР или КР, то вторые включают представителей ханьского этноса, являющихся гражданами иных государств.

цев) и даже экономики («китайская экономическая сфера» - *хуажэнь цзинцзи цюань* 華人經濟圈, включающая некоторых из «четырёх азиатских драконов»⁴⁷¹). Кроме того, для некоторых тайваньцев, особенно для членов и сочувствующих Движению за независимость Тайваня, слово «китайцы» может являться синонимом «правителей извне» (*вайлай тунчжичжэ* 外來統治者) и, следовательно, всех, кто прибыл на Тайвань из материкового Китая после 1945 г. Тайваньские националисты предпочитают не использовать термин «*вайшэнжэнь*», поскольку он подразумевает статус Тайваня как одной из провинций Китая. Тем самым сторонники создания на острове независимого государства подчеркивают существование по две стороны от Тайваньского пролива двух различных наций⁴⁷².

Статистические данные, представленные в работах исследователей проблемы «тайваньской идентичности» не ограничиваются перечисленными выше. Каждый автор, в зависимости от интересующего его аспекта изучаемого вопроса, приводит самые разнообразные результаты опросов общественного мнения. Те, кто специализируется на изучении межэтнических взаимоотношений на Тайване, строят свои выводы на цифрах, демонстрирующих самоопределение жителей острова как «тайваньцев» или как «китайцев», а также их отношения к вопросу о независимости Тайваня или его объединении с материковым Китаем в зависимости от их происхождения (уроженцы острова vs. выходцы с материка). Довольно распространено исследование взаимозависимости национальной идентичности тайваньцев и их партийных симпатий и голосов, отданных тому или иному кандидату во время выборов; ее анализ с точки зрения возраста, пола и уровня образования опрашиваемых и региона проживания⁴⁷³; или же исследование всех этих показателей в комплексе⁴⁷⁴.

Отмечая общую тенденцию увеличения количества людей, причисляющих себя к «тайваньцам» и уменьшения числа тех, кто считает себя «китайцами», также стоит обратить внима-

⁴⁷¹ Государства и регионы в Азии, которые в конце 1970-х гг. продемонстрировали стремительный экономический рост: Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур.

⁴⁷² *Ши Чжэнфэн*. Тайваньжэнь дэ гоцзя жэньтун (Национальная идентичность тайваньцев). С. 159-162, 164.

⁴⁷³ Традиционно считается, что население тайваньского юга имеет более ярко выраженное «тайваньское самосознание», нежели жители северной части острова, с чем связаны и партийные симпатии обитателей этих регионов. Так, согласно распространенному мнению, ДПП является «деревенской партией», большинство сторонников которой проживают в южных районах Тайваня, в то время как северные регионы острова, расположенные ближе к столице КР и в связи с этим населенные представителями более образованных кругов, составляют оплот партии Гоминьдан. См. *Сюй Юнмин*. Указ. соч. С. 33-37. Данный стереотип в настоящее время претерпевает значительную корректировку. Во-первых, это связано с высокой территориальной мобильностью тайваньцев. Во-вторых, президентские и парламентские выборы на острове в январе 2016 г. в условиях падения популярности ГМД продемонстрировали значительное «позеленение» многих регионов, традиционно считавшихся «синими».

⁴⁷⁴ См., например, *Ван Фучан*. Цзуюнь цзечу цзихуэй? Хайши цзуюнь цзинчжэнь? Бэньшэн миньнаньжэнь цзуюнь иши нэйхань юй дицуй чаи моши чжи цзеши (Возможность для межэтнического сближения? Или межэтническая конкуренция? Разъяснение содержания этнического самосознания бэньшэнжэнь южнофуцяньского происхождения и модели региональных различий). С. 16-17, 29-35; *Линь Цзялун*. Указ. соч. С. 3-55; *У Найдэ*. Гоцзя жэньтун хэ чжэндан чжичи. Тайвань чжэндан цзинчжэнь дэ шэхуэй цзичу (Национальная идентичность и поддержка политических партий. Социальная основа партийной борьбы на Тайване). С. 49, 51, 52; *Его же*. Жэньтун чунту хэ чжэнчжи синьжэнь: сянь цзедуань Тайвань цзуюнь чжэнчжи дэ хэсинь наньти (Конфликт идентичностей и политическое доверие: основная трудность в этнической политике Тайваня на современном этапе). С. 89-90; и др.

ние на то, что процентный показатель жителей острова, называющих себя «и тайваньцами, и китайцами», является наиболее стабильным на протяжении последних 20 лет и одним из самых высоких (а с 1992 по 2004 и в 2006-2007 гг. – самым высоким). Данный показатель за указанный период ни разу не опустился ниже 32,5% (2014 г.), при самой высокой отметке в 49,3% (1996 г.). То есть максимальная амплитуда его колебаний составляет не более 35%, в то время как аналогичный показатель для числа тех, кто определяет себя «тайваньцами» (с 17,6% в 1992 г. до 59,9% в 2015 г.) и «китайцами» (с 25,5% до 3,5 % за тот же период), составляет 71% и 86% соответственно⁴⁷⁵.

Некоторые исследователи и представители тайваньских националистических кругов, суммируя показатели тех, кто определяет себя как «тайваньцев», и тех, кто называет себя «и тайваньцами, и китайцами», трактуют данное положение дел как подтверждение укрепления «тайваньского самосознания» у граждан КР. Учитывая неизменное сокращение числа людей, относящих себя только к «китайцам», такое утверждение можно считать вполне справедливым. В то же время данную ситуацию можно трактовать как неготовность значительной части населения Тайваня при осознании определенных отличий между двумя берегами Тайваньского пролива полностью отказаться от своего китайского наследия.

На наш взгляд, составить полное представление об эволюции «тайваньской идентичности» и укреплении «тайваньского самосознания» можно было бы лишь в том случае, если бы указанные данные были дополнены информацией о том, какой конкретный смысл вкладывают опрашиваемые в утверждение о своей принадлежности к «тайваньцам», «китайцам» или и к тем, и к другим, а также о трансформациях, происходящих в самоопределении одних и тех же людей, и их причинах. По нашему убеждению, вопрос о том, кем себя считают жители острова – «тайваньцами», «китайцами» или и теми, и другими – должен быть дополнен вопросом о том, почему они себя причисляют к той или иной группе, что конкретно делает их «тайваньцами» или «китайцами».

К сожалению, работ, проливающих свет на поставленные выше вопросы, практически не существует. На наш взгляд, наиболее близко к решению поставленной задачи с точки зрения составления опросного листа для статистического исследования и включенных в него вопросов, подошли участники исследовательского проекта Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня КР и Государственного университета Чжэнчжи. Форма телефонного опроса (проводившегося в два этапа – с 28 по 31 октября 2006 г. и с 1 по 4 марта 2008 г., по итогам которых было получено 1082 и 1470 опросных листов соответственно) в рамках данного проекта включала более 30 вопросов, выявляющих пол, возраст, происхождение, уровень образования, область занятости, место проживания, язык и круг общения интервьюируемых и затрагивающих

⁴⁷⁵ См. Приложение 1.

самые разные сферы их жизни, такие как отношение к укреплению сотрудничества между двумя берегами Тайваньского пролива; мнение относительно различия между китайской и тайваньской культурой, отношений между различными этническими группами острова в прошлом и в настоящем; партийные симпатии, голоса, отданные в пользу того или иного кандидата на различных политических выборах и др.⁴⁷⁶

Кроме указанных выше материалов телефонных опросов общественного мнения, указанный исследовательский проект также содержит стенограммы нескольких бесед в фокус-группах, в каждой из которых участвовало 7-8 человек определенного возраста и происхождения (*хокло* или *хакка*), под руководством ведущего обсуждающих круг тем, пересекающихся с вопросами из выше описанного статистического исследования. Анализ данных стенограмм затрудняется особенностями устной речи, которая не так проста для понимания в запечатленном на бумаге виде. Однако, как отмечают сами участники данного исследовательского проекта, подобный вид статистической работы несомненно существенно дополняет данные телефонных опросов общественного мнения и помогает лучше понять значение, которым жители острова из самых разных слоев населения наделяют понятие «тайваньской идентичности», а также их отношение к широкому кругу вопросов, связанных с этой проблемой⁴⁷⁷.

Однако, подводя итог вышесказанному, следует признать, что, несмотря на наличие указанных недостатков, без анализа результатов различных социологических исследований невозможно составить представление о тенденциях развития самоопределения тайваньцев.

4.3 «Тайваньская идентичность» и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива.

Как было сказано во Введении, отношения между двумя берегами Тайваньского пролива в настоящее время переживают, пожалуй, наилучшее время в своей истории. После прихода к власти в марте 2008 г. гоминьдановского кандидата Ма Инцзю, выступавшего на выборах с платформой стимулирования экономики Тайваня путем расширения связей с Китаем, между КР и КНР был подписан целый ряд соглашений об экономическом сотрудничестве⁴⁷⁸; в декабре 2008 г. произошло открытие прямого почтового, морского и авиасообщения через Пролив, которое по-

⁴⁷⁶ Перевод результатов этих опросов на русский язык представлен в Приложении 3.

⁴⁷⁷ Записи бесед в фокус-группах. С. 189-389.

⁴⁷⁸ Наиболее важным из них и вызвавшим наибольший диссонанс в тайваньском обществе является Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве между двумя берегами Тайваньского пролива (海峽兩岸經濟合作架構協議, ECFA – Economic Cooperation Framework Agreement), подписанное 29 июня 2010 г. в Чунцине, пров. Сычуань, КНР, которое, как предполагается, должно дать новый мощный толчок к развитию и так многомиллиардной в долларовом исчислении торговле между Тайванем и КНР посредством снижения различных торговых тарифов и барьеров и взаимного допущения в ряд ранее закрытых секторов экономики.

ставило точку в многолетних переговорах о так называемых «трех видах связи»⁴⁷⁹. В 2015 г. доля торговли Тайваня с материковым Китаем составила 22,7% от всей внешней торговли КР (доля экспорта Тайваня в КНР насчитывает 25,4% от общего объема экспорта КР, доля импорта – 19,2%)⁴⁸⁰. По неофициальным данным, в Китае сейчас проживает около миллиона тайваньцев, включающих тайваньских предпринимателей (*тайшан* 台商, подавляющее большинство которых после начала политики реформ и открытости в КНР в конце 1970-х гг. и снятия запрета на посещение материкового Китая на Тайване в 1987 г. перенесли туда свои предприятия), управляющих заводами и фабриками (*тайгань* 台干) и членов их семей⁴⁸¹. Инвестиции *тайшан* в экономику Китая в 2015 г., по официальным данным, измеряются порядка 11 млрд. долларов США, что в среднем составляет 50,5% от всех зарубежных инвестиций КР в указанном году, или 61,4% с 1991 по декабрь 2015 г.⁴⁸²

Вопрос об активизации контактов между двумя сторонами Тайваньского пролива и объеме тайваньских инвестиций в КНР вызывает огромное количество споров на острове и критику со стороны находившейся до недавнего времени в оппозиции ДПП, которая обвиняет Гоминьдан в предательстве интересов Тайваня, в уклоне в сторону политики объединения острова с материковым Китаем, в нанесении ущерба экономике и рынку занятости КР и т.д.⁴⁸³ Кроме того, ГМД упрекают в поддержке интересов не всего населения острова, а лишь тайваньских предпринимателей, деятельность которых имеет тесные связи с противоположным берегом Тайваньского пролива. Некоторые из представителей бизнес-кругов Тайваня, выражая открытую поддержку политике партии Гоминьдан, при этом публично опровергают подобные обвинения, подчеркивая свою «тайваньскую идентичность». Так, например, Ван Сюэхун, председатель Совета директоров одной из наиболее известных в мире тайваньских компаний – HTC, специализирующейся на выпуске мобильных устройств, - на своей личной пресс-конференции, созванной в январе 2013 г.

⁴⁷⁹ Предложение об открытии «трех видов связи» (*саньтун* 三通) между двумя берегами Тайваньского пролива – почтовой, торговой и транспортной – было выдвинуто ПК ВСНП (Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей), органом законодательной власти КНР, еще в 1979 г. Однако вплоть до недавнего времени сообщение между островом и материковым Китаем осуществлялось в основном через Гонконг.

⁴⁸⁰ Лянъань тунцзи (Статистика двух берегов Тайваньского пролива) [Электронный ресурс]// Чжунхуа Миньго Синчжэньюань Далу Вэйюаньхуэй (Сайт Комитета по делам материкового Китая Исполнительного Юаня Китайской Республики, Тайвань). – Режим доступа: http://www.mac.gov.tw/public/ММО/МАС/273_2.pdf, свободный. – Загл. с экрана.

⁴⁸¹ Schubert, Gunter. The Political Thinking of the Mainland Taishang: Some Preliminary Observations from the Field [Electronic resource]// Journal of Current Chinese Affairs (China Aktuell). – 2010. – Vol. 39, No. 1. – P. 74. – Hamburg: Hamburg University Press, 2010. – Режим доступа: <http://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jcca/article/view/201/201>, свободный. – Загл. с экрана.

⁴⁸² Лянъань тунцзи (Статистика двух берегов Тайваньского пролива) [Электронный ресурс]// Чжунхуа Миньго Синчжэньюань Далу Вэйюаньхуэй (Сайт Комитета по делам материкового Китая Исполнительного Юаня Китайской Республики, Тайвань). – Режим доступа: http://www.mac.gov.tw/public/ММО/МАС/274_10.pdf, свободный. – Загл. с экрана.

⁴⁸³ См., например, Цай Инвэнь. Сян Тайвань жэньминь баогао: вомэнь вэйшэньмэ бу хуаньин Чэнь Юньлинь (Доклад тайваньскому народу: почему мы не приветствуем Чэнь Юньлиня) [Электронный ресурс]// Цзыю шибао (The Liberty Times). – 2008. – 03 ноября. – Тайбэй: The Liberty Times, 2008. – Режим доступа: <http://www.libertytimes.com.tw/2008/new/nov/3/today-o1.htm>, свободный. – Загл. с экрана.

через год после избрания Ма Инцзю на пост президента КР на второй срок, наряду с заявлениями о поддержке вновь избранного главы государства и Консенсуса 1992 г.⁴⁸⁴ несколько раз подчеркнула, что она является «истинной тайванькой», которая «благодарит и любит Тайвань»⁴⁸⁵.

Разумеется, у курса, проводимого партией Гоминьдан в 2008-2016 гг., есть свои сторонники и противники среди предпринимателей и политиков. Однако, в свете исследуемой нами проблемы «тайваньской идентичности», о том, что ГМД и лично президент Ма Инцзю на протяжении всего времени его пребывания на посту главы тайваньской администрации теряли свою популярность, свидетельствуют данные опросов общественного мнения, согласно которым рейтинг Ма в качестве президента КР и председателя ГМД в 2013 г. составлял соответственно 13,7%⁴⁸⁶ и 8%⁴⁸⁷.

В данной связи представляют интерес также данные опросов общественного мнения относительно скорости развития контактов между двумя берегами Тайваньского пролива, проводимых Комитетом по делам материкового Китая Исполнительного Юаня КР. Согласно этой таблице, количество тех, кто полагает, что взаимодействие между Тайванем и КНР набирает слишком быстрый ход, только за первый год президентства Ма Инцзю (с марта по декабрь 2008 г.), выросло с 18,9 % до 37,2%, в то время как число людей, считающих развитие этих контактов слишком медленным, за аналогичный период сократилось с 35,2% до 14,5%⁴⁸⁸. В целом соотношение этих двух показателей в годы президентства Ма оставалось довольно стабильным, чего нельзя сказать о времени нахождения у власти Чэнь Шуйбяня. Тогда количество людей, рассматривающих темпы развития отношений через Пролив как слишком быстрые, или, наоборот, медленные, зачастую менялось зигзагообразно, что, безусловно, объясняется особенностями политики ДПП в сфере взаимодействия между Тайванем и КНР в 2000-2008 гг.⁴⁸⁹ При этом число тех, кто выражал удовлетворенность ходом прогресса контактов между двумя берегами Тай-

⁴⁸⁴ Соглашение, достигнутое на встрече представителей КР и КНР в Гонконге в 1992 г., в соответствии с которым участники переговоров признают существование в мире только «одного Китая» при наличии различных интерпретаций этого понятия у обеих сторон.

⁴⁸⁵ Ван Сюэхун бяотай: чжичи цзюэр гунши (Ван Сюэхун выразила свою позицию: она поддерживает Консенсус 1992 года) [Электронный ресурс]// Чжунъян тунсюньшэ (Центральное информационное агентство), CNA. – 2012. – 13 января. – Тайбэй: CNA, 2012. – Режим доступа: <http://www.cna.com.tw/Topic/newstopic/267-11/201201130036-1.aspx>, свободный. - Загл. с экрана.

⁴⁸⁶ Чжичилую децзинь 10%, Ма Инцзю хэнь цзюнь (Рейтинг приблизился к 10%, Ма Инцзю очень удивлен) [Электронный ресурс]// Новостной портал ДОВЭЙ. – 2013. – 22 января. – Нью-Йорк: Chinese Media Net Inc., 2013. – Режим доступа: <http://taiwan.dwnnews.com/news/2013-01-22/59091250.html>, свободный. - Загл. с экрана.

⁴⁸⁷ Чэнь Миньфэн. Ма Инцзю лянжэнь данчжуси, цзинь ю 8% чжичилую (Рейтинг Ма Инцзю перед переизбранием на пост председателя партии всего 8%) [Электронный ресурс]// Журнал «Чжоюэ». – 2013. – Июнь. - №326. – Тайбэй: Ланьхай Чуанъи Вэньхуа, 2013. – Режим доступа: <http://corp.ebook.hyread.com.tw/bookDetail.jsp?id=32347>. - Загл. с экрана.

⁴⁸⁸ Миньи дяоча (Опросы общественного мнения) [Электронный ресурс]// Сайт Комитета по делам материкового Китая Исполнительного Юаня КР. – Режим доступа: <http://www.mac.gov.tw/public/Attachment/5111316374741.pdf>, свободный. - Загл. с экрана.

⁴⁸⁹ Миньи дяоча (Опросы общественного мнения) [Электронный ресурс]// Сайт Комитета по делам материкового Китая Исполнительного Юаня КР. – Режим доступа: <http://www.mac.gov.tw/public/Attachment/9103017174765.gif>, свободный. - Загл. с экрана.

ваньского пролива, оставалось относительно стабильным и чаще всего самым высоким из всех показателей данной таблицы, претерпев колебания от 29,6% до 42,7% в 2002-2007 гг. и от 36,4 % до 48,1 % в 2008-2015 гг.⁴⁹⁰

Еще один важный показатель, имеющий непосредственное отношение к исследуемому нами вопросу и проблеме отношений между двумя берегами Тайваньского пролива, это статистика позиции жителей острова в том, что касается независимости Тайваня или его объединения с Китаем, или, как это определяется некоторыми исследователями, «государственной идентичности» населения КР. Как мы уже отмечали, подобные опросы проводятся и публикуются несколькими учреждениями. Мы в своем исследовании опираемся на график, составленный сотрудниками Центра исследований выборов Государственного университета Чжэнчжи. Он охватывает довольно длительный период времени (с 1994 по 2012 гг.), в отличие от данных, находящихся в открытом доступе на сайте Комитета по делам материкового Китая Исполнительного Юаня КР, которые включают результаты опросов лишь начиная с 1999 г. Однако для отдельного, более детального, исследования соответствующей проблематики, пожалуй, использование помесечных статистических данных последнего было бы предпочтительным. Тем не менее в том, что касается вопроса об отношении к независимости Тайваня или его объединению с материковым Китаем, общая картина графиков, предложенных двумя организациями, в целом совпадает.

Итак, согласно данным Центра исследований выборов, наименьшее количество опрошиваемых (в среднем 3% с 1994 по 2012 гг.) являются сторонниками объединения с Китаем, немногим большее число людей (в среднем 5% за тот же период) считают необходимым скорейшее объявление независимости. Примерно одинаковое количество тайваньцев (приблизительно 12-14%) выступают за сохранение статус-кво и последующее объединение с Китаем либо объявление независимости. При этом следует отметить противоположные тенденции изменения этих показателей при увеличении числа тех, кто склоняется к независимости с 8% в 1994 г. до 16,4% в 2015 г., и уменьшении количества тех, кто выступает за будущее объединение с материковым Китаем, с 15,6% до 7,4% за тот же период⁴⁹¹.

И, наконец, наибольший интерес представляют такие показатели, как число людей, выступающих за «вечное сохранение статус-кво» в отношениях с континентальным Китаем (который вырос с 9,8% до 24,9% с 1994 по 2015 гг.), а также тех, кто является сторонником «сохранения статус-кво и последующего принятия решения» (который в целом сохранял относительную стабильность в исследуемый период на уровне в среднем 34%). Если суммировать два последних показателя, то мы увидим, что число тайваньцев, выступающих за сохранение статус-

⁴⁹⁰ Миньи дяоча (Опросы общественного мнения) [Электронный ресурс]// Сайт Комитета по делам материкового Китая Исполнительного Юаня КР. – Режим доступа: <http://www.mac.gov.tw/public/Attachment/9103017174765.gif>; <http://www.mac.gov.tw/public/Attachment/5111316374741.pdf>, свободный. - Загл. с экрана.

⁴⁹¹ Приложение 2.

кво при тех или иных условиях, составляет абсолютное большинство. Кроме того, достоин упоминания и факт наличия значительного количества опрашиваемых, которые отказались дать ответ на этот вопрос (20,5% и 10,2% в 1994 и 2015 гг. соответственно)⁴⁹².

Приведенные выше данные, по мнению многих, как тайваньских, так и западных исследователей, свидетельствуют о кризисе или неопределенности тайваньской «государственной идентичности» и, соответственно, ставят вопрос о существовании «тайваньской идентичности» в масштабах всего населения острова в целом. Одним из первых изучение этой проблемы предпринял упоминавшийся выше У Найдэ, который в своей статье, представленной на конференции по политологии Тайваня в Государственном университете Чжунчжэн в 2002 г., рассматривает данный вопрос с точки зрения влияния на «национальную идентичность» тайваньцев таких факторов, как «этнокультурная идентичность» (*цзуюнь вэньхуа жэньтун 族群文化認同*) и «соображения практической выгоды» (*учжи лии каолян 物質利益考量*), которые в названии статьи фигурируют под эпитетами «любовь» и «хлеб» соответственно⁴⁹³. В качестве теоретической основы своего исследования У Найдэ использует две противоборствующие концепции сущности коллективной идентичности в социологии, первая из которых рассматривает ее как «изначальную связь индивида с коллективом на чувственном уровне», в то время как согласно другому подходу, коллективная идентичность является «рациональным выбором, в основе которого лежит [та или иная] выгода»⁴⁹⁴. Для написания данной статьи автор провел два опроса общественного мнения, в июне 1998 и декабре 2000 гг. соответственно⁴⁹⁵, в ходе которых интервьюируемым было задано два вопроса:

- 1) Если Тайвань после объявления независимости сможет поддерживать мирные отношения с Китаем, вы поддерживаете независимость Тайваня?;
- 2) Если с точки зрения политического, экономического и социального развития две стороны Тайваньского пролива будут примерно на одинаковом уровне, вы поддерживаете объединение Китая?⁴⁹⁶

Тех, кто отвечал утвердительно на первый вопрос и отрицательно - на второй, У Найдэ называет «тайваньскими националистами» (*Тайвань миньцзу чжунчжэ 台灣民族主義者*, 22,2 % и 17,3% от общего числа опрашиваемых в 1998 и 2000 гг. соответственно), те, кто соглашался со

⁴⁹² Там же.

⁴⁹³ У Найдэ. Мянбао юй айцин: чутань Тайвань миньчжун миньцзу жэньтун дэ бянъдун (Хлеб и любовь: к вопросу об изменениях национальной идентичности населения Тайваня). С. 5-39.

⁴⁹⁴ Там же. С. 7.

⁴⁹⁵ Следует отметить, что в ходе обоих туров опросов интервьюировались одни и те же люди, что является чуть ли не исключительным случаем среди всех существующих исследований общественного мнения по данной тематике. Подобные опросы проводились исследователем и до 1998 г., однако они основывались на случайном выборе опрашиваемых.

⁴⁹⁶ Помимо указанных в опросный лист включался также традиционный вопрос о том, кем индивид себя считает: «тайваньцем», «китайцем» или и тем, и другим.

вторым утверждением и не соглашался с первым, причисляются к «китайским националистам» (*Чжунго миньцзу чжуичжэ* 中國民族主義者, 15,3% и 13,6%), и наконец третью, наиболее многочисленную (37,2% и 43,4%), группу «прагматиков» (*шиюн чжуичжэ* 實用主義者) составляют те, кто давал утвердительный ответ на оба вопроса⁴⁹⁷.

Руководствуясь данными таблиц, составленных путем сопоставления тех или иных результатов указанных опросов, автор приходит к довольно интересным выводам, согласно которым, во-первых, «национальная идентичность населения Тайваня на самом деле пребывает в состоянии крайне нестабильной переменчивости», особенно в том, что касается «тайваньских» и «китайских националистов», и, во-вторых, по сравнению с «экономическим фактором», который «несомненно оказывает влияние на изменения в тайваньской национальной идентичности», все же «этнокультурная идентичность» обладает для нее «гораздо большей скрепляющей силой», то есть «идентичность на чувственном уровне» сильнее «материальной выгоды»⁴⁹⁸.

Аналогичные приведенному выше исследованию можно найти и у других видных тайваньских ученых. В частности, схема, разработанная упоминаемым ранее академиком Чжу Юньханем, представленная в Таблице 2, представляет собой несколько усложненный вариант теории У Найдэ. В частности, последний никак не комментирует данные о людях, которые дали отрицательные ответы на оба поставленных вопроса (6,2% и 2,8% в 1998 и 2000 гг. соответственно)⁴⁹⁹. Также заслуживает внимания факт некоторого расхождения в аналогичных количественных данных, предложенных У и Чжу, что может, пусть и не существенно, но оказать определенное влияние на выводы, следующие из анализа этих цифр.

⁴⁹⁷ У Найдэ. Мяньбао юй айцин: чутань Тайвань миньчжун миньцзу жэньтун дэ бяньюн (Хлеб и любовь: к вопросу об изменениях национальной идентичности населения Тайваня). С. 13-14, 16.

⁴⁹⁸ Там же. С. 6, 17, 30. Слабость второго из приведенных выводов обуславливается тем, что под «этнокультурной идентичностью» имеется в виду ответ на вопрос, кем себя считает тот или иной человек: «тайваньцем», «китайцем» или и тем, и другим. Неоднозначность подобной постановки вопроса, которая уже отмечалась выше, признается и самим исследователем. Там же. С. 33.

⁴⁹⁹ Там же. С. 16.

Таблица 2. Девять вариантов отношения к проблеме независимости Тайваня или его объединения с материковым Китаем и их процентное соотношение в 1993 и 2002 гг. соответственно⁵⁰⁰.

Независимость при благоприятных условиях	Объединение при благоприятных условиях	«Если социальные, экономические и политические условия в материковом Китае станут сопоставимыми с Тайванем, двум сторонам [Тайваньского пролива] следует объединиться»		
		Согласен	Нет мнения	Не согласен
«Если Тайвань сможет сохранить мирные отношения с материковым Китаем после объявления независимости, Тайваню следует стать [самостоятельной] нацией (государством)»	Согласен	Непредубежденный рационалист (24,4% - 22,8%)	Склоняющийся к независимости (2,3% - 4,5%)	Принципиальный сторонник независимости (9,9% - 20,3%)
	Нет мнения	Склоняющийся к объединению (4,9% - 2,8%)	Имеющий пассивное отношение к вопросу (21,1% - 15,3%)	Слабый противник объединения (1,6% - 1,9%)
	Не согласен	Принципиальный сторонник объединения (26,5% - 18,1%)	Слабый противник независимости (2,1% - 3,1%)	Убежденный сторонник сохранения статус-кво (7,2% - 11,2%)

Перечисленные выше исследователи, разумеется, задаются вопросом о том, как трактовать подобную, безусловно уникальную для всего мира, ситуацию, при которой люди, не выражающие определенной национальной идентичности, составляют большинство населения Тайваня и под влиянием каких факторов люди, выступающие за сохранение статус-кво, будут готовы изменить свою позицию в ту или иную сторону⁵⁰¹. У Найдэ в своей статье выдвигает несколько направлений для последующего изучения данной проблемы: действительно ли «прагматики» не обладают никакой национальной идентичностью, или же сочетают две, не желая делать выбор между «Китаем» и «Тайванем»? Считают ли они в условиях современной глобализации наличие

⁵⁰⁰ Chu, Yun-han. Op. cit. P. 503.

⁵⁰¹ Профессор политологии Университета Дьюка, США, Эмерсон Нью (Нью Минши) в своей статье «К вопросу о независимости Тайваня и ее политическом значении», основываясь на результатах социологических опросов, выводы которых аналогичны тем, что были сделаны в ходе исследований У Найдэ и Чжу Юньхана, выделяет 4 таких фактора: 1) реальность военной угрозы со стороны КНР; 2) готовность США оказать поддержку Тайваню в условиях военного конфликта; 3) степень решимости тайваньцев защищать остров в случае атаки материкового Китая; 4) перспективы для превращения Китая в демократическое и процветающее государство. Проблема соотношения «тайваньской идентичности» и позиции в вопросе о независимости/объединении затрагивается Нью лишь в том, что касается корреляции между процентными показателями тех, кто относит себя к «тайваньцам», «китайцам» и к тем, и к другим, и безусловной или условной поддержкой ими независимости Тайваня или его объединения с материковым Китаем. Более того, он выводит совершенно неприемлемое для сторонников «тайваньской идентичности», но несомненно заслуживающее внимания заключение, согласно которому, «если Китай сумеет убедить жителей Тайваня в том, что он становится более процветающим, открытым и демократическим, то объединение станет приемлемым выбором для большего количества тайваньцев». См. Niou, Emerson M.S. Understanding Taiwan Independence And Its Policy Implications// Asian Survey. – P. 555-567 ; *Idem*. A New Measure of Preferences on the Independence-Unification Issue in Taiwan// Journal of Asian and African Studies. – 2005. Vol. 40 (1-2). – P. 91-104.

национальной идентичности необязательным, в отличие от рациональных соображений материальной выгоды, или же в связи со сложными отношениями между Тайванем и КНР временно не готовы выбирать между двумя национальными идентичностями?⁵⁰²

Ответы на данные вопросы действительно важны для понимания эволюции «тайваньской идентичности», однако, на наш взгляд, принимая во внимание историю развития Тайваня начала XXI в., вывод У Найдэ о не столь существенной роли экономического фактора для развития национальной идентичности жителей острова требует некоторых уточнений. По нашему мнению, речь здесь должна идти не об идентичности как таковой, а о готовности ее выражения. Действительно, стремительно растущие экономические и общественные связи между двумя берегами Тайваньского пролива в 1990-е гг. не составили препятствия для увеличивающегося столь же быстрыми темпами количества людей, идентифицирующих себя как «тайваньцев»⁵⁰³. Однако нельзя забывать и о том факте, что последнее десятилетие прошлого века было пиком развития экономики Тайваня, а также его демократической системы. Неудивительно, что на этом фоне значительная часть населения острова могла себе позволить переключиться на другие актуальные для него проблемы, в том числе на вопрос о собственной идентичности. Именно поэтому, по нашему убеждению, не только (и не столько) торгово-экономические контакты между островом и КНР, но и политико-экономическая ситуация в КР сама по себе, разумеется, вкупе с существующими историко-этническими особенностями, оказывает значительное влияние на развитие идентичности ее населения.

Как свидетельствуют социологические данные, политика сдерживания экономических связей между двумя сторонами Тайваньского пролива, которую проводила администрация Чэнь Шуйбяня в 2000-2008 гг., вовсе не способствует более существенному по сравнению с другими временными отрезками укреплению антикитайской «тайваньской идентичности». Ее стремительный рост наблюдался как раз в последующий период президентства Ма Инцзю с его курсом на сближение с Китаем⁵⁰⁴. Возможным объяснением данному явлению могут служить ожидания жителей острова улучшения в результате активизации контактов с материковым Китаем экономической ситуации на Тайване, которая, как и во многих других странах мира, после 2000 г. находилась в состоянии стагнации. Однако, когда подавляющая часть жителей острова не испытала на себе видимых результатов политики действующего президента, для многих «тайваньская идентичность» стала выражаться в терминах переориентации экономики и инвестиций КР с противоположного берега Тайваньского пролива в пределы острова или на другие страны. Разумеется, это заключение требует проверки в ходе дальнейшего изучения данной проблемы. Однако

⁵⁰² У Найдэ. Мянбао юй айцин: чутань Тайвань миньчжун миньцзу жэньтун дэ бянъдун (Хлеб и любовь: к вопросу об изменениях национальной идентичности населения Тайваня). С. 15.

⁵⁰³ Chu, Yun-han. Op. cit. P. 497.

⁵⁰⁴ Приложение 1.

некоторое подтверждение ему можно найти в более поздних по сравнению с указанной статьей У Найдэ исследованиях.

Так, например, авторы исследовательского проекта «Происхождение и политические последствия “тайваньской идентичности”», проанализировав влияние различных факторов (личная выгода, профессиональная/«классовая» принадлежность, регион проживания, этническая принадлежность, политические симпатии и самоидентификация как «тайваньцев», «китайцев» или и тех, и других) на отношение граждан КР к развитию торгово-экономических связей с КНР, пришли к выводу, что важнейшим из них является «оценка собственных интересов» (*цзыпин лии* 自評利益), которая характеризуется исследователями по примеру У Найдэ как фактор «рационального уровня». При этом авторы указанного проекта в продолжение своего исследования также провели анализ факторов, способных оказать влияние на «оценку собственных интересов» жителей острова. В результате они пришли к выводу, что наряду с возрастом, уровнем образования, сферой занятости/классовой принадлежностью, регионом проживания, происхождением и партийными симпатиями такие «эмоциональные/чувственные факторы», как «тайваньское самосознание и самоидентификация как «тайваньцев», «китайцев» или и тех, и других, являются «ключевыми факторами определения населением собственной выгоды или убытков в процессе торгово-экономической либерализации между двумя берегами Тайваньского пролива». Таким образом, согласно заключению, выведенному авторами исследования, «рациональное» и «эмоциональное» являются не противоборствующими силами, определяющими видение жителями Тайваня отношений между островом и КНР, как это описано у У Найдэ, а, наоборот, обуславливают друг друга⁵⁰⁵.

С точки зрения отношения граждан КР к проблеме независимости Тайваня или его объединения с материковым Китаем, а также влияния «тайваньской идентичности» на развитие отношений между двумя берегами Тайваньского пролива, на наш взгляд, к довольно интересным и вполне оправданным выводам приходит в своей работе упоминаемая выше американская исследовательница Шелли Риггер. Ее методология заключается в анализе результатов целого ряда социологических опросов, проведенных тайваньскими исследователями, участники которых были разделены на 4 группы в зависимости от года рождения: 1) поколение, рожденное до 1931 г., чье взросление проходило в условиях японского колониального господства; 2) люди, появившиеся на свет между 1931-53 гг., которые росли в период наиболее жесткого авторитарного правления партии Гоминьдан, когда политическая активность и любые проявления «тайваньской идентичности» всячески подавлялись; 3) тайваньцы, родившиеся между 1954-68 гг., которые в годы своей молодости и зрелости стали свидетелями демократизации его общественно-политической

⁵⁰⁵ Чэнь Лухуэй, Гэн Шу, Чжэн Суфэнь, Ю Цинсинь, Чэнь Чжэнвэй, Чжан Явэнь. Указ. соч. С. 55-59.

жизни; 4) молодое поколение тайваньцев, увидевших жизнь после 1968 г., ко времени взросления которых демократическая трансформация КР была в целом завершена⁵⁰⁶. Результаты этих опросов, подтвержденные беседами автора в фокус-группах с тайваньскими студентами, привели Риггер к утверждению, что широко распространенное мнение, согласно которому тайваньский национализм и, следовательно, «тайваньская идентичность», имеют наибольшее влияние среди молодых тайваньцев, тем самым представляя серьезное препятствие для мирного взаимодействия между двумя берегами Тайваньского пролива, не соответствует действительности. Наоборот, представители третьего и четвертого поколений, в отличие от их старших соотечественников (особенно тех, кто родился между 1931-53 гг. и составляет подавляющую часть современных активистов Движения за независимость Тайваня), проявляют если не положительное, то, по крайней мере, нейтральное отношение к материковому Китаю. В их предпочтениях относительно будущего развития Тайваня прагматизм и рациональность играют гораздо более существенную роль, нежели идеализм или политическая идеология⁵⁰⁷. Однако это не означает, что представители молодого поколения готовы отказаться от своей «тайваньской идентичности» в пользу «китайской». Среди них количество тех, кто определяет себя как «китайцев», ничуть не больше, чем среди лиц второго поколения (5,4% и 6,3% для третьего и четвертого поколений соответственно, и 6,6% для второго поколения. См. Таблицу 3). То же можно сказать и об отношении молодых тайваньцев к проблеме независимости острова или его объединения с материковым Китаем (см. Таблицу 4).

Таблица 3. Этническое самосознание в зависимости от поколения, 2005 г.⁵⁰⁸

Поколение	Тайваньцы (%)	И те, и другие (%)	Китайцы (%)	Отказались ответить	Другое
1	35,9	32,8	26,6	4,7	0,0
2	46,0	40,8	6,6	1,4	5,2
3	40,2	48,4	5,4	0,7	5,2
4	39,8	51,5	6,3	0,4	2,0
Всего	41,2	46,9	7,1	1,0	3,8

⁵⁰⁶ Подобные исследования со схожими выводами проводились и некоторыми другими учеными, в частности, Чжу Юньханем, который разделил опрашиваемых на предмет их самоидентификации и отношения к проблеме независимости/объединения людей на 3 группы: 1) «поколение Е», 20-35 лет; 2) «родившиеся во время послевоенного демографического взрыва», 36-55 лет; 3) «довоенное поколение», старше 56 лет. Возраст указан на момент написания статьи в 2004 г. См. *Chu, Yun-han*. Op. cit. P. 502.

⁵⁰⁷ *Rigger, Shelley*. Op. cit. P. Vii-viii, 19.

⁵⁰⁸ *Ibid*. P. 24.

Таблица 4. Предпочтения относительно независимости/объединения Тайваня с Китаем в зависимости от поколения, 2005 г.⁵⁰⁹

Поколение	Объединение немедленно (%)	Статус-кво, затем объ- единение (%)	Независимость немедленно (%)	Статус-кво, затем незави- симость (%)	Статус-кво, затем приня- тие решения (%)	Статус-кво навсегда (%)
1	0,0	12,7	7,9	12,7	11,1	34,9
2	1,7	10,0	8,7	12,8	25,6	18,0
3	1,7	13,5	7,1	14,0	33,7	22,4
4	2,9	14,5	5,1	18,3	39,3	16,3
Всего	2,1	13,0	6,8	15,3	32,7	19,7

Как отмечает Шелли Риггер, тайваньцы, рожденные после 1968 г., выросли в обществе, в котором «тайваньская идентичность» «превозносилась», а не отрицалась, как в первые 20-30 лет после перехода Тайваня под власть КР. «Быть тайваньцем стало предметом гордости, а не стыда». Именно поэтому «тайваньская идентичность» для молодого поколения – это нечто естественное, а не то, что нужно яростно отстаивать в борьбе с авторитарным режимом, как это было для представителей старших поколений. «Тайваньская идентичность» молодых тайваньцев проявляется в их приверженности демократическим ценностям, но в то же время они безразличны к политической риторике, будучи крайне обеспокоенными экономическими перспективами Тайваня. Один из студентов, участвовавших в фокус-группах, в ответ на вопрос о том, какие из характеристик Тайваня он считает наиболее ценными, ответил, что «самая ценная вещь у нас – это наша экономика». Его реплика была дополнена высказыванием другого участника группы, который заявил, что экономика наиболее важна, но исключительно потому, что демократия «укоренилась» в обществе, сравнив первую и последнюю с «воздухом и водой»⁵¹⁰.

По мнению многих представителей тайваньской молодежи, большинству из которых чужда синофобия⁵¹¹, разделяемая многими активистами тайваньского национализма из старших поколений, экономические интересы острова неразрывно связаны с противоположным берегом Тайваньского пролива, что демонстрируется следующим заявлением молодого тайваньского журналиста:

⁵⁰⁹ Ibid. P. 25.

⁵¹⁰ Ibid. P. 51, 53-54.

⁵¹¹ По наблюдениям Чжу Юньхана, одним из объяснений этому может служить тот факт, что Китай, который наблюдает современная тайваньская молодежь, становится все более сильным и процветающим, в отличие от представления о нем как об отсталой стране с тоталитарным режимом, бытовавшем на острове в прошлые десятилетия. См. *Chu, Yun-han*. Op. cit. P. 506.

*Китай – это реальность, он находится в непосредственной близости от нас. Когда дело касается будущего развития Тайваня, будь то его политика, экономика, общество, культура и даже международные отношения, так называемый «китайский фактор» – это то, что мы не можем игнорировать*⁵¹².

Таким образом, принимая во внимание все приведенные выше данные, можно сделать вывод, что самоидентификация населения КР, особенно его молодых представителей, с Тайванем, или, другими словами, обладание «тайваньской идентичностью» вовсе не обязательно означает приверженность к идеалам Движения за независимость острова и негативное отношение к активизации контактов между двумя сторонами Тайваньского пролива. И, наоборот, зачастую принимающие параноидальную форму заявления о том, что инвестиции тайваньских предпринимателей в КНР означают предательство Тайваня и отказ от «тайваньской идентичности» не соответствуют действительности. Тем не менее нельзя отрицать, что «тайваньское самосознание» жителей острова проявляется в том числе и в том, как они оценивают экономическое взаимодействие между двумя берегами Тайваньского пролива. Поводом для проявления «тайваньской идентичности», как показывают последние события, в частности «Движение против монополизации СМИ» 2012 г., «Движение подсолнухов» в марте 2014 г.⁵¹³, становится не интенсификация связей между двумя берегами Тайваньского пролива сама по себе, а осознание невыгодности этих связей для жителей острова. Более того, как оказалось, значительное число тайваньцев, прежде всего молодого поколения, склонны рассматривать действия гоминьдановских властей, направленные на укрепление отношений между островом и материковым Китаем, как угрозу для безопасности Тайваня, что тоже можно трактовать как репрезентацию «тайваньской идентичности» в КР.

Вполне вероятно, что данные выводы подлежат корректировке со временем, по мере дальнейшего развития отношений между двумя берегами Тайваньского пролива. Однако на современном этапе говорить о прогнозируемом росте числа людей, выступающих за объединение Тайваня с Китаем, не приходится. Среди прочего это тесно связано и с укоренившимся в обществе КР «тайваньским самосознанием».

⁵¹² Цит. по: Rigger, Shelley. Op. cit. P. 54-55.

⁵¹³ Главными участниками указанных движений являются представители тайваньского студенчества. Поводом для первого из них стало образование Корпорации «Ван ван чжун ши» (旺旺中時集團) путем скупки Корпорацией «Ван ван» (旺旺集團) акций газеты «Чжунго шибао», телеканалов «Чжунтянь» (中天) и «Китайское телевидение» (Чжунго дяньши 中國電視). Поводом для беспокойства тайваньской общественности стало то, что основные интересы Корпорации «Ван ван», изначально созданной на острове, сосредоточены в материковом Китае. Тем самым, по мнению участников Движения, создается угроза свободе тайваньских СМИ и опасность влияния на них со стороны Пекина. В ходе «Движения подсолнухов» тайваньские студенты на некоторое время оккупировали и устроили сидячую забастовку в здании Законодательного Юаня КР в знак протеста против подписания «Соглашения по торговле услугами между двумя берегами Тайваньского пролива» (海峽兩岸服務貿易協議, Cross-Strait Service Trade Agreement), процесс принятия которого в парламенте, по их мнению, был слишком быстрым и не соответствующим закону. В результате правительство КР отложило подписание указанного соглашения и согласилось с требованием протестующих создать механизм общественного контроля за принятием соглашений с материковым Китаем.

Выводы к Главе 4. Проблема «тайваньской идентичности» крайне актуальна для современного общества КР, о чем свидетельствуют многочисленные опросы общественного мнения по соответствующей тематике. Учитывая, что вопрос «тайваньской идентичности» непосредственно касается такой геополитической проблемы, как отношения между островом и КНР, то одним из важнейших показателей этих социологических исследований является внушительное количество тайваньцев, которые выступают за сохранение статус-кво в этих отношениях. При этом активизация контактов через Пролив многими воспринимается как один из факторов, способных оказать влияние на изменение сложившейся ситуации. Высказываются предположения, что при определенных условиях – в случае демократизации режима КНР – экономические выгоды могут перевесить идеалы идентичности, как национальной, так и государственной, в сознании тайваньцев. По нашему мнению, эти предположения не вполне обоснованы. Действительно, тайваньцы в условиях не вполне благоприятной экономической ситуации на острове готовы рассматривать различные варианты ее преодоления, в том числе интенсификацию торгово-экономического сотрудничества с противоположным берегом Тайваньского пролива. Однако это вовсе не означает возможности коренных сдвигов в самосознании жителей острова как представителей исторически сложившегося «воображаемого сообщества».

Одним из факторов, оказавших неоспоримое влияние на представления жителей острова о «тайваньской идентичности» и способствовавших оживлению дискуссии относительно «тайваньского самосознания», является политика «тайванизации» и «декитаизации» всех сфер жизни КР, проводимая правящей в 2000-2008 гг. ДПП в лице президента Чэнь Шуйбяня. Эту политику можно трактовать по-разному: как, с одной стороны, эффективную с точки зрения воздействия на подсознание населения Тайваня, а с другой – контрпродуктивную в том, что касается достижения консенсуса в обществе относительно самоопределения его членов. Большую роль, на наш взгляд, в этот период сыграла некоторая «одержимость» Чэнь Шуйбяня и его сторонников вопросами построения «тайваньской нации» и ее символической репрезентации, сопровождаемая непродуманностью в решении других, прежде всего социально-экономических проблем населения острова. Все это в итоге привело к новой перестановке сил на политической арене КР, когда партия Гоминьдан одержала убедительную победу как на парламентских, так и на президентских выборах 2007 и 2008 гг. соответственно. Однако крах Чэнь Шуйбяня и ДПП не означал поражения идеи «тайваньской идентичности». Существенных изменений в самосознании жителей Тайваня не произошло. Намечившаяся ранее тенденция увеличения числа людей, определяющих себя как «тайваньцев», наблюдается и в настоящее время, при чем демонстрируя не менее устойчивый рост, нежели в 2000-2008 гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей диссертационной работе была предпринята попытка провести комплексное исследование истоков и нынешнего состояния проблемы «тайваньской идентичности». Это одна из наиболее политизированных тем в современной тайванистике, что создает определенные трудности для исследователей в плане отбора и анализа источников и литературы. Однако без понимания сущности, предпосылок возникновения и последующей эволюции представлений об особом «тайваньском самосознании» невозможно объективно оценивать и прогнозировать будущее развитие такой важной для Азиатско-Тихоокеанского региона геополитической проблемы, как отношения между двумя берегами Тайваньского пролива.

В ходе проведенного нами исследования мы пришли к следующим выводам:

1. В связи с крайней политизированностью, а также неоднозначностью интерпретации понятия «тайваньской идентичности» в литературе в качестве «национальной» (в некоторых случаях «этнической») или «государственной», мы выявили некоторую закономерность использования того или другого термина тайваньскими исследователями. При том что современное понятие «нация», являющееся наименованием группы людей, неотделимо от понятия «государство», акцент на одной из этих составляющих английского словосочетания «*national identity*» при переводе его на китайский язык как «национальная» или «государственная идентичность» зачастую отражает личные политические воззрения того или иного исследователя. Так, авторы, идейно близкие к «зеленому» лагерю, в основном склонны интерпретировать «тайваньскую идентичность» как «национальную». Исследователи, поддерживающие «синий» лагерь, делают акцент на идентификации с государством, поскольку, согласно традиционной гоминьдановской идеологии, существует лишь одна китайская нация, частью которой является и подавляющее число тайваньцев. При этом действительность такова, что в настоящее время на двух берегах Тайваньского пролива фактически существуют две государственные системы. По логике авторов, разделяющих идеологию Гоминьдана, идентичность жителей острова должна строиться на основе не культурно-этнических факторов, а политических ценностей современной Китайской Республики. Их оппоненты, особенно из числа радикальных тайваньских националистов, наоборот, подчеркивают «национально-этническую» составляющую идентичности, тем самым отражая точку зрения некоторых идеологов и теоретиков национализма, согласно которой собственное государство достойна иметь лишь та социальная группа людей, которую можно считать «нацией».

На наш взгляд, проблема «тайваньской идентичности» заключается в самоидентификации тайваньцев по культурно-этническому признаку. Именно он лежит в основе противоречий между основными группами населения острова, в то время как в том, что касается привержен-

ности тем или иным политическим идеалам (демократия, соблюдение прав человека и т.д.), общественное мнение граждан Китайской Республики в целом едино. Другими словами, подавляющее большинство тайваньцев определяют себя как сообщество, ограниченное рамками определенной территории (независимо от предпочтений в плане ее формального названия), обладающее общей культурой. При этом в обществе имеются значительные расхождения с точки зрения интерпретации содержания этой культуры.

2. Объективные предпосылки для складывания «тайваньского самосознания» можно проследить с самого начала массовой миграции ханьцев из прибрежных провинций (прежде всего Фуцзянь и Гуандун) материкового Китая в XVII в. Пренебрежение по отношению к отдаленному Тайваню со стороны центрального правительства, довольно ограниченные возможности для жителей острова участвовать в политической жизни страны путем сдачи экзаменов на государственные должности и другие факторы способствовали обособлению тайваньского общества от остальной части Китая после вхождения острова в состав Цинской империи. Этот процесс стал еще более очевидным в результате превращения Тайваня в японскую колонию в 1895 г. На протяжении 50 лет контакты между островом и материком носили эпизодический характер. В силу объективных причин тайваньцы активно впитывали черты японской культуры и образа жизни, которые можно проследить и в современном тайваньском обществе, и в облике тайваньских городов. Однако в том, что касается формирования представлений о «тайваньской идентичности», то есть субъективного восприятия индивидом себя в качестве члена той или иной группы людей, то, на наш взгляд, роль периода японского колониального господства в этом в существующей литературе несколько преувеличена. Действительно, осознавая свое более низкое положение по сравнению с выходцами из метрополии, тайваньцы противопоставляли себя им. Но в это время большую роль в их осознании собственных отличий от японцев играли элементы китайской культуры и факт ханьского происхождения значительной части населения острова. Исторические истоки проблемы «тайваньской идентичности» в ее современном измерении, то есть в соответствии формуле «мы тайваньцы, потому что мы не китайцы», по нашему убеждению, можно относить лишь к периоду после 1945 г.

3. В данной связи наиболее подходящим инструментарием для исследования проблемы «тайваньской идентичности» мы считаем конструктивистский подход к вопросам формирования и развития этничности, наций и национализма. В рамках этой концепции можно отметить, что «воображаемое сообщество» тайваньцев является продуктом особых исторических обстоятельств, проявивших себя в относительно недавнем прошлом. Речь идет прежде всего о неэффективной административной политике и коррупции гомиьндановского правительства на острове после его передачи под суверенитет Китайской Республики в 1945 г., отношении к тайваньцам со стороны новых властей как к людям «второго сорта», событиях 28 февраля 1947 г.,

недопущении большинства «коренных» тайваньцев к чиновничьим должностям, способствующем отчуждению между уроженцами острова и выходцами с материка и др. Все это можно отнести к факторам, оказавшим влияние на формирование представления «коренных» жителей Тайваня о себе как об ущемленной в политическом отношении группе, которое впоследствии приобрело этническую окраску.

Представления, соответствующие инструменталистской концепции, о том, что «тайваньская идентичность» является исключительно результатом целенаправленных действий определенных политических сил, представляется нам крайне неубедительной. Эта идея действительно достигла высокой популярности в 1990-е годы, когда она не просто не подавлялась, а даже служила одной из идеологических основ властных элит. Политика «тайванизации» общественно-политической жизни острова не могла не способствовать переменам в общественном сознании граждан Китайской Республики. Но, на наш взгляд, подобное было бы невозможно при отсутствии почвы, созревшей за период гоминьдановского авторитаризма.

4. Вместе с тем, по нашему убеждению, среди факторов, способствовавших становлению, эволюции и последующей популяризации представлений о «тайваньской идентичности», существенное значение имеет политика гоминьдановского правительства по распространению на острове «китайского самосознания». Эта политика традиционно воспринимается населением Тайваня как подавление тайваньской культуры и одно из главных препятствий к развитию восприятия жителями острова себя в качестве тайваньцев. В некотором смысле подобное утверждение соответствует действительности. Более того, меры ГМД по насаждению на Тайване «китайской идентичности» были вполне эффективными. Большинство жителей острова искренне воспринимали себя в качестве носителей традиционной китайской культуры, «правильной» китайской письменности, которые подвергаются уничтожению в материковом Китае, находящемся под управлением «коммунистических бандитов». Однако парадоксальным образом именно подобное самовосприятие тайваньцев способствовало возникновению у них субъективного ощущения собственных отличий от остального Китая, которое – в том числе под влиянием сложившихся к тому времени определенных общественно-политических факторов – еще более четко обозначилось после открытия сообщения между двумя берегами Тайваньского пролива.

5. Наиболее важным периодом с точки зрения манифестации «тайваньского самосознания» несомненно является время пребывания у власти партии Миньцзиньдан. Партия, которая столь триумфально – и во многом неожиданно для себя – выиграла на выборах 2000 г., потерпела не менее сокрушительную неудачу в 2008 г. Для многих это событие стало знаком поражения пропагандируемой ДПП идеи «тайваньской идентичности». Действительно, среди причин краха партии, помимо низких показателей экономического роста, частых ситуаций по-

литического тупика, когда инициативы административной власти блокировались оппозиционной коалицией в Законодательном Юане, а также коррупционных скандалов, значительное место занимает ее неумелая, иногда поспешная, порой слишком прямолинейная политика в области культуры и идентичности. Несмотря на попытки Чэнь Шуйбяня и его соратников демонстрировать собственную приверженность идеалам мультикультурализма, их национализм все же носил откровенно этнический характер, возвышая некоторые группы населения Тайваня над другими. Ничем не прикрытые атаки ДПП на символы исторической памяти китайцев, прибывших на остров вместе с Чан Кайши, никак не могли способствовать сглаживанию противоречий между уроженцами острова и выходцами с материка.

Между тем все выше сказанное не означает падения привлекательности идеи «тайваньской идентичности» как в общественно-политической риторике, так и в сознании подавляющего большинства тайваньцев. Это подтверждается, в частности, и результатами опросов общественного мнения, демонстрирующих довольно существенное увеличение количества людей, определяющих себя как «тайваньцев», после 2008 г.

6. Во многом из-за описанной выше политики ДПП в 2000-2008 гг. сегодня на Тайване довольно часто можно услышать заявления о том, что проблема идентичности, занимающая ключевое место во внутривнутриполитической борьбе, не является наиболее актуальным вопросом современного тайваньского общества. Также широко распространено мнение о слабости перспектив развития тайваньского национализма в качестве центрального фактора внутренней политики острова. Разумеется, как и многие другие страны и регионы, Тайвань сегодня стоит перед лицом серьезных социально-экономических, экологических и других вызовов. Но, по нашему убеждению, проблема «тайваньской идентичности» по-прежнему находит немаловажное отражение в общественном мнении жителей острова. Недавние протесты против редактирования учебников по истории Министерством образования, акции вандализма по отношению к таким символам власти Китайской Республики, как памятники Сунь Ятсену, существенная доля данного вопроса в политической риторике Тайваня, а также результаты последних президентских и парламентских выборов являются лишь подтверждением этому.

7. Среди факторов, потенциально способных оказать влияние на будущее развитие идеи «тайваньской идентичности», важное значение сегодня придается тесным связям между двумя берегами Тайваньского пролива, как в сфере экономики, так и в других областях. Одной из наиболее интересных тем для исследователей в настоящее время являются особенности самоидентификации около миллиона тайваньцев, проживающих и работающих в КНР. Интенсификация контактов между островом и материком воспринимается в некоторых кругах тайваньского общества как угроза национальной идентичности жителей Тайваня и путь к объединению с коммунистическим Китаем.

Действительно, согласно данным социологических опросов, до 2008 г. значительная часть тайваньцев высказывалась за расширение экономического сотрудничества между двумя берегами Тайваньского пролива. Однако подобные настроения были связаны не с изменениями в идентичности жителей острова, а с их обеспокоенностью собственным благосостоянием, в качестве одного из средств улучшения которого они рассматривали возможности, предоставляемые материковым Китаем. В условиях консолидации демократии в тайваньском обществе его требования к администрации острова довольно высоки, как и степень критики в адрес ее политических решений. Таким образом, природа призывов предпринимательских кругов Тайваня к активизации контактов между островом и КНР в условиях антикитайской риторики правящей до 2008 г. ДПП та же самая, что и причины недовольства гоминьдановской политикой по сближению с материковым Китаем. В основе и того, и другого лежит скорее неудовлетворенность собственным экономическим положением, но не изменения в коллективной идентичности. Судя по результатам опросов общественного мнения, сегодня можно наблюдать скорее укрепление поддержки идеи «тайваньской идентичности», нежели ее ослабление.

Будучи носителями китайской культуры (пожалуй, даже в большей степени, чем этого хотелось бы наиболее радикальным тайваньским националистам), жители Тайваня обладают целым рядом черт и особенностей, обусловивших важные системные различия между населением двух сторон Тайваньского пролива. Речь идет, прежде всего, о соревновательном духе, возвращенном в ходе исторического соперничества между «коренными» тайваньцами и выходцами с материка и воплотившемся в современной политической системе острова. Также стоит отметить непоколебимую веру жителей Тайваня в идеалы демократии, что объясняется не только длительными тесными связями с США, но и наличием здесь традиции прямых выборов на низовом уровне, возникших в годы японского колониального господства и сохранившихся в период авторитарного правления ГМД. Кроме того, нельзя отрицать того факта, что иммигранты из материкового Китая, прибывшие на Тайвань до 1945 г., будучи людьми низкого социального происхождения, в то же время обладали высокой степенью пассионарности. Им была присуща бóльшая клановая сплоченность и предприимчивость по сравнению с другими жителями Поднебесной.

Таким образом, тайваньцы представляют собой в некотором роде «мутировавшее» общество. Вопрос заключается в том, прошла ли эта «мутация» «точку невозврата». Существует ли вероятность того, что феномен «тайваньского самосознания» оставит лишь след в истории и канет в лету под влиянием каких-либо политических или социально-экономических факторов?

В данной связи любопытна потенциальная возможность (или невозможность) эволюции идеологии партии Гоминьдан и ее позиции в отношении проблемы «тайваньской идентично-

сти». Начиная с конца 1970-х гг., и особенно в эпоху Ли Дэньхуэя, Гоминьдан сделал многое для того, чтобы стать «тайваньской» партией. Современный ГМД не отказывается от принципа «одного Китая» и до сих пор отстаивает идею о «единой китайской нации». При этом в настоящее время эти положения не пропагандируются столь же открыто и настойчиво, как прежде. Афиширование своей «китайской идентичности» и отсутствие «тайваньского самосознания» в той или иной форме сегодня является «политическим самоубийством» для любого претендента на государственную должность, включая представителей ГМД. Однако позиция партии в сфере политики идентичности и ее влияние на общественное мнение на острове относятся к числу важных тем, не получивших подробного освещения в академических кругах и требующих дальнейшего изучения.

Еще одним немаловажным фактором является, несомненно, политика КНР в отношении Тайваня и будущее внутривластное развитие материкового Китая в целом. Наиболее интересным выглядит вопрос о том, какова вероятность усиления «китайской идентичности» жителей острова в ущерб их «тайваньскому самосознанию» в случае сближения двух сторон Тайваньского пролива с точки зрения экономической и политической систем. Дать однозначный ответ на этот вопрос крайне трудно.

С одной стороны, в условиях, когда принцип права наций на самоопределение вновь привлекает к себе все большее внимание со стороны мировой общественности, в ближайшем будущем мы наверняка увидим продолжение борьбы со стороны континентального Китая за господство собственных убеждений в отношении «тайваньского вопроса». КПК скорее всего будет использовать широкую гамму рычагов воздействия на общественное мнение острова в русле как «жесткой» (в рамках действия Антисецессионного закона 2005 г.), так и «мягкой силы» и укрепления экономической привязки Тайваня к КНР. Сюда можно отнести предоставление льготных условий тайваньским фермерам и рыбакам при экспортировании их продукции на материк, экспорт дешевой рабочей силы из материка на Тайвань, создание совместных китайско-тайваньских конгломератов в кредитно-финансовой, промышленной и телекоммуникационной сферах, координация монетарной и макроэкономической политики Тайбэя и Пекина. В последнее время наблюдаются также скупка акций ведущих периодических изданий острова, привлечение на учебу в КНР все большего числа тайваньских студентов, поощрение дальнейшего взаимного проникновения массовой культуры двух сторон Тайваньского пролива и т.д. (хотя следует отметить, что после вступления Цай Инвэнь в должность главы тайваньской администрации эти меры могут в некоторой степени утратить свою результативность, а от ее позиции по принципу «одного Китая» во многом зависит вероятность эскалации военного противостояния в Тайваньском проливе).

С другой стороны, даже если допустить возможность существенных политических реформ в КНР, Китай наверняка все равно останется государством с высоким уровнем бюрократической политической культуры, что в целом претит тайваньцам с присущими большинству из них космополитизмом и индивидуализмом. К тому же переход КПК на более компромиссную позицию в отношении Тайваня с той же степенью вероятности может повлечь за собой и дальнейшее раскрепощение жителей острова в том, что касается определения и консолидации их идентичности.

Еще совсем недавно можно было повсеместно услышать мнение о том, что Китай, как огромный экономический магнит, в конечном итоге перетянет Тайвань на свою сторону. Это казалось тем более предсказуемым с учетом нынешней довольно расплывчатой позиции США в отношении Тайваня – остров сегодня уже не пользуется столь существенной политической поддержкой Америки, как в годы холодной войны. Однако в условиях глобализации становится очевидно, что в таких вопросах, как самосознание людей, невозможно механистически строить прогнозы в опоре лишь на такие факторы, как показатели экономического роста того или иного государства.

Таким образом, на современном этапе проблема «тайваньской идентичности», наряду с вопросами геополитики, демократии и пр., является важнейшим фактором, препятствующим интеграции двух берегов Тайваньского пролива. Этот же фактор обуславливает межпартийную борьбу на самом острове. Наступит ли когда-нибудь день, когда в результате превращения Тайваня в полноценного члена международного сообщества или, наоборот, его «возвращения в лоно Родины» проблема «тайваньской идентичности» перестанет быть главным «нервом» его внутренней политики, которая будет походить на таковую в других странах с развитой экономикой? Учитывая особенности современного политического развития обеих заинтересованных сторон, скорее всего, это произойдет не скоро.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Официальные документы:

1. Гоцзя тунъи ганлин (Программа объединения государства (принята 23 февраля 1991 г. Комитетом по объединению государства Китайской Республики) [Электронный ресурс]// Частная библиотека 360doc. – Режим доступа: http://www.360doc.com/content/11/1110/18/3590607_163374506.shtml, свободный. – Загл. с экрана.
2. Е Цзяньин о возвращении Тайваня в лоно родины и мирном объединении (текст интервью Председателя ПК ВСНП Е Цзяньина от 30 сентября 1981 г.) [Электронный ресурс]// Китайский информационный Интернет-центр. – Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/russian/32102.htm>, свободный. - Загл. с экрана.
3. Миньчжу цзиньбу дан дан ган (Программа Демократической прогрессивной партии) [Электронный ресурс]// Официальный сайт Демократической прогрессивной партии. – Режим доступа: http://www.dpp.org.tw/upload/history/20100604120114_link.pdf, свободный. - Загл. с экрана.
4. Миньчжу цзиньбу дан дан чжан (Устав Демократической прогрессивной партии) [Электронный ресурс]// Официальный сайт Демократической прогрессивной партии. – Режим доступа: <http://www.dpp.org.tw/history.php>, свободный. - Загл. с экрана.
5. Резолюция Демократической прогрессивной партии об этническом многообразии и национальном единстве// *Гао, Пэм.* Место для всех [Электронный ресурс]// Тайваньская панорама. – 2005. - январь-февраль. - №1. – Тайбэй: Министерство иностранных дел, Китайская Республика (Тайвань), 2005. – Режим доступа: <http://taipanorama.nat.gov.tw/ct.asp?xItem=37455&CtNode=248&mp=18>, свободный. - Загл. с экрана.
6. *Сюй Шикай.* Тайвань гунхэго сяньфа цаоань (Проект Конституции Тайваньской Республики) [Электронный ресурс]// Taiwan Heart. – Режим доступа: <http://taiwanheart.ning.com/group/heart01/forum/topics/tai-wan-gong-he-guo-xian-fa>, свободный. - Загл. с экрана.
7. Тайвань гунхэго линьши сяньфа (Временная Конституция Тайваньской Республики (опубликована 1 сентября 1956 г. в Токио))// *Цзэн Маодэ.* Цун чаньши Тайвань гунхэго линьши сяньфа шикуй Ляо Вэньи шидай 1950's Тайвань гунхэго линьши сяньфа (Беглый взгляд на Временную Конституцию Тайваньской Республики эпохи Ляо Вэньи 1950-х гг. путем ее толкования)// Цзыцзюэ юй жэньтун – 1950-1990 нянь хайвай тайваньжэнь юньдун чжуаньцзи (Самоопределение и идентичность - сборник, посвященный движениям тайваньцев за границей в 1950-1990 гг.)/ под ред. Чжан Яньсяня [и др.]. – Тайбэй: Фонд источников по истории Тайваня им. У Саньяня, 2005. - С. 203-209.
8. Тайвань дули цзяньго лянмэн чжэнцэ ганлин (Политическая программа Союза независимости Тайваня и создания государства) [Электронный ресурс]// Сайт Союза независимости Тайваня и создания государства. – Режим доступа: <http://www.wufi.org.tw/關於聯盟/台灣獨立建國聯盟政策綱領/>, свободный. - Загл. с экрана.

9. Тайвань жэньминь цзыцзю юньдун сюаньянь (Декларация движения за самоспасение тайваньского народа, опубликована 20 сентября 1964 г.) [Электронный ресурс]// Taiwanus.net Inc. – Режим доступа: <http://www.taiwanus.net/Ebooks/TasteOfFreedom/refer.htm>, свободный. - Загл. с экрана.
10. Верховенство права – правосудие переходного периода [Электронный ресурс]// Управление Верховного комиссара по правам человека ООН. – Режим доступа: <http://www.ohchr.org/RU/Issues/RuleOfLaw/Pages/TransitionalJustice.aspx>, свободный. - Загл. с экрана.
11. Фань фэньле гоцзя фа (Закон о противодействии расколу государства) [Электронный ресурс]// Агентство Синьхуа. – 2005.- 14 марта. – Пекин: XINHUANET.com, 2005. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/newscenter/2005-03/14/content_2694168.htm, свободный. - Загл. с экрана.
12. Цзян Цзэминь: вэй цуцзинь цзугу тунгьи дэ дае дэ ваньчэн эр цзисюй фэньдоу (Цзян Цзэминь: продолжать борьбу для способствования завершению великого дела объединения родины). Речь Цзян Цзэминя от 30.01.1995 («восемь пунктов Цзян Цзэминя») [Электронный ресурс]// Агентство Синьхуа. – 2005.- 25 января. – Пекин: XINHUANET.com, 2005. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/taiwan/2005-01/26/content_2510849.htm, свободный. - Загл. с экрана.

Опросы общественного мнения и записи бесед в фокус-группах:

13. Записи бесед в фокус-группах// *Чэнь Лухуэй, Гэн Шу, Чжэн Суфэнь, Ю Цзинсинь, Чэнь Чжэнвэй, Чжан Явэнь*. Тайвань жэньтун дэ циюань юй чжэнчжи сяого чжи яньцзю: Синчжэньюань гоцзя кэсюэ вэйюаньхуэй чжуаньти яньцзю цзихуа чэнго баогао (Происхождение и политические последствия тайваньской идентичности): доклад о результатах исследовательского проекта по специальной теме Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня). – Тайбэй: Государственный комитет по науке Исполнительного Юаня, 2010. - С. 189-389. [Электронный ресурс]// Сюэшу дяоча яньцзю цзыляоку (База научных исследований и опросов Академии Синика). – Режим доступа: <https://srda.sinica.edu.tw/group/sciitem/3/1134>, свободный. - Загл. с экрана.
14. Лянгань хушэ баньшичу миньдяо (хань тунду, гоцзу жэньтун) (Опрос общественного мнения на предмет взаимного создания представительств по обе стороны Тайваньского пролива (включая вопрос о независимости или объединении и о национальной идентичности) [Электронный ресурс]// TVBS Миньши дяоча чжунсинь (Центр исследований общественного мнения компании TVBS). – Режим доступа: http://home.tvbs.com.tw/static/FILE_DB/PCN/201311/20131106112618651.pdf, свободный. - Загл. с экрана.
15. Ма Си хуэй юй гоцзу жэньтун миньдяо (Опрос общественного мнения на предмет встречи Ма Инцзю и Си Цзиньпина и национальной идентичности) [Электронный ресурс]// TVBS Миньши дяоча чжунсинь (Центр исследований общественного мнения компании TVBS). – Режим доступа: http://home.tvbs.com.tw/static/FILE_DB/PCN/201311/20131106112520608.pdf, свободный. - Загл. с экрана.
16. Миньши дяоча (Опросы общественного мнения) [Электронный ресурс]// Сайт Комитета по делам материкового Китая Исполнительного Юаня КР. – Режим доступа: <http://www.mac.gov.tw/np.asp?ctNode=6331&mp=1>, свободный. - Загл. с экрана.

17. Тайвань миньчжун тайваньжэнь/чжунгожэнь жэньтун цюйши фэньбу (1992.06-2015.06) (Распределение «тайваньской»/ «китайской идентичности» населения Тайваня (1992.06-2015.06) [Электронный ресурс]// Сайт Центра исследований выборов Государственного университета Чжэнчжи, Тайбэй. – Режим доступа: <http://esc.nccu.edu.tw/course/news.php?Sn=166#>, свободный. - Загл. с экрана.
18. Тайвань миньчжун тунду личан цюйши фэньбу (1994.12-2015.06) (Распределение позиций относительно независимости Тайваня или его объединения с материковым Китаем населения Тайваня (1994.12-2015.06) [Электронный ресурс]// Сайт Центра исследований выборов Государственного университета Чжэнчжи, Тайбэй. – Режим доступа: <http://esc.nccu.edu.tw/course/news.php?Sn=167#>, свободный. - Загл. с экрана.
19. Тайвань миньчжун чжэндан пянхэао фэньбу (1992.06-2015.06) (Распределение партийных симпатий населения Тайваня (1992.06-2015.06) [Электронный ресурс]// Сайт Центра исследований выборов Государственного университета Чжэнчжи, Тайбэй. – Режим доступа: <http://esc.nccu.edu.tw/course/news.php?Sn=165#>, свободный. - Загл. с экрана.
20. Телефонные опросы общественного мнения// Чэнь Лухуэй, Гэн Шу, Чжэн Суфэнь, Ю Цинсинь, Чэнь Чжэнвэй, Чжан Явэнь. Тайвань жэньтун дэ циюань юй чжэнчжи сяого чжи яньцзю: Синчжэньюань гоцзя кэсюэ вэйюаньхуэй чжуаньти яньцзю цзихуа чэнго баогао (Происхождение и политические последствия тайваньской идентичности): доклад о результатах исследовательского проекта по специальной теме Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня). – Тайбэй: Государственный комитет по науке Исполнительного Юаня, 2010. - С. 87-188. [Электронный ресурс]// Сюэшу дяоча яньцзю цзыляоку (База научных исследований и опросов Академии Синика). – Режим доступа: <https://srda.sinica.edu.tw/group/sciitem/3/1134>, свободный. - Загл. с экрана.
21. Чжоу Инлун. Чжунъяо чжэнчжи тайду фэньбу цюйшиту цзыляо яньцзю фанфа шомин (Методология материалов графиков распределения отношения к наиболее важным политическим вопросам) [Электронный ресурс]// Сайт Центра исследований выборов Государственного университета Чжэнчжи, Тайбэй. – Режим доступа: <http://esc.nccu.edu.tw/course/news.php?Sn=166#>, свободный. - Загл. с экрана.

Мемуары:

На русском языке:

22. Ли Дэньхуэй. Позиция Тайваня. - М.: Изд-во МГУ, Институт стран Азии и Африки, 2000. – 272 с.
23. Чэнь Шуйбянь. Сын Тайваня. - М.: ИД «Муравей», 2001. – 270 с.

На английском языке:

24. Peng Ming-min. A Taste of Freedom. Memoirs of a Formosan Independence Leader. - Upland: Taiwan Publishing Co., 2005. – 270 p.

На китайском языке:

25. Кэ Цихуа. Тайвань цзяньюй дао: Кэ Цихуа дэ хуэйилу (Остров-тюрьма Тайвань: воспоминания Кэ Цихуа). – Гаосюн: Ди и чубаньшэ, 2008. – 230 с.

26. *Ли Чжэньчжоу*. Хошаодао ди и ци синьшэн: игэ байсэ кунбу шоунаньчжэ дэ хуэйи (Первые перерожденные на Огненном острове: воспоминания жертвы белого террора). – Тайбэй: Шибao, 1994. – 185 с.
27. *Сюй Шикай, Лу Цяньхуэй*. Тайвань ши тайваньжэнь дэ гоцзя (Тайвань – это государство тайваньцев). – Тайбэй: Юйшаньшэ, 2008. – 206 с.
28. *Чжан Гуанчжи*. Фаньшужэнь дэ гуши (История одного тайваньца). – Тайбэй: Ляньцзин, 1998. – 168 с.
29. *Чжу Тяньсинь*. Сян во цзюаньцунь дэ сюндимэнь (Думая о моих братьях из цзюаньцунь). – Тайбэй: Инькэ, 2002. – 256 с.

Статьи и монографии активистов Движения за независимость Тайваня, ДПП, а также сторонников «китайского самосознания»:

30. *Гао Игэ*. Тайвань лиши иши вэньти (Проблема тайваньского исторического самосознания)// Тайвань иши луньчжань сюаньцзи (Избранные произведения относительно дискуссии о тайваньском самосознании)/под ред. Ши Миньхуэя (Чэнь Фанмина). – Тайбэй: Цяньвэй, 1988. - С. 163-171.
31. *Ли Тяньфу*. Чжунго сысян – тайваньжэнь дэ гуаньдянь (Китайский тупик – взгляд тайваньца)// Цзыцзюэ юй жэньтун – 1950-1990 нянь хайвай тайваньжэнь юньдун чжуаньцзи (Самоопределение и идентичность - сборник, посвященный движениям тайваньцев за границей в 1950-1990 гг.)/ под ред. Чжан Яньсяня [и др.]. – Тайбэй: Фонд источников по истории Тайваня им. У Саньляня, 2005. - С. 89-96. Первоначально издано как: *Li Thian-hok* (李天福). The China Impasse: A Formosan View// Foreign Affairs (An American Quarterly Review). –April. - 1958. - P. 437-448.
32. *Линь Чжишэн, Хэ Жуйюань*. Тайвань цзуй чжун дивэй: 1 (Окончательный статус Тайваня: том 1). - Тайбэй: издано Линь Чжишэном, 2008. – 494 с.
33. *Лу Чжуи*. Цзыю дэ хаоцзяо – 3F цзи UFI чжи циюань (Горн свободы: истоки 3F и UFI)// Цзыцзюэ юй жэньтун – 1950-1990 нянь хайвай тайваньжэнь юньдун чжуаньцзи (Самоопределение и идентичность - сборник, посвященный движениям тайваньцев за границей в 1950-1990 гг.). - Тайбэй: Фонд источников по истории Тайваня им. У Саньляня, 2005. - С. 73-96.
34. *Люй Сюлянь*. Тайвань: гоцуй юй вэйлай (Тайвань: прошлое и будущее). – Тайбэй: Чжибэньцзя вэньхуа, 2003. – 214 с.
35. *Сюй Синьян*. Синьсин миньцзу (Поднимающаяся нация). – Тайбэй: Юаньлю, 1995. – 429 с.
36. Тайваньжэнь бу яо «чжунго иши» (Тайваньцам не нужно «китайское самосознание»)// Тайвань иши луньчжань сюаньцзи (Избранные произведения относительно дискуссии о тайваньском самосознании)/под ред. Ши Миньхуэя (Чэнь Фанмина). – Тайбэй: Цяньвэй, 1988. - С. 115-118.
37. *Фань Вэньфан*. Юйянь сюэчжэ лунь Тайду (Независимость Тайваня в рассуждениях филологов)// Тайвань дули дэ лилунь юй лиши (Теория и история движения за независимость Тайваня)/ под ред. Чжуан Ваньшоу. – Тайбэй: Цяньвэй, 2002. - С.161-178.

38. *Хуан Чжаотан*. Жибэньдэ тайду юньдун (Движение за независимость Тайваня в Японии)// Цзыцзюэ юй жэньтун – 1950-1990 нянь хайвай тайваньжэнь юньдун чжуаньцзи (Самоопределение и идентичность - сборник, посвященный движениям тайваньцев за границей в 1950-1990 гг.). - Тайбэй: Фонд источников по истории Тайваня им. У Саньляня, 2005. - С. 51-58.
39. *Хуан Чжаотан*. Точу цзичэн гоцзя лилунь, фэньле гоцзя лилунь, лай цучэн синьшэн гоцзя дэ даньшэн: Тайвань синьшэн гоцзя лилунь (Отказ от теории наследования государства и теории расколотого государства ради способствования рождению нового государства: теория нового Тайваньского государства)// Тайвань дули дэ лилунь юй лиши (Теория и история движения за независимость Тайваня)/ под ред. Чжуан Ваньшоу. – Тайбэй: Цяньвэй, 2002. - С. 11-42.
40. *Хуан Чжаотан*. Чжаньхоу Тайвань дули юньдун юй Тайвань миньцзу чжуи дэ фачжань (Развитие Движения за независимость Тайваня и тайваньского национализма после Второй мировой войны) [Электронный ресурс]// Сайт Союза независимости Тайваня и создания государства. – Режим доступа: <http://www.wufi.org.tw/戰後台灣獨立運動與台灣民族主義的發展-2/>, свободный. - Загл. с экрана.
41. *Цзэн Маодэ*. Цун чаньши Тайвань гунхэго линьши сяньфа шикуй Ляо Вэньи шидай 1950's Тайвань гунхэго линьши сяньфа (Беглый взгляд на Временную Конституцию Тайваньской Республики эпохи Ляо Вэньи 1950-х гг. путем ее толкования)// Цзыцзюэ юй жэньтун – 1950-1990 нянь хайвай тайваньжэнь юньдун чжуаньцзи (Самоопределение и идентичность - сборник, посвященный движениям тайваньцев за границей в 1950-1990 гг.). - Тайбэй: Фонд источников по истории Тайваня им. У Саньляня, 2005. - С. 203-212.
42. *Цзянь Чжунсун* (под псевдонимом *Цзянь Юн*). Тайду чжэ тiao лу (Путь тайваньской независимости)// Цзыцзюэ юй жэньтун – 1950-1990 нянь хайвай тайваньжэнь юньдун чжуаньцзи (Самоопределение и идентичность - сборник, посвященный движениям тайваньцев за границей в 1950-1990 гг.). - Тайбэй: Фонд источников по истории Тайваня им. У Саньляня, 2005. - С. 110-117.
43. *Чжэн Циньжэнь*. Тайвань гоцзя лунь: лиши вэньхуа иши юй гоминь иши дэ синчэн (Теория тайваньского государства: историко-культурное сознание и формирование национального сознания). – Тайбэй: Цяньвэй, 2009. – 416 с.
44. *Чэнь Инчжэнь*. Вэйлэ миньцзу дэ туаньцзе юй хэпин (Ради единения и мира нации)// Тайвань иши луньчжань сюаньцзи (Избранные произведения относительно дискуссии о тайваньском самосознании)/ под ред. Ши Миньхуэя (Чэнь Фанмина). – Тайбэй: Цяньвэй, 1988. - С. 61-66.
45. *Чэнь Лунчжи*. «Тайвань дэ дули юй цзяньго» - фасин саныши и нянь хоу дэ хуэйгу юй чжаньван («Независимость Тайваня и создание государства» – воспоминания и взгляд в будущее через 31 год после выпуска)// Тайвань дули дэ лилунь юй лиши (Теория и история движения за независимость Тайваня)/ под ред. Чжуан Ваньшоу. – Тайбэй: Цяньвэй, 2002. – С. 43-87.
46. *Ши Миньхуэй (Чэнь Фанмин)*. Тайвань сян цян цзоу – цзай лунь даонэй «Тайвань иши» дэ луньчжань (Тайвань движется вперед – еще раз к вопросу о дискуссии относительно «тайваньского самосознания» на острове)// Тайвань иши луньчжань сюаньцзи (Избранные произведения относительно дискуссии о тайваньском самосознании)/ под ред. Ши Миньхуэя (Чэнь Фанмина). – Тайбэй: Цяньвэй, 1988. - С. 19-30.

47. *Ши Миньхуэй (Чэнь Фанмин)*. Чжуши даонэй и чан «Тайвань иши» дэ луньчжань (Приглядываясь к дискуссии о «тайваньском самосознании» на острове)// Тайвань иши луньчжань сюаньцзи (Избранные произведения относительно дискуссии о тайваньском самосознании)/ под ред. Ши Миньхуэя (Чэнь Фанмина). – Тайбэй: Цяньвэй, 1988. – С. 1-18.
48. *Ши Чжэнфэн*. Миньцзу цыццзюэцюань – Тайвань дули цзяньго дэ миньцзу чжуи гуаньдянь (Право наций на самоопределение – националистический взгляд на создание на Тайване независимого государства)// Тайвань дули дэ лилунь юй лиши (Теория и история движения за независимость Тайваня)/ под ред. Чжуан Ваньшоу. – Тайбэй: Цяньвэй, 2002. – С. 179-217.
49. *Яо Цзявэнь*. Цзюцзиньшань хэюэ. Тайвань дэ шифанлин (Сан-Францисский мирный договор. Приказ об освобождении Тайваня). – Чжанхуа: Гуаньхуай вэньцзяо цзицзиньхуэй, 2001. – 32 с.

СМИ и популярные издания:

На русском языке:

50. *Гао, Пэт*. Меняющаяся история [Электронный ресурс]// Тайваньская панорама. – 2003. – январь-февраль. – №1. – Тайбэй: Министерство иностранных дел, Китайская Республика (Тайвань), 2005. – Режим доступа: <http://taipanorama.nat.gov.tw/ct.asp?xItem=38850&CtNode=248&mp=18>, свободный. – Загл. с экрана.
51. *Гао, Пэт*. Место для всех [Электронный ресурс]// Тайваньская панорама. – 2005. – январь-февраль. – №1. – Тайбэй: Министерство иностранных дел, Китайская Республика (Тайвань), 2005. – Режим доступа: <http://taipanorama.nat.gov.tw/ct.asp?xItem=37455&CtNode=248&mp=18>, свободный. – Загл. с экрана.
52. *Гао, Пэт*. Обретение письма [Электронный ресурс]// Тайваньская панорама. – 2005. – январь-февраль. – №1. – Тайбэй: Министерство иностранных дел, Китайская Республика (Тайвань), 2005. – Режим доступа: <http://taipanorama.nat.gov.tw/ct.asp?xItem=37457&CtNode=248&mp=18>, свободный. – Загл. с экрана.
53. *Хуан, Джим*. Колониальные раны [Электронный ресурс]// Тайваньская панорама. – 2003. – январь-февраль. – №1. – Тайбэй: Министерство иностранных дел, Китайская Республика (Тайвань), 2003. – Режим доступа: <http://taipanorama.nat.gov.tw/ct.asp?xItem=38853&CtNode=248&mp=18>, свободный. – Загл. с экрана.
54. *Хуан, Джим*. Назад к корням [Электронный ресурс]// Тайваньская панорама. – 2002. – январь-февраль. – №1. – Тайбэй: Министерство иностранных дел, Китайская Республика (Тайвань), 2002. – Режим доступа: <http://taipanorama.nat.gov.tw/ct.asp?xItem=39264&CtNode=248&mp=18>, свободный. – Загл. с экрана.
55. *Чжун, Оскар*. Ни «батат», ни «таро» [Электронный ресурс]// Свободный Китай. – 1999. – март-апрель. – №2. – Тайбэй: Министерство иностранных дел, Китайская Республика (Тайвань), 1999. – Режим доступа:

<http://taipanorama.nat.gov.tw/ct.asp?xItem=38299&CtNode=248&mp=18>, свободный. - Загл. с экрана.

56. Чэнь Шу-мэй. Не будьте LKK – говорите по-тайваньски! [Электронный ресурс]// Свободный Китай. – 1999. - март-апрель. - №2. - Тайбэй: Министерство иностранных дел, Китайская Республика (Тайвань), 1999. – Режим доступа: <http://taipanorama.nat.gov.tw/ct.asp?xItem=38309&CtNode=248&mp=18>, свободный. - Загл. с экрана.

На английском языке:

57. Ching, Cheong. Will Taiwan Break Away? The Rise of Taiwanese Nationalism. – Singapore: World Scientific, 2001. – 291 p.
58. Ching, Frank. Growing Taiwanese identity puts fear in Beijing [Electronic resource]//NewStraitsTimes. – 2012. - June 07. – Режим доступа: <https://www.highbeam.com/doc/1P1-205924661.html>. - Загл. с экрана.
59. Crook Steven. Taiwan Studies Goes Global [Electronic resource]// Taiwan Review. – 2007. – October. – Vol. 57, No. 10. – Taipei: Ministry of Foreign Affairs, Republic of China (Taiwan), 2007. – Режим доступа: <http://www.taiwantoday.tw/ct.asp?xItem=24694&ctNode=2198&mp=9>, свободный. - Загл. с экрана.
60. Harris, Bryan. Taiwan's Identity is its Greatest Resource [Electronic resource]// Taipei Times. – 2012. - April 08. – Taipei: The Taipei Times, 2012. Режим доступа: <http://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2012/04/08/2003529784/1>, свободный. - Загл. с экрана.
61. Hsiao, Hsin-Huang Michael. Taiwan Identity and China: 1987-2007 [Electronic resource]// openDemocracy. – 2008. - March 19. – Режим доступа: http://www.opendemocracy.net/article/democracy_power/china_taiwan_identity, свободный. - Загл. с экрана.
62. Murakami, Takio. Ma is re-elected, but voters are wary of his identity [Electronic resource]// The Asahi Shimbun. – 2012. -January 16. – Osaka: The Asahi Shimbun Company, 2012. – Режим доступа: <http://ajw.asahi.com/article/asia/china/AJ201201160003>, свободный. - Загл. с экрана.

На китайском языке:

63. Ван Сюэхун бяотай: чжичи цзюэр гунши (Ван Сюэхун выразила свою позицию: она поддерживает Консенсус 1992 года) [Электронный ресурс]// Чжунъян тунсюньшэ (Центральное информационное агентство), CNA. – 2012. – 13 января. – Тайбэй: CNA, 2012. – Режим доступа: <http://www.cna.com.tw/Topic/newstopic/267-11/201201130036-1.aspx>, свободный. - Загл. с экрана.
64. Вомэнь вэй шэньмэ чэнли «Тайвань вайшэн цзиди Тайвань дули чжюаньхуэй» (Зачем мы основали Ассоциацию потомков «вайшэнжэнь» на Тайване для содействия независимости Тайваня). Интервью пресс-секретаря Ассоциации газете «Цзю шибао», 16 февраля 1992 года// Вайшэнжэнь, Тайвань синь (Выходцы с материка - тайваньское сердце)/ под ред. Ассоциации выходцев с материка для содействия независимости Тайваня. – Тайбэй: Цяньвэй, 1992. - С. 40-47.

65. *Кэ Цзиньинь*. 5/22 Чжаохуэй шило дэ Тайвань цзиншэнь=Яньтао Жибэнь вэньхуа дуй Тайвань дэ инсян-Цзюйхуа юй цзянь (22 мая 2011 года: Дух поиска утраченного Тайваня. Обсуждение влияния японской культуры на Тайвань. «Хризантема и меч») [Электронный ресурс]// Taiwanus.net Inc. – Режим доступа: <http://www.taiwanus.net/news/press/2011/201105150457401581.htm>, свободный. - Загл. с экрана.
66. *Лао Бао*. Мингюнь гунтунти (Общность единой судьбы) [Электронный ресурс]// Ежедневный журнал «Синь Тайвань» (Новый Тайвань). – 2009. – 03 июня. – Тайбэй: ООО «Бэньту вэньхуа шие», 2009. – Режим доступа: <http://www.newtaiwan.com.tw/bulletinview.jsp?bulletinid=91050>, свободный. - Загл. с экрана.
67. *Ли Ливэй*. Чаоюэ миьцзу чжуи (Преодолевая национализм) [Электронный ресурс]// Цзыю шибао (The Liberty Times). – 2008. – 27 марта. – Тайбэй: The Liberty Times, 2008. – Режим доступа: <http://www.libertytimes.com.tw/2008/new/mar/27/today-o5.htm#>, свободный. - Загл. с экрана.
68. *Ли Сяофэн*. 228 шицзянь дэ лиши цзеши (Историческое объяснение инцидента 28 февраля) [Электронный ресурс]// Цзыю шибао (The Liberty Times). – 2010. – 28 февраля. – Тайбэй: The Liberty Times, 2008. – Режим доступа: <http://www.wufi.org.tw/二二八事件的歷史解釋/>, свободный. - Загл. с экрана.
69. *Ли Сяофэн*. Цун «гоу цюй чжу лай» дао сань чжи сяо чжу (От «собаки ушли, свиньи пришли» к трем маленьким свиньям) [Электронный ресурс]// Цзыю шибао (The Liberty Times). – 2011. – 11 декабря. – Тайбэй: The Liberty Times, 2011. – Режим доступа: <http://www.libertytimes.com.tw/2011/new/dec/11/today-o11.htm>, свободный. - Загл. с экрана.
70. *Ли Чжэнсю*. Лянъань гуаньси цзоусян: гунгу сяньчжуан, хэпин фачжань (Направление развития отношений между двумя берегами Тайваньского пролива: укрепление статус-кво, мирное развитие) [Электронный ресурс]// Фонд исследований национальной политики (National Policy Foundation). – 2012. – 14 ноября. – Тайбэй: National Policy Foundation, 2012. – Режим доступа: <http://www.npf.org.tw/post/1/11614>, свободный. - Загл. с экрана.
71. Лиши цзяоши чжи цзяокэшу яньгэ Тайвань чжуцюань (Преподаватели истории подозревают учебники в отторжении тайваньского суверенитета) [Электронный ресурс]// Цзыю шибао (The Liberty Times). – 2015. – 10 июня. – Тайбэй: The Liberty Times, 2015. – Режим доступа: <http://news.ltn.com.tw/news/focus/paper/888061>, свободный. - Загл. с экрана.
72. *Лян Чжимин*. Тайвань иши дэ шэнли (Победа тайваньского самосознания) [Электронный ресурс]// Цзыю шибао (The Liberty Times). – 2008. – 27 марта. – Тайбэй: The Liberty Times, 2008. – Режим доступа: <http://www.libertytimes.com.tw/2008/new/mar/27/today-o4.htm>, свободный. - Загл. с экрана.
73. *Ма Инцзю*. Жэньцюань чжи ю игэ бяочжунь – цун «эрэрба» дао «байсэ кунбу» дэ лиши майло (Существует только один стандарт для прав человека: историческая связь между «инцидентом 28 февраля» и «белым террором») [Электронный ресурс]// Цзыю шибао (The Liberty Times). – 2003. – 28 февраля. – Тайбэй: The Liberty Times, 2003. – Режим доступа: <http://www.libertytimes.com.tw/2003/new/feb/28/today-o5.htm>, свободный. - Загл. с экрана.
74. *Ма Инцзю*: водэ цзяжэнь доу ши Тайваньжэнь (Ма Инцзю: вся моя семья - тайваньцы) [Электронный ресурс]// Информационное агентство «Чжунго пинлунь» (Китайское обозрение). – 2011. – 30 октября. – Гонконг: Информационное агентство «Чжунго пинлунь»,

2011. – Режим доступа: <http://www.zhgp1.com/doc/1018/8/7/3/101887311.html?coluid=7&kindid=0&docid=101887311>, свободный. - Загл. с экрана.
75. Ма Инцзю цзай Facebook фавэнь: во шао чэн хуэй доу ши Тайваньжэнь! (Ма Инцзю опубликовал в Facebook: Я тайванец до мозга костей!) [Электронный ресурс]// Фэнхуан-ван (Новостной интернет-портал «Феникс»). – 2011. – 05 ноября. – Гонконг: Phoenix New Media Limited, 2011. – Режим доступа: http://news.ifeng.com/taiwan/1/detail_2011_11/05/10438913_0.shtml, свободный. - Загл. с экрана.
76. Мао Юйши: Дяюйдао мэю GDP юй Жибэнь чунту бу хэсуань (Мао Юйши: Архипелаг Дяюйдао не дает ВВП, вступать в конфликт с Японией нерентабельно) [Электронный ресурс]// Фэнхуан шипинь (Телевидение «Феникс»). – 2013. – 17 февраля. - Гонконг: Phoenix New Media Limited, 2011. – Режим доступа: <http://v.ifeng.com/news/opinion/201302/9100e1f5-eeda-49c2-b38b-51ca551edc44.shtml>, свободный. - Загл. с экрана.
77. Мао Юйши: тунги Тайвань дэ сяоминь чжи цзянь (Мао Юйши: взгляд простого народа на вопрос о присоединении Тайваня) [Электронный ресурс]// Айсысян. – 2003. – 20 декабря. – Режим доступа: <http://www.aisixiang.com/data/2599.html>, свободный. - Загл. с экрана.
78. Миньцзиньдан «Сы да тяньван» цянью манман (Туман на пути «четырёх небесных владык» партии Миньцзиньдан) [Электронный ресурс]// Жэньминь жибао. – 2006. – 09 мая. – Пекин: Жэньминь жибао, 2006. – Режим доступа: <http://tw.people.com.cn/GB/14811/14869/4355266.html>, свободный. - Загл. с экрана.
79. Миньцзу жэньтун юй Тайвань дули (Национальная идентичность и независимость Тайваня)/ под ред. Ши Чжэнфэна. – Тайбэй: Цяньвэй, 1995. – 528 с.
80. Си Ма хуэй: Ма Инцзю цзянхуа цюаньвэнь (Встреча Си и Ма: полный текст речи Ма Инцзю) [Электронный ресурс]// BBC (на китайском языке). – 2015. – 07 ноября. – Лондон: BBC, 2015. – Режим доступа: http://www.bbc.com/zhongwen/trad/china/2015/11/151107_ma_ying-jeou_statement, свободный. - Загл. с экрана.
81. Си Ма хуэй: Си Цзиньпин цзянхуа цюаньвэнь (Встреча Си и Ма: полный текст речи Си Цзиньпина) [Электронный ресурс]// BBC (на китайском языке). – 2015. – 07 ноября. – Лондон: BBC, 2015. – Режим доступа: http://www.bbc.com/zhongwen/trad/china/2015/11/151107_xi_ma_meeting_speech, свободный. - Загл. с экрана.
82. Сюэчжэ: Чжунго хэйшоу дая Ганмэй шэньсян Тайвань (Ученые: черная рука Китая, подавляющая гонконгские СМИ, дотянулась до Тайваня) [Электронный ресурс]// Цзыю шибао (The Liberty Times). – 2014. – 24 февраля. – Тайбэй: The Liberty Times, 2014. – Режим доступа: <http://www.libertytimes.com.tw/2014/new/feb/24/today-fo1.htm>, свободный. - Загл. с экрана.
83. Тайвань шанжэнь бэйцзин цзыляо (Справочная информация о тайваньских предпринимателях) [Электронный ресурс]// Новостной портал SINA. - 2007. – 13 июня. - Режим доступа: <http://finance.sina.com.cn/hy/20070613/23183689261.shtml>, свободный. - Загл. с экрана.
84. У Гуфэн. «Тайду» фэньцзы Ли Дэнхуэй дао Цзинго шэньшэ цзибай (Элемент «Движения за независимость Тайваня» Ли Дэнхуэй прибыл в Храм Ясукуни, чтобы совершить жерт-

- воприношение)// Агентство Синьхуа. – 2007.- 07 июня. – Пекин: XINHUANET.com, 2007. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/world/2007-06/07/content_6211018.htm, свободный. - Загл. с экрана.
85. У Найдэ. Вомэнь гунтун дэ эрэрба (Наш общий инцидент 28 февраля)// Чжунго шибао (The China Times). – 2006. – 27 февраля. – Тайбэй: Чжунго шибао, 2006.
86. У Найдэ. Вомэнь чжэньдэ цзайху чжэньи ма? (Нас действительно волнует справедливость?)// Чжунго шибао (The China Times). – 2007. – 05 ноября. – Тайбэй: Чжунго шибао, 2007.
87. У Найдэ. Мэйли дэ цзии юй иван (Прекрасная память и забвение)// Чжунго шибао (The China Times). – 2009. – 10 декабря. – Тайбэй: Чжунго шибао, 2009.
88. Цай Инвэнь. Сян Тайвань жэньминь баогао: вомэнь вэйшэньмэ бу хуаньин Чэнь Юньлинь (Доклад тайваньскому народу: почему мы не приветствуем Чэнь Юньлиня) [Электронный ресурс]// Цзыю шибао (The Liberty Times). – 2008. – 03 ноября. – Тайбэй: The Liberty Times, 2008. – Режим доступа: <http://www.libertytimes.com.tw/2008/new/nov/3/today-o1.htm>, свободный. - Загл. с экрана.
89. Цзян Ихуа. Гаобе гоцзу, чунфань миныйцу – шицзи чжи цзяо Тайвань чжэнчжи цзячжи дэ фаньсин (Прощаясь с национализмом, возвращаясь к демократии – размышления о тайваньских политических ценностях на рубеже веков)// Чжунго шибао (The China Times). – 1999. – 30 декабря. – Тайбэй: Чжунго шибао, 1999.
90. Чэнь Миньфэн. Ма Инцзю лянжэнь данчжуси, цзинь ю 8% чжичилуо (Рейтинг Ма Инцзю перед переизбранием на пост председателя партии всего 8%) [Электронный ресурс]// Журнал «Чжоюэ». – 2013. – Июнь. - №326. – Тайбэй: Ланьхай Чуаньги Вэньхуа, 2013. – Режим доступа: <http://corp.ebook.hyread.com.tw/bookDetail.jsp?id=32347>. - Загл. с экрана.
91. Чжичилуо децзинь 10%, Ма Инцзю хэнь цзюн (Рейтинг приблизился к 10%, Ма Инцзю очень удивлен) [Электронный ресурс]// Новостной портал ДОВЭЙ. – 2013. – 22 января. – Нью-Йорк: Chinese Media Net Inc., 2013. – Режим доступа: <http://taiwan.dwnews.com/news/2013-01-22/59091250.html>, свободный. - Загл. с экрана.

Электронные ресурсы и статьи в блогах:

92. Далу дуй Тайвань яньцзю дэ цзигуо, гайкуан (Обзор организаций и общего положения дел в тайваньских исследованиях в материковом Китае) [Электронный ресурс]// Далу цзысюнь цзи яньцзю чжунсинь (Центр информации и исследований материкового Китая при Комитете по делам материкового Китая Исполнительного Юаня Китайской Республики, Тайвань). – Режим доступа: <http://www.mac.gov.tw/ct.asp?xItem=48110&ctNode=5841&mp=4>, свободный. - Загл. с экрана.
93. Лянгань тунцзи (Статистика двух берегов Тайваньского пролива) [Электронный ресурс]// Чжунхуа Миньго Синчжэньюань Далу Вэйюаньхуэй (Сайт Комитета по делам материкового Китая Исполнительного Юаня Китайской Республики, Тайвань). – Режим доступа: <http://www.mac.gov.tw/np.asp?ctNode=5600&mp=1>, свободный. – Загл. с экрана.
94. Международное радио Тайваня (на русском языке) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://russian.rti.org.tw/>, свободный. – Загл. с экрана.

95. Персональная страница Джерома Китинга [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.jeromekeating.com/>, свободный. – Загл. с экрана.
96. Персональная страница Ли Сяофэна [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.jimlee.org.tw>, свободный. – Загл. с экрана.
97. Персональная страница Ши Чжэнфэна [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://faculty.ndhu.edu.tw/~cfshih/>, свободный. – Загл. с экрана.
98. Сайт Ассоциации профессоров Тайваня (TAUP, Taiwan Association of University Professors) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://taup.net/>, свободный. – Загл. с экрана.
99. Сайт Ассоциации выходцев с материка для содействия независимости Тайваня («Вайшэнжэнь» Тайвань дули цуцзиньхуэй) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.1949er.org/>, свободный. – Загл. с экрана.
100. Сайт проекта Исследования выборов и демократизации Тайваня (Taiwan's Election and Democratization Study, TEDS) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.tedsnet.org/main.php>, свободный. – Загл. с экрана.
101. Сайт Союза независимости Тайваня и создания государства (Тайвань дули цзяньго лянмэн) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.wufi.org.tw/>, свободный. – Загл. с экрана.
102. Сайт *Тайваньго* (Государство Тайвань, 台灣國) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.taiwannation.com.tw>, свободный. – Загл. с экрана.
103. Сайт Фонда обменов между двумя берегами Тайваньского пролива (Цайтуань фажэнь хайся цзяолю цзицзиньхуэй, Straits Exchange Foundation) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.sef.org.tw/mp.asp?mp=300>, свободный. – Загл. с экрана.
104. Сайт iFormosa [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.taiwannation.org.tw/index.html>, свободный. – Загл. с экрана.
105. Чжунсюаньхуэй сюаньцзюй цзыляоку ванчжань (Сайт базы данных о выборах Центральной избирательной комиссии Китайской Республики, Тайвань) [Электронный ресурс]// Режим доступа: <http://db.cec.gov.tw/histMain.jsp?voteSel=20080301A1>, свободный. – Загл. с экрана.
106. Чэнь Вэньси. А! вайшэнжэнь (А, вайшэнжэнь!) [Электронный ресурс]// Форум Танбэнь. – Режим доступа: <http://www.tangben.com/WYluntan/04waish.htm>, свободный. – Загл. с экрана.

Исследовательская литература

На русском языке:

107. Андерсон, Бенедикт. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. - М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. – 286 с.
108. Балибар, Этьен и Валлерстайн, Иммануил. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. - М.: ЛОГОС, 2004. – 285 с.

109. *Барский К.М.* «Тайваньское политическое чудо»: особенности процесса политических реформ на острове// *Афро-Азиатские общества: история и современность: сборник научных трудов.* - М.: МИМО, 1993. - С. 90-102.
110. *Бауэр, Отто.* Национальный вопрос и социал-демократия// *Нации и национализм/Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.]* - М.: Праксис, 2002. - С. 52-120.
111. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. - М.: Наука, 1983. - 413 с.
112. *Брубэйкер Р., Купер Ф.* За пределами «идентичности» [Электронный ресурс]// *Ab Imperio.* - 2002. - №3. - Казань: Ab Imperio, 2002. - С. 61-94. Режим доступа: <http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?idlang=2&state=shown&idnumb=18>. - Загл. с экрана.
113. *Буров В.Г.* Модернизация тайваньского общества. - М.: ИФ РАН, 1998. - 234 с.
114. *Валлерстайн, Иммануил.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. - СПб.: Унив. кн., 2001. - 414 с.
115. *Верченко А.Л.* Выборы в местные органы власти и внутривыборная борьба на Тайване в 2009 г.// *КНР: институционализация опыта реформ: (материалы ежегодной конференции Центра современной истории и политики Китая ИДВ РАН, 3 марта 2010)// Информационные материалы. Сер. В «Общество и государство в Китае в период реформ».* - Вып. 25. - М.: ИДВ РАН, 2010. - С. 328 – 338.
116. *Верченко А.Л.* Историческая судьба Национального собрания Китайской Республики (1911–2005)// *Общество и государство в Китае: Т. XLIII, ч. 1 / Редколл.: А.И. Кобзев [и др.]* – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2013. - С. 325-335.
117. *Верченко А.Л.* Итоги развития экономики Тайваня в 2005 г.// *Проблемы Дальнего Востока.* – 2006. - №3. - С. 92-97.
118. *Верченко А.Л.* Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве между берегами Тайваньского пролива: экономика и политика// *Общество и государство в Китае: XLII научная конференция: Часть. 2 / Ин-т востоковедения РАН.* - М.: Учреждение Российской академии наук Институт востоковедения (ИВ РАН), 2012. - С. 193-200.
119. *Галенович Ю.М.* Китайские метаморфозы. Китай на пороге XXI века. - М.: Муравей, 2006. – 382 с.
120. *Галенович Ю.М.* Москва – Пекин, Москва – Тайбэй. - М.: Изд-во «Изографус», 2002. – 655 с.
121. *Галенович Ю.М.* Россия-Китай-Америка: От соперничества к гармонии интересов? - М.: Русская панорама, 2006. – 573 с.
122. *Галенович Ю.М.* Самоутверждение сыновей Тайваня. - М.: Муравей, 2002. – 196 с.
123. *Ганшин В.Г.* Права человека на Тайване: сделано немало, но впереди еще долгий путь// *Современный Тайвань: справочно-аналитические материалы.* - М.: ИДВ РАН, 2002. - Вып. 4(13). - С. 60-87.

124. *Геллнер, Эрнест.* Нации и национализм. - М.: Прогресс, 1991. – 319 с.
125. *Головачев В.Ц.* Кризис глобальной идентичности и духовная деколонизация Тайваня//Азия и Африка сегодня. – 2010. – Январь. - №1. – С. 38-39.
126. *Головачев В.Ц.* Тайвань на заре 21 века – смена символов, ритуалов и предрассудков// Подъем Китая: значение для глобальной и региональной стабильности/ под ред. Карнеева А. Н. - М.: Рубежи XXI, 2007. - С. 329-351.
127. *Головачёв В.Ц.* Этапы и вехи языковой политики Тайваня// Проблемы Дальнего Востока. – 2007. - № 5. - С. 164-173.
128. *Головачев В.Ц.* Этническая история и политика Тайваня в трудах тайваньских учёных (эволюция историографических подходов в 1980–2010 гг.)// Общество и государство в Китае: XLII научная конференция: Часть. 2 / Ин-т востоковедения РАН. - М.: Учреждение Российской академии наук Институт востоковедения (ИВ РАН), 2012. - С. 292-299.
129. *Головачев В.Ц.* Этническая история и политика Тайваня в западной историографии// Общество и государство в Китае: XLI научная конференция/ Ин-т востоковедения РАН. - М.: Вост. лит., 2011. - С. 276-287.
130. *Гончаров С.Н., Барышников В.Н.* К вопросу о воссоединении Тайваня с КНР// Гончаров С.Н. О Китае средневековом и современном: Записки разных лет. – Новосибирск: Наука, 2006. - С. 199-211.
131. *Гудошников Л.М.* Эволюция политического режима на Тайване// Проблемы Дальнего Востока. - 1993. - №5. - С. 77-87.
132. *Гудошников Л.М., Кокарев К.А.* Политическая система Тайваня. - М.: Б.и., 1997. – 146 с.
133. *Дробижева Л.М.* Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации// Мир России. - 2001. - Т. 10. №2. - С. 167-180.
134. *Дробижева Л.М.* Этничности в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. – М.: Новый хронограф, 2013. – 336 с.
135. *Здравомыслов А.Г.* Релятивистская теория нации и рефлексивная политика// Интеграция и дезинтеграция в современном мире: Россия и Запад: материалы междунар. конф., 9-14 октября 1996 г./МГИМО (У) МИД РФ; Академия соц. наук/ отв. ред. В.Н. Иванов, С.А. Кравченко. – М., 1997. - С. 115-122.
136. *Ишутина Ю.А.* Национальная идентичность на Тайване: формирование и символическая репрезентация. - LAP Lambert Academic Publishing, 2012. – 228 с.
137. *Ишутина Ю.А.* Формирование и репрезентация национальной идентичности тайваньцев: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Владивосток: ДВГТУ, 2006. – 201 с.
138. *Каимова А.С.* К вопросу о «тайваньской культурной идентичности»// Проблемы Дальнего Востока. – 2014. - №1. – С. 134-144.
139. *Каимова А.С.* Политика китаизации Тайваня и становление тайваньской идентичности// Восток (Oriens). – 2015. - №2. – С. 132-138.

140. *Каимова А.С.* Проблемы интерпретации понятия «тайваньская идентичность» // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. - 2013. - № 2. - С. 27-39.
141. *Калхун, Крэйг.* Национализм. - М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. - 288 с.
142. *Карнеев А.Н.* Президентские выборы на Тайване, проблемы «черного золота» и политической трансформации// Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. Материалы научной конференции 4 мая 2000 г./ под ред. А.Н. Карнеева, В.А. Козырева. - М.: Гуманитарий, 2000. - С. 192-223.
143. *Карпов М.В.* Проблема демократизации в КНР и опыт реформирования авторитарных режимов// Восток=Oriens. - 1997. - №5. - С. 71-85.
144. *Каутский, Карл.* Национальность нашего времени. - СПб.: Типография Альтшупера, 1905. - 46 с.
145. *Кедури, Эли.* Национализм. - СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2010. - 134 с.
146. *Коротеева В.В.* Существуют ли общепризнанные истины о национализме?// Pro et Contra. - 1997. - Т. 2. №3. - С. 26-39.
147. *Коротеева В.В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. - М.: РГГУ, 1999. - 140 с.
148. *Кортунов С.В.* Национальная идентичность: Постижение смысла. - М.: Аспект-Пресс, 2009. - 589 с.
149. *Крупянка М.И., Арешидзе Л.Г.* Япония: идеология государственного национализма// История и современность. - 2010. - Сентябрь. - №2. - С. 185-215.
150. *Кузьминова (Каимова) А.С.* "Белый террор" на Тайване. (Реконструкция событий 50-х гг. XX в.)// Проблемы Дальнего Востока. - 2009. - №4. - С. 121-135.
151. *Кузьминова (Каимова) А.С.* Тайваньская идентичность и будущее отношений в Тайваньском проливе// Ломоносовские чтения. Востоковедение: тезисы докладов науч. конф. (М., 16 апреля 2009 г.). - М., 2009. - С. 104-106.
152. *Ларин А.Г.* Два президента, или Путь Тайваня к демократии. - М.: Academia, 2000. - 199 с.
153. *Ларин А.Г.* Президент, или демократия с тайваньской спецификой. - М.: Муравей, 2004. - 134 с.
154. *Ларин А.Г.* Тайваньская проблема на современном этапе// Современный Тайвань. Справочно-аналитические материалы. - М.: ИДВ РАН, 2008. - Выпуск 10 (18). - С. 4-28.
155. *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII-XXI веках. - М.: Восток-Запад: АСТ, 2007. - 598 с.
156. *Максимов А.А.* Тайвань. - М.: Знание, 1988. - 64 с.

157. *Максимов А.А.* Экономика Тайваня: итоги и перспективы развития. - М.: «Наука», Глав. ред. восточной лит-ры, 1991. – 207 с.
158. *Малахов В.С.* Неудобства с идентичностью// Идентичность: Хрестоматия/ сост. Л.Б. Шнейдер. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2008. - С. 26-45.
159. *Меликсетов А.В.* Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае (1927-1949). - М.: Наука, 1977. – 315 с.
160. *Миллер А.И.* О дискурсивной природе национализма// Pro et Contra. - 1997. - Т. 2. №4. - С. 141-151.
161. *Миллер А.И.* О русском национализме. - М.: Полит.ру, 2013. – 504 с.
162. *Миненков Г.Я.* Концепт идентичности: перспективы определения (часть I) [Электронный ресурс]// Интеллектуальное сообщество Беларуси. – Режим доступа: <http://belintellectuals.eu/publications/174/>, свободный. – Загл. с экрана.
163. *Мнацаканян М.О.* Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни: Учеб. пособие для вузов. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 367 с.
164. Многопартийность на Тайване/ сост.: Л.М. Гудошников. - М.: Вост. лит., 1999. – 158 с.
165. Модернизация Тайваня и перспективы отношений с КНР. Сборник материалов научной конференции ИМЭМО. - М.: ИМЭМО РАН, 2003. – 89 с.
166. *Москалев А.А.* Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. - М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 324 с.
167. *Островский А.В.* Тайвань накануне XXI века. - М.: «Восточная литература» РАН, 1999. – 220 с.
168. *Перминова В.А.* Тайвань – «образцовая» колония Японии (1895-1945 гг.): особенности социально-экономических преобразований: дис. ... канд. исторических наук: 07.00.15. – Москва: Ин-т Африки РАН, 2016. – 210 с.
169. Подъем Китая: значение для глобальной и региональной стабильности/ Под ред. А.Н. Карнеева. - М.: Рубежи XXI, 2007. – 353 с.
170. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Том 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий/ отв. ред. И.С. Семененко. - М.: РОССПЭН, 2011. – 202 с.
171. Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Том 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке/ отв. ред. И.С. Семененко. - М.: РОССПЭН, 2012. – 471 с.
172. Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. Материалы научной конференции 4 мая 2000 г./ под ред. А.Н. Карнеева, В.А. Козырева. - М.: Гуманитарий, 2000. – 303 с.

173. Проблемы модернизации Тайваня: материалы научной конференции, 8 декабря 2000 г./ сост. А.Г. Ларин. - М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 191 с.
174. *Ренан, Эрнест*. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т.6. - Киев, 1902. - С.87-101 [Электронный ресурс]// Проект «ХРОНОС – Всемирная история в интернете». – Режим доступа: http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php, свободный. – Загл. с экрана.
175. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений/ под ред. Лукина А.В. - М.: Издательство «Весь мир», 2013. – 701 с.
176. *Сидорина Т.Ю., Полянников Т.Л.* Национализм: теории и политическая история. - М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. – 356 с.
177. *Смит, Энтони Д.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. - М.: Праксис, 2004. – 458 с.
178. Современный Тайвань/ под ред. П.М. Иванова. – Иркутск: Улисс, 1994. – 348 с.
179. Современный Тайвань. Справочно-аналитические материалы (до 2000 г. «Тайвань. Краткие справочные сведения»). - М.: ИДВ РАН, 1992-2010.
180. Социология межэтнической толерантности/ отв. ред Л.М. Дробижева. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. – 222 с.
181. Тайвань на рубеже веков. Новые условия и новые вызовы/ под ред. А.Н. Карнеева. - М.: ИСАА при МГУ им. М.В.Ломоносова, 2001. – 344 с.
182. *Тертицкий К.М., Белогурова А.Э.* Тайваньское коммунистическое движение и Коминтерн (1924-1934). Исследование. Документы. - М.: Восток-Запад, 2005. – 622 с.
183. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 542 с.
184. *Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. – М.: Наука, 2013. – 649 с.
185. *Тишков В.А.* Этнология и политика. Научная публицистика. – М.: Наука, 2001. – 240 с.
186. *Тодер Ф.А.* Тайвань и его история (XIX в.). - М.: Наука, 1978. – 338 с.
187. *Фихте, И.Г.* Речи к немецкой нации. - СПб.: Наука, 2009. – 352 с.
188. *Хабермас, Юрген.* Расколотый запад. - М.: Весь Мир, 2008. – 186 с.
189. *Хантингтон, Самюэль.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. - М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. – 635 с.
190. *Хантингтон, Самюэль.* Столкновение цивилизаций. - М.: АСТ, 2003. – 603 с.

191. Хантингтон, Сэмюэл. Третья волна. Демократизация в конце XX века. - М.: РОССПЭН, 2003. – 365 с.
192. Хейвуд, Эндрю. Политология. - М.: Юнити-Дана, 2005. – 526 с.
193. Хобсбаум, Эрик. Нации и национализм после 1780 года. - СПб.: Алетейя, 1998. – 305 с.
194. Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества/ под ред. Л.М. Дробижевой, Т.С. Гузенковой, Е.М. Галкиной. – М.: Институт этнологии и антропологии Российской Академии Наук, 1994. – 236 с.
195. Эрикссон, Эрик. Идентичность: юность и кризис. - М.: Прогресс, 1996. - 344 с.

На английском языке:

196. Anderson, Benedict. Western Nationalism and Eastern Nationalism: Is There a Difference That Matters? [Electronic Resource]// New Left Review. – 2001. – May-June. - №9. – London, New Left Review, 2001. – Режим доступа: <http://newleftreview.org/II/9/benedict-anderson-western-nationalism-and-eastern-nationalism>, свободный. – Загл. с экрана.
197. Armstrong, John. Nations before Nationalism. - Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1982. - 411 p.
198. Bedford, Olwen, Hwang Kwang-Kuo. Taiwanese Identity and Democracy: The Social Psychology of Taiwan's 2004 Elections. - New York: Palgrave Macmillan, 2006. - 240 p.
199. Brown, Melissa. Is Taiwan Chinese? The impact of culture, power, and migration on changing identities. - Berkeley: University of California press, 2004. – 349 p.
200. Chang, Hui-Ching and Holt, Rich. Taiwan and ROC: A critical Analysis of President Chen Shui-bien's construction of Taiwan identity in national speeches// National Identities. – 2009. – September. - Vol. 11, No. 3. - P. 301-330.
201. Chang, Mau-kuei. On the Origins and Transformation of Taiwanese National Identity// Religion and the Formation of Taiwanese Identities/ ed. by P.R. Katz and M.A. Rubinstein. - New York: Palgrave Macmillan, 2003. - P. 23-58.
202. Chang, Sung-sheng Yvonne. Literature in Post-1949 Taiwan, 1950 to 1980s// Taiwan: A New History/ ed. by M.A. Rubinstein. - Armonk, New York: Routledge, 2007. - P. 403-418.
203. Chu, Yun-han. Taiwan's National Identity Politics and the Prospect of Cross-Strait Relations// Asian Survey. – 2004. – July/August. - Vol. XLIV, №4. - P. 484-512.
204. Copper, John F. Taiwan: Nation State or Province? (Sixth edition). - Colorado: Westview Press, 2012. - 288 p.
205. Cultural, Ethnic and Political Nationalism in Contemporary Taiwan/ ed. by J. Makeham and A-C. Hsiau. - New York: Palgrave Macmillan, 2005. - 294 p.
206. Cultural Change in Postwar Taiwan/ ed. by S. Harrell and C-C. Huang. - Boulder, Colorado: Westview Press, 1994. – 340 p.

207. *Deans, Phil.* Isolation, Identity and Taiwanese Stamps as Vehicles for Regime Change// East Asia. – 2005. – Summer. – 22, No. 2. – P. 8-30.
208. *Dreyer, June Teufel.* Taiwan's evolving Identity. Paper prepared for presentation at the Woodrow Wilson International Institute for Scholars, Washington D.C., July 17, 2003 [Electronic resource]// Formosa Foundation. – Режим доступа: [http://www.formosafoundation.org/pdf/Taiwan's%20Identity%20\(J_Dreyer\).pdf](http://www.formosafoundation.org/pdf/Taiwan's%20Identity%20(J_Dreyer).pdf), свободный. – Загл. с экрана.
209. *Fell, Dafydd J.* Taiwan's Democracy: Towards a Liberal Democracy or Authoritarianism? [Electronic resource]// Journal of Current Chinese Affairs (China Aktuell). – 2010. – Vol. 39, No. 2. – P. 187-201. – Hamburg: Hamburg University Press, 2010. – Режим доступа: <http://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jcca/article/view/259/259>, свободный. – Загл. с экрана.
210. *Fleischauer, Stefan.* The 228 Incident and the Taiwan Independence Movement's Construction of a Taiwanese Identity// China Information. – 2007. – Vol. 21. – P. 373-401.
211. *Gold, Thomas B.* Civil Society and Taiwan's Quest for Identity// Cultural Change in Postwar Taiwan/ ed. by S. Harrell and C.-C. Huang. – Boulder, Colorado: Westview Press, 1994. – P. 47-68.
212. *Gold, Thomas B.* State and Society in the Taiwan Miracle. – Armonk, London, NY: M.E.Sharpe, 1986. – 162 p.
213. *Hsiau, A-Chin.* Contemporary Taiwanese Cultural Nationalism. – London: Routledge, 2000. – 240 p.
214. *Huang, Chi.* Dimensions of Taiwanese/Chinese Identity and National Identity in Taiwan. A Latent Class Analysis// Journal of Asian and African Studies. – 2005. – Vol. 40 (1-2). – P. 51-70.
215. *Hughes, Christopher R.* Negotiating national identity in Taiwan: between nativisation and de-sinicisation// Taiwan's democracy: economic and political challenges/ ed. by R. Ash, J.W. Garver and P. Prime. – London, New York: Routledge, 2011. – P. 51-74.
216. *Hughes, Christopher R.* Taiwan and Chinese Nationalism: National Identity and Status in International Society. – London-New York: Routledge, 2013. – 208 p.
217. *Identity and Change in East Asian Conflicts: the Cases of China, Taiwan and the Koreas/* ed. by S. Horowitz, U. Heo and A.C. Tan. – New York: Palgrave Macmillan, 2007. – 243 p.
218. *Keating, Jerome F.* Taiwan: the Search for Identity. – Taipei: SMC Publishing, 2008. – 118 p.
219. *Keating, Jerome F.* Taiwan: the Struggles of a Democracy. – Taipei: SMC Publishing, 2006. – 173 p.
220. *Kellner, Douglas.* New Taiwan Cinema in the 80s [Electronic resource]// Jump Cut: A Review of Contemporary Media. – 1998. – December. – No. 42. – P. 101-115. – Режим доступа: <http://www.ejumpcut.org/archive/onlinessays/JC42folder/80sTaiwanCinema.html>, свободный. – Загл. с экрана.
221. *Kerr, George H.* Formosa Betrayed. – Boston: Houghton Mifflin, 1965. – 514 p.

222. *Lee, Wei-chin.* Taiwan's Cultural Reconstruction Movement: Identity Politics and Collective Action Since 2000// Issues&Studies. - 2005. - March. - Vol. 41, No.3. - P. 1-51.
223. *Lee, Wei-chin.* Taiwan's "Cultural Revolution": Identity Politics and Collective Action Since 2000. Chicago: American Political Science Association, 2004 [Electronic resource]// All Academic, Inc. - Режим доступа: http://citation.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/0/6/1/6/4/pages61647/p61647-1.php, свободный. - Загл. с экрана.
224. *Lin, Yi-Chun Tricia.* Snaps of a Childhood Revisited: Music and Taiwanese Identity [Electronic resource]//Fifth Annual Conference on the History and Culture of Taiwan, University of California at Los Angeles, 2000, October, 14. - Режим доступа: <http://web.international.ucla.edu/institute/article/2291>, свободный. - Загл. с экрана.
225. *Lu, Sherry.* Taiwanese Identity: From Ethnonationalism to Civic Nationalism [Electronic resource]// University of Toronto's Munk School of Global Affairs, 2010, February, 2. - Режим доступа: http://webapp.mcis.utoronto.ca/ai/pdfdoc/lu_tfs.pdf, свободный. - Загл. с экрана.
226. *Lynch, Daniel C.* Taiwan's Self-Conscious Nation-Building Project// Asian Survey. - 2004. - July/August. - Vol. XLIV, №4. - P. 513-533.
227. *Manthorpe, Jonathan.* Forbidden Nation: A History of Taiwan. - New York: Palgrave Macmillan, 2009. - 286 p.
228. *Meisner, Maurice.* The Development of Formosan Nationalism// The China Quarterly. - 1963. - Jul.-Sep. - №15. - P.91-106.
229. *Memories of the Future: National Identity Issues and the Search for a New Taiwan/* ed. by S. Corcuff. - Armonk, New York, London, England: M.E. Sharpe, 2002. - 285 p.
230. *Morris, Andrew D.* Colonial Project, National Game. - Berkeley: University of California Press, 2011. - 290 p.
231. *Niou, Emerson M.S.* A New Measure of Preferences on the Independence-Unification Issue in Taiwan// Journal of Asian and African Studies. - 2005. Vol. 40 (1-2). - P. 91-104.
232. *Niou, Emerson M.S.* Understanding Taiwan Independence And Its Policy Implications// Asian Survey. - 2004. - July/August. - Vol. XLIV, №4. - P. 555-567.
233. *Religion and the Formation of Taiwanese Identities/* ed. by P.R. Katz and M.A. Rubinstein. - New York: Palgrave Macmillan, 2003. - 300 p.
234. *Rigger, Shelley.* Taiwan's Rising Rationalism: Generations, Politics and "Taiwanese Nationalism". - Washington: East-West Center, 2006. - 74 p. [Electronic resource]// East-West Center. - Honolulu: East-West Center, 2006. Режим доступа: <http://www.eastwestcenter.org/publications/taiwans-rising-rationalism-generations-politics-and-taiwanese-nationalism>, свободный. - Загл. с экрана.
235. *Roy, Denny.* Taiwan: A Political History. - Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003. - 255 p.
236. *Schubert, Gunter.* The Political Thinking of the Mainland *Taishang*: Some Preliminary Observations from the Field [Electronic resource]// Journal of Current Chinese Affairs (China Aktuell). - 2010. - Vol. 39, No. 1. - P. 73-110. - Hamburg: Hamburg University Press, 2010.

– Режим доступа: <http://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jcca/article/view/201/201>, свободный. – Загл. с экрана.

237. *Scott, James C.* Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. - New Haven and London: Yale University Press, 1990. – 251 p.
238. *Shih, Cheng-feng and Chen Mumin.* Taiwanese Identity and the Memories of 2-28: a Case for Political Reconciliation// Asian Perspective. – 2010. - Vol. 34, № 4. – P. 85-113.
239. *Smith, Anthony D.* Myths and Memories of the Nation. - Oxford: Oxford University Press, 1999. – 288 p.
240. *Smith, Anthony D.* National Identity. – London: Penguin, 1991. - 227 p.
241. *Smith, Anthony D.* The Ethnic Origins of Nations. - Oxford: Blackwell Publishing, 1986. - 312 p.
242. Taiwan: A New History/ ed. by M.A. Rubinstein. - Armonk, New York: M.E. Sharpe, Routledge, 1999, 2007. - 560 p.
243. Taiwanese Identity in the 21st Century. Domestic, Regional and Global Perspectives/ ed. by G. Schubert and J. Damm. - London-New York: Routledge, 2011. - 304 p.
244. *Tajfel, H. and Turner, J. C.* The social identity theory of inter-group behavior// Psychology of Intergroup Relations/ ed. by S. Worchel and L. W. Austin. - Chicago: Nelson-Hall Publishers, 1986. – P. 7-24.
245. The Margins of Becoming. Identity and Culture in Taiwan/ ed. by M. Harrison and C. Storm. - Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 2007. - 290 p.
246. The Other Taiwan: 1945 to the Present/ ed. by M.A. Rubinstein. - Armonk, NY; London: M.E. Sharpe, 1994. - 485 p.
247. *Tien, Hung mao; Lin, Cheng-yi; Lai I-Chung.* Roundtable: Identity Challenges and United States-China-Taiwan Relations// Is There a Greater China Identity? Security and Economic Dilemma. No. 53/ ed. by I Yuan. – Taipei: Institute of International Relations, National Chengchi University, 2007. – P. 345-358.
248. *Tsai, Shih-shan Henry.* Lee Teng-hui and Taiwan's Quest for Identity. - New York: Palgrave Macmillan, 2005. – 271 p.
249. *Wachman, Alan M.* Taiwan: National Identity and Democratization. - London: M.E.Sharpe, 1994. - 294 p.
250. *Wang, Horng-luen.* How are Taiwanese Shanghaied?// Positions – East Asia Cultures Critique. – 2010. – Vol. 17(2). - P. 321-346.
251. *Wang, Horng-luen.* National Culture and its Discontents: The Politics of Heritage and Language in Taiwan, 1949-2003// Comparative Studies in Society and History. – 2004. – Vol. 46(4). - P. 768-815.
252. *Wang, Horng-luen.* Rethinking the Global and the National: Reflections on National Imaginations in Taiwan// Theory, Culture & Society. – 2000. - Vol. 17(4). - P. 93-117.
253. *Wang, Sumei.* Taiwanese Baseball: A Story of Entangled Colonialism, Class, Ethnicity, and Nationalism// Journal of Sport and Social Issues. – 2009. – Vol. 33. – P. 355-372.

254. *Wu, Naiteh.* Transition without Justice or Justice without History: Transitional Justice in Taiwan// *Taiwan Journal of Democracy*. – 2005. – July. – №1. – P. 77-102.
255. *Wu, Yu-Shan.* Taiwanese Nationalism and its Implications: Testing the Worst-Case Scenario// *Asian Survey*. – 2004. – July/August. – Vol. XLIV, №4. – P. 614-625.
256. *Yang, Dominic Meng-hsuan and Chang, Mau-kuei.* Understanding the Nuances of Waishengren// *China Perspectives*. – 2010. – №3. – P. 108-122.
257. *Yee, Angelina C.* Constructing a Native Consciousness: Taiwan Literature in the 20th Century// *The China Quarterly (Taiwan in the 20th Century)*. – 2001. – March. – No. 165. – P. 83-101.
258. *Yip, June.* Envisioning Taiwan: Fiction, Cinema and the Nation in the Cultural Imaginary. – Durham, NC: Duke University Press, 2004. – 368 p.
259. *Yu, Jinwei.* Playing in Isolation: a History of Baseball in Taiwan. – Nebraska: University of Nebraska Press, 2007. – 249 p.

На китайском языке:

260. *Ван Пин.* Тайвань миньчжун гоцзя жэньтун «юань» юй «лю» дэ лиши вэньхуа тоуши (Культурно-исторический экскурс в «истоки» и «современное состояние» государственной идентичности населения Тайваня)// Цзюньши лиши яньцзю (Исследования истории военного дела, Сиань). – 2008. – №1. – С. 136-144.
261. *Ван Сяобо.* Жицзюй шици «тайвань пай» дэ цзуго иши (Сознание Родины «тайваньской группы» в период японского колониального господства)// Чжунго луньтань (Китайский форум, Тайбэй). – 1987. – 10 октября. – Вып. 25, №1. – С. 115-132.
262. *Ван Фучан.* Гуанфу хоу Тайвань цзуюнь иши дэ синчэн (Формирование этнического сознания на Тайване после возвращения под власть Китая)// Лиши юэкань (ежемесячный журнал «История»). – 1998. – Вып. 131. – С. 30-40.
263. *Ван Фучан.* Майсян Тайвань цзуюнь гуаньси дэ цзайди яньцзю юй лилунь: «цзуюнь юй шэхуэй» чжуаньти даолунь (Двигаясь в направлении к локальным исследованиям и теории межэтнических отношений на Тайване: вступление к теме «Этнические группы и общество»)// Тайвань шэхуэйсюэ (Социология Тайваня). – 2002. – Декабрь. – №4. – С. 1-10.
264. *Ван Фучан.* Миньцзу сянян, цзуюнь иши юй лиши – «Жэньши Тайвань» цзяокэшу чжэнги фэнбо дэ нэйжун юй майло фэньси (Воображение нации, этническое самосознание и история – Анализ содержания и хода дискуссии вокруг учебника «Знакомство с Тайванем»)// Тайвань ши яньцзю (Исследования по истории Тайваня). – 2001. – Декабрь. – Том 8, № 2. – С. 145-208.
265. *Ван Фучан.* Цзуюнь цзечу цзихуэй? Хайши цзуюнь цзинчжэн? Бэньшэн миньнаньжэнь цзуюнь иши нэйхань юй дицзюй чаи моши чжи цзеши (Возможность для межэтнического сближения? Или межэтническая конкуренция? Разъяснение содержания этнического самосознания бэньшэнжэней южнофуцзяньского происхождения и модели региональных различий)// Тайвань шэхуэйсюэ (Социология Тайваня). – 2002. – Декабрь. – №4. – С. 11-74.

266. Ван Фучан. Шэнцзи жунхэ дэ бэньчжи – игэ лилунь юй цзинъянь дэ таньтао (Сущность гармонизации межэтнических отношений – теоретический и эмпирический анализ)// Цзуюнь гуаньси юй гоцзя жэньтун (Межэтнические отношения и национальная идентичность)/ под ред. Чжан Маогуй. – Тайбэй: Минтянь, 1993. – С. 53-100.
267. Ван Фучан. Ю миньчжухуа дао цзуюнь чжэнчжи: Тайвань миньчжу юньдун дэ фачжань (От демократизации к этнической политике: развитие демократического движения на Тайване). 1970-1990-е гг.// Эрши шицзи Тайвань миньчжу фачжань сюэшу таолуньхуэй (Научный семинар по развитию демократии на Тайване в XX веке). Том 2. – Тайбэй: Гошигуань, 2003. – С. 535-590.
268. Ван Хунлунь. Цюаньцюхуа юй чжиду тунсинхуа: цун пиньинь чжэнъи кань Тайвань «гоцзу вэньти» дэ хоу сяньдай цинцин (Глобализация и институциональный изоморфизм: взгляд на постмодернистское состояние тайваньского «национального вопроса» через дискуссии о транскрипции «пиньинь»)// Чжэнчжи юй шэхуэй чжэсюэ пинлунь (Обозрение политической и социальной философии). – 2002. – Декабрь. – №3. – С. 121-178.
269. Ван Хунлунь. Чжиду майло, вайбу иньсу юй тайвань чжи «national question» дэ тэшусин: игэ лилунь юй цзинъянь дэ фаньсин (Институциональный контекст, внешние факторы и специфика тайваньского «национального вопроса»: теоретические и эмпирические размышления)// Тайвань шэхуэйсюэ (Социология Тайваня). – 2001. – Июнь. – №1. – С. 183-239.
270. Ван Чжэньхуань. Тайвань дэ вэйцюань тичжи юй миньчжу чжуаньсин (Авторитарный режим и демократические преобразования на Тайване)// Тайвань шэхуэй (Тайваньское общество)/ под ред. Ван Чжэньхуаня. – Тайбэй: Цзюйлю тушу, 2002. – С.21-56.
271. Гао Гэфу (Стефан Коркюфф). Фэн хэ жи нуань. Тайвань вайшэнжэнь юй гоцзя жэньтун дэ чжуаньбянь (Нежный ветер и теплое солнце. Вайшэнжэнь Тайваня и трансформация национальной идентичности). – Тайбэй: Юньчэнь вэньхуа, 2004. – 158 с.
272. Гэн Шу. «Лянъяньцзу?» Да Шанхай дицюй тайшан дэ гоцзя жэньтун («Нация двух берегов?» Национальная идентичность тайваньских предпринимателей в районе «большого Шанхая»)// Цюаньцюхуа чжи ся дэ жэньцюань баочжан юй жэньцай гунсян яньтаохуэй (Конференция «Защита прав человека и обмен талантами в условиях глобализации»). – Тайбэй: Тайбэйский государственный университет, 2005. – С. 1-24 [Электронный ресурс]// Тайбэйский государственный университет. – Режим доступа: <http://www.ntpu.edu.tw/~pa/news/94news/attachment/950221/3-3.pdf>, свободный. – Загл. с экрана.
273. Жуань Мэйхуэй. Цун «Чжунго» дао «Тайвань» - Тайвань чжаньхоу ши чжун дэ «гоцзя» исян (От «Китая» к «Тайваню» - представление о «стране»/«Родине» в тайваньской послевоенной поэзии)// Чунцзянь сянян гунтунти – гоцзя, цзуюнь, сюйшу (Реконструкция воображаемого сообщества – государство, этничность, изложение)/ под ред. Ляо Бинхуэя. – Тайбэй: Синчжэньюань вэньхуа цзяньшэ вэйюаньхуэй, 2004. – С.231-283.
274. И Мин. Цзинянь Тайвань сянтун вэньсюэ луньчжань 30 чжоунянь (К тридцатой годовщине дискуссии о тайваньской провинциальной литературе) [Электронный ресурс]// Сайт «Чжунго вэньсюэ» (Китайская литература). – Пекин: Институт литературы Академии общественных наук Китая, 2007. – Режим доступа: <http://www.literature.org.cn/article.aspx?id=15965>, свободный. – Загл. с экрана.

275. *Инь Цуньи, Люй Фан.* Жэньтун юй Тайвань вэньти (Идентичность и «тайваньская проблема»)// Гунгун гуаньли пинлунь (Обозрение государственного управления, Пекин). – 2006. – Том 4, №1. – С. 75-89.
276. *Инь Чжанъи.* Тайвань иши шиси – лиши дэ гуаньдянь (Попытка анализа тайваньского самосознания – исторический взгляд)// Чжунго луньтань (Китайский форум, Тайбэй). – 1987. – 10 октября. – Вып. 25, №1. – С. 95-112.
277. *Лай Цзэхань.* «Эрэрба шицзянь» яньцзю баогао (Доклад об исследовании «инцидента 28 февраля»). – Тайбэй: Шибao вэньхуа, 1994. – 564 с.
278. *Ли Сяофэн.* «228 шицзянь чули вэйюаньхуэй» юй Чэнь И дэ дуйцэ («Комитет по урегулированию инцидента 28 февраля» и ответная политика Чэнь и)// *Его же.* Тайвань цзинь сяньдай ши лунь цзи (Сборник статей по новой и новейшей истории Тайваня). – Тайбэй: Юйшаньшэ, 2007. – С. 205-237.
279. *Ли Сяофэн.* 228 шицзянь юй цзуцунь вэньти (Инцидент 28 февраля и этнический вопрос)// *Его же.* Тайвань цзинь сяньдай ши лунь цзи (Сборник статей по новой и новейшей истории Тайваня). – Тайбэй: Юйшаньшэ, 2007. – С. 129-204.
280. *Ли Сяофэн.* Вайшэнжэнь цзю бу нэн чжучжан Тайвань дули ма? (Разве вайшэнжэнь не могут выступать за независимость Тайваня?)// Вайшэнжэнь, Тайвань синь (Выходцы с материка - тайваньское сердце)/ под ред. Ассоциации выходцев с материка для содействия независимости Тайваня. – Тайбэй: Цяньвэй, 1992. – С. 48-54.
281. *Ли Сяофэн.* Тайвань – водэ сюаньцзэ (Мой выбор – Тайвань). – Тайбэй: Юйшаньшэ, 1995. – 177 с.
282. *Ли Сяофэн.* Хуэйилу юй цзычжуань чжун дэ 228 шиляо (Материалы об инциденте 28 февраля в воспоминаниях и автобиографиях)// *Его же.* Тайвань цзинь сяньдай ши лунь цзи (Сборник статей по новой и новейшей истории Тайваня). – Тайбэй: Юйшаньшэ, 2007. – С. 97-128.
283. *Ли Сяофэн.* Цзинь бай нянь лай Тайвань чжэнчжи юньдун чжун дэ гоцзя жэньтун (Национальная идентичность в тайваньском политическом движении на протяжении последних ста лет)// *Его же.* Тайвань цзинь сяньдай ши лунь цзи (Сборник статей по новой и новейшей истории Тайваня). – Тайбэй: Юйшаньшэ, 2007. – С. 7-48.
284. *Ли Сяофэн.* Цун хуэйилу цзяньчжэн тайваньжэнь дэ чжаныши цзинъянь: 1937-1945 (В поисках свидетельств об опыте тайваньцев в годы войны в воспоминаниях: 1937-1945)// *Его же.* Тайвань цзинь сяньдай ши лунь цзи (Сборник статей по новой и новейшей истории Тайваня). – Тайбэй: Юйшаньшэ, 2007. – С. 49-96.
285. *Линь Цзялун.* Тайвань миньчжухуа юй чжэндан тиси дэ бяньцянь: цзинъин юй цюньчжун дэ сюаньцзюй лянъцзе (Демократизация Тайваня и изменения в партийной системе: связь во время выборов между элитами и массами)// Тайвань чжэнчжи сюэкань (Научный журнал «Политика Тайваня»). – 2000. – Декабрь. – №4. – С. 3-55.
286. *Лу Цзяньжун.* Тайвань хоу чжиминь гоцзу жэньтун 1950-2000 (Постколониальная национальная идентичность на Тайване: 1950-2000). – Тайбэй: Майтянь, 2003. – 304 с.

287. *Лу Цзяньжун.* Фэньле дэ гоцзу жэньтун: 1975-1997 (Расколота национальная идентичность: 1975-1997). – Тайбэй: Майтянь, 1999. – 336 с.
288. *Лю Цзявэй, Гэн Шу, Чэнь Лухуэй.* Уши е ши и чжун сюаньцзэ – Тайвань миньчжун тунду личан дэ цэлян юй шанцюэ (Рационализм – это тоже выбор: Оценка и обсуждение отношения населения Тайваня к вопросу о независимости/объединении)// Тайвань миньчжу цзикань (Ежеквартальный журнал «Тайваньская демократия»). – 2009. – Декабрь. – Том 6, №4. – С. 141-168.
289. *Ляо Бинхуэй.* Бэньтухуа юй цюаньцюхуа дэ тяочжань (Вызовы локализации и глобализации)// Синь шицзи чжику луньтань (Журнал «Форум мозгового центра культурно-образовательного фонда «Новый век», Тайбэй). – 2003. – 30 июня. - №22. – С. 36-43.
290. *Пань Цзюньчжун.* Тайвань миньчжун тунду тайду чжи яньцзю – 1994 – 2002 нянь чжи фэньси бицзю (Исследование отношения населения Тайваня к объединению с материковым Китаем или независимости острова – аналитическое сравнение [данных] 1994-2002 гг.). Диссертация на соискание ученой степени магистра социологии. – Тайбэй: Государственный университет Чжэнчжи, 2003.
291. *Пэн Яньвэнь.* Шэнцзи вэньти чжи чаюэ (Преодолевая вопрос о месте рождения)// Сборник статей конференции «Гоцзя жэньтун дэ вэньхуа луньшу» (Культурный дискурс национальной идентичности)/ под ред. Ши Чжэнфэна. – Тайбэй: Тайвань гоцзи яньцзю сюэхуэй (Тайваньская ассоциация международных исследований), 2006. - С. 683-703.
292. *Су Цзыцяо.* «Тайваньжэнь» хайши «чжунгожэнь» - «Бэйцин чэнши» юй «Сянцзю тяньтан» чжун дэ гоцзу жэньтун цзи ци дуй данцян чжулю гоцзу яньцзю дэ циши («Тайваньцы» или «китайцы» - национальная идентичность в фильмах «Город скорби» и «Банановый рай», а также их влияние на современные авторитетные исследования нации)// Дандай (Современность). – 2005. - № 219. – С. 98-125.
293. *Сунь Тунвэнь, Ван Цзяин.* Тайвань гоцзу жэньтун дэ цзай цзяньян. *R* юй *Q* дэ дуйхуа. (Еще раз к вопросу о национальной идентичности Тайваня. Диалог между *R* и *Q*). Выпуск No. 142. – Гонконг: Гонконгский университет китайского языка, Гонконгский институт исследований Азиатско-Тихоокеанского региона, 2004. – 32 с.
294. *Сунь Хунъе.* «Вайшэнжэнь» ди эр дай дэ гоцзя жэньтун (Национальная идентичность «вайшэнжэнь» во втором поколении)// Гоцзя юй жэньтун: исе вайшэнжэнь дэ гуаньдянь (Государство и идентичность: взгляды некоторых вайшэнжэнь)/ под ред. Чжан Маогуя. – Тайбэй: Цюньсюэ, 2010. - С. 31-74.
295. *Сюй Хоянь.* Тайвань сюаньминь дэ гоцзя жэньтун юй данпай тоупяо синвэй: 1991 чжи 1993 нянь цзянь дэ шичжэн яньцзю цзего (Национальная идентичность тайваньских избирателей и голосование в пользу той или иной политической партии: результаты практических исследований, проводившихся в 1991-1993 годах)// Тайвань чжэнчжи сюэкань (Научный журнал «Политика Тайваня»). – 1996. – Июль. - №1. – С. 85-127.
296. *Сюй Цзунмао.* Тайваньжэнь лунь (Теория тайваньцев). – Тайбэй: Шибao вэньхуа, 1993. – 204 с.
297. *Сюй Юнмин.* Цзай Чжунго Гоминьдан тунчжи цзегоу ся дэ тупо – пинцзя Чэнь Шуйбянь (Прорыв при системе господства Китайской националистической партии Гоминьдан – оценивая Чэнь Шуйбяня)// Дандай (Современность). – 2006. - №231. - С. 28-41.

298. *Сяо Ацинъ.* 1980 няндай илай Тайвань вэньхуа миньцзу чжуи дэ фачжань: и «Тайвань (миньцзу) вэньсюэ» вэй чжу дэ фэньси (Развитие тайваньского культурного национализма с 1980-х гг.: анализ на основе «тайваньской (национальной) литературы»// Тайвань шэхуэйсюэ яньцзю (Социологические исследования Тайваня). – 1999. – Июль. – №3. – С. 1-51.
299. *Сяо Ацинъ.* Вэйцюань тунчжи ся дэ гоцзу жэньтун: иньби юй гункай, лянсьюй юй дуаньле (Национальная идентичность в период авторитарного правления: скрытое и открытое, преемственность и разрыв)// Сысян (Идеология). – 2007. – Январь. – №4 (Тайвань дэ циши няндай (70-е годы на Тайване)). – С. 141-175.
300. *Сяо Ацинъ.* Жэньтун, суйши юй синдун: Тайвань 1970 няндай данвай дэ лиши цзяньгоу (Идентичность, повествование и действия: построение истории движением «беспартийных» на Тайване 1970-х гг.)// Тайвань шэхуэйсюэ (Социология Тайваня). – 2003. – Июнь. – №5. – С. 195-250.
301. *Сяо Ацинъ.* Жэньтун яньцзю чжун дэ лиши: гоцуй дэ шиши, шэхуэй дэ гочэн, юй жэньлэй цзинъянь дэ лишисин/суйшисин (История в исследованиях идентичности: факты прошлого, общественный процесс и историчность/повествовательность опыта человечества)// Чунсе Тайвань вэньсюэ ши (Переписывая историю тайваньской литературы)/ под ред. Чжан Цзиньчжуна и Хуан Цзиньшу. – Тайбэй: Майтянь, 2007. – С. 23-59.
302. *Сяо Ацинъ.* Канжи цзити цзии дэ миньчжухуа: Тайвань 1970 няндай дэ чжаньхоу шидай юй жицзю шици Тайвань синь вэньсюэ (Национализация коллективной памяти об антияпонском сопротивлении: послевоенное поколение 1970-х гг. и новая литература о Тайване периода японского колониального господства)// Тайваньши яньцзю (Исследования истории Тайваня). – 2002. – Июнь. – Том 9, №1. – С. 181-239.
303. *Сяо Ацинъ.* Миньцзу чжуи юй Тайвань 1970 няндай дэ «сянту вэньсюэ»: игэ вэньхуа (цзити) цзии бяньцянь дэ таньтао (Национализм и «провинциальная литература» Тайваня 1970-х гг.: анализ трансформации культурной (коллективной) памяти)// Тайваньши яньцзю (Исследования истории Тайваня). – 2000. – Октябрь. – Том 6, №2. – С. 77-138.
304. *Сяо Ацинъ.* Хуэйгуй сяньши: Тайвань 1970 няндай дэ чжаньхоу шидай юй вэньхуа чжэнчжи бяньцянь (Вернуться в реальность: послевоенное поколение Тайваня 1970-х гг. и изменения в культурной политике). – Тайбэй: Цюньсюэ, 2008. – 496 с.
305. *Сяо Ацинъ.* Чунгоу Тайвань: дандай миньцзу чжуи дэ вэньхуа чжэнчжи (Реконструируя Тайвань: культурная политика современного национализма). – Тайбэй: Ляньцзин, 2012. – 448 с.
306. *Сяо Ацинъ.* Шидай жэньтун юй лиши суйши: Тайвань 1970 няндай «хуэйгуэй сяньши» шидай дэ синчэн (Идентичность поколений и историческое повествование: формирование на Тайване в 1970-е гг. поколения «вернувшихся к реальности»)// Тайвань шэхуэйсюэ (Тайваньская социология). – 2005. – №9. – С. 1-58.
307. Тайвань дули цзяньгоу лянмэн дэ гуши (Истории Союза независимости Тайваня и создания государства)/ под ред. Чэнь Минчэна и Ши Чжэнфэна. – Тайбэй: Цяньвэй, 2000. – 112 с.

308. *У Мича.* Тайвань гоцзя жэньтун чжи лиши хуэйгу – Жибэнь шидай: и гэ шибай дэ цзинъянь (Исторический взгляд на национальную идентичность Тайваня – эпоха японского колониального господства: опыт поражения)// Сборник статей конференции «Гоцзя жэньтун дэ вэньхуа лунышу» (Культурный дискурс национальной идентичности)/ под ред. Ши Чжэнфэна. – Тайбэй: Тайвань гоцзи яньцзю сюэхуэй (Тайваньская ассоциация международных исследований), 2006. – С. 161-169.
309. *У Найдэ.* Гоцзя жэньтун хэ чжэндан чжичи. Тайвань чжэндан цзинчжэн дэ шэхуэй цзичу (Национальная идентичность и поддержка политических партий. Социальная основа партийной борьбы на Тайване)// Чжунъян яньцзююань миньцзусюэ яньцзюсо цзикань (Бюллетень института этнологии Академии Синика). – 1993. – Ноябрь. – №74. – С. 33-61.
310. *У Найдэ.* Жэньтун чунту хэ чжэнчжи синьжэнь: сянь цзедуань Тайвань цзуцунь чжэнчжи дэ хэсинь наньти (Конфликт идентичностей и политическое доверие: основная трудность в этнической политике Тайваня на современном этапе)// Тайвань шэхуэйсюэ (Социология Тайваня). – 2002. – Декабрь. – №4. – С. 75-118.
311. *У Найдэ.* Мянбао юй айцин: чутань Тайвань миньчжун миньцзу жэньтун дэ бяндун (Хлеб и любовь: к вопросу об изменениях национальной идентичности населения Тайваня)// Тайвань чжэнчжи сюэкань (Научный журнал «Политика Тайваня»). – 2005. – №9:2. – С. 5-39.
312. *У Найдэ.* Хуэйи Цзян Цзинго, хуайнянь Цзян Цзинго (Вспоминая Цзян Цзинго, думая о Цзян Цзинго)// Эрши шицзи Тайвань миньчжу фачжань сюэшу таолуньхуэй (Научный семинар по развитию демократии на Тайване в XX веке). Том 2. – Тайбэй: Гошигуань, 2003. – С. 467-501.
313. *У Найдэ.* Хуэй шоу лай ши лу: вэйцюань ичань хо миньчжу цзычань? (Вспоминая пройденный жизненный путь: авторитарное наследие или демократический капитал?). Доклад на специальную тему на конференции, приуроченной к дню памяти Сунь Ятсена, в Президентском дворце, Тайбэй, 21.02.2005 [Электронный ресурс]// Институт социологии Академии Синика. – Режим доступа: <http://www.ios.sinica.edu.tw/ios/E/fellow/naitehwu/>, свободный. – Загл. с экрана.
314. *У Найдэ.* Чжуаньсин чжэнъи юй лиши цзии: Тайвань миньчжухуа дэ вэй цзин чжи е (Правосудие переходного периода и историческая память: незавершенное дело тайваньской демократизации)// Сысян (Идеология). – 2006. – №2. – С. 1-34.
315. *У Найдэ.* Шусе «миньцзу» чуаншан: эрэрба шицзянь дэ лиши цзии (Записывая «национальные» раны: историческая память об инциденте 28 февраля)// Сысян (Идеология). – 2008. – №8. – С. 39-70.
316. *У Найдэ.* Шэнцзи иши, чжэнчжи чжичи хэ гоцзя жэньтун – Тайвань цзуцунь чжэнчжи лилунь дэ чутань (Сознание происхождения, политическая поддержка и национальная идентичность – к вопросу о теории тайваньской этнической политики)// Цзуцунь гуаньси юй гоцзя жэньтун (Межэтнические отношения и национальная идентичность)/ под ред. Чжан Маогуй. – Тайбэй: Минтянь, 1993. – С. 27-51.
317. *У Юмэй.* Тайвань гоцзя жэньтун дэ фачжань юй фаньсы (Развитие национальной идентичности Тайваня и его переосмысление)// Сборник статей конференции «Гоцзя жэньтун дэ вэньхуа лунышу» (Культурный дискурс национальной идентичности)/ под ред.

Ши Чжэнфэна. – Тайбэй: Тайвань гоцзи яньцзю сюэхуэй (Тайваньская ассоциация международных исследований), 2006. – С. 83-116.

318. Цзуюнь вэньти дэ тичу юй «сы да цзуюнь» хуафэнь (Постановка этнической проблемы и выделение «четырех основных этнических групп») [Электронный ресурс]// Сайт «Чжунго Тайвань» (Китайский Тайвань). – Режим доступа: http://big5.taiwan.cn/plzhx/zhjzh/tyzhj/flq/200601/t20060116_227087.htm, свободный. – Загл. с экрана.
319. Цзуюнь чжэнчжи юй чжэнцэ (Этническая политика и стратегия)/ Под ред. Ши Чжэнфэна. – Тайбэй: Цяньвэй, 1997. – 301 с.
320. *Цзян Ихуа*. Данцянь Тайвань гоцзя жэньтун лунышу чжи фаньсин (Размышления о современных теориях национальной идентичности Тайваня// Тайвань шэхуэй яньцзю цзикань (Ежеквартальный журнал «Социальные исследования Тайваня»). – 1998. – Март. – №29. – С. 163-229.
321. *Цзян Ихуа*. Синь гоцзя юньдун ся дэ Тайвань жэньтун (Тайваньская идентичность в условиях движения за новое государство)// Миньцзу чжуи юй лянъань гуаньси (Национализм и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива)/ под ред. Линь Цзялуна и Чжэн Юннэня. – Тайбэй: Синь цзыжань чжуи, 2001. – С. 181-216.
322. *Цзян Ихуа*. Тайвань дэ чжуаньсин чжэнъи цзи ци синсы (Правосудие переходного периода Тайваня и его осмысление)// Сысян (Идеология). – 2007. – №5. – С. 65-81.
323. *Цзян Ихуа*. Тайвань чжаньхоу чжэнчжи сысян юй миньчжу юньдун (Политическая идеология и демократическое развитие на послевоенном Тайване)// Тайвань шэхуэй яньцзю цзикань (Ежеквартальный журнал «Социальные исследования Тайваня»). – 2007. – Март. – №65. – С. 191-199.
324. *Цзян Ихуа*. Цзыю миньчжу тичжи ся дэ гоцзя жэньтун (Государственная идентичность в условиях либерально-демократического режима)// Тайвань шэхуэй яньцзю цзикань (Ежеквартальный журнал «Социальные исследования Тайваня»). – 1997. – Март. – №25. – С. 83-121.
325. *Цзян Ихуа*. Цзыю чжуи, миньцзу чжуи юй гоцзя жэньтун (Либерализм, национализм и государственная идентичность). – Тайбэй: Янчжи вэньхуа, 1998. – 256 с.
326. *Цзян Ихуа*. Шэцуюнь чжуи дэ гоцзя жэньтун гуань (Теория национальной идентичности в коммунализме)// Чжэнчжи кэсюэ луныцун (Собрание статей по политическим наукам). – 1997. – Июнь. – №8. – С. 85-110.
327. *Цзянь Хоуцун*. Тайвань ши (История Тайваня). – Тайбэй: Унань тушу, 2001. – 871 с.
328. Цюаньцюхуа юй Тайвань гоцзя фачжань (Глобализация и государственное развитие Тайваня)/ под ред. Ши Чжэнфэна. – Тайбэй: Гоцзя чжаньван цзицзиньхуэй, 2004. – 322 с.
329. *Чжан Маогуй*. Доюань вэньхуа чжуи цзай Тайвань юй ци куньцзин (Мультикультурализм на Тайване и его трудности)// Чжиши фэньцзы дэ синсы юй дуйхуа (Размышления и диалог интеллигенции)/ под ред. Шэнь Сяньцина и др. – Тайбэй: Шибэо вэньхуа, 2008. – С. 310-325.

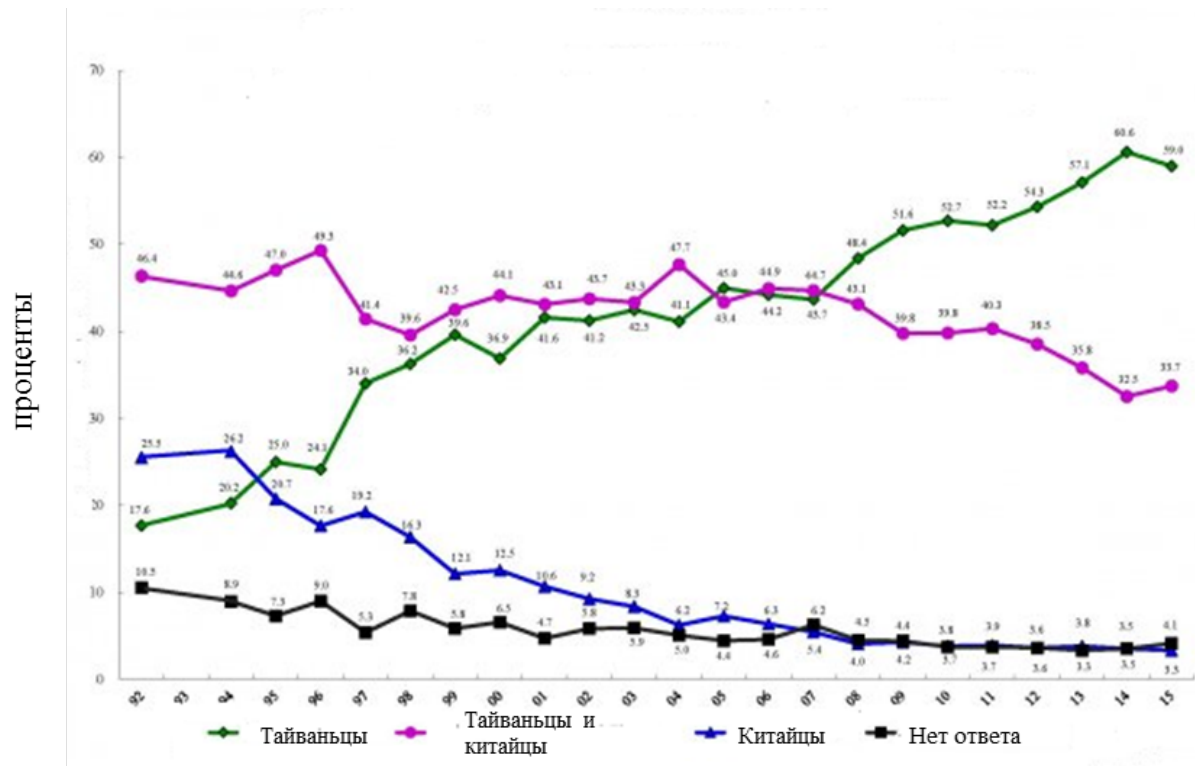
330. *Чжан Маогуй.* Миньцзу юй гоцзя, вэньхуа юй чжэнчжи (Нация и государство, культура и политика)// Тайда шэхуэйсюэ кань (Социология Тайваньского университета). – 2001. – Февраль. – №29. – С. 293-299.
331. *Чжан Маогуй.* «Синь тайваньжэнь» чжи фэйлунь (Псевдотеория «нового тайванца»)// Дандай (Современность). – 1999. – №137. – С. 66-77.
332. *Чжан Маогуй.* Тайвань «вайшэнжэнь» чжи дочун цэсе. Ни ивэй дун, циши е буи дин дун хэнь до дэ «вайшэнжэнь» (Проливая дополнительный свет с разных сторон на «вайшэнжэнь» Тайваня. «Вайшэнжэнь», которых, как ты думаешь, понимаешь, но на самом деле понимаешь не очень много)// Гоцзя юй жэньтун: исе вайшэнжэнь дэ гуаньдянь (Государство и идентичность: взгляды некоторых вайшэнжэнь)/ под ред. Чжан Маогуй. – Тайбэй: Цюньсюэ, 2010. – С. I-VII.
333. *Чжан Маогуй.* Тайвань «доюань вэньхуа» чжэнчжи юй юньдун («Мультикультурная» политика и движение на Тайване)// Посуто минсюаки но тайван сэйдзи: Тин Суйхэн сэйкэн но 8нэн (Тайваньская политика в период постдемократизации: восемь лет правления Чэнь Шуйбяня)/ под ред. Вакабаяси, Масахиро. – Токио: Институт развивающихся экономик, 2010. – С. 123-167.
334. *Чжан Маогуй.* Тайвань цзуюнь хэцзе дэ канькэлу (Неровная дорога на пути к межэтническому примирению на Тайване)// Сборник статей конференции «Гоцзя жэньтун дэ вэньхуа лунышу» (Культурный дискурс национальной идентичности)/ под ред. Ши Чжэнфэна. – Тайбэй: Тайвань гоцзи яньцзю сюэхуэй (Тайваньская ассоциация международных исследований), 2006. – С. 43-82.
335. *Чжан Маогуй.* Шэнцзи вэньти, гоцзя жэньтун юй миньчжухуа (Этнический вопрос, национальная идентичность и демократизация) [Электронный ресурс]// База данных онлайн «Даокэ баба». – Режим доступа: <http://www.doc88.com/p-1724773027445.html>, свободный. – Загл. с экрана.
336. *Чжан Маогуй, Сяо Пин.* «Цзуюнь» ити дэ синьвэнь цюаньши – цзяньлунь баочжи юй гунгун линъюй вэньти (Отражение в новостях вопросов «этничности» - попутно обсуждая вопросы газетной прессы и общественной сферы)// Тайда синьвэнь луньтань (Новостной форум Тайваньского университета). – 1994. – Апрель. – Том 1, №1. – С. 98-122.
337. *Чжан Маогуй, Сяо Синьхуан.* Дасюэшэн дэ «чжунго цзе» юй «тайвань цзе» - цзыво жэньдин юй тунхунь гуаньянь дэ фэньси («Китайский» и «тайваньский комплекс» студентов вузов – анализ самоопределения и отношения к смешанным бракам)// Чжунго луньтань (Китайский форум, Тайбэй). – 1987. – 10 октября. – Вып. 25, №1. – С. 34-53.
338. *Чжан Юй, Чжан Цайся.* Тайвань вэньсюэ ши дэ чжуаньшу юй вэньхуа жэньтун яньцзю (Исследование работ по истории тайваньской литературы и культурной идентичности)// Тайвань яньцзю цзикань (Антология тайваньских исследований, Сямэнь). – 2008. – №3 (101). – С. 78-87.
339. *Чжэн Кайчжун.* Вэньцзы дэ бэйай: игэ линлэй «вайшэн» эр дай дэ синьлу личэн (Скорбь комаров: идейный путь другого типа «вайшэнжэнь» во втором поколении)// Гоцзя юй жэньтун: исе вайшэнжэнь дэ гуаньдянь (Государство и идентичность: взгляды некоторых вайшэнжэнь)/ под ред. Чжан Маогуй. – Тайбэй: Цюньсюэ, 2010. – С. 75-110.

340. Чэнь Кунли. Тайвань лиши ганъяо (Очерк истории Тайваня). – Пекин: Цзючжоу, 2008. – 265 с.
341. Чэнь Кунли. Циндай Тайвань шэхуэй фачжань дэ моши вэньти – пин «тучжухуа» хэ «нэйдихуа» дэ чжэнлунь (Проблема модели развития тайваньского общества в эпоху Цин – обсуждая дискуссию об «индигенизации» и «континентализации»)// Тайвань яньцзю шинянь (Десятилетие исследований Тайваня)/ под ред. Чэнь Кунли. – Сямэнь: Боюань, 1990. – С. 269-295.
342. Чэнь Лухуэй, Гэн Шу, Ту Пинлань, Хуан Гуаньбо. Лисин цзыли хо ганьсин жэньтун? Инсян Тайвань миньчжун лянъянь цзинмао личан иньсу дэ фэньси (Рациональная выгода или эмоциональная идентичность? Анализ факторов, влияющих на отношение жителей Тайваня к проблеме торгово-экономических связей между двумя берегами Тайваньского пролива)// Дунъю Чжэнчжисюэ бао (Журнал Университета Дунъю «Политология»). – 2009. – Том 27, № 2. – С. 87-125.
343. Чэнь Лухуэй, Гэн Шу, Чжэн Суфэнь, Ю Цинсинь, Чэнь Чжэнвэй, Чжан Явэнь. Тайвань жэньтун дэ циюань юй чжэнчжи сяого чжи яньцзю: Синчжэньюань гоцзя кэсюэ вэйюаньхуэй чжуаньти яньцзю цзихуа чэнго баогао (Происхождение и политические последствия «тайваньской идентичности»): доклад о результатах исследовательского проекта по специальной теме Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня). – Тайбэй: Государственный комитет по науке Исполнительного Юаня, 2010. – 397 с. [Электронный ресурс]// Сюэшу дяоча яньцзю цзыляоку (База научных исследований и опросов Академии Синика). – Режим доступа: <https://srda.sinica.edu.tw/group/sciitem/3/1134>, свободный. – Загл. с экрана.
344. Чэнь Цинань. Бэньту иши, миньцзу гоцзя юй миньчжу чжэнти (Локальное самосознание, национальное государство и демократическое правление)// Чжунго луньтань (Китайский форум, Тайбэй). – 1987. – 10 октября. – Вып. 25, №1. – С. 22-31.
345. Чэнь Цинань. Тайвань сяньдай иши дэ гуйцзи (По следам тайваньского модернистского сознания)// (Журнал «Форум мозгового центра культурно-образовательного фонда «Новый век», Тайбэй). – 2003. – 30 июня. – С. 44-59.
346. Чэнь Цуйлянь. Тайвань дэ гоцзя жэньтун яньцзю цзинькуан (Современное состояние исследований по проблеме национальной идентичности Тайваня)// Гошигуань гуанькань (Журнал Академии государственной истории). – 2002. – Декабрь. – № 33 (после обновления). – С. 10-17.
347. Чэнь Цуйлянь. Тайваньжэнь дэ дикан юй жэньтун (Соппротивление и идентичность тайваньцев). – Тайбэй: Юаньлю, 2008. – 448 с.
348. Шан Даомин. Цзюаньцунь цзюйминь дэ гоцзя жэньтун (Национальная идентичность жителей цзюаньцунь)// Гоцзя юй жэньтун: исе вайшэнжэнь дэ гуаньдянь (Государство и идентичность: взгляды некоторых вайшэнжэнь)/ под ред. Чжан Маогуя. – Тайбэй: Цюньсюэ, 2010. – С. 3-30.
349. Ши Чжэнфэн. Тайвань миньцзу чжуи (Тайваньский национализм). – Тайбэй: Цяньвэй, 1994, 2003. – 389 с.

350. *Ши Чжэнфэн.* Тайвань миньчжухуа гочэн чжун дэ цзуюнь чжэнчжи (Этническая политика в ходе процесса демократизации Тайваня)// Тайвань миньчжу цзикань (Ежеквартальный журнал «Демократия Тайваня»). – 2007. – Декабрь. - Том 4, №4. - С. 177-89.
351. *Ши Чжэнфэн.* Тайвань чжэнчжи ши дэ чунсинь цзяньгоу (Построение заново тайваньской политической истории). Доклад на научной конференции Ассоциации истории Тайваня «Создание научной субъектности Тайваня», Тайбэй, 01 июля 2006 г. [Электронный ресурс]// Государственный университет Дунхуа. – Режим доступа: <http://faculty.ndhu.edu.tw/~cfshih/conference-papers/20060701.htm>, свободный. – Загл. с экрана.
352. *Ши Чжэнфэн.* Тайваньжэнь дэ гоцзя жэньтун (Национальная идентичность тайваньцев)// Гоцзя жэньтун луньвэнь цзи (Сборник статей о национальной идентичности). – Тайбэй: Даосян, 2001. - С. 145-180.
353. *Ши Чжэнфэн.* Тайваньжэнь дэ миньцзу жэньтун (Национальная идентичность тайваньцев). – Тайбэй: Цяньвэй, 2000. – 254 с.
354. *Ши Чжэнфэн.* Чжэнмин юньдун юй миньцзу жэньтун дэ цзяньгоу (Движение за исправление имен и построение национальной идентичности)// Синь шицзи чжику луньтань (Журнал «Форум мозгового центра культурно-образовательного фонда «Новый век», Тайбэй). – 2002. – 30 сентября. - №19. – С. 21-29.
355. *Ю Инлун.* Тайвань цзуюнь жэньтун дэ чжэнчжи синьли фэньси (Политико-психологический анализ этнической идентичности на Тайване)// Тайвань чжэнчжи сюэкань (Научный журнал «Политика Тайваня»). – 1996. – Июль. - №1. – С. 41-84.

Приложение 1.

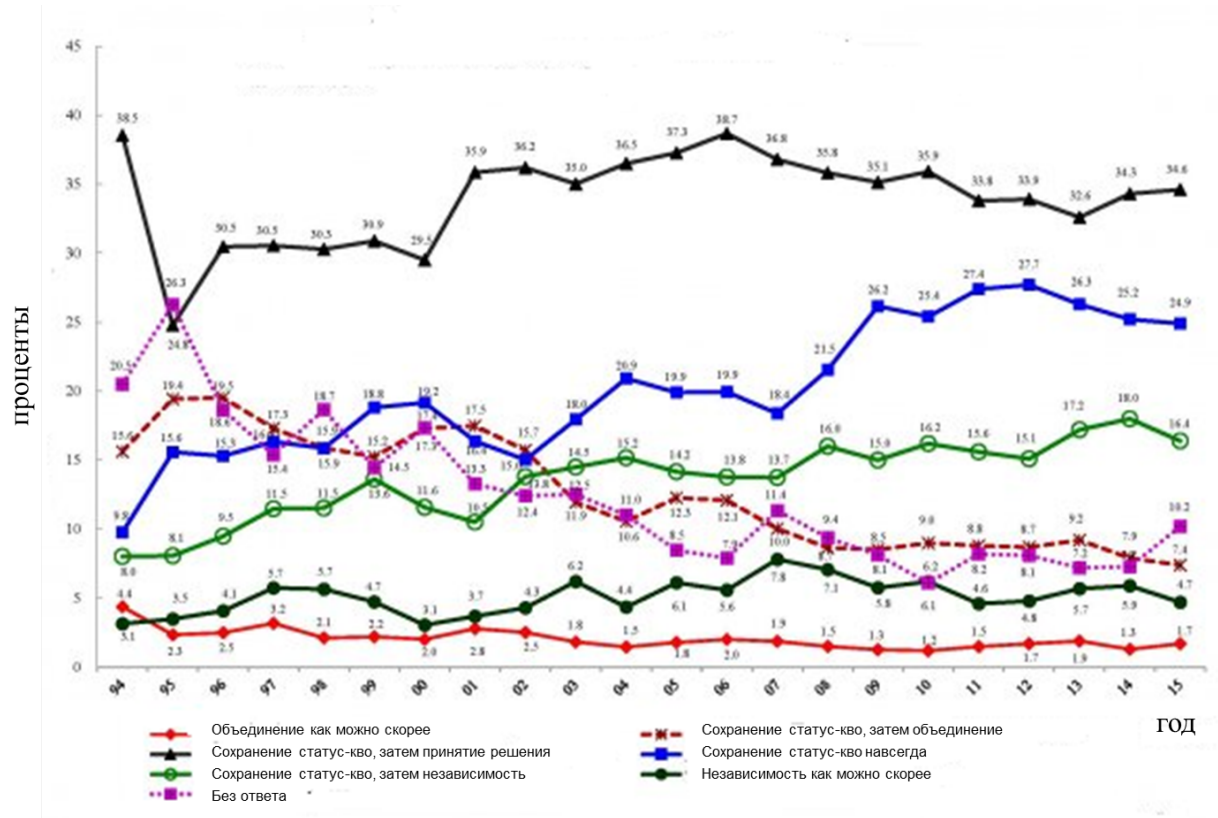
График изменений «тайваньской»/«китайской идентичности» населения Тайваня (1992-2015.06)⁵¹⁴

⁵¹⁴ Тайвань миньчжун тайваньжэнь/чжунгожэнь жэньтун цюйши фэньбу (1992.06-2015.06) (Распределение «тайваньской»/ «китайской идентичности» населения Тайваня (1992.06-2015.06) [Электронный ресурс]// Сайт Центра исследований выборов Государственного университета Чжэнчжи, Тайбэй. – Режим доступа: <http://esc.nccu.edu.tw/course/news.php?Sn=166#>, свободный. - Загл. с экрана.

Приложение 2.

График изменения позиций населения Тайваня относительно независимости острова или его объединения с материковым Китаем (1994-2015.06)⁵¹⁵

⁵¹⁵ Тайвань миньчжун тунду личан цюйши фэньбу (1994.12-2015.06) (Распределение позиций относительно независимости Тайваня или его объединения с материковым Китаем населения Тайваня (1994.12-2015.06) [Электронный ресурс]// Сайт Центра исследований выборов Государственного университета Чжэнчжи, Тайбэй. – Режим доступа: http://esc.nccu.edu.tw/course/news.php?Sn=167#_свободный. - Загл. с экрана.

Приложение 3.

Данные опросов общественного мнения на предмет самоидентификации, а также позиций населения Тайваня по различным смежным вопросам (2006 и 2008 гг.)⁵¹⁶

Таблица 1. Отношение материковых властей к тайваньскому правительству (Вопрос 1: Как Вы считаете: отношение материкового правительства к тайваньскому правительству дружественное или нет?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Крайне не дружественное	263	24,3%
Не очень дружественное	311	28,7%
Более или менее дружественное	198	18,3%
Очень дружественное	10	0,9%
Нет ответа	300	27,7%
Итого:	1082	100,0%

Таблица 1а. Отношение материковых властей к тайваньскому правительству (Вопрос 1: Как Вы считаете: отношение материкового правительства к тайваньскому правительству дружественное или нет?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Крайне не дружественное	373	25,4%
Не очень дружественное	496	33,7%
Более или менее дружественное	252	17,1%
Очень дружественное	22	1,5%
Нет ответа	373	25,4%
Итого:	1470	100,0%

⁵¹⁶ Составлено по материалам: Телефонные опросы общественного мнения// Чэнь Лухуэй, Гэн Шу, Чжэн Суфэнь, Ю Цинсинь, Чэнь Чжэнвэй, Чжан Явэнь. Тайвань жэньтун дэ циюань юй чжэнчжи сяого чжи яньцзю: Синчжэньюань гоцзя кэсюэ вэйюаньхуэй чжуаньти яньцзю цихуа чэнго баогао (Происхождение и политические последствия тайваньской идентичности): доклад о результатах исследовательского проекта по специальной теме Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня). – Тайбэй: Государственный комитет по науке Исполнительного Юаня, 2010. – С. 87-188. [Электронный ресурс]// Сюэшу дяоча яньцзю цыляоку (База научных исследований и опросов Академии Синика). – Режим доступа: <https://srda.sinica.edu.tw/group/sciitem/3/1134>, свободный. - Загл. с экрана. Предложенные вниманию читателей таблицы представляют собой сводное собрание результатов опросов общественного мнения, проведенных в два этапа (28-31 октября 2006 г. и 1-4 марта 2008 г.). Вопросы, используемые на каждом из этапов, имеют определенные различия, в связи с чем показатели опросов второго этапа выделены курсивом. Графа «нет ответа», присутствующая практически в каждой таблице, отражает целый ряд вариантов реакции опрашиваемых, включая «отказываюсь отвечать», «в зависимости от ситуации», «нет мнения», «не знаю» и т.д.

Таблица 2. Отношение жителей материкового Китая к населению Тайваня (Вопрос 2: Как Вы считаете: отношение населения материкового Китая к населению Тайваня дружественное или нет?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Крайне не дружественное	96	8,9%
Не очень дружественное	262	24,2%
Более или менее дружественное	394	36,4%
Очень дружественное	21	1,9%
Нет ответа	309	28,6%
Итого:	1082	100%

Таблица 2а. Отношение правительства материкового Китая к населению Тайваня (Вопрос 2: Как Вы считаете: отношение правительства материкового Китая к населению Тайваня дружественное или нет?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Крайне не дружественное	239	16,2%
Не очень дружественное	420	28,6%
Более или менее дружественное	442	30,0%
Очень дружественное	26	1,8%
Нет ответа	344	23,4%
Итого:	1470	100%

Таблица 3. Отношение к политике тайваньского правительства в вопросе торгово-экономического сотрудничества с материковым Китаем (Вопрос 3: Как Вы считаете: политика правительства в сфере торгово-экономического обмена между двумя берегами Тайваньского пролива должна быть более открытой, чем сейчас, или подвергаться более сильному регулированию?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Строго регулировать	211	19,5%
Добавить контроля	165	15,3%
Сделать чуть более открытой	285	26,3%
Сделать значительно более открытой	227	21,0%
Нет ответа	194	17,9%
Итого:	1082	100%

Таблица 3а. Отношение к политике тайваньского правительства в вопросе торгово-экономического сотрудничества с материковым Китаем (Вопрос 3: Как Вы считаете: политика правительства в сфере торгово-экономического обмена между двумя берегами Тайваньского пролива должна быть более открытой, чем сейчас, или подвергаться более сильному регулированию?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Усилить регулирование	523	35,6%
Сохранять на прежнем уровне	4	0,3%
Сделать более открытой	735	50,0%
Нет ответа	207	14,1%
Итого:	1470	100%

Таблица 4. Изменение собственной ситуации в случае активизации торгово-экономических связей между двумя берегами Тайваньского пролива (Вопрос 4: Если правительство будет проводить абсолютно открытую политику в сфере торгово-экономического обмена между двумя берегами Тайваньского пролива (тайваньские предприниматели смогут свободно и с гарантиями инвестировать средства в материковом Китае, откроется импорт товаров, сельскохозяйственной продукции из Китая, жители материка смогут приезжать на Тайвань в качестве наемных рабочих и туристов), Ваша личная экономическая ситуация (возможности для будущей занятости, размер дохода и т.д.) от этого улучшится, ухудшится или практически не изменится?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Улучшится	206	19,1%
Останется примерно на прежнем уровне	447	41,3%
Ухудшится	278	25,7%
Нет ответа	151	13,9%
Итого:	1082	100%

Таблица 4а. Изменение экономической ситуации на Тайване в случае активизации торгово-экономических связей между двумя берегами Тайваньского пролива (Вопрос 4: Если правительство будет проводить абсолютно открытую политику в сфере торгово-экономического обмена между двумя берегами Тайваньского пролива, экономическая ситуация на Тайване от этого улучшится, ухудшится или практически не изменится?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Улучшится	608	41,3%
Останется примерно на прежнем уровне	251	17,1%
Ухудшится	404	27,5%
Нет ответа	208	14,1%
Итого:	1470	100%

Таблица 5а. Изменение собственной ситуации в случае активизации торгово-экономических связей между двумя берегами Тайваньского пролива (Вопрос 5: Если правительство будет проводить абсолютно открытую политику в сфере торгово-экономического обмена между двумя берегами Тайваньского пролива, Ваша личная экономическая ситуация от этого улучшится, ухудшится или практически не изменится?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Улучшится	316	21,6%
Останется примерно на прежнем уровне	653	44,4%
Ухудшится	353	24,0%
Нет ответа	148	10,0%
Итого:	1470	100%

Таблица 6а. Опыт путешествий, посещения родственников, работы, учебы и др. в материковом Китае (собственный или у кого-то из родственников) за последние 3 года (Вопрос 6: За последние 3 года Вы или кто-то из Ваших родственников ездил в материковый Китай путешествовать, навещать родственников, работать, учиться или с другими целями?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Да	616	41,9%
Нет	853	58,0%
Нет ответа	1	0,1%
Итого:	1470	100%

Таблица 7а. Наличие планов учебы, работы или эмиграции за границу (Вопрос 7: Есть ли у Вас планы эмигрировать или поехать за границу работать, учиться?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Да	120	8,2%
Нет	1349	91,7%
Нет ответа	1	0,1%
Итого:	1470	100%

Таблица 8а. Желание поехать при наличии возможности (Вопрос 8: Если бы была такая возможность, Вы бы поехали?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Да	507	37,6%
Нет	815	60,4%
Нет ответа	27	2,0%
Итого:	1349 ⁵¹⁷	100%

Таблица 9а. Отнесение себя к гражданам мира или Тайваня (Вопрос 9: Кем Вы себя считаете – гражданином мира или гражданином Тайваня?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Гражданин мира	301	20,5%
Гражданин Тайваня	1021	69,5%
И то, и другое	53	3,6%
Гражданин КР	1	0,1%
Нет ответа	94	6,4%
Итого:	1470	100%

Таблица 10а. Согласие с утверждением «Практически все темы, которые в последнее время обсуждаются политиками, не являются теми, которые волнуют нас» (Вопрос 10: Некоторые говорят: «Практически все вопросы, которые обсуждаются политиками, это не те вопросы, которые волнуют нас». Вы согласны с этим утверждением?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Совершенно не согласен	107	7,3%
Не согласен	297	20,2%
Согласен	412	28,0%
Совершенно согласен	468	31,8%
Нет ответа	186	12,6%
Итого:	1470	100%

⁵¹⁷ Данный вопрос задавался лишь тем, кто при ответе на Вопрос 7 выбрал «нет».

Таблица 11а. *Согласие с утверждением «Тема независимости Тайваня или его объединения с материковым Китаем, которая в настоящее время обсуждается в обществе, на самом деле не имеет значения» (Вопрос 11: Некоторые говорят: «Тема независимости Тайваня или его объединения с материковым Китаем, которая в настоящее время обсуждается в обществе, на самом деле не имеет значения». Вы согласны с этим утверждением?)*

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Совершенно не согласен	166	11,3%
Не согласен	267	18,2%
Согласен	424	28,9%
Совершенно согласен	404	27,5%
Нет ответа	209	14,2%
Итого:	1470	100%

Таблица 5. *Необходимость подчеркивания утверждения «Мы обязательно должны любить Тайвань» (Вопрос 5: В последнее время в [нашем] обществе часто говорят: «Мы обязательно должны любить Тайвань». Как Вы считаете, есть ли необходимость подчеркивать это утверждение?)*

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Совершенно нет необходимости	322	29,8%
Не так уж необходимо	322	29,8%
Есть некоторая необходимость	130	12,1%
Есть большая необходимость	230	21,3%
Нет ответа	77	7,1%
Итого:	1082	100%

Таблица 12а. *Необходимость подчеркивания утверждения «Мы обязательно должны любить Тайвань» (Вопрос 12: В последнее время в [нашем] обществе часто говорят: «Мы обязательно должны любить Тайвань». Как Вы считаете, есть ли необходимость подчеркивать это утверждение?)*

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Совершенно нет необходимости	319	21,7%
Нет необходимости	554	37,7%
Есть необходимость	240	16,4%
Есть большая необходимость	271	18,5%
Нет ответа	85	5,8%
Итого:	1470	100%

Таблица 6. *Необходимость подчеркивания утверждения «Мы обязательно должны гордиться тем, что мы тайваньцы» (Вопрос 6: В последнее время в [нашем] обществе часто говорят: «Мы обязательно должны гордиться тем, что мы тайваньцы». Как Вы считаете, есть ли необходимость подчеркивать это утверждение?)*

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Совершенно нет необходимости	325	30,0%
Не так уж необходимо	326	30,2%
Есть некоторая необходимость	132	12,2%
Есть большая необходимость	219	20,2%
Нет ответа	79	7,3%
Итого:	1082	100%

Таблица 13а. Необходимость подчеркивания утверждения «Мы обязательно должны гордиться тем, что мы тайваньцы» (Вопрос 13: В последнее время в [нашем] обществе часто говорят: «Мы обязательно должны гордиться тем, что мы тайваньцы». Как Вы считаете, есть ли необходимость подчеркивать это утверждение?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Совершенно нет необходимости	218	14,8%
Нет необходимости	545	37,1%
Есть необходимость	316	21,5%
Есть большая необходимость	280	19,1%
Нет ответа	110	7,5%
Итого:	1470	100%

Таблица 7. Согласие с утверждением «На Тайване уже давно развилась культура, отличная от китайской» (Вопрос 7: Некоторые говорят: «На Тайване уже давно развилась культура, отличная от китайской»? Согласны ли Вы с этим утверждением?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Совершенно не согласен	82	7,6%
Не очень согласен	222	20,5%
В некоторой степени согласен	267	24,7%
Совершенно согласен	361	33,4%
Нет ответа	150	13,9%
Итого:	1082	100%

Таблица 14а. Согласие с утверждением «На Тайване уже давно развилась культура, отличная от китайской» (Вопрос 14: Некоторые говорят: «На Тайване уже давно развилась культура, отличная от китайской»? Согласны ли Вы с этим утверждением?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Совершенно не согласен	101	6,8%
Не согласен	258	17,6%
Согласен	492	33,5%
Совершенно согласен	447	30,4%
Нет ответа	172	11,7%
Итого:	1470	100%

Таблица 8. Согласие с утверждением «Любить Тайвань означает говорить на собственном тайваньском языке» (Вопрос 8: Некоторые говорят: «Любить Тайвань означает говорить на собственном тайваньском языке»? Согласны ли Вы с этим утверждением?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Совершенно не согласен	280	25,9%
Не очень согласен	389	36,0%
В некоторой степени согласен	150	13,8%
Совершенно согласен	176	16,3%
Нет ответа	87	8,0%
Итого:	1082	100%

Таблица 15а. *Согласие с утверждением «Любить Тайвань означает говорить на собственном тайваньском языке» (Вопрос 15: Некоторые говорят: «Любить Тайвань означает говорить на собственном тайваньском языке»? Согласны ли Вы с этим утверждением?)*

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Совершенно не согласен	336	22,8%
Не согласен	472	32,1%
Согласен	304	20,7%
Совершенно согласен	223	15,1%
Нет ответа	136	9,2%
Итого:	1470	100%

Таблица 9. *Согласие с утверждением «Любить Тайвань означает поддерживать политическую власть местного происхождения» (Вопрос 9: Некоторые говорят: «Любить Тайвань означает поддерживать политическую власть местного происхождения»? Согласны ли Вы с этим утверждением?)*

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Совершенно не согласен	329	30,4%
Не очень согласен	301	27,9%
В некоторой степени согласен	151	13,9%
Совершенно согласен	162	15,0%
Нет ответа	139	12,8%
Итого:	1082	100%

Таблица 16а. *Согласие с утверждением «Любить Тайвань означает поддерживать политическую власть местного происхождения» (Вопрос 16: Некоторые говорят: «Любить Тайвань означает поддерживать политическую власть местного происхождения»? Согласны ли Вы с этим утверждением?)*

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Совершенно не согласен	362	24,6%
Не согласен	398	27,1%
Согласен	295	20,1%
Совершенно согласен	245	16,6%
Нет ответа	170	11,6%
Итого:	1470	100%

Таблица 10. *Согласие с утверждением «В прошлом, в эпоху авторитаризма, отношение правительства к бэньшэнжэнь было несправедливым» (Вопрос 10: Некоторые говорят: «В прошлом, в эпоху авторитаризма, отношение правительства к бэньшэнжэнь было несправедливым»? Согласны ли Вы с этим утверждением?)*

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Совершенно не согласен	135	12,5%
Не очень согласен	259	24,0%
В некоторой степени согласен	232	21,4%
Совершенно согласен	281	26,0%
Нет ответа	175	16,2%
Итого:	1082	100%

Таблица 11. Наличие сведений о том, что в эпоху авторитаризма человек из-за принадлежности к *бэньшэнжэнь* испытывал несправедливое отношение к себе со стороны правительства (Вопрос 11: Слышали ли Вы когда-нибудь о том, чтобы в прошлом, в эпоху авторитаризма, человек из-за принадлежности к *бэньшэнжэнь* испытывал несправедливое отношение к себе со стороны правительства?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Практически нет	330	30,5%
Слышал очень мало	110	10,2%
Слышал иногда	316	29,2%
Слышал часто	205	18,9%
Испытал на себе	48	4,4%
Нет ответа	73	6,7%
Итого:	1082	100%

Таблица 12. Степень принятия несправедливого отношения к *бэньшэнжэнь* (Вопрос 11а: Когда Вы слышали о подобном несправедливом отношении в прошлом, приемлемо ли это было для Вас?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Совершенно не приемлемо	162	25,7%
Не вполне приемлемо	200	31,7%
Приемлемо с трудом	84	13,4%
Приемлемо	82	13,0%
Нет ответа	103	16,3%
Итого:	631 ⁵¹⁸	100%

Таблица 13. Степень принятия несправедливого отношения к себе как к *бэньшэнжэнь* (Вопрос 11b: Когда Вы тогда испытывали на себе подобное несправедливое отношение, приемлемо ли это было для Вас?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Совершенно не приемлемо	22	46,8%
Не вполне приемлемо	10	21,3%
Приемлемо с трудом	6	12,8%
Приемлемо	3	6,4%
Нет ответа	6	12,8%
Итого:	47 ⁵¹⁹	100%

Таблица 17а. Знакомство с «инцидентом 28 февраля» (Вопрос 17: Слышали ли Вы об «инциденте 28 февраля»?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Слышал	1378	93,7%
Не слышал	91	6,2%
Нет ответа	1	0,1%
Итого:	1470	100%

⁵¹⁸ Данный вопрос задавался лишь тем, кто при ответе на Вопрос 11 выбрал «слышал очень мало», «слышал иногда» и «слышал часто».

⁵¹⁹ Данный вопрос задавался лишь тем, кто при ответе на Вопрос 11 выбрал «испытал на себе».

Таблица 18а. Наличие ощущения печали, ужаса или гнева в отношении «инцидента 28 февраля» (Вопрос 18: Возникает ли у Вас ощущение печали, ужаса или гнева в отношении «инцидента 28 февраля»?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Есть	578	41,9%
Нет	789	57,2%
Нет ответа	12	0,9%
Итого:	1379 ⁵²⁰	100%

Таблица 19а. Отношение к памяти об «инциденте 28 февраля» (Вопрос 19: Некоторые говорят, что мы должны забыть об «инциденте 28 февраля», чтобы избежать волнений в обществе. Некоторые говорят, что общество может достигнуть настоящего спокойствия, только если будет восстановлена справедливость в отношении жертв Инцидента и их родственников. Какое из этих утверждений Вы поддерживаете?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Следует забыть	518	35,3%
Следует восстановить справедливость	656	44,6%
Согласен с обоими утверждениями	31	2,1%
Не согласен ни с одним из утверждений	27	1,9%
Нет ответа	237	16,1%
Итого:	1470	100%

Таблица 14. Происхождение отца респондента (Вопрос 12: Ваш отец является бэньшэнжэнь хакка, бэньшэнжэнь хокло, вайшэнжэнь или представителем аборигенной народности?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Бэньшэнжэнь хакка	135	12,4%
Бэньшэнжэнь хокло	783	72,3%
Вайшэнжэнь	124	11,5%
Представитель аборигенных народностей	17	1,5%
Нет ответа	24	2,2%
Итого:	1082	100%

Таблица 20а. Происхождение отца респондента (Вопрос 20: Ваш отец является бэньшэнжэнь хакка, бэньшэнжэнь хокло, вайшэнжэнь или представителем аборигенной народности?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Бэньшэнжэнь хакка	199	13,5%
Бэньшэнжэнь хокло	1039	70,7%
Вайшэнжэнь	184	12,5%
Представитель аборигенных народностей	17	1,2%
Нет ответа	32	2,2%
Итого:	1470	100%

⁵²⁰ Данный вопрос задавался лишь тем, кто при ответе на Вопрос 17 выбрал «слышал».

Таблица 15. Происхождение матери респондента (Вопрос 13: А Ваша мать?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
<i>Бэньшэнжэнь хакка</i>	125	11,6%
<i>Бэньшэнжэнь хокло</i>	851	78,7%
<i>Вайшэнжэнь</i>	67	6,2%
Представитель аборигенных народностей	19	1,8%
Нет ответа	19	1,8%
Итого:	1082	100%

Таблица 21а. Происхождение матери респондента (Вопрос 21: Ваша мать является бэньшэнжэнь хакка, бэньшэнжэнь хокло, вайшэнжэнь или представительницей аборигенной народности?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
<i>Бэньшэнжэнь хакка</i>	210	14,3%
<i>Бэньшэнжэнь хокло</i>	1118	76,1%
<i>Вайшэнжэнь</i>	80	5,4%
Представительница аборигенных народностей	24	1,7%
Иностранка	2	0,1
Нет ответа	36	2,5%
Итого:	1470	100%

Таблица 16. Язык, обычно использующийся респондентом при общении с членами семьи и с друзьями (Вопрос 14: Какой язык Вы обычно используете при общении с членами семьи и друзьями?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Государственный язык	207	19,1%
Южнофуцзяньский диалект	396	36,6%
Диалект хакка	18	1,6%
И государственный язык, и южнофуцзяньский диалект	372	34,4%
И государственный язык, и диалект хакка	21	1,9%
И южнофуцзяньский диалект, и диалект хакка	3	0,3%
И государственный язык, и южнофуцзяньский диалект, и диалект хакка	56	5,2%
Свой диалект	3	0,3%
Другое	3	0,3%
Нет ответа	3	0,3%
Итого:	1082	100%

Таблица 22а. Язык, обычно использующийся респондентом при общении с членами семьи и с друзьями (Вопрос 22: Какой язык Вы обычно используете при общении с членами семьи и друзьями?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Государственный язык	303	20,6%
Южнофуцзяньский диалект	532	36,2%
Диалект хакка	32	2,2%
Языки аборигенных народностей	5	0,3%
И государственный язык, и южнофуцзяньский диалект	494	33,6%
И государственный язык, и диалект хакка	47	3,2%
И государственный язык, и языки аборигенных народностей	1	0,1%
И южнофуцзяньский диалект, и диалект хакка	10	0,7%
Государственный язык и иностранные языки	2	0,1%
И государственный язык, и южнофуцзяньский диалект, и диалект хакка	30	2,1%
И государственный язык, и южнофуцзяньский диалект, и иностранные языки	7	0,5%
И государственный язык, и южнофуцзяньский диалект, и языки аборигенных народностей	2	0,2%
И государственный язык, и южнофуцзяньский диалект, и диалект хакка, и языки аборигенных народностей	2	0,2%
И государственный язык, и южнофуцзяньский диалект, и языки аборигенных народностей, и иностранные языки	1	0,1%
Государственный язык и свой диалект	1	0,1%
Южнофуцзяньский диалект и языки аборигенных народностей	1	0,1%
Нет ответа	1	0,1%
Итого:	1470	100%

Таблица 17. Круг общения респондента (Вопрос 15: С кем Вы чаще общаетесь (в повседневной жизни, включая работу, учебу и дружбу) – с бэньшэнжэнь или вайшэнжэнь?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Бэньшэнжэнь	706	65,2%
И те, и другие	314	29,0%
Вайшэнжэнь	23	2,1%
Нет ответа	40	3,7%
Итого:	1082	100%

Таблица 18. Наличие у респондента чувства раскованности при общении с *бэньшэнжэнь* или *вайшэнжэнь* (Вопрос 16: Обычно при общении с кем Вы себя чувствуете свободнее – с *бэньшэнжэнь* или *вайшэнжэнь*?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
<i>Бэньшэнжэнь</i>	261	24,1%
Одинаково	725	67,0%
<i>Вайшэнжэнь</i>	29	2,7%
Нет ответа	67	6,2%
Итого:	1082	100%

Таблица 19. Наличие в семье браков с *вайшэньжэнь* (Вопрос 17: Вы или кто-то из Ваших родственников вступал в брак с *вайшэнжэнь*?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Есть	391	41,8%
Нет	527	56,4%
Нет ответа	16	1,7%
Итого:	934 ⁵²¹	100%

Таблица 20. Положение в обществе этих *вайшэньжэнь* из круга общения респондента по сравнению с его собственным положением (Вопрос 18: Как Вам кажется, социальное положение *вайшэнжэнь*, с которыми Вы общаетесь, лучше, хуже, или примерно одинаковое с Вашим?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Лучше	133	14,2%
Почти одинаковое	646	69,1%
Хуже	26	2,8%
Не общался с <i>вайшэнжэнь</i>	40	4,3%
Нет ответа	89	9,6%
Итого:	934 ⁵²²	100%

Таблица 21. Мнение относительно лучшего положения *вайшэнжэнь* в связи с особой заботой о них со стороны правительства (Вопрос 18а: Как Вы считаете, социальное положение этих *вайшэнжэнь* лучше Вашего потому, что правительство проявляет особую заботу о них?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Да	82	61,9%
Нет	42	31,3%
Нет ответа	9	6,7%
Итого:	133 ⁵²³	100%

⁵²¹ Данный вопрос задавался лишь тем, кто при ответе на Вопрос 12 выбрал «*бэньшэнжэнь хакка*», «*бэньшэнжэнь хокло*», «представитель аборигенных народностей».

⁵²² То же, что и в предыдущем примечании.

⁵²³ Данный вопрос задавался лишь тем, кто при ответе на Вопрос 18 выбрал «лучше».

Таблица 22. Схожесть мнений респондента и *вайшэнжэнь* из его круга общения по вопросу о будущем объединении Тайваня с материковым Китаем или его независимости (Вопрос 19: Как Вам кажется, что касается вопроса о будущем объединении Тайваня с материковым Китаем или его независимости, мнение *вайшэнжэнь*, с которыми Вы обычно общаетесь, совпадает с Вашим? Оно существенно отличается, не вполне совпадает или совпадает с Вашим?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Существенно отличается	103	11,5%
Не вполне совпадает	194	21,8%
Совпадает	259	28,9%
Нет ответа	338	37,8%
Итого:	894 ⁵²⁴	100%

Таблица 23. Наличие стремления избежать обсуждения данного вопроса в случае наличия расхождений во взглядах (Вопрос 19а: Если отличается, то есть ли у Вас стремление избегать этой темы при разговоре?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Нет стремления	44	14,9%
Не вполне есть стремление	62	20,9%
Немного есть стремление	66	22,3%
Неприменно есть стремление	109	36,8%
Нет ответа	15	5,1%
Итого:	296 ⁵²⁵	100%

Таблица 24. Наличие в семье браков с *бэньшэнжэнь* (Вопрос 20: Вы или кто-то из Ваших родственников вступал в брак с *бэньшэнжэнь*?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Есть	103	83,1%
Нет	21	16,9%
Итого:	124 ⁵²⁶	100%

Таблица 25. Положение в обществе *бэньшэнжэнь* из круга общения респондента по сравнению с его положением (Вопрос 21: Как Вам кажется, социальное положение *бэньшэнжэнь*, с которыми Вы общаетесь, лучше, хуже, или примерно одинаковое с Вашим?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Лучше	11	9,4%
Почти одинаковое	101	80,9%
Хуже	2	1,6%
Нет ответа	10	8,1%
Итого:	124 ⁵²⁷	100%

⁵²⁴ Данный вопрос задавался лишь тем, кто при ответе на Вопрос 12 выбрал «*бэньшэнжэнь хакка*», «*бэньшэнжэнь хокло*», «представитель аборигенных народностей», но за исключением тех, кто при ответе на Вопрос 18 выбрал «не общался с *вайшэнжэнь*»

⁵²⁵ Данный вопрос задавался лишь тем, кто при ответе на Вопрос 19 выбрал «совершенно разные» и «не вполне совпадают».

⁵²⁶ Данный вопрос задавался лишь тем, кто при ответе на Вопрос 12 выбрал «*вайшэнжэнь*».

⁵²⁷ То же, что и в предыдущем примечании.

Таблица 26. Мнение респондента относительно его худшего положения по сравнению с *бэньшэнжэнь* в связи с недостаточной заботой о *вайшэнжэнь* со стороны правительства (Вопрос 21а: Как Вы считаете, социальное положение этих *бэньшэнжэнь* лучше Вашего потому, что правительство проявляет недостаточную заботу о *вайшэнжэнь*?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Да	3	27,3%
Нет	8	72,7%
Итого:	11 ⁵²⁸	100%

Таблица 27. Схожесть мнений респондента и *бэньшэнжэнь* из его круга общения по вопросу о будущем объединении Тайваня с материковым Китаем или его независимости (Вопрос 22: Как Вам кажется, что касается вопроса о будущем объединении Тайваня с материковым Китаем или его независимости, мнение *бэньшэнжэнь*, с которыми Вы обычно общаетесь, совпадает с Вашим? Оно существенно отличается, не вполне совпадает или совпадает с Вашим?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Существенно отличается	6	5,1%
Не вполне совпадает	27	21,4%
Совпадает	56	45,3%
Нет ответа	35	28,2%
Итого:	124 ⁵²⁹	100%

Таблица 28. Наличие стремления избежать обсуждения данного вопроса в случае расхождения во мнениях (Вопрос 22а: Если отличается, то есть ли у Вас стремление избегать этой темы при разговоре?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Нет стремления	4	11,1%
Не вполне есть стремление	7	22,0%
Немного есть стремление	9	28,6%
Непременно есть стремление	12	36,0%
Нет ответа	1	2,2%
Итого:	33 ⁵³⁰	100%

Таблица 29. Отнесение себя к «тайваньцам», «китайцам» или «и тем, и другим» (Вопрос 23: В нашем обществе некоторые называют себя «тайваньцами», некоторые – «китайцами», а некоторые – «и теми, и другими». Кем Вы себя считаете?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Тайваньцы	449	41,5%
И те, и другие	513	47,4%
Китайцы	70	6,4%
Нет ответа	50	4,6%
Итого:	1082	100%

⁵²⁸ Данный вопрос задавался лишь тем, кто при ответе на Вопрос 19 выбрал «лучше».

⁵²⁹ То же, что и в примечании 529.

⁵³⁰ Данный вопрос задавался лишь тем, кто при ответе на Вопрос 22 выбрал «совершенно разные» и «не вполне совпадают».

Таблица 23а. Отнесение себя к «тайваньцам», «китайцам» или «и тем, и другим» (Вопрос 23: В нашем обществе некоторые называют себя «тайваньцами», некоторые – «китайцами», а некоторые – «и теми, и другими». Кем Вы себя считаете?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Тайваньцы	776	52,8%
И те, и другие	608	41,4%
Китайцы	39	2,7%
Нет ответа	46	3,1%
Итого:	1470	100%

Таблица 24а. Позиция по вопросу статуса Тайваня в отношениях с материковым Китаем (Вопрос 24: Что касается отношений между Тайванем и материковым Китаем, существуют следующие точки зрения: 1) объединение как можно скорее; 2) объявление независимости; 3) статус-кво, затем объединение; 4) статус-кво, затем объявление независимости; 5) статус-кво, затем принятие решения в зависимости от обстоятельств; 6) сохранение статус-кво навсегда. Какую точку зрения Вы поддерживаете?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Объединение как можно скорее	20	1,4%
Статус-кво, затем объединение	143	9,7%
Статус-кво, затем принятие решения в зависимости от обстоятельств	547	37,2%
Сохранение статус-кво навсегда	300	20,4%
Статус-кво, затем независимость	209	14,2%
Независимость как можно скорее	131	8,9%
Нет ответа	120	8,2%
Итого:	1470	100%

Таблица 25а. Мнение относительно вероятности вооруженной атаки КНР на Тайвань в случае провозглашения последним независимости (Вопрос 25: Как Вы считаете, в случае провозглашения Тайванем независимости, произойдет ли вооруженная атака на остров со стороны материкового Китая?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Обязательно произойдет	214	14,6%
Возможно, произойдет	348	23,7%
Не вполне вероятно	403	27,4%
Ни в коем случае не произойдет	262	17,8%
Нет ответа	243	16,5%
Итого:	1470	100%

Таблица 26а. Возможные действия респондента в случае начала войны между Тайванем и КНР (Вопрос 26: Если между Тайванем и материковым Китаем начнется война, какие действия Вы предпримете?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Буду действовать в соответствии с естественным ходом развития событий	366	24,9%
Поддержу решение правительства	95	6,4%
Капитулирую	23	1,6%
Сбегу, уеду за границу	203	13,8%
Пойду в армию	152	10,4%
Буду оказывать сопротивление	207	14,1%
Буду ждать гибели	39	2,7%
Приму участие в мирных переговорах от имени правительства	4	0,3%
Буду искать поддержки у международного сообщества	2	0,2%
Спрячусь	32	2,2%
Нет ответа	347	23,6%
Итого:	1470	100%

Таблица 30. Партия, за кандидата от которой респондент голосовал на выборах в Законодательный Юань 2004 г. (Вопрос 31: За кандидата от какой партии Вы голосовали во время выборов в Законодательный Юань 2004 г.?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Гоминьдан	264	24,4%
ДПП	189	17,5%
Новая партия	7	0,6%
Партия сближения с народом	22	2,0%
Союз солидарности Тайваня	4	0,4%
Союз солидарности беспартийных	3	0,3%
Беспартийный кандидат	10	1,0%
Не голосовал	260	24,1%
Испортил бюллетень	7	0,6%
В то время не обладал избирательным правом	31	2,7%
Нет ответа	285	26,3%
Итого:	1082	100%

Таблица 27а. Партия, за кандидата от которой респондент голосовал на выборах в Законодательный Юань 2008 г. (Вопрос 27: За кандидата от какой партии Вы голосовали во время выборов в Законодательный Юань 2008 г.?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Гоминьдан	517	35,2%
ДПП	311	21,2%
Новая партия	1	0,1%
Партия сближения с народом	4	0,3%
Союз солидарности Тайваня	6	0,4%
Союз солидарности беспартийных	6	0,4%
Беспартийный кандидат	16	1,1%
Зеленая партия	4	0,2%
Партия общества третьей силы	1	0,1%
Красная партия	0	0,0%
Гражданская партия	1	0,1%
Не помню	39	2,7%
В то время не обладал избирательным правом	5	0,3%
Не ходил на выборы	406	27,7%
Испортил бюллетень	19	1,3%
Нет ответа	133	9,1%
Итого:	1470	100%

Таблица 28а. Партия, за кандидата от которой респондент голосовал на выборах в Законодательный Юань 2004 г. (Вопрос 28⁵³¹: За кандидата от какой партии Вы голосовали во время выборов в Законодательный Юань 2004 г.?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Гоминьдан	379	25,8%
ДПП	404	27,6%
Новая партия	6	0,4%
Партия сближения с народом	11	0,8%
Союз солидарности Тайваня	11	0,8%
Союз солидарности беспартийных	1	0,1%
Беспартийный кандидат	10	0,7%
Не помню	216	14,8%
В то время не обладал избирательным правом	65	4,4%
Не ходил на выборы	274	18,7%
Испортил бюллетень	7	0,5%
Нет ответа	81	5,5%
Итого:	1465	100%

⁵³¹ Данный вопрос задавался всем, кроме тех, кто при ответе на Вопрос 27 выбрал «в то время не обладал избирательным правом».

Таблица 31. Кандидаты, за которых респондент голосовал на президентских выборах 2004 г. (Вопрос 32: За кого из кандидатов Вы голосовали во время президентских выборов 2004 г.?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Чэнь Шуйбянь, Люй Сюлянь (ДПП)	292	27,0%
Лянь Чжань, Сун Чуюй (ГМД)	371	34,3%
Не голосовал	229	21,2%
Испортил бюллетень	20	1,8%
В то время не обладал избирательным правом	36	3,4%
Нет ответа	134	12,3%
Итого:	1082	100%

Таблица 29а. Кандидаты, за которых респондент проголосовал бы на президентских выборах 2008 г. (Вопрос 29: Если бы завтра проводились президентские выборы, за кого бы Вы проголосовали – Ма Инцзю или Се Чантин?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Се Чантин, Су Чжэньчан (ДПП)	355	24,1%
Ма Инцзю, Сяо Ваньчан (ГМД)	650	44,2%
Еще не решил	229	15,6%
Не пойду на выборы	142	9,7%
Испорчу бюллетень	11	0,8%
Нет ответа	84	5,7%
Итого:	1470	100%

Таблица 30а. Кандидаты, за которых респондент голосовал на президентских выборах 2004 г. (Вопрос 30: За кого из кандидатов Вы голосовали во время президентских выборов 2004 г.?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Чэнь Шуйбянь, Люй Сюлянь (ДПП)	531	36,2%
Лянь Чжань, Сун Чуюй (ГМД)	453	30,9%
Не помню	74	5,0%
В то время не обладал избирательным правом	75	5,1%
Не голосовал	254	17,3%
Испортил бюллетень	15	1,0%
Нет ответа	64	4,4%
Итого:	1465	100%

Таблица 32. Кандидаты, за которых респондент голосовал на президентских выборах 2000 г. (Вопрос 33: За кого из кандидатов Вы голосовали во время президентских выборов 2000 г.?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Сун Чуюй, Чжан Шаосюн	114	10,5%
Лянь Чжань, Сяо Ваньчан	206	19,1%
Ли Ао, Фэн Хусян	2	0,2%
Сюй Синьян, Чжу Хуэйлян	1	0,1%
Чэнь Шуйбянь, Люй Сюлянь	292	27,0%
Не голосовал	150	13,8%
Испортил бюллетень	12	1,1%
В то время не обладал избирательным правом	101	9,4%
Нет ответа	203	18,8%
Итого:	1082	100%

Таблица 33. Партийные симпатии (Вопрос 24: Кого Вы поддерживаете из следующих партий: Гоминьдан, ДПП, Новая партия, Партия сближения с народом, Союз солидарности Тайваня?); Вопрос 24а: Какова степень Вашей поддержки этой партии (крайняя или обычная)?; Вопрос 24b: К поддержке какой партии Вы склоняетесь: Гоминьдан, ДПП, Новая партия, Партия сближения с народом, Союз солидарности Тайваня или ни к одной из перечисленных?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Гоминьдан	333	30,7%
ДПП	196	18,1%
Новая партия	10	1,0%
Партия сближения с народом	21	1,9%
Союз солидарности Тайваня	16	1,5%
Позиция нейтралитета и «в зависимости от обстановки»	471	43,5%
Нет ответа и другие партии	36	3,3%
Итого:	1082	100%

Таблица 31а. Партийные симпатии (Вопрос 31: Кого Вы поддерживаете из следующих партий: Гоминьдан, ДПП, Новая партия, Партия сближения с народом, Союз солидарности Тайваня?); Вопрос 32: Какова степень Вашей поддержки этой партии (крайняя или обычная)?; Вопрос 33: К поддержке какой партии Вы склоняетесь: Гоминьдан, ДПП, Новая партия, Партия сближения с народом, Союз солидарности Тайваня или ни к одной из перечисленных?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Гоминьдан	521	35,4%
ДПП	352	23,9%
Новая партия	39	2,6%
Партия сближения с народом	29	2,0%
Союз солидарности Тайваня	37	2,5%
Позиция нейтралитета и «в зависимости от обстановки»	459	31,2%
Нет ответа и другие партии	34	2,3%
Итого:	1470	100%

Таблица 34. Степень поддержки той или иной партии (Вопрос 24: Кого Вы поддерживаете из следующих партий: Гоминьдан, ДПП, Новая партия, Партия сближения с народом, Союз солидарности Тайваня?); Вопрос 24а: Какова степень Вашей поддержки этой партии (крайняя или обычная)?; Вопрос 24б: К поддержке какой партии Вы склоняетесь: Гоминьдан, ДПП, Новая партия, Партия сближения с народом, Союз солидарности Тайваня или ни к одной из перечисленных?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Крайняя поддержка Гоминьдана	102	9,4%
Поддержка Гоминьдана	195	18,0%
Склонность к поддержке Гоминьдана	36	3,3%
Крайняя поддержка ДПП	72	6,7%
Поддержка ДПП	88	8,1%
Склонность к поддержке ДПП	36	3,3%
Крайняя поддержка Новой партии	5	0,5%
Поддержка Новой партии	5	0,4%
Склонность к поддержке Новой партии	1	0,1%
Крайняя поддержка Партии сближения с народом	10	0,9%
Поддержка Партии сближения с народом	9	0,9%
Склонность к поддержке Партии сближения с народом	2	0,1%
Крайняя поддержка ССТ	3	0,2%
Поддержка ССТ	10	1,0%
Склонность к поддержке ССТ	3	0,3%
Позиция нейтралитета и поддержка других партий	507	46,8%
Итого:	1082	100%

Таблица 32а. Степень поддержки той или иной партии ((Вопрос 31: Кого Вы поддерживаете из следующих партий: Гоминьдан, ДПП, Новая партия, Партия сближения с народом, Союз солидарности Тайваня?); Вопрос 32: Какова степень Вашей поддержки этой партии (крайняя или обычная)?; Вопрос 33: К поддержке какой партии Вы склоняетесь: Гоминьдан, ДПП, Новая партия, Партия сближения с народом, Союз солидарности Тайваня или ни к одной из перечисленных?)

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Крайняя поддержка Гоминьдана	191	13,0%
Поддержка Гоминьдана	302	20,6%
Склонность к поддержке Гоминьдана	27	1,8%
Крайняя поддержка ДПП	143	9,8%
Поддержка ДПП	189	12,8%
Склонность к поддержке ДПП	20	1,3%
Крайняя поддержка Новой партии	15	1,0%
Поддержка Новой партии	24	1,6%
Склонность к поддержке Новой партии	0	0,0%
Крайняя поддержка Партии сближения с народом	11	0,8%
Поддержка Партии сближения с народом	18	1,2%
Склонность к поддержке Партии сближения с народом	0	0,0%
Крайняя поддержка ССТ	5	0,3%
Поддержка ССТ	31	2,1%
Склонность к поддержке ССТ	1	0,1%
Позиция нейтралитета и нет ответа	493	33,5%
Итого:	1470	100%

Таблица 35. Язык общения во время телефонного интервью.

Ответ	Количество человек	Процентное соотношение
Государственный язык	866	80,0%
Южнофуцзяньский диалект	138	12,7%
Государственный язык и южнофуцзяньский диалект	76	7,1%
Южнофуцзяньский диалект и наречие <i>хакка</i>	2	0,2%
Итого:	1082	100%